

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т. 2. № 1 2016

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2016

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
SCHOOL OF PUBLIC POLICY

SHAGI

/STEPS

Vol. 2.No. 1 2016

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moscow
2016

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (зам. главного редактора)

М. И. Байдуж (зав. редакцией)

Н. П. Гринцер (куратор направления «Античная культура»)

М. А. Кронгауз (куратор направления «Социоллингвистика»)

М. Л. Майофис (куратор направления «Историко-культурные исследования»)

Д. С. Николаев (координатор редакции)

В. Ф. Спиридонов (куратор направления «Когнитивные исследования»)

Н. Ю. Чалисова (куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание»)

Е. П. Шумилова (координатор издательских программ ШАГИ)

Редакционная коллегия

Х. Баран, Университет Олбани (США)

Н. Б. Вахтин, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Л. М. Ермакова, Университет иностранных языков города Кобе (Япония)

А. Л. Зорин, Оксфордский университет (Великобритания); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

С. Э. Зувев, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

С. А. Иванов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия)

К. Келли, Оксфордский университет (Великобритания)

А. А. Кибрик, Институт языкознания РАН (Россия)

С. Ловелл, Лондонский университет, Кингс Колледж (Великобритания)

В. А. Мау, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

Ю. Л. Слёзкин, Калифорнийский университет в Беркли (США)

Т. В. Черниговская, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

А. Шёнле, Лондонский университет королевы Марии (Великобритания)

Editor-in-Chief

S. Yu. Nekliudov (Responsible for Theoretical Folklore Studies Section)

Editorial Team

M. V. Akhmetova (Deputy Editor-in-Chief)

M. I. Baiduzh (Editorial Staff Manager)

N. Yu. Chalisova (Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistics Section)

N. P. Grintser (Responsible for Antique Culture Section)

M. A. Krongauz (Responsible for Sociolinguistics Section)

M. L. Maiofis (Responsible for Historical and Cultural Studies Section)

D. S. Nikolaev (Responsible for Philology) (Editorial Coordinator)

E. P. Shumilova (Coordinator of Publication Programs of the School for Advanced Studies in the Humanities)

V. F. Spiridonov (Responsible for Cognitive Studies Section)

Editorial Board

H. Baran, University at Albany, State University of New York (USA)

T. V. Chernigovskaya, St. Petersburg State University (Russia)

L. M. Ermakova, Kobe City University of Foreign Studies (Japan)

S. A. Ivanov, National Research University “Higher School of Economy” (Russia)

C. Kelly, University of Oxford (Great Britain)

A. A. Kibrik, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia)

S. Lowell, University of London, King’s College (Great Britain)

V. A. Mau, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Yu. Slezkine, The University of California, Berkeley (USA)

A. Schönle, Queen Mary University of London (Great Britain)

N. B. Vakhtin, European University at St. Petersburg (Russia)

A. L. Zorin, University of Oxford (Great Britain); The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

S. E. Zuev, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

1939 год в СССР: самосознание переходной эпохи

- М. Л. МАЙОФИС, И. В. КУКУЛИН. От составителей раздела
«1939 год в СССР: самосознание переходной эпохи» 7
- О. Л. ЛЕЙБОВИЧ. «Война на западе уже началась...»: разговоры 1939 г.
в бараках, тюрьмах и очередях 14
- Е. Ю. МИХАЙЛИК. Время «Кольмских рассказов». 1939 — год, которого нет 28
- М. Л. МАЙОФИС. «В помощь решению высшего командования»: о рождении «оттепельной» *общественности* из духа 1939 года 44
- В. Г. БАСС. Архитектура для внутреннего и наружного употребления: советский павильон на нью-йоркской выставке 1939 г. и ансамбль ВСХВ 82

Городская информатика и цифровая антропология

- Е. Г. ЛАПИНА-КРАТАСЮК, О. Н. ЗАПОРОЖЕЦ. Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного о любви к человеку 103
- А. Г. ВОЗЬЯНОВ. Возможности как проблема: об одном опыте «дигитализированного» самонаблюдения информантов 114
- П. В. КОЛОЗАРИДИ, А. В. ИЛЬИН. Мессенджеры в городской среде: гибридные формы и новые практики 127
- О. В. МОРОЗ. Современные медиа как свидетель: российский опыт (само)описания сообщества 139

Обнинский проект: между полем и «цифрой»

- Г. А. ОРЛОВА. Собирая проект 154
- Р. И. ХАНДОЖКО. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов 167
- Г. А. ОРЛОВА. Со-авторизация, но не соавторство: приключения транскрипта в цифровую эпоху 200

Varia

- П. В. РЕЗВЫХ. «День Господень грядет»: христианская утопия пастора Зедегольма 224

ЮБИЛЕИ

- Сергею Юрьевичу Неклюдову — 75 лет 238

РЕЦЕНЗИИ

- А. Л. ГЛУШАЕВ. «Они более, чем мужчины...» 239

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- З. С. ВАСИЛЬЕВА, А. Л. ЗОРИН, А. К. КАСАТКИНА, Е. С. КОЧУХОВА, Р. И. ХАНДОЖКО. Международная конференция «Локальные политики большой науки: человек и социальные порядки производства знания в позднем СССР» 246
- Ю. В. ЕПАНОВА. Городские медиаисследования, мобильность и «сетевой индивидуализм» 257

CONTENTS

ARTICLES

1939 in the USSR: Self-awareness of a transitional epoch

- M. L. MAIOFIS, I. V. KUKULIN. 1939 in the USSR: Self-awareness of a transitional epoch: From the guest editors 7
- O. L. LEIBOVICH. “The war in West has already started...”: Conversations in 1939 in the barracks, prisons and queues 14
- E. Iu. MIKHAILIK. Time in “Kolyma Tales”. 1939 — the year that wasn’t there 28
- M. L. MAIOFIS. “In assistance to decisions of the high command”: Birth of the “Thaw” period community (*obshchestvennost’*) from the spirit of 1939 44
- V. G. BASS. Architecture for internal and external use: The Soviet pavilion at the 1939 New York World’s Fair and the All-Union Agricultural Exhibition 82

Urban informatics and digital anthropology

- E. G. LAPINA-KRATASIUK, O. N. ZAPOROZHETS. Digital codes of Russian cities: Connections, disruptions and a few words about love for the human being 103
- A. G. VOZ’IANOV. Affordances as a problem: One case of digitalized collective self-observation 114
- P. V. KOLOZARIDI, A. V. ILIN. Messengers in the urban environment: Hybrid forms and new practices 127
- O. V. MOROZ. Contemporary media as witness: The Russian experience of a community’s (self) description 139

Obninsk project: Between fieldwork and digital scholarship

- G. A. ORLOVA. Foreword to the cluster: Assembling the project 154
- R. I. KHANDOZHKO. Territory of political anomaly: Party life in a Soviet atomic city in the 1950s–1960s 167
- G. A. ORLOVA. Co-authorization, not co-authorship: The adventures of transcript in the digital age 200

Varia

- P. V. REZVYKH. “The day of the Lord cometh”: A Christian utopia by pastor Sederholm 224

JUBILEES

- The 75th Anniversary of Sergei Yurievich Nekliudov 238

REVIEWS

- A. L. GLUSHAEV. “They, more than the men...” 239

ACADEMIC LIFE

- Z. S. VASILYEVA, A. L. ZORIN, A. K. KASATKINA, E. S. KOCHUKHOVA, R. I. KHANDOZHKO. International conference “The local politics of big science: The human being and social orders of knowledge production in the late USSR” 246
- Iu. V. EPANOVA. Urban media studies, mobility and “networked individualism” 257

М. Л. МАЙОФИС, И. В. КУКУЛИН

Майофис Мария Львовна

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,*

*Лаборатория историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС
доцент, Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82*

Тел.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: mayofis-ml@ranepa.ru

Кукулин Илья Владимирович

*кандидат филологических наук
доцент, Школа культурологии,*

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

старший научный сотрудник,

*Международный центр истории и социологии
Второй мировой войны и ее последствий, НИУ ВШЭ
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4*

Тел.: +7 (495) 772-95-90

старший научный сотрудник,

*Лаборатория историко-культурных исследований, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82*

Тел.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ikukulin@hse.ru

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ РАЗДЕЛА «1939 ГОД В СССР: САМОСОЗНАНИЕ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ»

Аннотация. В этом введении объясняются задачи раздела «1939 год в СССР: самосознание переходной эпохи». Обсуждаются значимые для этого периода различия в социальном восприятии исторического времени между обществами СССР, странами Западной Европы и США. В СССР 1939 год стал временем, окрашенным не только предвосхищением будущей войны, но и переживанием уже произошедшей в стране социально-антропологической катастрофы — Большого террора. Рассмотрение особенностей исторического воображения, характерных для советского общества 1939 г., позволяет уточнить некоторые концепции, касающиеся представлений о будущем в обществах, переживающих кризис.

Ключевые слова: 1939 год, Большой террор, международная история, воображение будущего

Тридцатого апреля 1939 г. в Нью-Йорке с помпой открылась очередная Всемирная выставка. Одним из первых же ее событий стало публичное погружение в шахту на глубину 15 м «капсулы времени», изготовленной компанией «Вестингауз». В двух с половиной метровый цилиндр были помещены микрофильмы с книгами Эйнштейна, Томаса Манна и других знаменитостей того времени, номер журнала «Life», кукла-пупс, семена сельскохозяйственных растений, мелкие монеты США — все, что представляло, по мнению изготовителей капсулы, современную жизнь в стране, а отчасти и в «западном» мире в целом. На месте захоронения была установлена стела с надписью, призывающей извлечь «капсулу времени» в 6939 г. — через пять тысяч лет после того, как она была изготовлена¹.

Хотя «капсула времени» была спроектирована в предыдущем году, само это событие очень характерно для 1939-го. В атмосфере все более явно надвигавшейся войны люди в разных странах напряженно думали о будущем, пытались угадать контуры наступающих изменений и особенности новой эпохи.

Пожалуй, наиболее точное название 1939 году дал британский журналист Роберт Ки — «мир, который мы оставили позади» [Кее 1985]. Лишь ретроспективно можно увидеть, какие проявившиеся тогда тенденции получили развитие, а какие были быстро и бесповоротно похоронены начавшейся войной.

В истории Европы 1939 год чаще всего описывается как преддверие катастрофы. Объемистый том по международной истории 1930-х годов, написанный Зарой Стейнер, назван «Торжество тьмы» [Steiner 2011] (ср. также аналогичную исследовательскую оптику в книге [Overy 2009]). Однако из сегодняшнего дня видно, что в этом году «Много завязалось / Новых узелков» (цитата из стихотворения В. Г. Бенедиктова «На новый 1857-й»).

26 января на конференции по теоретической физике в Вашингтоне Нильс Бор впервые публично сообщил об открытии деления ядра урана (событие стало отправной точкой для создания атомной бомбы и атомных электростанций). 9 апреля в том же городе состоялся концерт темнокожей певицы Мариан Андерсон. Члены консервативной организации «Дочери Американской революции» не разрешили Андерсон выступить в зале Линкольновского мемориала, и она была вынуждена петь прямо с его ступеней. Расистов в газетах открыто сравнивали с германскими нацистами.

Раздел подготовлен на основе докладов, прочитанных на секции «Европа, 1939: начало нового исторического цикла?» XXII Международного симпозиума «Пути России. Война и мир» (27–28 марта 2015 г., Московская Высшая школа социальных и экономических наук).

¹ Это была вторая «капсула времени» в истории США: первая была торжественно зарыта в 1900 г. в Детройте. 1900 год многие воспринимали как знак перелома времен. Еще несколько капсул было размещено под землей в 1960-е годы. Подробнее см.: [Jarvis 2003].

Организаторов концерта публично поддержали первые лица государства — и с этого момента, как полагают историки, в истории афроамериканского населения и его борьбы за свои права в США началась новая эпоха [Harris, Terborg-Penn 2006].

Стремительное развитие националистических и ксенофобских движений в Восточной Европе положило начало конфликтам, которые сотрясали этот регион на протяжении нескольких десятилетий и продолжают до сих пор отзываться болезненными социальными напряжениями [Gross 1997; Pittaway 2004].

В историографии СССР и в мемуаристике 1939-й интерпретируется и как «обычный» год Большого террора [Чегодаева 2001], и как краткий период его временного ослабления (о том, что массовые аресты, как казалось в 1939-м, подошли к концу, писали мемуаристы в диапазоне от Виктора Кравченко до Лилианы Лунгиной), и как время подготовки страны к европейской войне, предполагаемые противники в которой, впрочем, все время менялись [Кен 2003]², и как период насаждения новой официальной идеологии, изложенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)» [Brandenberger 2011]. Но все авторы так или иначе связывают особенности общественной атмосферы с начавшимися прежде государственными репрессиями и политическим курсом на изоляцию страны от внешнего мира.

Для советского общества 1939 год, в отличие от стран Европы, оказался не финалом относительного благополучия перед началом «обвала», но временем осмысления уже пережитой катастрофы или привыкания к жизни в условиях максимального отчуждения и постоянного унижения³. Эти модусы существования оказывали существенное влияние и на прогнозирование будущего.

Задача предлагаемой подборки статей — выявить, как представители разных социальных групп и отдельные акторы в СССР 1939 г. пытались осмыслить специфику исторического момента. В целом статьи подготовленного нами раздела позволяют увидеть 1939 год не только как переходный, но и как имеющий собственное социальное и культурное содержание.

Работа **О. Л. Лейбовича** демонстрирует, что между «волей» и тюрьмой в 1939 г., как это ни парадоксально, почти не было информационных преград. Однако, в отличие от «обычных» граждан западных стран, надеявшихся на благоразумие своих и чужих правителей, у обитателей советских бараков и тюрем особых иллюзий не было: говоря о будущем, они ждали голода и войны, а обсуждая настоящее, пытались вычислить подлинный масштаб потерь на «незнаменитой» войне с Финляндией — и приводили,

² См. русский оригинал статьи О. Кена: [http://www.olegken.ru/work/hid/article/Covetskaya_politika_v_dvuh_izmereniyah_\(2003\).pdf](http://www.olegken.ru/work/hid/article/Covetskaya_politika_v_dvuh_izmereniyah_(2003).pdf).

³ Характерно, что именно в 1939 г. Д. Хармс написал повесть «Старуха», а Л. Чуковская начала работу над повестью «Софья Петровна» — эти два произведения впервые находили адекватный язык для выражения тотального страха и чувства абсурдности происходящего.

судя по всему, более или менее адекватные цифры для первых месяцев этой кампании⁴. Статья Лейбовича показывает, что информация о тотальной или почти тотальной индоктринированности советского общества того времени не соответствует действительности, и косвенно подтверждает выводы Д. Бранденбергера о том, что советская пропаганда была в целом не слишком успешной.

Впрочем, «острова» ГУЛАГа были гораздо больше отделены от повседневной жизни, чем тюрьмы. **Е. Ю. Михайлик** в своей статье показывает: в 1939 г. ГУЛАГ был окончательно конституирован как институт организованного рабского труда, а в прозе Варлама Шаламова этот год впоследствии был описан как первый «типичный» год «архипелага», претерпевшего внутреннюю нормализацию и, казалось бы, полностью обрубившего контакты с «внешней» историей.

М. Л. Майофис анализирует уникальную попытку военного эксперта и активиста-«общественника» Бориса Журина изобрести и распространить в 1939 г. механизмы искусственного поддержания горизонтальных социальных связей в обществе, обезглавленном и обескровленном маховиком Большого террора. Как ни странно, проекту Журина оказалась суждена относительно долгая жизнь — он повлиял даже на образовательную политику времен «оттепели»; этот проект как раз был «новым узелком», «завязавшимся» в СССР, хотя и имел сугубо локальное значение.

В. Г. Басс обсуждает, как архитекторы в автаркическом советском обществе вписывали СССР в международные тренды развития (представленные на уже упомянутой Всемирной выставке в Нью-Йорке), одновременно удерживая на символическом уровне разрыв между всем остальным миром и Советским Союзом как пространством уже сбывшейся утопии. Другие герои его статьи — проектировщики нового центра Ленинграда — представляли СССР как локус торжества классической традиции. И те и другие стремились словно бы отменить течение исторического времени средствами архитектуры и дизайна. В этом ощущении исторического «вневременья» проектировщики 1939 г. парадоксально перекликались с заключенными из позднейшей прозы Шаламова.

В целом статьи раздела показывают два модуса восприятия времени в советском 1939-м: отсутствие истории — и, напротив, ее навязчивое и очень болезненное присутствие в повседневной жизни. В первом случае планирование будущего оказывалось бессмысленным, во втором — стоическим и почти безнадежным.

---

⁴ Один из героев статьи О. Л. Лейбовича говорил, согласно донесениям стукача: «...на Финском фронте творится что-то ужасное, овраги завалены трупами красноармейцев, одних только танков потеряно 200 штук». По сегодняшним данным, финские солдаты уничтожили во время советско-финской войны 650 танков и подбили около 1800 [Кривошеев 2001]. Потери советской армии (если включать в это число умерших от ран и от обморожения), по некоторым оценкам, могут достигать до 391,8 тыс. человек [Цыганок 2006].

Философ Эрнст Блох писал: «В тех случаях, когда видимость на [историческом] горизонте ограничена, действительность является только как ставшая, как мертвая <...> Но там, где горизонт прозрачен и проглядываем, действительность является тем, чем она есть конкретно: переплетением путей диалектических процессов, происходящих в неготовом мире» [Блох 1991: 79]. Самосознание эпохи, выявленное и запечатленное во всех статьях этого раздела, дает нам увидеть, что эта антиномия может быть «разомкнута», или, по крайней мере, что из установленного Блохом правила есть серьезные исключения. «Видимость» на историческом горизонте СССР в 1939 г. была минимальной. Одни действующие лица эпохи могли выбирать — и выбирали — между восприятием мира как «готового» и незаконченного, пронизанного токами становления, а другие (доходяги в лагерях) не могли строить никаких историософских схем, так как были озабочены только проблемами выживания. В любом случае сегодняшний ретроспективный взгляд показывает всю динамичность «мира, который мы оставили позади».

Литература

- Блох 1991 — Блох Э. Принцип надежды / Пер. с нем. Л. Лисюткиной // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 49–79.
- Кривошеев 2001 — Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
- Цыганок 2006 — Цыганок А. Мифы и правда о Советско-финляндской войне // Полит.ру. 2006, 8 февр. URL: <http://polit.ru/article/2006/02/08/finn>.
- Чегодаева 2001 — Чегодаева М. Два лика времени. 1939: один год сталинской эпохи. М.: Аграф, 2001.
- Brandenberger 2011 — Brandenberger D. Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. New Haven: Yale Univ. Press, 2011.
- Gross 1997 — Gross J. War as revolution // The establishment of Communist regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / Ed. by N. Naimark, L. Gibianski. Boulder: Westview Press, 1997. P. 17–40.
- Harris, Terborg-Penn 2006 — The Columbia guide to African American History since 1939 / Ed. by R. L. Harris Jr., R. Terborg-Penn. New York: Columbia Univ. Press, 2006.
- Jarvis 2003 — Jarvis W. E. Time capsules: A cultural history. Jefferson, N.C.: McFarland & Co, 2003.
- Kee 1985 — Kee R. The world we left behind: A chronicle of the year 1939. London; Sydney: Sphere Books Ltd., 1985.
- Ken 2003 — Ken O. Le double aspect de la stratégie soviétique en Europe centrale et orientale 1925–1939 // Communisme. No. 74/75. 2003. P. 45–70.
- Overy 2009 — Overy R. 1939. Countdown to War. New York: Viking, 2009.
- Pittaway 2004 — Pittaway M. Eastern Europe 1939–2000. London: Arnold, 2004.
- Steiner 2011 — Steiner Z. The triumph of the dark: European international history 1933–1939. New York: Oxford Univ. Press, 2011.

1939 IN THE USSR: SELF-AWARENESS OF A TRANSITIONAL EPOCH: FROM THE GUEST EDITORS

Maiofis, Maria L.

PhD (Candidate of Science in Philology)

Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor, Institute of Social Sciences, RANEPA

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: maiofis-ml@ranepa.ru

Kukulin, Ilya V.

PhD (Candidate of Science in Philology)

Associate Professor, School of Cultural Studies, National Research University "Higher School of Economics" (HSE)

Senior Researcher, International Center for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, HSE

Russia, 105066, Moscow, Staraja Basmanaia str., 21/4

Tel.: +7 (495) 772-95-90

Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ikukulin@hse.ru

Abstract: This introductory note explains the tasks of the section "1939 in the USSR: Self-awareness of a Transitional Epoch". It discusses significant differences in the social perception of historical time between Soviet, Eastern European and North-American societies. In the USSR, the year 1939 became an epoch colored not only with anticipation of the forthcoming war, but also with the stress of the social and anthropological catastrophe — the Great Terror — that had already engulfed the country. After considering the special traits of historical imagination characteristic for Soviet society in 1939, we are able to define more exactly certain analytical constructs that are relevant to notions of the future in societies going through a crisis.

Keywords: the year 1939, international history, the Great Terror, imagining the future

References

- Blokh, E. (1991). Printsip nadezhdy [The principle of hope] (Transl. by L. Lisiutkina from: Bloch, E. (1954–1959). *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt am Main: Sughkamp Verlag [a fragment]). In V. A. Chalikova (ed.). *Utopia i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoi literatury* [Utopia and utopian imagination: Anthology of foreign published works]. Moscow: Progress. (In Russian).
- Brandenberger, D. (2011). *Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Chegodaeva, M. (2001). *Dva lika vremeni. 1939: odin god stalinskoi epokhi* [Two faces of a time. 1939: one year of Stalin's epoch]. Moscow: Agraf. (In Russian).
- Gross, J. (1997). War as revolution. In N. Naimark, L. Gibianski (eds.). *The establishment of Communist regimes in Eastern Europe, 1944–1949*, 17–40. Boulder: Westview Press.
- Harris Jr., R. L., Terborg-Penn, R. (eds.) (2006). *The Columbia guide to African American history since 1939*. New York: Columbia Univ. Press.
- Jarvis, W. E. (2003). *Time capsules: A cultural history*. Jefferson, N.C.: McFarland & Co.
- Kee, R. (1985). *The world we left behind: A chronicle of the year 1939*. London; Sydney: Sphere Books Ltd.
- Ken, O. (2003). Le double aspect de la stratégie soviétique en Europe centrale et orientale 1925–1939. *Communisme*, 74/75, 45–70. (In French).
- Krivosheev, G. F. (ed.) (2001). *Rossia i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Casualties of the armed forces. A statistical survey]. Moscow: OLMA-Press. (In Russian).
- Overy, R. (2009). *1939. Countdown to war*. New York: Viking.
- Pittaway, M. (2004). *Eastern Europe 1939–2000*. London: Arnold.
- Steiner, Z. (2011). *The triumph of the dark: European international history 1933–1939*. New York: Oxford Univ. Press.
- Tsyganok, A. (2006, February 8). Mify i pravda o Sovetsko-finliandskoi voine [Myths and truth on the Soviet-Finnish war]. *Polit.ru*. Retrieved from <http://polit.ru/article/2006/02/08/finn>. (In Russian).
- MAIOFIS, M. L., KUKULIN, I. V. (2016). 1939 IN THE USSR: SELF-AWARENESS OF A TRANSITIONAL EPOCH: FROM THE GUEST EDITORS. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 7–13

Олег Леонидович Лейбович
доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой
культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
Тел.: +7 (342) 212-09-90
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

«ВОЙНА НА ЗАПАДЕ УЖЕ НАЧАЛАСЬ...»: РАЗГОВОРЫ 1939 г. В БАРАКАХ, ТЮРЬМАХ И ОЧЕРЕДЯХ

Аннотация. Предметом исследования является реакция советского населения на международные события осенью–зимой 1939–1940 гг. На основании сводок и меморандумов местных отделов Управления НКВД по Пермской области делается попытка восстановить спектр мнений о коренном повороте советской внешней политики: поход на Запад, советско-финская война, сотрудничество с германским Рейхом. Автор стремится также рассмотреть оценки и суждения о начале большой европейской войны. Особое внимание в статье уделяется тюремным разговорам о войне.

Информационная блокада следственных изоляторов была неполной. Ждавшие приговора подсудимые были хорошо осведомлены о мировых событиях, обсуждали их друг с другом, высказывали резкие критические оценки новой советской внешней политики. На содержание тюремных дебатов о войне накладывала отпечаток атмосфера неопределенности: смесь надежды и отчаяния, усталости и разочарования, свойственная людям, более года содержавшимся в изоляторах НКВД, прошедшим через мучительное следствие с большими или меньшими нравственными потерями и постепенно освобождавшимся из-под морока «стокгольмского синдрома».

В рабочей среде активнее всего обсуждалась угроза советско-германского вооруженного конфликта. Высказывались предположения о том, что после разгрома Польши Гитлер двинется на Советский Союз. Люди сомневались в разумности решений высшего советского руководства, в способности советских вождей «переиграть» Гитлера, не верили успокоительным заявлениям В. М. Молотова об изобилии продуктов питания

в стране, запасалась сахаром, солью, спичками, мылом. В статье делается вывод, что Большой террор не смог уничтожить привычку советских граждан резонерствовать на политические темы.

Ключевые слова: СССР, 1939, рабочая среда, тюрьмы, Вторая мировая война, реакция населения, слухи, оценки, прогнозы

1

Исследуя историю советского общества, исследователь часто сталкивается с сюжетами, не поддающимися адекватной интерпретации на основе источников официального дискурса. Речь идет о маргинальных, на первый взгляд, речевых и поведенческих практиках. В сохранившихся документах они упоминаются редко, но это источниковедческое затруднение не является исчерпывающим аргументом в пользу того, что и в повседневной жизни они были исключительным явлением. Скупые заметки на полях властного нарратива — это только следы больших пластов повседневности. Зато они ведут историка туда, куда при других обстоятельствах он попасть не может: в курилку, в общий вагон, в барак и тюремную камеру — и позволяют подслушать разговоры между собой обычных советских граждан.

В следственных изоляторах НКВД практики общения не ограничивались обсуждениями исключительно бытовых тем. Арестанты разговаривали о прошлом, пересказывали друг другу прочитанные книги и даже обсуждали текущие события, в том числе начавшуюся в сентябре 1939 г. войну в Европе. Летом того же года в камерах слушали повествования о войнах ушедшей эпохи.

В агентурном донесении, поступившем в Пермский горотдел НКВД из местной тюрьмы, читаем, например, следующее:

Камера № 23. 2 июня 1939 года в эту камеру из гор. Кизела был заключенный ХАЛЯВКО Константин Романович, в беседе с ним (камерным осведомителем. — О. Л.) ХАЛЯВКО заявил, что он находится в заключении 20 месяцев, и он не хочет вести никаких разговоров в тюрьме, т. к. это все ему надоело. <...> «Я понимаю юридическую силу и моей и любой подписи, данной следователю, поэтому я не дурак и не подпишу ничего, и никому не советую так делать. Я в Кизеле 9 месяцев был посажен с урками и здесь в Перми, видимо, перейду в одиночку, но все равно ничего не подпишу». Потом разговор сам ХАЛЯВКО замял и заявил: «Все это старо и переговорено, давайте я Вам лучше расскажу историю Наполеона» (Агентурное донесение из Пермской тюрьмы в городской отдел НКВД о К. Р. Холявко (так в документе. — О. Л.). Июнь 1939 г. г. Пермь. Цит. по: [Лейбович 2004: 294])¹.

¹ В цитатах из архивных документов сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

Не хотелось бы создать ложное впечатление, что следственная тюрьма была каким-то подобием закрытого клуба, в котором под присмотром внутрикамерной агентуры (на следственном жаргоне — «наседок и колунов») сидельцы ведут неторопливые разговоры о днях минувших. Обстановка в тюрьмах хотя и была разной, но, как правило, к беседам на отвлеченные темы не располагала. В следственном изоляторе НКВД в Перми заключенные, размещенные в разных камерах, могли иногда разговаривать между собой через открытые форточки в дверях для передачи пищи, например, согласно допросу свидетеля, в ситуации, «когда часовой, шаги которого мы в камерах ясно слышали, спустился по лестнице на первый этаж» [Протокол 1955: Л. 111]². В то же время в переполненной Кунгурской тюрьме³ прокурорская проверка выявила «наличие вопиющего издевательства над арестованными со стороны начальника тюрьмы Шилова Н. А. Он допускал массовое необоснованное применение карцера, творя полнейший произвол, мародерство» [Гусаров 1938: Л. 17]. Так, во всяком случае, докладывал в ЦК секретарь Пермского обкома ВКП(б).

Внутри- и межкамерные разговоры велись между людьми, только что потерявшими всё: семью, работу, имя, даже биографию, — людьми, ожидавшими казни. Отчаяние сменялось надеждой — и снова отчаянием. В полной мере проявлял себя не открытый тогда еще «стокгольмский синдром». Бывший секретарь горкома так объяснял свои признания в контрреволюционной работе:

Я верил в орган, руководимый Ежовым. Для меня в то время была не «ежовщина», как об этом сейчас говорят, а Ежов, посланный на эту работу ЦК нашей партии. Я тогда не задумывался, почему все это происходит, и приходил к мысли: лес рубят (действительных врагов), щепки летят. Какая — большая или маленькая — я оказался такой щепкой. В конце концов, и привело меня к тому, о чем мне по-человечески говорил следователь. То, что делается, так видно это нужно [Борисов 1955: Л. 183].

Кто-то не только сдался, но даже стал подручным следователя, агитировал товарищей по несчастью признаться в не совершенных преступлениях. На допросе в 1955 г. (когда был запущен процесс реабилитации) бывший начальник отдела снабжения, в прошлом обвиняемый по «делу завода № 19», уже в статусе свидетеля вспоминал, как незадолго до рас-

---

² Свидетель К. И. Траут, допрос которого цитируется, далее давал понять, что такую «свободу дискуссий» организовал следователь, желавший добиться признательных показаний. Но не исключено, что здесь мы имеем дело с обычной нераспорядительностью, слабый дисциплиной, халатностью.

³ «На 18 ноября [1938 г.] вместо лимита в 140 человек содержится в тюрьме 769. (...) Основной перелимит идет за счет следственных, числящихся за органами НКВД» [Кривой 1938: Л. 9].

стрела заместитель директора завода В. Е. Орлов призывал «подписывать все, что напишет следователь и подтверждать все это, ибо на данном этапе такое мероприятие оправдывается партией». Ему возразил сокамерник свидетеля, инженер того же завода:

...Арестованный Концевич возмутился заявлением Орлова и Татко и сказал, что он считал Орлова умным человеком и не понимает, почему он говорит такую чушь [Протокол 1955: Л. 111–112].

Кто-то надеялся на пересмотр дела, замечая, что на допрос его приводят к новым людям, а бывшие следователи куда-то исчезли. Умудренным опытом арестантам было ясно, что стало с теми следователями, позволявшими себе матерную брань и рукоприкладство. На одном из допросов новый начальник областного управления НКВД выяснял у упрямого арестанта, почему тот написал областному прокурору, что следствие «от начала и до конца велось преступно, и почти все (...) следователи арестованы» [Протокол 1939b: Л. 226].

Впрочем, не все, кто продолжал сопротивление (часто оказывавшееся безнадежным), разделяли позицию К. Р. Халявко, в прошлом директора коксохимического завода в г. Губахе, что нет смысла обсуждать причины и смысл террористических практик, обращенных против партийных кадров, — все равно понять это невозможно, надо лишь стойко держаться. Привыкшие к рациональным объяснениям люди интеллигентного труда и в камере вели дискуссии о том, что произошло с партией и со страной. Бывший директор Пермского пединститута П. Г. Погожев показал на допросе:

В беседах с Далингер⁴ и Чугуновым⁵ мы обменивались мнениями о том, что о наших арестах надо сообщить Сталину. На основании чего я решил написать письмо Сталину, предполагая о том, что сидящие со мной в одной камере Далингер и Чугунов подпишут написанное мной заявление [Протокол 1939a: Л. 117об]⁶.

---

⁴ В. Я. Далингер — до ареста технический директор завода № 10 им. Дзержинского (Пермь), обвиненный в принадлежности к «контрреволюционной террористической правотроцкистской организации» (был на хорошем счету у бывших руководителей Свердловской области) и во вредительстве. Освобожден в 1940 г. «за отсутствием состава преступления». В годы войны — директор того же завода № 10 (см.: [Ладыгина 2005]).

⁵ В. В. Чугунов — инженер, зам. начальника термического цеха завода № 19. Арестован 17 июня 1938 г. По обвинению в контрреволюционной деятельности и вредительстве 28 мая 1940 г. приговорен к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

⁶ Письмо, о котором идет речь, было обнаружено при обыске в стельке сапога и сохранилось в следственном деле П. Г. Погожева. В интерпретации репрессий автор (или все-таки авторы) предлагает простую схему: «Секрет этого позорного явления состоит в том, что органы НКВД проводят политику массовой фабрикации врагов народа. Под руководством ЕЖОВА Н. И. органы НКВД превращены в чудовищную систему застенков, где к арестованным применяются все виды провокации и обмана, все виды морального унижения и издевательства над личностью человека, изнурительное многосуточное мучение бессонницей в сидячем, а часто и в стоячем положении, и главное — жестокие избиения, продолжающиеся по много часов подряд. Никто из находящихся на свободе советских

В соответствии с инструкциями подследственным запрещалось читать газеты, слушать радио и вообще получать какие-либо сведения о событиях в стране и за рубежом. В реальности информационная блокада тюрьмы существовала скорее на бумаге, чем в действительности. Бутырский арестант Лев Хургес вспоминал:

Все новости с воли мы обычно получали от новеньких, то есть свежестрелованных товарищей. Правда, обычно эти новости были четырех-пятидневной давности. Но на безрыбье и рак — рыба, все же мы кое-что знали, что творится у нас и за рубежом [Хургес 2012: 371].

2

Сентябрь 1939 г. был богат на события: вторжение германских войск в Польшу и в тот же день — принятие Закона о всеобщей воинской обязанности в СССР, вступление в войну западных демократий, поход Красной армии на Запад, чтобы «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [Молотов 1939], разгром польского государства, договор с Германией «о дружбе и границе». Советские читатели газет и радиослушатели могли увидеть за скучными строчками сообщений, как рушился в одночасье привычный межвоенный мир. У людей старшего поколения, помнивших начало предыдущей «Великой войны», вряд ли оставались иллюзии по поводу ближайшего будущего. Ответственный работник пермского обкома ВКП(б), будучи в изрядном подпитии, уже 2 сентября объяснял своим случайным попутчикам по пароходу:

Хотя Германия и заключила мир с нами, но война на западе уже началась [Горитченко 1939: Л. 42].

Публика попроще запасалась сахаром, солью, спичками, мылом. Перед магазинами выстраивались длинные многочасовые очереди [Осокина 1995: 18]. Осведомители НКВД сообщали о высказываниях местных жителей:

Скоро пойдем воевать, видишь, в магазинах-то ничего не стало, это ясно перед войной [Тильман 1939: Л. 387].

Органами НКВД фиксировались сомнения в правильности новой советской внешней политики:

граждан не подозревает, что в органах НКВД возрождены во всей своей гнусности следственные приемы презренной царской жандармской охраны». Погожев предостерегает Сталина: «Если Вы останетесь глухи к этим пока подспудным, но подлинным настроениям народа и со свойственной Вам решительностью и смелостью не прекратите этой губительной политики и не исправите ее ужасных последствий, то она скоро обратится против Вас, и тогда неисчислимые бедствия обрушатся на нашу Великую Родину» [Погожев 1938b: Л. 102–103].

Да, Гитлер — не дурак, договор заключил с СССР, а сам занялся за Польшу, а когда подберет себе больше народу и ударит на СССР. Гитлер — очень хитрый политик, он сейчас использует дружественный договор, скупит у СССР все необходимые для Германии продукты, а мы здесь будем стоять в очередях и будем дожидаться — не забросят ли что в магазин для питания. С Польшей операция закончат, наверное, к 20 сентября, затем будут проводить операцию против Франции и Англии, а потом против СССР [Тильман, Гаврилов 1939: Л. 390–391].

Эшелоны с ранеными и обмороженными красноармейцами, прибывающие на станцию Пермь II во время короткой советско-финской войны, вызвали новую волну фобий, страхов и сомнений:

В высшем командовании есть вредители. На финском фронте Красная армия терпит поражение, но истину от масс скрывают, так как люди экономически живут плохо [Обвинительное 1942: Л. 606]⁷.

К зиме 1940 г. усилиями партийных пропагандистов сложился канон, которому полагалось следовать в официальных оценках новой советской внешней политики: СССР укрепляет границы, расширяет фронт социализма; Красная армия спасает миллионы братьев по классу (и по крови) от ужасов империалистической войны, развязанной правящими кругами Британии и Франции. В резолюции митинга, проведенного в Кизеловском горотделе НКВД по случаю заключения мира с Финляндией, читаем:

Эти победы, одержанные над англо-французскими империалистами, воодушевляют нас еще более, еще лучше работать на своем участке работы [Резолюция 1940: Л. 28]⁸.

Суждения иного рода, по авторитетному мнению руководства НКВД, содержали состав преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР.

Так, высказывание юрисконсульта строительного треста № 12 из г. Березники Василия Циклинского: «...экономическое соглашение СССР и Германии — это способ для Германии “доить” СССР», наряду с эмоциональным рассказом товарищам по работе о том, что «на Финском фронте творится что-то ужасное, овраги завалены трупами красноармейцев, одних только танков потеряно 200 штук», стало основанием для возбуждения уголовного дела, а затем и судебного приговора сроком на 7 лет за антисоветскую агитацию (см. Постановление УНКВД по Молотовской области на арест В. В. Циклинского. 22 апреля 1940 г. г. Молотов [Лейбович 2004: 295]). Тех, кто высказывал надежду на возрождение польской государственности (например, Г. И. Скшипека, который говорил:

⁷ Высказывание датируется январем 1940 г.

⁸ Тремя неделями ранее те же сотрудники НКВД приветствовали победы советского оружия «в борьбе с японскими самураями, польскими панами и финскими белобандитами» [Приветственная 1940: 8].

«Франция и Англия все равно Германию разобьют, и наше Польское государство восстановится, и снова мы будем жить в Польше»), обвиняли в «антисоветской агитации пораженческого характера» (см. Постановление УНКВД по Молотовской области на арест Г. И. Скшипека 1 июля 1940 г. г. Молотов [Лейбович 2004: 298]). Но в целом к судьбе Польши советские граждане, если верить сводкам НКВД, отнеслись равнодушно. Пропагандистская кампания против «польских панов», длившаяся два десятилетия, принесла свои плоды, тем более что она опиралась на укорененное прежней властью недоверие к «заносчивой и мятежной шляхте»⁹. В годы Большого террора поляки были внесены в список «враждебных национальностей». Об этом не стеснялись говорить в больших собраниях ни официальные представители центральной власти, ср.:

На днях секретарь ЦК ВКП(б) Андреев А.А., созвав директоров оборонных предприятий, на котором был и Денисов, Андреев потребовал по Краснокамскому р[айо]ну очиститься от поляков, литовцев, эстонцев на том основании, что они враги... [Пчела 1938: Л. 43] —

ни местные руководители. Например, начальник Кизеловского горотдела НКВД публично критиковал хозяйственные организации за то, что они «набирают рабочих из поляков и др[угого] к[онтр]р[еволюционного] элемента и завозят их в наш Кизеловский район, с которыми мы ведем борьбу, а они нам опять их засылают» [Протокол 1938: Л. 20].

Возможно, в таком отношении к Польше проявился и так называемый низовой макиавеллизм, по предположению Й. Феста свойственный массовой культуре XX в.: стремление хотя бы символически отождествить себя с грубой и победительной силой, чтобы не оказаться в числе слабых (поскольку слабых бьют), не помогать и не выказывать им сочувствия, а радоваться их унижениям [Fest 1986: 242]. Во всяком случае отношение к германскому Рейху было куда более положительным: его победами восхищались: «Отлично германские войска проводят операцию в Польше» [Тильман, Гаврилов 1939: 391]¹⁰.

Заключенные в тюрьмах тоже вели разговоры о международных событиях. Об их содержании можно узнать из так называемых меморандумов, составлявшихся оперативными работниками следственных изоляторов на основании донесений внутрикамерных агентов. Меморандумы использовались следователями как уличающий материал на допросах и при составлении обвинительного заключения. Иной раз их подшивали в дело, зачастую же, по всей вероятности, уничтожали по окончании следствия. Можно предположить, что меморандумы составляли по запросу следователя на упрямых

---

⁹ Этническое самосознание великороссов в начале XX в. проявлялось главным образом «через оппозицию к нерусским народам» [Бранденбергер 2009: 25]. Поляки в негативной идентификации «чужих» играли первостепенную роль.

¹⁰ В октябре 1941 г. секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров, по всей вероятности, имел основание сказать: «Некоторые считают, что у нас и так фашистов не любят. Это неверно» [Стенограмма 1941: 49].

арестантов, не желающих «разоружиться перед органами». Одним из таких подследственных был уже упомянутый ранее в связи с неоконченным письмом Сталину Поликарп Георгиевич Погожев¹¹, содержавшийся в 1939–1940 гг. в пермской следственной тюрьме. Он отличался независимым характером, отстаивал свои права в любой обстановке. Узнав, что после восстановления в ВКП(б) его не возвращают на прежний пост, а предлагают должность декана в Сталинградском пединституте, он написал заявление Сталину:

Я все же счел своим партийным долгом обратить Ваше внимание на ошибку, допущенную в отношении меня отделом школ ЦК ВКП(б). <...> Посылка меня на работу с понижением в должности создает ложное впечатление, что, несмотря на полную реабилитацию, я все же несу наказание. Впечатление это усиливается еще тем обстоятельством, что никто из клеветников и перестраховщиков по моему делу никем до сих пор не привлечен к партийной ответственности. На основании всего этого я считаю, что ошибка отдела школ ЦК ВКП(б) в отношении меня должна быть по Вашему указанию исправлена [Погожев 1938а: Л. 60–61об].

Отправить письмо адресату П. Г. Погожев не успел. Сотрудники НКВД нашли письмо в его бумагах и приобщили к делу.

Признательные показания Погожев дал только после применения многодневного «конвейера» и побоев («в течение 65 часов простоял на ногах») и угрозы арестовать его жену [Протокол 1939b: 229–231]. Он тут же стал готовить новое письмо Сталину, которое снова изъяли при обыске. При первой возможности Погожев отказался от вынужденных признаний. Следователи были на него очень злы и никак не хотели соглашаться с представлением прокуратуры об отказе от обвинений по 58 статье и освобождением под подписку о невыезде. Тогда и был составлен следующий меморандум [Меморандум 1940: Л. 99–100]:

¹¹ П. Г. Погожев (1892–1941) — педагог, член РКП(б) с 1918 г., до этого социал-демократ — меньшевик. Выходец из крестьян, в 1909 г. «выдержал экзамен на звание учителя», а в следующем 1910 г. — на «звание домашнего учителя математики». После революции сначала находился на административной работе в системе образования, заведовал Астраханским ГУБОУО, затем был директором педагогических вузов. В автобиографии писал: «Ни в каких армиях не служил. Человек совершенно не военный. Кроме кратких эпизодических участия в ЧОН (части особого назначения — партийная милиция, использовавшаяся советской властью для борьбы с мятежами и бунтами. — О. Л.), с оружием в руках не выступал и даже владею винтовкой плохо» [Краткая 1927: Л. 5–5об.]. После двухгодичного обучения в Москве получил диплом о высшем образовании и в ноябре 1935 г. был командирован в Пермь на должность директора местного пединститута. В сентябре 1937 г. был исключен из партии «как враг народа» и снят с работы, каким-то чудом избежал ареста. Упорно добивался справедливости в высоких партийных учреждениях, в январе 1938 г. восстановлен в ВКП(б). Приехав в Пермь получить компенсацию за вынужденный прогул, был немедленно взят горюдлом НКВД как участник «контрреволюционной организации правых, существовавшей в гор. Перми и в системе Наркомпроса. По заданию указанной организации создал контрреволюционную террористическую группу из студентов Пермского Пединститута, данная контрреволюционная террористическая организация готовила террористические акты над руководством ВКП(б) и членами Советского правительства» [Постановление 1938: Л. 3]. Расстрелян в январе 1941 г. по приговору Молотовского областного суда.

**Меморандум
секретных материалов на заключенного Погожева П. Г.**

По след. делу № 36394

Дата и источник	Содержание материала
23 апреля 1940 г.	<p>Погожев П. Г., явившись из суда, где ему было объявлено, что его дело передается на исследование обратно в суд, в камере в присутствии заключенных Горячева и Николаева самыми похабными словами ругал органы НКВД и суд, заявляя: «Закона нет, а есть голый произвол НКВД».</p>
19 мая 1940 г.	<p>При посещении тюрьмы нач[альником] УНКВД с Нач[альником] тюрьмы и О[пер]/уполномоченного после их ухода Погожев П. Г. в камере ругал матерщиной посетивших, говоря: «Маленькая или большая свинья, это неважно, а самое главное — это свинья».</p>
25 июня 1940 г.	<p>По поводу выпавших дождей, полезных для урожая хлеба и овощей, Погожев П. Г. в камере сокамерникам говорил: «Будет хороший урожай, будет больше хлеба, значит, Советское правительство заведет больше пушек».</p> <p>В разговоре о поражении Франции в войне с Германией и о том, что во всем мире имеются только две партии — партия коммунистическая и партия фашистов, Погожев, возмущаясь, заявил: «Вот извольте видеть, как обманывается Советский народ ведь не больше года тому назад в советской печати кричали о том, что ничего не может быть более презренного и чуждого для трудящегося, чем фашизм, пролетариат ненавидит и т. д. и т. п. ... (так в документе. — О. Л.). А теперь Советское правительство пошло на такой компромисс, что с Германией заключило договора и совместно с Гитлером делят захватываемые территории других государств. Налицо неслыханный обман Советского народа своим же правительством».</p>
4 июля 1940 г.	<p>В камере № 16 корп. 1. Погожев П. Г. среди сокамерников дискредитирует политику ВКП(б) и Советского правительства, говоря: «Русский медведь лезет на свободный финский народ, что вот Советская Страна до чего дожила, ругая Гитлера, фашистов, а теперь идет рука об руку с фашистами и помогает им задушить свободный народ Франции и других стран, что в Советской стране происходит разгул одуревших палачей».</p>

Помимо этого, Погожев ведет подстрекательскую работу против администрации тюрьмы.

Нач. 2 отделения 2 отдела УГБ,
Мл. лейтенант ГБ Лысый
Ст. о/уполномоченный 2 отдела УГБ
УНКВД по Молотовской области Григорьев

Было бы опрометчиво считать эти записи аутентичными. Агенты могли что-то досочинить (на профессиональном жаргоне того времени такая процедура называлась «заострить материал»), а составители меморандума были вполне в состоянии «отредактировать» исходные данные в желаемом направлении. Так, словосочетание «русский медведь» в устах русского педагога звучит неправдоподобно. Но даже если мы имеем дело с фальсификацией, все равно следует признать, что оценки и суждения такого рода имели хождение в определенных социальных кругах, а возможно, и среди заключенных. Вряд ли эти критические высказывания в адрес советской внешней политики были полностью сочинены сотрудниками НКВД. Более правдоподобной кажется версия, что в меморандуме собраны и переработаны высказывания рассерженных людей, наблюдавших с горечью, разочарованием, личной обидой поворот советской внешней политики в 1939 г. Впрочем, совсем не исключено, что в нем содержатся и подлинные слова П. Г. Погожева, к тому времени разочаровавшегося не только в методах НКВД, но и в доброй воле Сталина.

Анализ этих маргинальных, на первый взгляд, источников демонстрирует, что Большой террор не смог уничтожить привычку советских граждан резонерствовать на политические темы: «пикейные жилеты» не изменяли своим традициям совместного осмысления действительности ни в тюрьме, ни в бараке. Перекичка между оценками событий 1939–1940 гг. в тюрьме и на воле свидетельствует о сходстве интерпретаций вследствие общей политической культуры, порожденной официальным большевистским дискурсом, однако не совпадающей с ним, благодаря сохранявшемуся несмотря ни на что критическому духу.

Рядом с размышляющими вслух интеллигентами мы слышим голоса людей из самых низов: разнорабочих, кухарок, домохозяек. Они, наученные годами выживания, безошибочно прочитывают в оптимистических заявлениях советских газет угрозу большой войны и голода, совершенно не скрывают своих опасений, более того, пытаются обзавестись необходимыми ресурсами, чтобы отвести от себя и своих близких беду. Здравый смысл одерживает верх над пропагандой.

Архивные источники

- Борисов 1955 — Борисов С. — В КПК при ЦК КПСС. г. Москва. 24 июня 1955 г. (ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 15214. Л. 183).
- Горитченко 1939 — Горитченко И. С. — Гусарову Н. И. 4 сент. 1939 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 95. Л. 41–42).
- Гусаров 1938 — Гусаров — Маленкову. 16 ноя. 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 95. Л. 17).
- Краткая 1927 — Краткая автобиография [П. Г. Погожева]. 28 окт. 1927 г. Новороссийск (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 5–5об.).
- Кривой 1938 — Кривой — Алексею. Докладная записка. [1938 г.] (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 95. Л. 1–9).
- Меморандум 1940 — Меморандум секретных материалов на заключенного Погожева П. Г. 12 авг. 1940 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 99–100).
- Обвинительное 1942 — Обвинительное заключение по делу Сидоренко М. И. 6 янв. 1942 г. (ГАПК. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 713. Л. 6–6об.).
- Погожев 1938а — Погожев — Сталину. Заявление. Апрель 1938 / Материал Погожева, изъятый при аресте (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 60–61об.).
- Погожев 1938б — Погожев П. Г. — И. В. Сталину. 5 сент. 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 2. Л. 100–103).
- Постановление 1938 — Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения [П. Г. Погожеву]. 13 апр. 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 1. Л. 3).
- Приветственная 1940 — Приветственная телеграмма тов. Сталину, тов. Ворошилову. 23 февр. 1940 г. (ПермГАНИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 84. Л. 8).
- Протокол 1938 — Протокол № 1 Общего закрытого партийного собрания членов и кандидатов ВКП(б) при Кизеловском Горотделе НКВД. 7–8 мая 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 82. Л. 17–26).
- Протокол 1939а — Протокол допроса обвиняемого Погожева П. Г. 26 янв. 1939 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 1. Л. 117–117об.).
- Протокол 1939б — Протокол допроса Погожева П. Г. Стенограмма. 11 ноя. 1939 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16858. Т. 1. Л. 226–239).
- Протокол 1955 — Протокол допроса свидетеля Траута Константина Ивановича. 21 июня 1955 г. (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12267. Л. 111–112).
- Пчела 1938 — Пчела — Дмитриеву. 18 мая 1938 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 5. Д. 98. Л. 41–47).
- Резолюция 1940 — Резолюция ком-начальствующего и рядового состава Кизеловского ГО НКВД, собравшихся на митинг 14 марта 1940 г. по вопросу мирного договора между СССР и Финляндской республикой (ПермГАНИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 84. Л. 28).
- Стенограмма 1941 — Стенограмма VII пленума Молотовского обкома ВКП(б). 20 окт. 1941 г. (ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 10. 110 л.).
- Тильман 1939 — Тильман — Попову. [Сентябрь 1939 г.] (ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 336. Л. 386–387).

Тильман, Гаврилов 1939 — Тильман, Гаврилов — Ворошиловский Горком ВКП(б). [Сентябрь 1939 г.] (ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 336. Л. 388–394).

Сокращения

ГАПК — Государственный архив Пермского края.

ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории.

Литература

Бранденбергер 2009 — *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб.: Академический Проект; ДНК, 2009.

Ладыгина 2005 — *Ладыгина Л.* Казус инженера Далингера // Отечественные записки. 2005. № 2. Цит. по электрон. версии: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/kazus-inzhenera-dalinger>.

Лейбович 2004 — Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг.: Сб. документов и материалов / Науч. рук. О. Л. Лейбович. Пермь: Пушка, 2004.

Молотов 1939 — Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова 17 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 18 сентября.

Осокина 1995 — *Осокина Е. А.* Люди и власть в условиях кризиса снабжения // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32.

Хургес Л. 2012 — Москва — Испания — Колыма. Из жизни радиста и ээка / Ред. А. Макаренко, Н. Поболь и др. М.: Время, 2012.

Fest 1986 — *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München; Zürich: Piper Verlag, 1986.

“THE WAR IN THE WEST HAS ALREADY STARTED...”: CONVERSATIONS IN 1939 IN BARRACKS, PRISONS AND QUEUES

Leibovich, Oleg L.

Doctor of History

Professor, Head of Department of Cultural Studies and Philosophy,

Perm State Institute of Culture

Russia, 614000, Perm, Gazety “Zvezda” str., 18

Tel.: +7 (342) 212-09-90

E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the reaction of the Soviet population to international events in the fall — winter of 1939–1940. On the basis of reports and memoranda of local departments of the NKVD in the Perm region the author undertakes an attempt to reconstruct the range of opinions about the radical turn of Soviet foreign policy: the “liberation march” to the West, the Soviet-Finnish War, cooperation with the German Reich, etc. The article also analyzes estimates and judgments about the beginning of the process which was easily recognized as a new great European war. Particular attention is paid to prison conversations about the war.

The blockade on information in Soviet prisons and jails was never complete. Prisoners awaiting sentence or under investigation were well aware of events in the outside world, discussed them with each other, expressed sharp criticism of the new direction of Soviet foreign policy. The content of prison debates about war was largely influenced by the atmosphere of uncertainty: a mixture of hope and despair, fatigue and frustration characteristic for people who had been held for more than a year in the investigative jails of the NKVD, who had suffered through the excruciating investigation, who had morally suffered, and who had gradually liberated themselves from the mental oppression of the “Stockholm Syndrome”.

In the workers’ milieu everybody was actively discussing the threat of a Soviet-German armed conflict. There were suggestions that after defeating Poland Hitler would attack the Soviet Union. NKVD informants reported expressions of doubt in the local queues regarding the correctness of the decisions taken by the top Soviet leadership and the ability of Soviet leaders to “fight” Hitler. People did not believe Molotov’s reassuring statements about the abundance of food in the country, and started to stock sugar, salt, matches, and soap.

The author comes to the conclusion that the Great Terror turned out to be unable to destroy habitual disputes on political issues among Soviet citizens and did not change their traditions of co-interpreting reality both in prisons and barracks.

Keywords: the USSR, 1939, workers' milieu, prisons, WWII, popular response, rumors, estimates, predictions

References

- Brandenberger, D. L. (2009). *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956)*. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt; DNK. 415 p. (Transl. by N. Aleshina, L. Vysotskii from: Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press). (In Russian).
- Fest, J. (1986). *Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft*. München; Zürich: Piper Verlag. (In German).
- Ladygina, L. (2005). Kazus inzhenera Dalingera [The incident of engineer Dalinger]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2005(2). Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2005/2/kazus-inzhenera-dalingera>. (In Russian).
- Leibovich, O. L. (ed.) (2004). *Politicheskie repressii v Prikam'e. 1918–1980-e gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [Political repressions in the Kama region. 1918–1980s. Collection of documents and materials]. Perm: Pushka. (In Russian).
- Molotov, V. M. (1939, September 18) — Rech' po radio predsedatelia Soveta Narodnykh Komissarov SSSR V. M. Molotova 17 sentiabria 1939 g. [The speech on the radio of the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR V. M. Molotov, September 17, 1939]. *Pravda* [Truth]. (In Russian).
- Osokina, E. A. (1995). Liudi i vlast' v usloviakh krizisa snabzheniia [People and power during a crisis situation in supply]. *Otechestvennaia istoriia* [History of Fatherland], 1995(3), 16–32. (In Russian).
- Khurges, L. (2012). *Moskva — Ispaniia — Kolyma. Iz zhizni radista i zeka* [Moscow — Spain — Kolyma. From the life of a radio operator and prisoner]. A. Makarenko, N. Pabol' et al. (Eds.). Moscow: Vremia. (In Russian).
- LEIBOVICH, O. L. (2016). “THE WAR IN THE WEST HAS ALREADY STARTED...”: CONVERSATIONS IN 1939 IN BARRACKS, PRISONS AND QUEUES. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 14–27

Е. Ю. МИХАЙЛИК

Михайлик Елена Юрьевна

PhD, лектор,

Университет Нового Южного Уэльса (Сидней, Австралия)

The University of New South Wales (UNSW),

Australia, Sydney, NSW 2052

Тел.: 612-93852389

E-mail: Elena.Mikhailik@sbs.com.au

ВРЕМЯ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ». 1939 — ГОД, КОТОРОГО НЕТ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать характер обращения со временем в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова, в частности, расследуется «казус 1939 года». 1939 год, время действия многих ключевых рассказов, крайне важный внутри КР событийно, непосредственно как дата практически отсутствует в тексте. Эта проблема, на наш взгляд, является частью более сложной проблемы КР. Шаламов изображает время вообще и историческое время в частности как биосоциальную категорию. Способность воспринимать время и соотноситься с ним в КР прямо зависит от социального положения персонажа и его физического состояния. Чтобы эта социальная несоотнесенность со временем и историей попадала в поле зрения читателя, в том же поле зрения с неизбежностью должны присутствовать сами время и история — как объекты отторжения. Одним из таких объектов, одновременно присутствующих и отсутствующих, и стал 1939 год — как мы полагаем, «эталонный» лагерный год по Шаламову.

Ключевые слова: поэтика, время, лагерная литература, Варлам Шаламов, «Колымские рассказы», 1939

1

Рассказ Варлама Шаламова «Сентенция» начинается со слов: «Люди возникали из небытия — один за другим» [Шаламов 2004–2013 (1): 399]¹. Читатель не вдруг осознает, что фраза описывает не столько этих возникающих, сколько состояние рассказчика: сознание вернулось к

¹ Далее ссылки на это издание будут для краткости даваться только с указанием тома и номера страницы в квадратных скобках.

нему настолько, что он обрел способность замечать присутствие других — и рассказывать об этом. Ведь «Сентенция» — это история о том, как распадающийся на части приисковый доходяга, кипятильщик, а потом помощник топографа геологической партии потихоньку — несколько лишних калорий здесь, несколько часов сна там — начинает замечать мир вокруг, узнавать окружающих, испытывать какие-то чувства — равнодушие, злобу, зависть, жалость к животным, жалость к людям, — пока под теменной костью у него не пробуждается нелагерное «римское слово» «сентенция», окончательно восстанавливающее связь с прежней личностью, прежней жизнью. Связь хрупкую, неверную, несовершенную, но бесконечно ценную. В финале «Сентенции» рассказчик уже способен радоваться симфонической музыке и укладывать свои ощущения в аллитерированную многослойную метафору: «Шеллачная пластинка кружилась и шипела, кружился сам пень, заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет» [1: 406].

Впрочем, читатель к этому времени уже знает, что точно так же — ударит мороз, сократится пайка, изменится работа — все достигнутое может обвалиться внутрь и уйти обратной спиралью к состоянию до первой фразы рассказа, до черты, где организм еще условно жив, но вести повествование уже некому, — или за эту черту.

Плотность повествования, объем информации на единицу текста поражают воображение, и потому достаточно легко не заметить один небольшой информационный пакет, который в рассказе явным образом отсутствует: дату. Время действия «Сентенции» из самого рассказа не восстанавливается. Возможно, дело в том, что персонаж вместе со всем прочим утратил счет времени? Нет — он может сказать: «Я позавидовал мертвым своим товарищам — людям, которые погибли в тридцать восьмом году» [1: 402], но как далеко отстоит от него тридцать восьмой год, остается неизвестным.

В пределах цикла «Левый берег», в который входит рассказ, год тоже не вычисляем — за отсутствием маркеров.

А между тем эта важная дата, дата временного воскресения, определяется точно.

Великий и страшный 1939 год был для Варлама Шаламова счастливым. В декабре 1938 г. Шаламова выдернули с прииска «Партизан» на следствие по так называемому делу юристов. Ничего, кроме расстрела, дело не обещало, но дальше вмешалась обычная лагерная случайность: был арестован инициатор процесса, и всех подследственных выпустили на магаданскую пересылку. В Магадане — другая случайность — гуляла эпидемия тифа, а потому «з/к з/к»² не разослали сразу по управлениям, а задержали в карантине. Удача большая — заключенных в карантине, конечно, гоняли на

---

² Стандартный способ бюрократического обозначения заключенных во множественном числе.

работу, но работа эта не была сама по себе убийственной. Еще их кормили и периодически мыли, и эта передышка, продолжавшаяся до апреля 1939 г., вероятнее всего, спасла Шаламову жизнь. А весной — случайность третья, решающая и самая волшебная — по запоздалому распределению он попал не на страшное, смертельное золото и даже не на уголь, а в геологоразведку на Черное озеро, где, ввиду полного физического истощения и мягкости геологических нравов, работал сначала кипятильщиком, а потом помощником топографа, т. е. оказался в той самой ситуации, которая и описана в «Сентенции».

Надо отметить, что на то, что в 1930-е называли материалом, год также оказался щедрым. Рассказы «Тифозный карантин»³, «Хлеб», «Детские картинки», «Эсперантист» (из которого читатель узнает, при каких именно обстоятельствах рассказчик потерял драгоценное место в геологоразведке и оказался в угледобывающем лагере, где его сразу приставили к «египетскому» конному вороту вместо лошади), «Апостол Павел», «Богданов», «Триангуляция III класса», «Сука Тамара», «Иван Богданов» и уже упомянутая «Сентенция» — все это урожай 1939 г., собранный, конечно, много позже, в 1950-е и 1960-е.

Собственно, сюжеты и обстоятельства 1939-го в «Колымских рассказах» всплывают постоянно. А вот сам 1939 год как дата если и заметен, то отсутствием. Как в «Сентенции».

И если — опять-таки, как в «Сентенции» — 1937-й, погибельный, или не менее погибельный 1938-й постоянно упоминаются, в том числе и персонажами («Обратите внимание — никто вас не бьет, как в тридцать восьмом году. Никакого давления» [1: 347]), то 1939 год во всем корпусе «Колымских рассказов» (далее — КР) на пространстве пяти сборников рассказов поименован — прямо и косвенно — в общей сложности десять раз.

Более того, при анализе корпуса создается впечатление, что именно эту дату почему-то не получается воспринять непосредственно, а можно только восстановить постфактум, по вешкам и приметам — извне, из иной ситуации. В самом 1939-м как бы невозможно, не получается знать, что сейчас — тридцать девятый.

Это потом, сделавшись дневальным химического кабинета, учащимся привилегированных фельдшерских курсов, фельдшером или даже писателем, рассказчик сумеет припомнить, с кем и как мыл пол в 1939-м на магаданской пересылке или работал на Черном озере. Сам же обитатель карантина и речник геологоразведки, кем бы он ни был, существует словно бы не в 1939-м календарном году, а в каком-то другом месте — или времени.

Где?

---

³ Естественно, частично относящийся и к 1938 г.

2

Если мы несколько расширим поле исследования, то обнаружим, что для советской лагерной литературы рассказ о лагере — и, собственно, сам лагерь — кажется, начинаются не с пространства, а с надлежащим образом организованного времени.

Году в тысяча девятьсот сорок девятом напали мы с друзьями на примечательную заметку в журнале «Природа» Академии Наук. Писалось там мелкими буквами, что на реке Колыме во время раскопок была как-то обнаружена подземная линза льда — замерзший древний поток, и в нем — замерзшие же представители ископаемой (несколько десятков тысячелетий назад) фауны. Рыбы ли, тритоны ли эти сохранились настолько свежими, свидетельствовал ученый корреспондент, что присутствующие, расколов лед, тут же охотно съели их [Солженицын 2006 (1): 7].

Тридцать седьмой год начался, по сути дела, с конца 1934-го. Точнее, с первого декабря 1934-го [Гинзбург 1991: 8].

Я родился в городе Воронеже 1 января 1930 года [Жигулин 1996: 5].

Список этот — Солженицын, Гинзбург, Жигулин — можно продолжать просто по алфавиту. Г, «Горбатов»: «В один из весенних дней 1937 года, развернув газету, я прочитал, что органы государственной безопасности “вскрыли военно-фашистский заговор”» [Горбатов 1989: 116]. З, «Заболоцкий»: «Это случилось в Ленинграде 19 марта 1938 г. Секретарь Ленинградского отделения Союза писателей Мирошниченко вызвал меня в союз по срочному делу» [Заболоцкий 1995: 389]. Ч, «Четвериков»: «Я пишу эти строки 12 апреля 1979 года...» [Четвериков 1991: 20].

Прозаики, поэты, мемуаристы и случайные прохожие, говоря о лагере как явлении, первым делом выстраивали временную последовательность, размещали лагерь в истории и биографии, подправляли по мере необходимости официальную — и неофициальную — хронологию. И утверждали — так было. Именно тогда, в эти календарные сроки.

Парадоксальным (и естественным) образом включение лагерного — чудовищного, неправильного и недолжного — опыта в общее течение биографии и истории воспринималось как восстановление связи и связности времен.

Но у этого восстановления имелись три — большей частью непреднамеренных — грамматических последствия:

1. Лагерь оказывается целиком и полностью отнесен к прошедшему времени. Солженицын даже вынес срок жизни своего «героя», «Архипелага ГУЛаг» — «1918–1956» — в заглавие книги. У лагеря в этих текстах есть дата рождения и дата смерти. Для аудитории он — прошлое.

2. Лагерь как историческое событие и даже как историческое лицо, наделенное именем и фамилией, не подразумевает вопросов «с чем мы име-

ем дело?», «как этот объект оказался посреди нашей географии?», «как мы оказались здесь, и кто мы такие — что мы оказались здесь?» — ибо в разнообразных идеологических парадигмах на все эти вопросы уже даны всевозможные ответы, и читатель выбирает из них в соответствии со своим представлением об общей истории страны.

3. Обращение к прошлому на биографическом уровне, сам жанр — рассказа, повести, «художественного исследования», мемуара или псевдомемуара — по определению подразумевает, что рассказываемая история закончена и обладает не только фабулой, но и сюжетом, т. е. предлагает аудитории освоенный автором смысл. «Я — достаточно там посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно: — Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни!» [Солженицын 2006 (2): 501]. Читатель исходит из того, что выживший по определению знает, что и зачем он пишет. Он ждет — истории.

Таким образом, помещая лагерь в контекст исторического времени, авторы достаточно жестко задают и границы возможного разговора, и формат этого разговора, подразумевающий конечность, сюжетность и опосредованность. Лагерь здесь может быть только конкретно-историческим явлением.

Ну, а если из хронологии этого явления вдруг выпадает дата, значит, либо этого периода не было в авторском опыте, либо подвела память, либо автор так или иначе ангажирован и его этот год и происходящее в нем так или иначе не устраивают.

3

Можно ли применить эту логику к «Колымским рассказам»? Как и из чего сделано Шаламовым время лагеря?

Рассказ «На представку», фактически открывающий КР, начинается словами «Играли в карты у коногона Наумова» — неоднократно всеми упомянутым и исследованным парафразом зачина «Пиковой дамы»: «Играли в карты у конногвардейца Нарумова»⁴.

⁴ Парафраз этот неизменно осознается в категориях противопоставления. Ср., например: «Так, например, один из замечательных “Колымских рассказов” Варлама Шаламова начинается словами: “Играли в карты у коногона Наумова”. Эта фраза сразу же обращает читателя к параллели — “Пиковой даме” с ее началом: “...играли в карты у конногвардейца Нарумова”. Но помимо литературной параллели, подлинный смысл этой фразе придает страшный контраст быта. Читатель должен оценить степень разрыва между конногвардейцем — офицером одного из самых привилегированных гвардейских полков — и коногоном — принадлежащим привилегированной лагерной аристократии, куда закрыт доступ «врагам народа» и которая рекрутируется из уголовников. Значима и разница, которая может ускользнуть от неосведомленного читателя, между типично дворянской фамилией Нарумов и простонародной — Наумов. Но самое важное — страшная разница самого характера карточной игры. Игра — одна из основных форм быта и именно из таких форм, в которых с особенной резкостью отражается эпоха и ее дух» [Лотман 1994: 13–14]; «Если в тексте Пушкина — раскрытое пространство, свободное течение времени и вольное движение жизни, то у Шаламова — пространство замкнутое, время как бы останавливается и уже не

Для нас, однако, важно, что в числе прочих решаемых задач эта издательская цитата устанавливает отношения КР с историей и культурой. Только это отношения не связи и связности, а конфликта и разрыва. То, что в классической литературе, в культурной традиции (а в среднем лагерная литература апеллировала именно к ней) заполняло нишу ужасного, с ситуацией, где человека убивают, потому что понадобившийся для расчета при карточной игре свитер снять проще с мертвого, чем с живого, не соотносится вовсе. Какая, право, готика, какие, право, привидения.

Что не менее важно, внутри текста «На представку» этот разрыв, этот конфликт не мог быть осознан никем, включая рассказчика. Последний вполне способен подробно и вдумчиво описывать подробности колымского быта и этикета блатных, но слишком голоден и слишком не хочет возвращаться в замерзший барак, чтобы делать выводы из собственных наблюдений, даже если речь идет о жизни и смерти (в том числе и его собственных жизни и смерти).

Как следствие, все заключения о том, насколько реальность рассказа «На представку» отделена от обстоятельств «Пиковой дамы» (и насколько в этой ситуации необходим новый отсчет), приходится делать уже читателю — и самостоятельно. Таким образом, характерная для лагерной литературы модель взаимодействия с текстом, где все смыслы в теории производит автор, развернута на 180 градусов.

Однако чтобы читатель мог сделать этот вывод, кто-то — уже не персонажи, не рассказчик, а автор КР — должен предварительно поставить перед ним вопрос. Чтобы читатель мог осознать дистанцию до «Пиковой дамы» — «Пиковую даму» необходимо ввести в барак конононов. Чтобы связь времен видимым образом порвалась, она должна в каком-то виде наличествовать.

Можно было бы счесть это слишком развернутой трактовкой единичного случая, единичного парафраза, но если мы посмотрим на то, как Шаламов вообще обращается со временем, мы увидим структурно ту же ситуацию.

Упомянув любое враждебное для человека явление (из бесчисленного множества колымских явлений этого сорта), Шаламов как правило наделяет его характеристикой длительного или постоянного действия.

«Дождь лил третьи сутки, не переставая» [1: 67].

«Круглыми сутками стоял белый туман...» [1: 56].

«Плевки замерзли на лету уже две недели» [1: 56].

«Природа на Севере не безразлична, не равнодушна — она в сговоре с теми, кто послал нас сюда» [1: 106].

Лагерное устройство во всех его формах здесь приравнивается к явлениям природы. В рассказе «Как это началось», описывая процесс кристал-

---

законы жизни, но смерть определяет поведение персонажей. Смерть не как событие, но как имя тому миру, в каком мы оказываемся, раскрыв книгу...» [Тимофеев 1991: 186].

лизации лагерной Колымы из Колымы географической, рассказчик совмещает, сводит в один образ холод, голод, снежные заносы и тогдашнего начальника УСВИТЛ⁵ полковника Гаранина, не делая между ними никакого различия, осмысляя их как вполне однородные по характеру воздействия строевые элементы образующейся системы:

Много месяцев день и ночь на утренних и вечерних поверках читались бесчисленные расстрельные приказы. В пятидесятиградусный мороз заключенные музыканты из бытовиков играли туш... Музыканты обмораживали губы, прижатые к горловинам флейт, серебряных геликонов, корнет-а-пистонов... Каждый список кончался одинаково: «Приговор приведен в исполнение. Начальник УСВИТЛ полковник Гаранин» [1: 428].

Автор наделяет чтение «бесчисленных расстрельных приказов» той же временной характеристикой, что и «холодный мелкий дождь». Глаголы несовершенного вида: «обмораживали», «покрывалась», «кончался», нагружают действие добавочным значением продолжительности и незавершенности.

Кроме того, внутри хронотопической системы КР время, в котором существует лагерь, тягучая длительность любого из его проявлений постоянно сопоставляется с протяженностью человеческой жизни: при многолетних сроках заключения «золотой забой делал из здоровых людей инвалидов в три недели...» [1: 419]. Соответственно, и внутренний отсчет времени з/к оперирует мелкой валютой — часами, днями: «Две недели — срок очень далекий, тысячелетний» [1: 335], «День было прожить трудно, не то что год» [1: 340].

Впрочем, довольно быстро голод, холод, усталость, страх перед неопределенным будущим, иррациональность лагерного мира, невозможность ориентироваться в нем, неизбежный распад памяти и функций мозга («Думать было больно» [1: 110]) лишают героев КР самой способности воспринимать течение времени, обращают «сейчас» в неколебимое «всегда»: «...а после перестаешь замечать время — и Великое Безразличие овладевает тобой» [1: 426].

Здесь нам придется вторгнуться в сферу пока что очень косвенно сопрягающихся с литературоведением дисциплин — нейрологии и психологии. На момент создания основного массива советской лагерной литературы этой информации еще не существовало; только в 1990-е годы были поставлены эксперименты Д. Канемана и Д. Редельмайера. Пациентам, вынужденным, например, переносить болезненные операции без наркоза, предлагали фиксировать уровень боли в каждый момент времени, а по окончании процедуры заново оценить свой опыт в целом. Выяснилось, что люди, которые отлично отдавали себе отчет в

⁵ Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей.

том, что испытывают в процессе, неизменно не сохраняли памяти ни о подлинном объеме испытанной боли, ни — что еще важнее — о длительности процедуры как таковой. «Вспоминающее я» человека, превращая переживания в сюжет, просто отбрасывало эти данные.

Собственно, феномен оказался настолько стабильным, что породил термин *duration neglect* (пренебрежение длительностью) [Redelmeier, Kahneman 1996: 4]; более того, пациенты пользовались своим опытом в дальнейшем как критерием при выборе между процедурами, системно предпочитая самому безболезненному и быстрому варианту тот, где под конец они испытывали некоторое облегчение [Kahneman 2011: 379–382].

Приходится сделать вывод, что та часть личности выжившего, которая отвечает за освоение, осмысление и передачу опыта, по определению не помнит и, видимо, физически не способна помнить, через что прошла. А та часть, которая переживала этот опыт шаг за шагом, лишена речи и памяти, и времени для нее не существует вовсе.

Фактически Шаламов, воспроизводя для читателя постепенное расхождение и исчезновение времени, дублирует реальный физиологический процесс, в тот момент еще не описанный специалистами, но, вероятно, известный автору КР непосредственно. Герой «Сентенции» возникает из того самого небытия и точно так же не способен вспомнить, что с ним там происходило.

Но, как уже было сказано, чтобы субъективные нарушения или само прекращение хода времени стали заметны читателю, даже колымское время должно течь и все же измеряться.

Чтобы в поле зрения попадала несоотнесенность среднего з/к с «большой историей» (а как будет соотноситься с нею, например, герой рассказа «Ночь» Глебов, не помнящий, «был ли он сам когда-нибудь врачом», и другой Глебов, а возможно, тот же самый, забывший имя собственной жены?), в том же поле зрения с неизбежностью должна присутствовать и сама «большая история». Ведь ни движение, ни отсутствие движения невозможно показать, не имея системы координат, точки отсчета. Чтобы создать для читателя безвремяе, Шаламов вынужден вводить в КР время.

Выглядит это примерно так. Открывая цикл «Артист лопаты», читатель обнаруживает, что рассказы «Июнь» и «Май» (объединенные общим персонажем, Андреевым), кажется, идут не в том порядке — лето опережает весну. В процессе чтения из кратких замечаний персонажей о положении на фронтах выясняется, что Шаламов вовсе не нарушил хронологической последовательности, ибо «Июнь» — это июнь 1941 г. (собственно, действие рассказа начинается в день нападения Германии на СССР), а «Май» — май 1945 г. Исчерпывается ли этим работа со временем? Нет.

По тем же самым кратким замечаниям достаточно заметно, что соотносительность с историческим временем существует в рассказах как биосоциальная роскошь, большинству з/к недоступная и откровенно для них чужая⁶:

— Слушайте, — сказал Ступницкий. — Немцы бомбили Севастополь, Киев, Одессу.

Андреев вежливо слушал. Сообщение звучало так, как известие о войне в Парагвае или Боливии. Какое до этого дело Андрееву? Ступницкий сыт, он десятник — вот его и интересуют такие вещи, как война [1: 551].

Или:

«Слышь, вы, господа каторжане, — сказал он, — война кончилась. Неделю назад кончилась. Второй курьер из управления пришел. А первого курьера, говорят, беглецы убили». Но Андреев не слушал врача [1: 563].

Но на самом деле на этом уровне истощения не только интерес и внимание к событиям внешнего мира, но и, как мы уже говорили, сам счет времени становится з/к не по карману. С этим, собственно, и сталкивается читатель уже на уровне сюжета, поскольку:

а) в «Июне» действие из конца июня за предполагаемые максимум два месяца демонстративно перескакивает в зиму:

Корягин снял Андреева с подземной работы. Зимой холод в шахте достигает всего двадцати градусов на нижних горизонтах, а на улице — шестьдесят. Андреев стоял в ночной смене на высоком терриконнике, где громоздилась порода [1: 555–556] –

причем зима эта наступает вдруг после июля, проскочив самый теплый колымский месяц, август;

б) событие же, с которого начинается рассказ «Май» (поймка лагерного разбойника), явным образом происходит в апреле.

А заканчиваются рассказы при этом почти одной и той же фразой: «У него была температура» [1: 558]; «У него поднималась температура» [1: 563]. (В обоих случаях высокая температура — обстоятельство, естественно, сугубо положительное, способствующее выживанию персонажа.)

---

⁶ В работе Леоны Токер исчерпывающе разобраны существо и важность этого семантического разрыва для советской аудитории, которая привыкла воспринимать Вторую мировую (или, точнее, Великую Отечественную) войну как одно из опорных событий советской истории и (что еще важнее) как всеобщий разделенный опыт и которая с вероятностью была дезориентирована тем обстоятельством, что для части их современников война могла оказаться вещью неважной, несущественной и недостойной внимания [Токер 2015].

Дословное совпадение концовок можно с уверенностью считать неслучайным — оба рассказа написаны в 1959 г. и сведены в последовательность авторской волей. Шаламов фактически замыкает обе истории на единый финал, создавая у читателя иллюзию того самого недвижимого, неотслеживаемого, не допускающего ориентации внутри себя лагерного времени.

Фактически степень соотнесенности персонажа с историческим и биологическим временем является индикатором физического распада, меры поглощенности лагерной системой. Более того, в шаламовском мире лагерное время и время обычное не могут сосуществовать в пределах одного организма. Недаром в рассказе «Припадок» память о лагере своим появлением как бы выталкивает повествователя из окружающей его реальной, постлагерной, вполне исторической действительности обратно, в прежний опыт. Там, где есть лагерь, не существует ничего иного.

Относится это правило не только к людям. В рамках КР (мы уже говорили об этом в других работах [Михайлик 2002; 2009; 2013]) в лагере гибнут любые вещи, существа, тексты и идеи из внешнего мира: из книги сделают колоду карт; кошку убьют и съедят уголовники; шарф, костюм, фотографию близкого человека отнимут при досмотре или украдут; посылка из дома едва не станет причиной смерти; драгоценные письма от жены сожжет пьяный лагерный начальник; сюжет пьесы «Сирано» будет использован, чтобы руками ничего не подозревающего персонажа довести до самоубийства его жену. В рассказе «Галстук» персонажу даже не удается подержать в руках эту предназначенную ему в подарок гражданскую деталь одежды: вышитый галстук будет отобран еще одним лагерным начальником прямо у изготовившей его мастерицы. Ни галстук, ни такая сложная социальная концепция, как подарок, в лагере сами по себе существовать не могут⁷.

Все сказанное позволяет нам предположить, что Шаламов считал лагерь батареей параметров качества жизни, вернее невыносимого, убийственного отсутствия этого качества, мерой энтропии, мерой социально организованного всеобщего распада — не ограниченного географическими границами Колымы и временными рамками истории ГУЛАГа (или советской власти) и легко воспроизводимого на любом субстрате.

---

⁷ См., например, рассказ «Геркулес», где врач, подаривший начальнику больницы своего любимого петуха, тут же станет свидетелем тому, как почетный гость, начальник санотдела, оторвет беззащитной ручной птице голову — демонстрируя свою богатырскую силу. Как правило, внутри корпуса КР успешно (и без катастрофических последствий) дарить подарки могут люди, чье «социальное положение» много выше положения одариваемого. Сами подарки часто при этом носят специфически лагерный характер: «А Крист был все еще жив и иногда — не реже раза в несколько лет — вспоминал горящую папку, решительные пальцы следователя, рвущие кристовское “дело”, — подарок обреченному от обрекающего» [1: 437].

Вот, например, рассказ «Белка» (цикл «Воскрешение лиственницы»), повествующий о том, как посреди революции, голода и расстрела заложников совершенно обычные жители нелагерной и не испорченной еще квартирным вопросом Вологды образца 1918 г. самозабвенно толпой охотятся на забежавшую в город белку и убивают ее — точно так же, как потом в лагере будут безумные полусытые люди ловить безумных умирающих от голода людей на забытую на столе хлебную пайку и бить смертным боем за «воровство».

В рассказе «Воскрешение лиственницы», давшем имя циклу, рассказчик напишет:

Зрелость даурской лиственницы — триста лет. Триста лет! Лиственница, чья ветка, веточка дышала на московском столе, — ровесница Натальи Шереметевой-Долгоруковой и может напомнить о ее горестной судьбе... [2: 278].

Эти триста лет, срок зрелости даурской лиственницы, временно расстояние от Шаламова до Натальи Шереметевой, уже встречались на страницах «Колымских рассказов». Это те самые триста годовых колец пня, послужившего подставкой для патефона в финале «Сентенции» — «заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет» [1: 406]. И за эти триста лет, заключает Шаламов, «ничего не изменилось в России — ни судьбы, ни человеческая злоба, ни равнодушные» [2: 278].

В рамках образной и философской системы КР лагерь не был построен советской властью, не возник из ниоткуда и не разверзся внезапно — он был здесь всегда, и вовсе не как политическое явление. Он с неизбежностью проступает на стыке физических обстоятельств и человеческой природы всюду, где эти обстоятельства и эта природа будут представлены друг другу достаточно долго — как это вышло волей Севвостолага на Колыме или волей Анны Иоанновны в Березове. Достаточно долго — это, например, две недели.

С чем же связано тогда неупоминание 1939 года — что за состояние, что за категорию нежизни обозначает эта дата?

3

Отличался ли для самого Шаламова 1939-й от прочих колымских лет? Существовал ли отдельно? Можно сказать с уверенностью — да, отличался, существовал. Вот, например, что пишет Шаламов Солженицыну в ноябре 1964 г. о свежее опубликованных мемуарах А. Горбатова («Новый мир», 1964, № 3–5):

Горбатов — порядочный человек. Он не хочет забыть и скрывать своего ужаса перед тем, что он встретил на прииске «Мальдяк» <...>

Посчитав все сроки, Вы увидите, что Горбатов пробыл на «Мальдяке» всего две-три недели, самое большое полтора месяца, и был выброшен из забоя навечно как человеческий шлак. А ведь это был 1939 год, когда волна террора уже спала, спадала [б: 307].

Характерно, что историки Колымы и Дальстроя разделяют эту оценку: к началу 1939 г. волна политического террора, волна расстрелов действительно спала. А вот террор производственный никуда не исчез. Собственно, именно тогда он и был поставлен на порядок дня и введен в систему [Бацаев 2002: 92]. Это в 1939 г. были ликвидированы созданные первым директором гостреста «Дальстрой» Э. П. Берзиным колонии — поселки свободного проживания для заключенных, а их обитатели возвращены за проволоку [Там же: 94]. Это в 1939 г. была отменена система условно-досрочного освобождения, а основным стимулом «для повышения производительности труда» были признаны «снабжение и питание»⁸. Это в 1939 г. массово восстанавливаются вышки и заграждения и переводятся на усиленный лагерный режим все заключенные, не выполняющие 100% дневной выработки. Это летом 1939 г. «всех отказчиков от работы и злостно не выполняющих нормы работы заключенных было приказано перевести на штрафное питание» [Зеляк 2004: 65], а на всех приисках создавались карцеры для отказчиков и нарушителей дисциплины, где дневная пайка состояла из 400 граммов хлеба и кипятка (естественно, эти 400 граммов существовали в основном на бумаге). Это в 1939 г. лагерное начальство систематически получало выговоры с занесением за «неполное выставление рабочей силы на основное производство» [Там же: 66], а восемь таких начальников были арестованы в административном порядке: довольно несложно представить себе, как эти меры отразились на состоянии заключенных. Списочный состав рабочей силы тех самых страшных горных управлений увеличился с 55 362 до 86 799 человек (при плановой цифре в 61 617 человек) [Бацаев 2002: 59]. Перевыполнили.

Но одновременно — прибыли свежие пополнения с материка, а в связи с этим отпала необходимость в постоянных 14–16-часовых сверхурочных работах, были восстановлены выходные, заключенных начали периодически подкармливать в интересах выполнения плана. Появилась какая-то инфраструктура, отсутствовавшая годом раньше. И колымская смертность, в 1938 г. достигшая почти 12%, опускается до 7,5% — цифры тоже уничтожающей, но уже свидетельствующей не об интенсивном массовом заморе, а о постепенном медленном вымирании, не противоречащем в этом виде нуждам горной промышленности [Кокурин, Моруков: 536–537].

Нам кажется, что эта административно-бытовая картина в сочетании с уже описанной поэтикой времени в КР и представлением Шаламова о природе лагеря позволяет объяснить, почему 1939 год в КР сделался отчасти фигурой умолчания.

⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О лагерях НКВД» от 10 июня 1939 г.

В пределах шаламовской поэтики 1939 год занял место образцового лагерного года, эталона, «точки зеро». Времени, когда колымская лагерная система уже сложилась во всем своем производственном великолепии, не смущаемом торжествующей бесхозяйственностью и политическим ражем 1937-го и 1938-го. Это место среды, той воды, которую не способна заметить или назвать по имени лагерная рыба, того состояния, чьи параметры можно опознать только в сравнении.

Среды, в которой может повезти даже прожить подольше, если не попасть в горное управление, если работа окажется посильной. Среды, где голод недостаточно силен, чтобы убивать быстро...

Но при этом «благополучный» рассказчик, счастливо застрявший в тифозном карантине, будет видеть во сне хлеб, хлеб и хлеб, а ребенок, живущий рядом с лагерем, ничего не запомнит и не сможет нарисовать о своей жизни, «кроме желтых домов, колючей проволоки, вышек, овчарок, конвоиров с автоматами и синего, синего неба» [1: 108].

Среды, в которой можно при невероятной удаче и таком же упорстве вернуть себе слово «сентенция» — до первого похолодания или доноса.

1938-й в КР легко датируем и отличим — по расстрелам и исчезновениям, внезапному голоду, тифу, зимней жизни в палатках, 16-часовому рабочему дню, рукам работаг, мгновенно согнувшимся и окаменевшим по черенку лопаты. По тому обстоятельству, что к окончанию любой размещенной в этом году истории рассказчик, фокус непрямого повествования, его сосед или сосед соседа — в общем, кто-нибудь — будет с вероятностью мертв. С не меньшей вероятностью — мертвы будут они все.

Военные годы узнаются по американскому ленд-лизинговскому хлебу, эпидемии лагерных процессов, массовому битью — много есть в КР примет времени, сцепленных с датами, различают их «з/к з/к», начнет различать и читатель.

Но чтобы сказать «это было в 1939-м» — нужно переменить состояние, выйти из среды, встать вовне и сверху — фельдшером, писателем, обитателем исторического времени. Посмотреть на тонкую корку льда, отделяющую некое подобие жизни от безвременья, одинакового для з/к Андреева и Натальи Шереметевой, для всех представителей нашего биологического вида, и сказать: «Это тридцать девятый. Идеальный лагерь. Вот он, оказывается, был какой».

Литература

- Бацаев 2002 — *Бацаев И. Д.* Особенности промышленного освоения северо-востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002.
- Гинзбург 1991 — *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. М.: Книга, 1991.
- Горбатов 1989 — *Горбатов А. В.* Годы и войны. М.: Воениздат, 1989.
- Жигулин 1996 — *Жигулин А. В.* Черные камни. Урановая удочка. М.: Культура, 1996.
- Заболоцкий 1995 — *Заболоцкий Н. А.* Огонь, мерцающий в сосуде...: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества: Сб. / Сост., жизнеописание и примеч. Н. Н. Заболоцкого. М.: Педагогика-Пресс, 1995.
- Зеляк 2004 — *Зеляк В. Г.* Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30-х – 50-х гг. XX в. Магадан: [б. и.], 2004.
- Кокурин, Моруков 2005 — Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А. И. Кокурин, Ю. Н. Моруков; Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2005.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство–СПБ, 1994.
- Михайлик 2002 — *Михайлик Е. Ю.* Кот, бегущий между Солженицыным и Шаламовым // Шаламовский сборник. Вып. 3 / Сост. В. В. Есипов. Вологда: Грифон, 2002. С. 101–114.
- Михайлик 2009 — *Михайлик Е. Ю.* Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. № 100. 2009. С. 356–375.
- Михайлик 2013 — *Михайлик Е. Ю.* Документность «Колымских рассказов» Шаламова: деформация как подлинность // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Под ред. И. М. Каспэ. М.: Нов. лит. обозрение, 2013. С. 298–322.
- Солженицын 2006 — *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАг (1918–1956): Опыт художественного исследования: В 2 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
- Тимофеев 1991 — *Тимофеев Л.* Поэтика лагерной прозы: Первое чтение «Колымских рассказов» В. Шаламова // Октябрь. 1991. № 3. С. 182–195.
- Четвериков 1991 — *Четвериков Б. Д.* Всего бывало на веку. Л.: ЛИО «Редактор», 1991.
- Шаламов 2004–2013 — *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: В 6 т. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2004–2013.
- Kahneman 2011 — *Kahneman D.* Thinking fast and slow. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2011.
- Redelmeier, Kahneman 1996 — *Redelmeier D. A., Kahneman D.* Patients' memories of painful medical treatments: Real-time and retrospective evaluations of two minimally invasive procedures // Pain. Vol. 66. No. 1. 1996. P. 3–8.
- Toker 2015 — *Toker L.* Rereading Varlam Shalamov's 'June' and 'May': Four kinds of knowledge // (Hi)stories of the Gulag / Ed. by F. Fischer von Weikersthal, K. Thaidigsmann. Heidelberg: Universitätsverlag Winter (forthcoming).

TIME IN THE “KOLYMA TALES”. 1939 — THE YEAR THAT WASN’T THERE

Mikhailik, Elena Iu.

PhD, Lecturer, The University of New South Wales (UNSW)

Australia, Sydney, NSW 2052

Tel.: 612-93852389

E-mail: Elena.Mikhailik@sbs.com.au

Abstract: This paper attempts to analyse the treatment of time in the “Kolyma Tales” of Varlam Shalamov: in particular, we investigate “the case of the year 1939”. As a date, as a number the year 1939, the time in which many of the key KT stories are set, a period that is very important within the general structure of the events, is for all practical purposes absent from the narration. This problem, in our view, is part of a more complex issue: Shalamov is portraying time in general and historical time in particular as a biosocial category. The very ability to perceive time and relate to it in KT depends directly on the social status of the character, and (therefore) on their physical state. However, if this social lack of cohesion with time and history is to be noticed by the audience, the very same time and history have to be a noticeable part of the general landscape — as objects of rejection. One of such objects that are present and absent at the same time happens to be the year 1939 — a period that represents, as we believe, the model, “perfect” prison camp year in Shalamov.

Keywords: poetics, time, labour camp literature, Varlam Shalamov, “Kolyma Tales”, 1939

References

- Batsaev, I. D. (2001). *Osobennosti promyshlennogo osvoeniia severo-vostoka Rossii v period massovykh politicheskikh repressii (1932–1953). Dal’stroi* [Specific features of the industrial development of the Russian North-East during the period of mass political repressions (1932–1953. Dalstroy.]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (In Russian).
- Chetverikov, B. D. (1991). *Vsego byvalo na veku* [I’ve seen it all in my time]. Leningrad: LIO “Redaktor”. (In Russian).
- Ginzburg, E. (1991). *Krutoi marshrut* [Into the whirlwind]. Moscow: Kniga. (In Russian).
- Gorbatov, A. V. (1989). *Gody i voiny* [Years and wars]. Moscow: Voenizdat. (In Russian).
- Kahneman, D. (2011). *Thinking fast and slow*. New York: Farrar, Strauss and Giroux.
- Kokurin, A. I., Morukov, Iu. N. (eds.) (2005). *Stalinskie stroiki GULAGa. 1930 — 1953* [Stalin’s construction projects by the GULAG: 1930–1953] A. N. Iakovlev (gen. ed.). Moscow: MFD. (In Russian).

- Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations on Russian culture. Everyday life and traditions of the Russian nobility (the 18th — early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo—SPB. (In Russian).
- Mikhailik, E. Iu. (2002). Kot, begushchii mezhdru Solzhenitsynym i Shalamovym [A cat, running between Solzhenitsyn and Shalamov]. In V. V. Esipov (ed.). *Shalamovskii sbornik* [The Shalamov collection of articles], iss. 3, 101–114. Vologda: Grifon. (In Russian).
- Mikhailik, E. Iu. (2009). Ne otrazhaetsia i ne otrasyvaet teni: “zakrytoe” obshchestvo i lagernaia literatura [Has no reflection and casts no shadow: “closed” society and prison camp literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 100, 356–375. (In Russian).
- Mikhailik, E. Iu. (2013). Dokumentnost' “Kolymskikh rasskazov” Shalamova: deformatsiia kak podlinnost' [Documentality of the “Kolyma Tales” by Shalamov: deformation as authenticity]. In I. M. Kasje (ed.). *Status dokumenta: okonchatelnaia bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo?* [Status of a document: Final paper or alienated evidence?], 298–322. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Redelmeier, D. A., Kahneman, D. (1996). Patients' memories of painful medical treatments: Real-time and retrospective evaluations of two minimally invasive procedures. *Pain*, 66(1), 3–8.
- Shalamov, V. T. (2004–2013). *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vols. 1–6). Moscow: TERRA — Knizhnyi klub. (In Russian).
- Solzhenitsyn, A. I. (2006). *Arhipelag GULag (1918–1956): Opyt khudozhestvennogo issledovaniia* [The Gulag Archipelago (1918–1956): An experiment in literary investigation] (Vols. 1–2). Ekaterinburg: U-Faktoriia. (In Russian).
- Timofeev, L. (1991). Poetika lagernoi prozy: Pervoe chtenie “Kolymskikh rasskazov” V. Shalamova [Poetics of the prison camp prose: the first readings of the “Kolyma Tales” by V. Shalamov]. *Oktiabr'* [October], 1991(3), 182–195. (In Russian).
- Toker, L. (2015). Rereading Varlam Shalamov's ‘June’ and ‘May’: Four kinds of knowledge. In F. Fischer von Weikersthal, K. Thaidigsmann (eds.). *(Hi)stories of the Gulag*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter (forthcoming).
- Zabolotskii, N. A. (1995). *Ogon', mertsaiushchii v sosude...: Stikhotvoreniia i poemy. Perevody. Pis'ma i stat'i. Zhizneopisanie. Vospominaniia sovremennikov. Analiz tvorchestva* [Fire flickering within a vessel...: Verses and poems. Translations. Letters and essays. Autobiography. Accounts from contemporaries. Analysis]. N. N. Zabolotskii (ed.). Moscow: Pedagogika-Press. (In Russian).
- Zeliak, V. G. (2004). *Piat' metallov Dal'stroia: Istorii gornodobyvaiushchei promyshlennosti Severo-Vostoka v 30-x — 50-x gg. XX v.* [Five metals of Dalstroy: history of the mining industry in the Russian North-East in the '30s–'50s of the 20th century]. Magadan: [n. p.]. (In Russian).
- Zhigulin, A. V. (1996). *Chernye kamni. Uranovaia udochka* [Black stones. A uranium fishing-rod]. Moscow: Kul'tura. (In Russian).
- MIKHAILIK, E. IU. (2016). TIME IN THE “KOLYMA TALES”. 1939 — THE YEAR THAT WASN'T THERE. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 28–43

М. Л. МАЙОФИС

Майофис Мария Львовна

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных исследований*

ШАГИ РАНХиГС;

*доцент, Институт общественных наук РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82*

Тел.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: mmaiofis@yandex.ru

«В ПОМОЩЬ РЕШЕНИЯМ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ»: О РОЖДЕНИИ «ОТТЕПЕЛЬНОЙ» ОБЩЕСТВЕННОСТИ ИЗ ДУХА 1939 ГОДА¹

Аннотация. Статья представляет собой опыт в жанре микроисторического исследования. Анализируя документы из личного архива педагога, общественного деятеля и военного эксперта Бориса Ивановича Журина (1890–1964), автор демонстрирует, что 1939 год был важным рубежом в его карьере. Именно в этом году Журин сменил «скромную» профессию инженера-строителя, специалиста по бетонным конструкциям, на профессию военного эксперта, социального активиста и публициста. Как военный эксперт Журин работал в 1939–1940 гг. над монографией, посвященной взаимодействию различных родов войск (включая авиаразведку и артиллерию) при наступлении русской армии в июне 1917 г. Он был убежден в том, что этот опыт необходимо усвоить перед началом новой войны. Как социальный активист и публицист, Журин придумал, описал и начал продвигать идею нового социального института — так называемых родительских комитетов в домах, настаивая на том, что именно эти комитеты являются наилучшим инструментом контроля над семейным воспитанием. Модель этого социального института также была основана на идее взаимодействия, поскольку родительские комитеты в домах должны были установить тесные отношения и информационный обмен

---

¹ Статья подготовлена в рамках работы над научно-исследовательским проектом ШАГИ 2015 года «Стратегия институционального строительства в постсталинском СССР (образование, наука, культура)».

с райисполкомами, местными ячейками ВЛКСМ, администрацией и родительскими комитетами школ, наконец, с жилищными конторами самих домов. Тщательное рассмотрение документов архива Журина и его публикаций, а также реконструкция исторического контекста 1939 г. и периода «оттепели» приводят автора к выводу о том, что Жури́н воспринимал советское общество, пережившее Большой террор, как атомизированное, деморализованное низкой компетенцией новых армейских начальников и государственных чиновников, лишённое каналов передачи знаний и опыта. И в 1939-м, и в последующие годы своей профессиональной и общественной деятельности Жури́н старался восстановить и интенсифицировать горизонтальные социальные связи.

Ключевые слова: 1939, Большой террор, общественность, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, социальный контроль, государственный контроль, социальное взаимодействие, организации родителей

1

Эта работа представляет собой опыт в жанре микроистории. Задачей микроисторического исследования является разработка такого типа познания, который благодаря интересу к «малым жизненным мирам» даёт возможность проникновения в «неисследованные области социальной истории» [Medick 1994; Медик 1994]. Герой моего повествования по уровню образования и социальным амбициям, конечно, ближе не к самоучке-мельнику, ставшему объектом дознания в инквизиционном процессе [Гинзбург 2000], но к невшательскому виноделу, поступившему на службу в Ост-Индскую компанию, а затем издавшему несколько брошюр о перспективах колониальной политики [Гинзбург 2004]. Мой рассказ будет посвящён весьма плодовитому автору, человеку с масштабными социальными амбициями, которые ему, по крайней мере отчасти, удалось реализовать. Опережая события, упомяну о том, что переломным и ключевым в его писательской и общественной биографии, в осмыслении им собственного профессионального пути стал 1939 год: именно это обстоятельство и заставило меня предложить свою статью для этой тематической подборки.

Борис Иванович Жури́н (1890–1964), чей личный архив мне случайно удалось обнаружить в фондах Государственного архива Российской Федерации², фигурирует в путеводителях и описях как «педагог-общественник». Эта дефиниция верна, но лишь отчасти: с одной стороны, она описывает большую часть документов этого личного архива (составляющего более 600 единиц хранения!), сданного в ГАРФ вдовой в 1966 г., с другой — явным образом соотносит профессиональную деятельность Жури́на с по-

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 421.

следней его аффилиацией: в 1961–1964 гг. он был заместителем руководителя секции родительской общественности Центрального совета Педагогического общества РСФСР. Однако за предшествующие поступлению на службу в Педагогическое общество полстолетия Журин успел прожить столь интенсивную и разнообразную в профессиональном отношении жизнь, что одного этого определения было бы явно недостаточно.

Выпускник коммерческого училища Общества распространения коммерческих знаний (1908), студент юридического факультета Московского университета (1909–1912, 1919–1921), учащийся школы прапорщиков (1912–1914), участник Первой мировой войны (1914–1918), перешедший, если верить его анкетам и автобиографиям, в 1918 г. на службу в Красную армию, штатный преподаватель школы связи РККА (1920–1922). В 1922 г. Журин оставляет военную службу и вступает на профессиональную стезю, ранее проложенную учебой в коммерческом училище и МГУ: в течение 1920-х и почти всех 1930-х годов он работает на разных управленческих должностях в организациях, занимающихся торговлей и строительством [Черновик автобиографии 1940]³. Его публикации этого периода преимущественно посвящены вопросам техники строительства из бетона [Журин 1927; Журин б. д.].

Однако в 1939–1940 гг. Журин совершает крутой профессиональный поворот: в июле 1939 г. по заданию Академии им. Фрунзе он принимается за работу над книгой по истории Первой мировой войны [Черновик автобиографии 1940] и вновь поступает на военную службу [Материалы о выходе на пенсию 1955: Л. 8], которую не оставляет уже вплоть до выхода на пенсию в 1957 г.⁴

Тем не менее сам Журин наверняка согласился бы с именованием его «педагогом-общественником». Оба слова, входящие в это определение, были ему и дороги, и близки. Журин несомненно считал себя педагогом. В своей административно-строительной деятельности он стремился к тому,

---

³ В 1922–1923 гг. — зав. отделом сбыта Москустпрома, в 1923–1924 гг. — зав. отделом договоров и организации производства Мосгубстройсоюза, в 1924 г. — член правления Мосстройдома, в 1924–1934 гг. — член правления, зам. председателя, директор-распорядитель и член Главного правления Техбетона, в 1935 г. — помощник главного инженера Моспром-проекта, в 1936–1940 гг. — помощник главного инженера по организации строительного производства в Стройэлектро, Строймеханизации и Научно-исследовательской лаборатории по электрификации и строительству Наркомстроя СССР [Черновик автобиографии 1940]. Параллельно Журин в 1932–1935 гг. преподавал в Строительном курсовом институте Наркомата тяжелой промышленности СССР и в Московском строительном институте [Перечень работ 1958].

⁴ Военная биография Журина 1939–1957 гг. включает работу в Академии им. Дзержинского, службу во время Великой Отечественной войны последовательно в должностях помощника начальника штаба артиллерийского механического корпуса, старшего помощника и начальника артиллерийского отдела штаба 16-й армии, старшего помощника начальника оперативного отдела Западного фронта и 3-го Прибалтийского фронта, а в самом конце войны — в отделе боевого применения артиллерийских стрелково-тактических курсов. В 1945–1953 гг. Журин был преподавателем Высшей офицерской артиллерийской штабной школы, а в 1953–1957 гг. — сотрудником научно-исторического отдела Артиллерийского исторического музея в Ленинграде [Активное творчество 1957].

чтобы передать коллегам знания о новых технологиях в профессии, отсюда и преподавание в институтах, и несколько учебных пособий о свойствах бетона. Его работа в статусе военного эксперта и военного историка отмечена постоянным стремлением к передаче знаний и опыта (об этом пойдет речь ниже), наконец, сама его общественная активность с конца 1930-х была сосредоточена на проблемах воспитания и детей, и родителей.

Но и вторая часть определения — «общественник» — также была неотъемлемой частью самоидентификации нашего героя. Свой социальный активизм, включая членство в Педагогическом обществе, он осмыслил именно в рамках концепта «советской общественности». О том, как Журин представлял себе социальную миссию советской общественности, еще будет сказано, но в этой, вступительной, части нужно вернуться к моему исходному тезису: поворотным моментом в общественной деятельности Журина (как и в его профессиональной биографии) оказался 1939 год.

Осенью 1939 г. Б. И. Журин пишет и готовит к изданию рукопись книги под названием «Родительская общественность в домах». Ее основной тезис сводится к тому, что для обеспечения наилучшей успеваемости детей и для поддержания общественного порядка следует создавать родительские комитеты при домах и домоуправлениях, т. е. по месту жительства детей, а не по месту их учебы. В обязанности такого родительского комитета должно входить наблюдение за воспитанием детей в семьях, а также организация для них особого социального пространства — клуба или уголка самодеятельности, где дети могли бы готовить домашние задания, играть и заниматься в кружках.

За этой небольшой книгой стоит твердая убежденность автора в неспособности многих семей справиться с воспитанием собственных детей и неспособности школы исправить эту ситуацию:

Виновниками «плохих» ребят всегда оказываются их родители и те условия, которые они создают своим детям в семье.

Нет плохих ребят — есть плохие воспитатели.

Некоторая часть родителей и семей требуют посторонней помощи в деле воспитания их детей. <...>

Воспитание «непокорных» ребят в большинстве случаев нужно начинать с помощи и воспитания их родителей.

Эти задачи не под силу поднимать одной школе.

В этом деле нужна помощь широкой общественности [Родительская общественность 1939: Л. 5]⁵.

Вероятно, идея внешкольной системы контроля над семейным воспитанием была подсказана Журину его опытом работы в школьных родительских комитетах, в которых он, будучи отцом двух дочерей-школьниц,

---

⁵ Здесь и далее тексты из архива Б. И. Журина приводятся с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации. Случайные опечатки, описки, пропуски букв исправляются без специальных пояснений.

состоял предыдущие несколько лет. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что на должности председателя родительского комитета Журин пытался проводить очень жесткую политику, включавшую постоянное «оглашение» на родительских собраниях имен двоечников, прогульщиков и нарушителей дисциплины, «прикрепление озорников к родителям отличников», «установление связи с местными и завкомами мест службы родителей и обязательное извещение мест службы родителей в случае буйного поведения и пьянства родителей и деморализации детей родителями», «организацию показательных судов над родителями, разлагающими своих ребят», и т. д. [Перечень мероприятий 1937: 4].

Можно предположить, что предложенные Журиным в 1936/1937 учебных годах меры или не были приняты, или оказались малоэффективными. В рукописи 1939 г. он с горечью констатирует, что советская школа «не всегда легко справляется с делом воспитания ребят» даже в своих стенах, а в остальное время дети оказываются и вовсе вне сферы ее досягаемости (Журин использует популярное еще с 1920-х годов слово «безнадзорный»):

Две трети времени ребята остаются под надзором своих родителей. А иногда вместо родителей различных «соседей», «бабушек» и др. случайных воспитателей, или полностью предоставленными самим себе, подвергаясь влиянию различных компаний во дворах и на улице [Родительская общественность 1939: Л. 6].

Тогда Журин изобретает альтернативный социальный институт воспитания и контроля: «Громадные жилые дома г. Москвы, где иногда живет 100–200 и более ребят, являются такой же “школой”, значащей иногда даже больше в воспитании ребят, чем та настоящая школа, в которой ребята пребывают всего лишь 4–6 часов» [Там же: Л. 8], а значит, при этих домах нужно организовать «комитеты родителей», в которые будут входить также и «взрослые ребята — комсомольцы». Этим комитетам или выполняющим те же функции культкомиссиям, уже существующим при многих домах, и будут доверены функции контроля над воспитанием детей, воспитания родителей, не умеющих воспитывать своих детей, и, наконец, организация детского досуга.

В основу своего институционального проекта Журин кладет идею полной проницаемости частной (в том числе и семейной) жизни человека для внешних наблюдателей: прежде всего уполномоченных от государства и той самой «общественности», которую он пытается создать с помощью придуманных им новых социальных институтов. Рассказав несколько историй о том, как в одних семьях родители нещадно бьют своих детей, в других — не обращают внимания на их хулиганское поведение, а в третьих — беспросветно пьют, Журин предлагает считать эти родительские девиации таким же серьезным проступком перед государством и обществом, как и служебные и должностные преступления:

Почему каждый из нас подконтролен и отчитывается ежедневно, ежемесячно и ежегодно в своей работе на службе и почему он ни перед кем и никогда не отчитывается в своем отношении к детям и своем поведении в семье? [Родительская общественность 1939: Л. 12].

2

Журинская идея родительских комитетов в домах, равно как и предшествующие его предложения об организации показательных судов над нерадивыми родителями на первый взгляд представляют собой образцовые иллюстрации к концепции «светской реформации» советского периода, предложенной Олегом Хархординым в его знаменитой книге «Обличать и лицемерить» [Хархордин 2002]: налицо горизонтальный контроль коллектива над отдельной личностью, опубликование частной жизни... Однако проект Журина изменял значение, которое было принято вкладывать в слово «общественность» во второй половине 1930-х годов. Более того, он подразумевал ориентацию на несколько иную модель общественных взаимоотношений по сравнению с той, что была тогда принята «по умолчанию» в советской пропаганде и публичной риторике.

Историю понятия *общественность* и его социальные значения исследовал Вадим Волков [Волков 1997]. Он показывает, что это понятие в России приобрело несколько уникальных смыслов. Первоначально его ввел Александр Радищев, который подразумевал под ним общественное мнение; его современник Николай Карамзин называл *общественностью* особое качество социальной солидарности. В 1840–1850-е годы *общественностью* называли общественное мнение или, чаще, строй отношений, характерных для конкретного общества [Малинова 2012]. Однако постепенно это слово начинает обозначать не принцип или институт, но отдельную, претендующую на автономию общественную группу — складывавшуюся тогда интеллигенцию. «...К началу XX века “общественность” (<...> стали связывать с носителями критического общественного мнения и группами людей, выполнявших общественные обязанности или работавших на общие интересы» [Волков 1997]. Тогда же это слово стало восприниматься как антоним индивидуализма [Малинова 2012].

После утверждения советско-большевистской власти слово *общественность* в СССР претерпело еще одну метаморфозу: в 1920-е годы оно стало обозначать не критически настроенные, но напротив, лояльные — и, более того, сознательно, по убеждению лояльные социальные группы. Наиболее удачное определение лояльности, на наш взгляд, дано в работе Алексея Левинсона: «...когда я пользуюсь словом “лояльность”, я имею в виду отношения между неким социальным субъектом, который является предметом разговора, и каким-либо институтом, нормам которого этот субъект по тем или иным причинам намеревается следовать» [Левинсон 2015]. Иначе говоря, *общественностью* стали называть группы, которые следовали нормам советских институтов и поддерживали их не из конфор-

мизма или нежелания «выпасть» из общества, но потому, что считали это необходимым. Некоторые авторы 1920-х годов, например Н. К. Крупская, предполагали, что в будущем так понимаемая «общественность» постепенно заменит государство [Крупская 1930: 22].

В эмигрантской прессе эту новую группу считали результатом сознательного политического конструирования со стороны большевиков, которые в то же время «душили и душат» «народную общественность» — с точки зрения авторов-эмигрантов, «настоящую» [Эфэс 1927]. Впрочем, рефлекс старого, дореволюционного употребления термина могли сохраняться даже у сотрудников ОГПУ, которые с некоторым уважением писали о возрождении в СССР — разумеется, в подполье — «сионистско-социалистической общественности», которую сами же и преследовали [Обзор 1927]⁶.

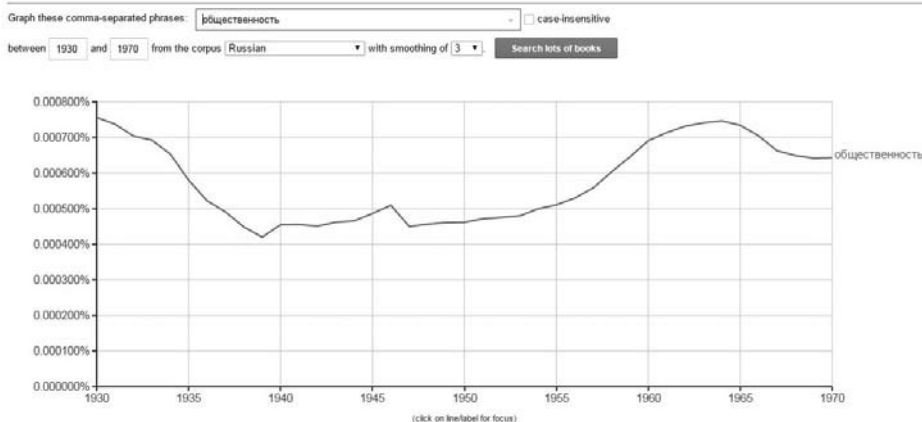
В 1930-е годы значение слова *общественность* было снова изменено и искусственно сужено. В 1936 г. было создано движение «жен-общественниц» [Buckley 1996], в которое власти стремились вовлечь максимальное количество жен инженерно-технических сотрудников; по инициативе Г. К. Орджоникидзе, курировавшего новое движение, в СССР начал выходить журнал «Общественница». Согласно редакционной статье, журнал «должен [был] дать возможность каждой жене стать общественницей, найти свое достойное место в строительстве социализма. Работа жен многогранна, разнообразна, творчески инициативна, требует много культуры и четкости, а главное — умения эту культуру передать, пропагандировать» [От редакции 1936]. В Обращении Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности ко всем женам хозяйственников и инженерно-технических работников СССР провозглашалось:

Вчера еще только домашние хозяйки, вся жизнь которых проходила в кругу узких семейных забот, стали сегодня участниками великого сталинского дела. У нас еще мало опыта, но каждая из нас уже нашла свое — пусть маленькое — место в общей работе. Одни из нас взяли за ясли, школы, помогают детям лучше учиться и отдыхать; другие пошли в заводские столовые, клубы, буфеты, рабочие общежития, навели чистоту в рабочих поселках, на площадках заводов, организовали кружки стрелкового дела, спорта, иностранных языков и т. д. Все мы горим желанием сделать жизнь трудящихся нашей страны еще более радостной, еще более прекрасной [Обращение 1936].

Это переформатирование имело очень большое значение. С 1936 г. слово *общественность*, почти выпавшее из употребления (см. ил. 1), стало указывать на связь семейной жизни и семейных интересов с участием в государственной социальной политике.

⁶ Другие трактовки этого слова, например «социальность», были уделом истребляемой политической оппозиции. Так, в одной из рукописных статей сторонников Троцкого, сидевших в советской тюрьме, замечалось: «...выступление в защиту деловой проработки [экономических] планов вызывает гикания и легкомысленные обвинения и заподозривание в уклонках, ставящих обвиняемых вне закона элементарной общественности» [С партией 1932].

Google books Ngram Viewer

Ил. 1. График употребления слова *общественность* в публикациях на русском языке в 1930–1970 гг. , составленный с помощью программы Google Ngram

В середине 1950-х годов слово *общественность* было реактуализировано. Значительная часть институтов, созданных в эпоху «оттепели», подразумевала участие именно «общественности», под которой вновь, как в 1920-е годы, понимались уже не жены инженерно-технических работников, а политически мобилизованные группы населения в целом (как сказали бы в XIX в., обоего пола). Как точно отмечает Вадим Волков, начало процесса десталинизации и заявленные Хрущевым на XX–XXII съездах КПСС перспективы быстрого построения коммунизма привели к тому, что «общественность» «стали ассоциировать с переходом от государственного управления к общественному самоуправлению и от государственной охраны общественного порядка к общественной — в стиле, напоминающем дебаты конца 20-х годов...» [Волков 1997]. Хрущевская утопия саморегулирующегося общества, которое взяло бы на себя многие функции государства, в том числе и его надзорно-карательных органов, выливалась и в такие одиозные институты, как «дружины охраны общественного порядка» (см. об этом: [Лебина 2015: 402–410])⁷, и в менее известные историкам родительские комиссии при профкомах, парткомах и домкомах.

В целом руководство КПСС, и особенно Н. С. Хрущев, предполагали, что «общественность» станет инструментом эмоциональной мобилизации, возмещающим отказ от массовых репрессий. Вот характерный пример газетной риторики хрущевского времени, появившийся в печати за несколько месяцев до снятия генерального секретаря:

⁷ Первые добровольные народные дружины появились в СССР в 1955–1957 гг. Законодательно деятельность ДНД была закреплена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка».

Общественные начала в работе нашего городского Совета приняли небывалый размах. Решать вопросы хозяйственного и культурного строительства, быта и воспитания людей нам помогают тысячи активистов, объединенных в постоянные комиссии, внештатные отделы, советы и комитеты при учреждениях, домоуправлениях и школах. Многие выполняют обязанности инспекторов и инструкторов. <...> Внештатный отдел привлек сотни активистов, объединенных в шести советах университетов культуры, двух парков, народной филармонии, клубов выходного дня школьников, девушек, спортивной молодежи и других. На общественных началах (т. е. бесплатно. — М. М.) работают два книжных магазина, два киоска, детская музыкальная школа, сорок библиотек [Сайкина 1964].

Это «оттепельное» понимание общественности Журин предвосхитил в своих сочинениях 1939 г. Отличия журиновской трактовки от парадигмы сталинского времени очень заметны: коллектив у Журина обладает достаточной степенью автономии, и принадлежность к этому коллективу диктуется не местом работы или профессией, не партийностью или идеологической солидарностью, но самим фактом совместного проживания в одном многоквартирном доме и сознательной социально активной позицией (важно, что речь идет именно о социальном, а не идеологическом активизме!).

Фактически придуманные Журиным родительские комитеты в домах представляют собой аналог местных сообществ, *local communities* — социальных акторов, которые начали играть большую роль в американском образовании с конца XIX — начала XX в. под влиянием идей прогрессивистского движения в образовании (*progressive education movement*) и конкретно работ Джона Дьюи (см., например: [Crick, Tarvin 2012; Morton, Saltmarsh 1997; Savage 2002]). По Журину, для того чтобы деятельность местного родительского комитета была успешной, необходимо, чтобы его члены действительно хотели что-то сделать для детей и были бы готовы тратить на это силы и время, но, кроме того, действовали бы слаженно между собой и в тесном сотрудничестве с жилконторой, райисполкомом, администрацией и родительскими комитетами близлежащих школ. Приводя в подготовленной им к печати книге несколько примеров удачной организации досуга детей в московских многоквартирных домах, Журин комментирует один из своих кейсов следующим образом:

Почему в Луковом переулке люди сумели так хорошо поставить работу с детьми?

Потому, что там исключительно хорошо сработались три основных звена: форпост, управдом и родители. Потому, что там люди не ждали, пока кто-то другой займется детьми, а сами за это взялись. Потому, наконец, что там и управдом и родители не только любят детей, но и доказывают эту любовь делом [Родительская общественность 1939: Л. 18].

Книга «Родительская общественность в домах» не была голым теоретизированием социального прожектера. Ее созданию предшествовала организационная работа, которую Журин описал в заключительных параграфах: 4 июля 1939 г. он подал записку в Президиум Пролетарского райсовета г. Москвы с предложением об организации «комитетов родителей (...) в крупных домах района», а 16 августа 1939 г., за неделю до подписания пакта Молотова–Риббентропа и за две недели до начала Второй мировой войны, пленум Пролетарского райсовета принял соответствующее постановление, легализовавшее деятельность «родительской общественности при домоуправлениях» [Родительская общественность 1939: Л. 20]. К ноябрю Журину удалось пролоббировать и постановление, которое обязывало директоров школ, находящихся на территории Пролетарского района, содействовать созданию домовых родительских комитетов и даже самостоятельно организовывать их совместно с управдомами, а начальникам жилуправлений — ассигновать в 1940 г. соответствующие суммы на работу комитетов [Там же: Л. 22].

В качестве приложения к книге предлагалось опубликовать «План мероприятий Пролетарского райсовета по организации Комитетов родителей в домах для коммунистического воспитания ребят в помощь школе»: тщательно проработанная таблица, в которой самым подробным образом прописывались все организационные шаги — от первого совещания в райсовете (начало августа) до организации детских клубов при уже существующих родительских комитетах на местах (т. е. в домах). Наибольшее внимание в этом плане уделялось взаимодействию государственных учреждений, органов управления и общественных организаций; способам извещения одних о решениях и деятельности других, формам контроля над исполнением решений; информированию о ходе работы [Там же: Л. 36–38]. Социально-функциональное многообразие участников было необычным для социальных схем 1930-х годов (упомянем здесь также школьные и районные пионерскую и комсомольскую организации, учителей, домоуправления и жилконторы, артели — арендаторы нежилых помещений дома, на средства которых и должен был бы существовать детский клуб, и т. д.). Однако при условии успешного развития событий взаимодействие этих акторов должно было дать впечатляющий результат.

Весь процесс создания родительских комитетов и детских клубов при них должен был, по плану Журина, занять полтора месяца (в Пролетарском районе — с 1 августа по 15 сентября 1939 г.), каждый из пунктов его плана предусматривал «шаг» не более чем в 5 дней, что, разумеется, потребовало бы от всех участников и исполнителей большой слаженности и расторопности.

Судя по тому, что в книге Журин приводит примеры функционирования уже созданных родительских комитетов и детских клубов, датируя отдельные события октябрем и ноябрем 1939 г., свою книгу он оперативно написал в конце ноября — декабре, преследуя достаточно амбициозную

цель — издание в скорейшем времени «правительственного постановления об организации родительских комитетов в домах с возложением на райсоветы обязанности руководства этим делом» [Там же: Л. 35], т. е. распространения опыта Пролетарского района Москвы на всю страну.

В 1939–1941 гг. Журин развил чрезвычайно активную деятельность по продвижению своего проекта, но на первых порах смог лишь частично добиться успеха — постановление Моссовета о родительских комитетах в домах было принято в марте 1941 г., до общесоюзных регламентаций дело так и не дошло, а его книге пришлось ждать публикации долгих тринадцать лет [Перечень работ 1958: Л. 2, 3].

4

Посмотрев на обширный перечень докладов, выступлений, экспертных заключений, публикаций в периодических изданиях по вопросам воспитания⁸, осуществленных Журиным в 1939–1941 гг., можно было бы заключить, что этот проект был для него поистине всепоглощающим. Однако не будем забывать, что он занимался этими вопросами исключительно в часы досуга и без какого-либо материального вознаграждения, ибо основная его работа была далека от проблематики школы и воспитания. В том же июле 1939 г., когда Журин подает записку в президиум Пролетарского райсовета с предложением об организации комитетов родителей при домах, он принимается за большой труд по военной истории по заказу Академии им. Фрунзе. Заглавие этой книги, вышедшей в 1943 г. и защищенной вскоре после этого в качестве кандидатской диссертации, может послужить прекрасным подтверждением действительности фуколдианского понятия эпистемы. Рукопись этой книги называется «Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8ой армией у г. Станиславува в 1917 г.»⁹. Она посвящена истории знаменитого (последнего в продолжение Первой мировой войны) наступления русской армии в июне 1917 г., которым на Юго-Западном фронте, где и воевала 8-я армия, коман-

---

⁸ В списке своих публикаций и экспертных работ 1939–1941 гг. он называет «выступление на 1-й Всероссийской научно-педагогической конференции учителей школ РСФСР по вопросу “О родительских комитетах в домах” (29.12.1939)», «составление докладов и выступление в школьных секциях Сталинского, Красногвардейского и др. районов и [в] школьной секции Моссовета “Об опыте организации родительских комитетов и клубов для детей в домах 1940–1941 гг.”», «Составление проекта положения о родительских комитетах в домах (в комиссии при школьной секции Моссовета)», «проработку доклада и выступление на съезде представителей родительских комитетов в домах, а также организацию выставки работ детских клубов в домах при доме пионеров в Москве, организованных МК ВЛКСМ, Мосгорона и Мосжилуправления 5 марта 1941 г. в Центральном доме пионеров», и мн. др. [Перечень работ 1958: Л. 1–5].

⁹ В публикации 1943 г. книга называлась «Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укрепленной полосы 8-й русской армией у Станиславува» [Журин 1943а]. На титульном листе хранящейся в архиве рукописи стоит 1940 г., однако уже упомянутые выше архивные источники однозначно указывают на лето 1939 г. как на время начала работы над книгой.

довал Л. Г. Корнилов (в книге, кстати, ни разу не упомянутый)¹⁰. Журин принимал участие в этом наступлении в качестве «ближайшего помощника Начальника артиллерии всей основной и ударной группы» [Взаимодействие 1940 (1): Л. 9]. Основная мысль книги заключена уже в ее названии: удача наступления была связана с тесным взаимодействием всех родов войск, участвовавших в операции, а также с результативной артподготовкой, проведенной по результатам авиаразведки и аэрофотосъемки.

Эти выводы Журин экстраполирует и на современную ситуацию:

Взаимодействие различных родов оружия — главным образом пехоты с артиллерией, кавалерией и авиацией, слаженность в работе штабов и командного состава генерального штаба с теми же родами войск, представляет собой важнейший фактор, влияющий на результаты боевых действий армии. <...> Результат боя будет всегда зависеть от того, насколько умело взаимодействуют между собой войска [Там же: Л. 60].

Журин идет еще дальше и настаивает на том, что вопрос взаимодействия войск, по сути центральный и для военной теории, и для военной практики, и уровень его решения является наиболее точным показателем состояния вооруженных сил:

В вопросе взаимодействия и увязки участвующих в бою отдельных родов войск, как в фокусе концентрируются основы всей идеологии морального состояния научных, технических и материальных достижений и обеспечения данной армии. <...> Практическое разрешение вопросов взаимодействия между отдельными родами войск должно быть идеалом, к которому устремляется командование каждой армии [Там же].

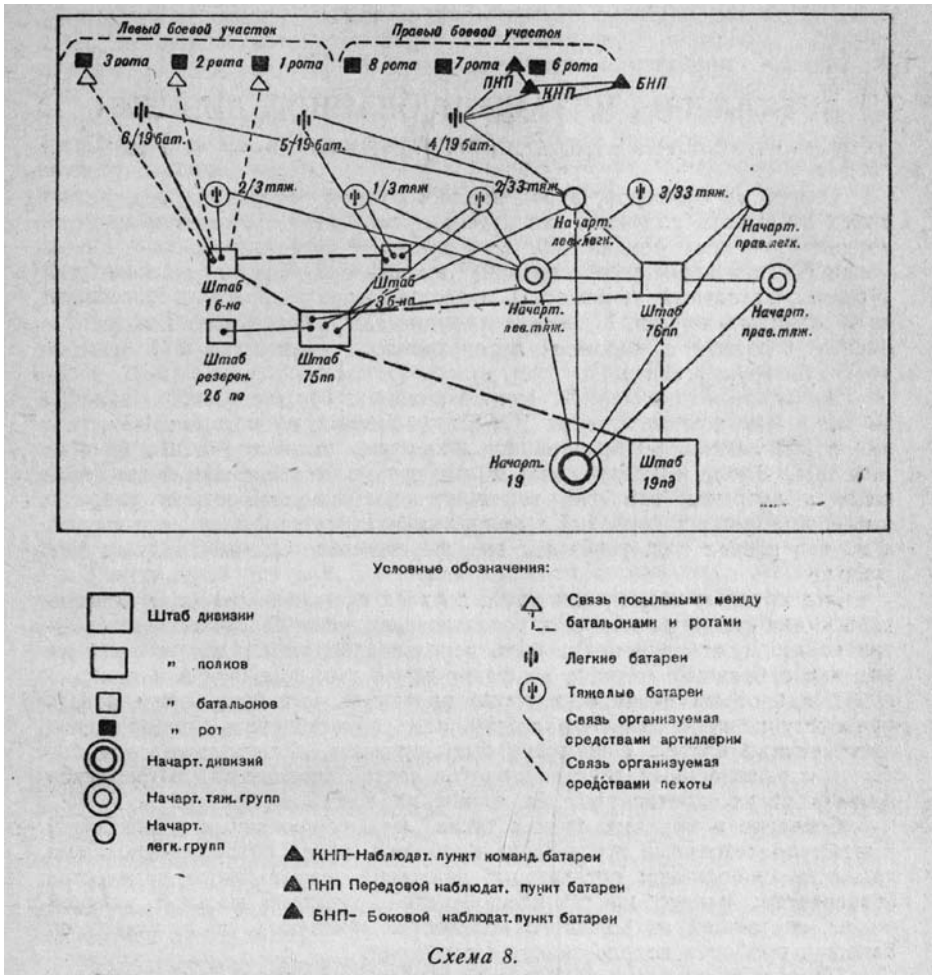
Уже по проекту создания родительских комитетов при многоквартирных домах было заметно, насколько много внимания уделяет Журин подготовительному периоду. В случае организации армейского наступления здесь фигурировали прежде всего разведка, надлежащее оформление полученных разведданных и их умелая систематизация, а также постоянное наблюдение за позициями противника, осуществляемое на специально оборудованных для этого пунктах и с аэростата, с обязательной немедленной передачей результатов по телефонной связи [Взаимодействие 1940 (2): Л. 3].

Сложные интеракции родительских комитетов в домах, родительских комитетов в школах, администрации школ, райсоветов, райкомов и школьных комитетов ВЛКСМ, жилконтор и т. д., равно как и взаимодействие родов войск при наступлении Журин изображал с помощью многосостав-

---

¹⁰ В результате наступления были захвачены свыше 7 000 пленных и 48 орудий (Журин называет другие цифры: 10 000–12 000 пленных и 60 орудий), а также взяты города Станислав, Галич и Калуш. Впрочем результаты наступления не были закреплены: к июлю 1917 г. большая часть русской армии уже отказывалась воевать, и солдаты массово покидали окопы. Вскоре на это наступление германская армия ответила контрударом.

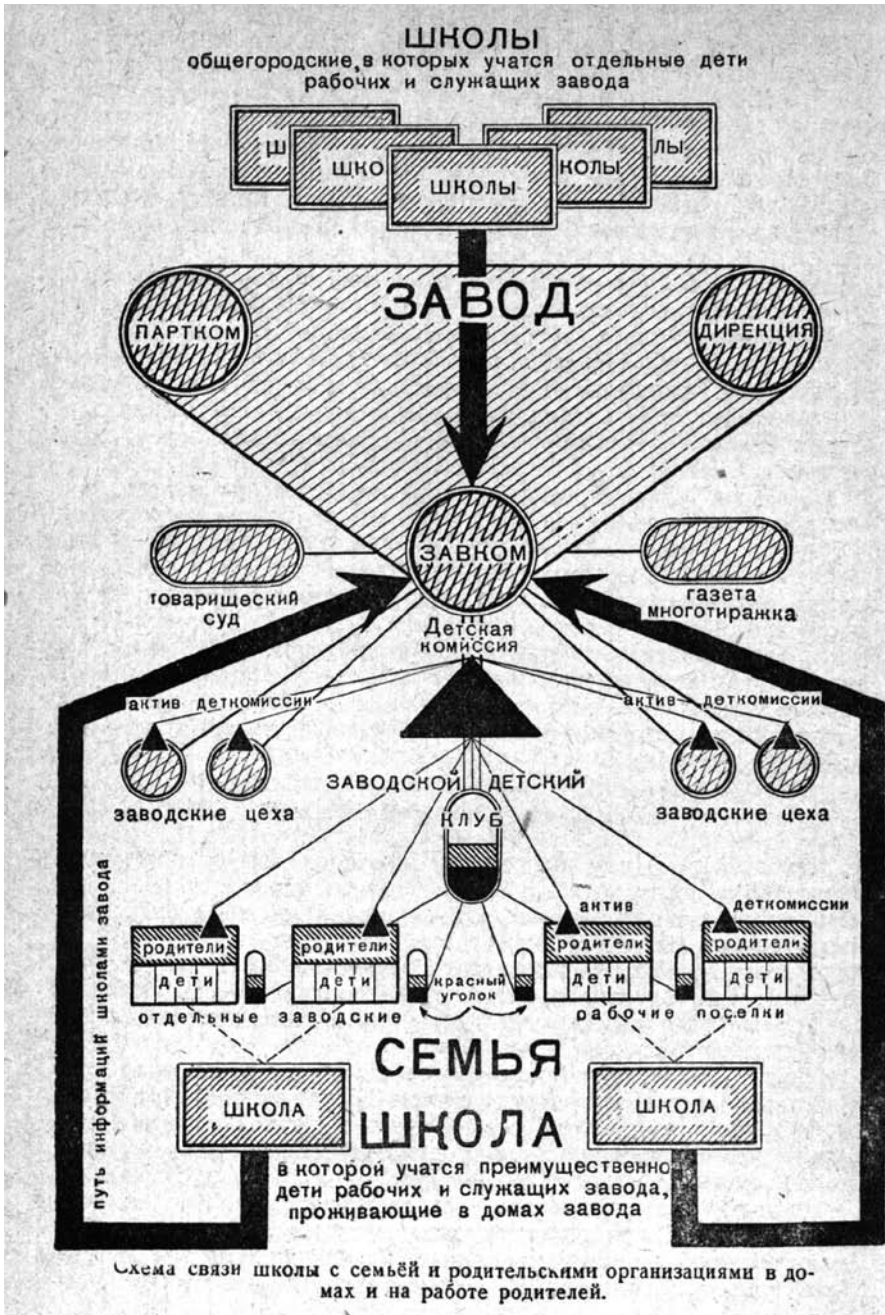

Ил. 2. Б. Журин. Схема взаимодействия артиллерии с пехотой в обороне на линии Ямница–Загвоздь во время Станиславской операции 1917 г. Источник: Журин Б. Артиллерия в Станиславском прорыве 1917 г. (Статья 2-я) // Артиллерийский журнал. 1941. № 2. С. 69.

ных схем, некоторые из которых вошли в его статьи и книги [Журин 1941а; 1943а; 1952; 1955] (см. ил. 2, 3), а некоторые сохранились в архиве¹¹.

¹¹ См., например: «Схема успеваемости учеников дома по Котельнической набережной. 1939–1940» (ГАРФ. Ф. 421. Д. 568), «Схемы связи школы с семьей с род. комитетами» (Д. 569), «Схемы связи завода со школой и семьей и с семьями колхозников» (Д. 571), «Схема организации родительского комитета и детского клуба в домах» (Д. 572), «Схема организации районного совета друзей и детей молодежи» (Д. 573), «Проект и схема плана взаимодействия родов войск для уничтожения прорвавшихся “ударных клещей” противника» (Д. 580).

Ил. 3. Схема связи школы с семьей и родительскими организациями в домах и на работе родителей. Источник: Журин Б. Родительская общественность в помощь школе. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1955. С. 128.

В целом любые сознательно построенные горизонтальные связи Журин считает индикатором общественного развития и залогом успешности самых разнообразных начинаний — от армейских наступлений до ликвидации ученической неуспеваемости, полагая при этом одиночные и нескоординированные действия заведомо обреченными на провал. В конспекте своего выступления на учительской конференции Пролетарского района Журин зафиксировал два примечательных тезиса:

Семья — единоличное хозяйство в нашей социалистической общест-венности <...> Разрушить стену [Тезисы выступления 1940: Л. 2].

Примечательно, что при всех многозначительных намеках на кулаче-ство и коллективизацию Журин говорит здесь не о необходимости разру-шения семьи или замены ее в социалистическом обществе новым институ-том («семейным колхозом»), но лишь о кооперации семей, где даже после создания вспомогательных институтов контроля и взаимопомощи роди-тели сохраняют единоличную ответственность за результаты воспитания своих детей. Точно так же Журин подробно описывает дезинтеграцию между различными родами войск в имперской армии, имевшую, согласно построенной риторике его книги, классовый характер:

Армия, впитавшая в себя, наряду с представителями аристократи-ческой верхушки нашей плутократии, мелкопоместное, обедневшее дворянство и новую нарождающуюся буржуазию, не была спаяна в единый армейский коллектив, стремившийся к одной цели, а жила и работала раздробленной на целый ряд обособленных прослоек и групп. <...> Основными группами были роды войск: пехота, артилле-рия, кавалерия. Между этими группами была, можно сказать, даже без преувеличения — вражда¹². <...> Антагонизм еще более упорный был ко всем остальным частям войск со стороны привилегирован-ной части верхушки царской армии — гвардии всех родов оружия и офицеров, окончивших академию Генерального штаба, представляв-ших собой замкнутую касту людей, мнивших себя «солью земли» [Взаимодействие 1940 (1): Л. 60–61].

Тем не менее даже в этой, неинтегрируемой, с марксистской точки зре-ния, армии пришлось прийти к идее взаимодействия, без которой невоз-можны были бы никакие успешные операции.

И в военно-исторических, и в педагогических работах Журина идея горизонтальной кооперации преподносится как остросовременная, более того — современная. Он говорит о том, что сама многосоставная и разноуров-невая структура социальных проектов и событий требует таких же слож-ных моделей их социальной реализации. Вот характерная цитата из педа-гогической книги, подводящая к изобретению «родительских комитетов в домах»:

¹² Здесь и далее подчеркивания принадлежат автору документа.

Существующие формы организации родительской и детской ответственности в виде родительских комитетов, комсомольских и пионерских организаций, видимо, еще не охватывают всей сложности всех внешкольных мероприятий [Родительская общественность 1939: Л. 13].

Обе созданные Журиным в 1939 г. «теории взаимодействия» стали его главными «коньками» и в профессиональной, и в общественной деятельности на ближайшие 25 лет, до самой кончины. Он равно дорожил той и другой и не жалел сил для их продвижения. Интересно, что в критических ситуациях, когда для реализации одного из его проектов требовалась высшая политическая воля, он использовал сходные модели поведения. Так, в начале 1941 г., добившись постановления Моссовета об организации родительских комитетов в домах на территории Москвы, Журин составил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, подписать которое в качестве «паровозов» попросил летчицу М. М. Раскову, вдову Валерия Чкалова — Ольгу и С. Я. Маршака, бывшего в то время депутатом Моссовета [Материалы комиссии 1941: Л. 1]¹³. В письме почти с дословным цитированием книги 1939 г. обосновывалось значение этих местных форм контроля над воспитанием детей в семьях и необходимость их скорейшего распространения, а затем назывался конкретный виновный в пробуксовывании соответствующего решения на уровне Наркомпроса:

В начале марта Мосгороно (тов. Орлов) утвердил положение о родительских комитетах в домах. <...> Наркомпрос (начальник управления школ тов. Парфенова) не только не возглавила это дело, но своим упорным бездействием препятствует его широкому развитию [Материалы комиссии 1941: Л. 10].

Дальнейшей борьбе за насаждение домовых родительских комитетов помешала война, однако сразу же по возвращении с фронта Журин продолжил мостить дорогу для реализации своего начинания — уже в октябре 1945 г. была опубликована его первая после военного перерыва статья на эту тему [Журин 1945]¹⁴.

История популяризации и воплощения идеи взаимодействия родов войск имеет очень похожую траекторию. Журин заканчивает свою книгу в 1940 г., а в 1941 г. начинает публикацию ее фрагментов в «Артиллерийском журнале» (№ 1, 2, 4, 6). По его собственным воспоминаниям, в июне 1941 г. книга была отослана для рецензирования в Ленинград, но ее путь к читателям прервали начавшаяся война и блокада города¹⁵. Журин оказался

¹³ В другом экземпляре письма вместо Маршака фигурирует В. И. Лебедев-Кумач, «орденоносец, депутат Верховного Совета СССР и Мосгорсовета» [Письмо Жданову 1941: Л. 1].

¹⁴ См. также: ГАРФ. Ф. 421. Д. 465.

¹⁵ Ср.: «Редактирование книги ген[ерал-]м[айором] Сивковым ноябрь 1940 — март 1941 <...> направление книги в Ленинград для печати в начале июня 1941 г.» [Активное творчество 1957: Л. 19].

в действующей армии в самые первые дни войны¹⁶, уже в октябре 1941 г. он опубликовал в армейской газете статью о взаимодействии разных родов войск в обороне [Журин 1941b] (об организации подобного взаимодействия в 1917 г. он писал и в «Артиллерийском журнале» [Журин 1941a]), однако в этот момент его идеи, по-видимому, так и не были широко восприняты.

Летом-осенью 1942 г. Журин стал свидетелем кровопролитного и, по мнению многих военных историков, провального наступления советской армии под Ржевом (так называемой Ржевско-Сычевской наступательной операции) [Glantz 1999]. Общие потери советских войск в этой операции составили более 300 000 человек, продвижение по фронту — несколько десятков километров (каждый километр территории отвоевывался по одной-две недели), а Ржев так и не был в результате взят — точнее, взят, но позже вновь потерян.

30 сентября 1942 г. Журин направил составленную им докладную записку, адресовав ее наркомку обороны И. В. Сталину, заместителям наркома обороны Н. Н. Воронову и А. А. Новикову и начальнику политического управления Красной армии А. С. Щербакову. Сохранившаяся в архиве Журина машинописная копия этой записки озаглавлена «Невозможно дольше молчать» [Докладная записка 1942]. Скорее всего этот заголовок отсутствовал в оригинале, однако он очень точно передает настроение автора в момент, когда он решился на столь резкий критический жест.

Согласно Журину, одной из значимых причин неудач Ржевско-Сычевской операции было отсутствие координации между разными родами войск: авиация передавала полученные разведданные исключительно в штаб, и до артиллерии они доходили только через 1–2 дня, в то время как во время наступления эти данные должны были передаваться непосредственно на батареи и в пехотные части, что позволило бы артиллерии вести огонь по перемещавшимся войскам противника, а пехоте — прорывать фронт. Более того, тактическая разведка в этой операции вообще не считалась первоочередной целью операции — таковыми были признаны бомбометание и дальняя разведка. Это мешало и самой авиации, так как бомбометание осуществлялось по целям, намеченным за 5–6 дней до того, что в условиях мобильности противника (напомню, что Ржев был крупным железнодорожным узлом) наполовину обесмысливало работу бомбардировщиков. Журин в ужасе писал о том, что приемы подобного взаимодействия войск были успешно отработаны еще в российской армии времен Первой мировой войны, когда уровень технического оснащения был значительно ниже, а количество используемых при наступлении самолетов — в сотни раз меньше:

Мне, участнику организации прорывов еще в мировую войну 1914–18 гг., было жутко наблюдать, как действие такой массы самолетов в

¹⁶ Сохранился его краткий военный дневник: [Дневниковые записи 1941].

наше время в 1942 г. проходило наполовину впустую, благодаря отсутствию должной организации — при наличии всех средств и возможностей [Докладная записка 1942: Л. 2–3].

Впрочем, помимо отсутствия стратегического мышления Журин обвинял командиров среднего звена и в элементарном неумении договориться — так, специализированная авиагруппа, приданная артиллерии для разведки, оказалась «пасынком» ВВС и в ходе наступления фактически не использовалась.

Горькое резюме автора: «За отсутствие войсковой авиаразведки [и] полный отрыв нашей авиации (даже при ее превосходстве над противником) от артиллерии — наша пехота расплывается своею кровью и несет излишние жертвы» [Там же: Л. 1] — сопровождалось подробнейшим планом действий, который был, по-видимому, в буквальном и переносном смысле взят на вооружение военачальниками. На сохраненной Журиным копии докладной записки приведена резолюция Г. К. Жукова:

Автор прав — указанное действительно имело место. Т.т. Воронову и Новикову разработать инструкцию взаимодействия авиации с артиллерией для доклада т. Сталину. 5.10.1942 [Там же].

Не исключено, что благодаря привлечению внимания руководства страны и армии к проблеме взаимодействия войск сдвинулось с мертвой точки и дело публикации военно-исторической книги Журина: она вышла в свет в 1943 г. и была, если верить воспоминаниям ее автора, разослана «по всей действующей армии» [Активное творчество 1957: Л. 23]. По свидетельству Журина, предложенная им система взаимодействия артиллерии с разведывательной авиацией и пехотой была реализована при прорыве немецкой обороны на участке Псков–Остров и при освобождении Прибалтики [Активное творчество 1957: Л. 24; Активное творчество 1955: Л. 9]. Впрочем, сам Журин вынужден был позже признать, что до широкого применения его методик дело так и не дошло, поскольку «все эти мероприятия совместной разведки в пехоте и артиллерии изучались действовавшими войсками впервые» и «требовали большой и упорной работы по внедрению его во всех подразделениях артиллерии и пехоты» [Активное творчество 1955: 9].

В 1940–1950-е годы Журин принимал участие в подготовке учебно-методических пособий, так называемых сборников боевых примеров по взаимодействию артиллерии и других родов войск [Журин 1943b; Журин 1947], он также является одним из авторов обобщающей монографии [Журин, Ростовцев 1958]. Работа Журина в научно-историческом отделе Ленинградского артиллерийского музея в 1953–1957 гг. увенчалась довольно радикальными выводами, которыми он смело делился в своих устных выступлениях:

В результате последовательного изучения истории артиллерии и преимущественно 18–19 и 20 вв. мне и пришлось встретиться с такими фактами: когда [каждая] последующая война в тактике использования артиллерии в начале войны значительно отставала от методов, применявшихся в предыдущей войне... [Воздушная фоторазведка 1960: Л. 44].

5

Десятилетие, отделяющее первую редакцию книги о домовых родительских комитетах от окончательной, принятой к публикации в «Учпедгизе», внесло некоторые изменения и в концепцию Журина, и в сам заголовок его труда: теперь речь шла о помощи, которую родительская общественность оказывает школе в воспитании детей. Фактически Журин призывал освободить школу от воспитательной работы с детьми во внеучебное время и дать ей возможность сосредоточиться на задачах обучения и контроля над дисциплиной в собственных стенах, ибо даже эти задачи она, по-видимому, не в состоянии пока решить самостоятельно¹⁷. И тут в первоначальную систему взаимодействия включается еще один социальный агент — трудовые коллективы, в которых работают родители, точнее даже, партийные и профсоюзные организации по месту их работы: именно туда школа должна направлять сведения об учениках с плохой успеваемостью и неудовлетворительным поведением, именно туда должны сообщать информацию о «неблагополучных семьях» домовые (в больших городах) или поселковые (в рабочих поселках и деревнях) родительские комитеты [Воспитание родителей 1955: Л. 26–27]. Родительская общественность (т. е. социально активные и сознательные соседи и коллеги по работе) является, по мнению Журина, единственным ресурсом, способным компенсировать и исправить недостатки традиционных институтов, не справляющихся со своими главными функциями образования и воспитания — школы и семьи.

В период подготовки второго издания своей книги Журин предлагает редакторам скорректировать ее название, указав в нем оба направления деятельности родителей-общественников, а значит, и два наиболее кризисных участка работы:

Считаю, что в наименование 2-го издания книги следует внести слово «семья» с тем, чтобы она называлась так: «Родительская общественность в помощь семье и школе» [Письмо в «Учпедгиз» 1955: Л. 1].

---

¹⁷ См.: «Таким образом, основными задачами совместной работы учителя и общественности по воспитанию родительских масс будет: 1) Полностью освободить школы и учителя от забот об исправлении внутренних неполадок в семьях учащихся; 2) Улучшить условия для детей при подготовке дома уроков и поднять их успеваемость в школе; 3) Дать возможность учителям сосредоточить свои основные усилия на улучшении учебно-воспитательного процесса в школе» [Школа, семья и советская общественность 1953: Л. 8].

По-видимому, в этой замене Журин учел ту интерпретацию, которую приобрела его инициатива в последние годы сталинского периода. Публикации Журина конца 1940-х, а затем и выход его книги в 1952 г. имели некоторый резонанс: при домоуправлениях в разных уголках СССР стали создаваться родительские комитеты. Эти действия были спорадическими и зависели от конкретных решений местных властей. Так, 18 марта 1952 г. совет города Раменское Московской области принял постановление «Об улучшении дисциплины детей на улицах и в общественных местах», в котором потребовал создать при «больших домах» родительские комитеты [Постановление 1952]. Журнал «Огонек» еще в 1950 г. прославлял работу родительского комитета при одном из домоуправлений в самом центре Москвы (на улице 25 Октября, ныне Никольской, которая отходит непосредственно от Красной площади), в котором «жены-общественницы» — здесь «выныривает» слово, которого Журин не употреблял, — отучили от хулиганства некоего Толю М., судя по контексту — единственного сына матери-одиночки. В статье утверждалось, что в Москве действуют более тысячи родительских комитетов при домоуправлениях и что это — новая инициатива «советской общественности». Характерно, что сама эта публикация названа «Друзья с е м ь и школы» (разрядка моя. — М. М.) [Новосельский 1950].

Совершенно новый смысл идея внешней, социальной поддержки семьи получила в 1956 г. Н. С. Хрущев в отчетном докладе XX съезду КПСС вынес семье «вотум недоверия». Он предложил организовать новый для советской системы образования институт школ-интернатов, в которых дети могли бы проводить всю неделю и даже весь учебный год под присмотром воспитателей и педагогов, так как в семье они, по мнению Хрущева, лишены и присмотра, и надлежащего руководства. Первоначально Хрущев планировал постепенно переучредить всю систему среднего образования на школьно-интернатной основе, видя в этом институте идеальную форму общественного (на деле — государственного) воспитания, т. е. первые ростки коммунизма¹⁸. При общей скептической оценке потенциала семьи подход Журина, в отличие от хрущевского, не предполагал освободить родителей от ответственности за воспитание детей; напротив, предполагалось, что эта ответственность будет возложена на них как первостепенный долг и обязанность перед государством, и напоминать о ней, равно как и корректировать неадекватное родительское поведение, будут органы «родительской общественности».

В некотором смысле концепция Журина гораздо ближе подходила к идее общественного воспитания при коммунизме, чем проект школ-интернатов у Хрущева. Однако в 1956–1964 гг. (год смерти Журина совпадает с годом отставки Хрущева) обе эти концепции реализовывались параллельно, а сама «оттепель» совершенно отчетливо придавала деятель-

¹⁸ См. об этом мою работу: [Майофис 2016].

ности Журина новый импульс и новую мотивацию. Те идеи, которые в 1939 г. Журин с огромным трудом продвигал через комиссии Моссовета и Наркомпроса и которые смог изложить в книжном, а не статейном формате только в 1952 г., в 1956–1964 гг. вдруг оказались абсолютно созвучными духу времени и были приняты «на ура». 4 октября 1957 г. уже не горсовет Раменского, а Совет Министров РСФСР принимает Постановление № 1099 «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности», где предписывалось создать родительские комитеты при домоуправлениях по всей республике [Абакумов и др. 1975: 357–359]. Опыт работы таких комитетов стали обсуждать и пропагандировать интенсивнее, чем прежде, — уже не в заметках в «Огоньке», а в брошюрах¹⁹. Участники родительских комитетов в печати призывали диверсифицировать социальную работу домоуправлений и открывать при них, например, технические клубы для молодежи под руководством родителей-«общественников» [Доценко 1958].

После выхода на пенсию (1957) и возвращения из Ленинграда в Москву Журин удвоил, если не утроил усилия по пропаганде идей «родительской общественности». Количество его устных выступлений и докладов, газетных и журнальных статей, проектов законодательных актов в это последнее семилетие его жизни исчисляется десятками, если не сотнями. Он регулярно печатается в «Семье и школе», «Народном образовании», «Учительской газете», «Известиях». В 1956–1958 г. вместе с О. Э. Чкаловой, Г. С. Макаренко, С. С. Держинской, К. Н. Корниловым ратует за создание «Общества родителей» [Журин и др. 1958]. А в 1959 г. принимает активное участие в создании Педагогического общества РСФСР и разработке его устава [Журин 1960]. В рамках этой общественной организации Журин, наконец, находит возможность целенаправленно осуществлять работу по организации «родительской общественности»; собственно, под его идеи Педагогическое общество и открывает одноименную секцию, в которой Журин становится сперва заместителем председателя, а потом и председателем. А в 1961 г., накануне XXII съезда КПСС, он разрабатывает в этой секции отдельный проект дополнений и корректив к III Программе партии, чтобы осветить в ней подробнее роль семьи и, конечно же, родительской общественности.

«Нам думается, что значение семьи, как активного фактора, в воспитании нового человека — остается при всех случаях любой помощи и даже замены семейного воспитания общественным», — пишут О. Чкалова и Б. Журин в сопроводительном письме для газеты «Известия», вступая в подспудную полемику с первым секретарем ЦК Хрущевым. Журин предлагает на страницах новой программы партии вменить всем родителям в обязанность еще на этапе подготовки к заключению брака получать специальное образование (окончить «родительские университеты»), которое подготовило бы их к вы-

¹⁹ См., например: [Из опыта работы 1958].

полнению их миссии. Ну а дальше — уже знакомые нам тезисы о контроле, который осуществляют над воспитанием детей профсоюзные и партийные организации, родительские комитеты в школах и при домоуправлениях [Предложения по программе КПСС 1961: Л. 5, 7, 11].

Но тут Журин вновь оказался не «наравне с веком» — его поправки в III Программу партии внесены не были.

6

«Оттепель» дала Журину еще одно, может быть, даже более масштабное, чем в случае с родительской общественностью, подтверждение его давней правоты. Точнее будет сказать — она дала ему словарь для номинации и описания того, чем он занимался с конца 1930-х. Два сохранившихся в архиве доклада Журина 1956 и 1957 гг. имеют сходные заголовки: «Творчество масс в войсковой артиллерийской разведке в помощь решениям высшего командования» и «Активное творчество офицера в научной и практической работе (по личному опыту)». Как это ни покажется странным, ни в одном из докладов речь не идет ни про самостоятельность, ни даже про досуг в целом. Оба текста посвящены профессиональным занятиям Журина и его ближайших коллег — военных ученых-артиллеристов и артиллеристов-практиков. На обложке первого конспекта, подготовленного в конце 1955 г. для выступления в феврале 1956 г., сделаны характерные пометки красным и синим карандашом: «Доклад в Воен[но]-ист[орической] секции Д[ома] У[ченых] АН СССР 14.02.1956 (в день нач[ала] XX съезда)» [Активное творчество 1955: Л. 1]. Можно предположить, что по завершении XX съезда Журину было очень важно установить корреляцию между теми переменами, о которых говорил он сам в докладе, и теми переменами, которые обещал XX съезд.

Более ранний из этих двух текстов является и более узко специализированным. Журин предлагает нововведения в методах артиллерийской разведки:

В задачи артиллерийской разведки наблюдением начиная с низовых звеньев входит не только разведка отдельных целей (огневых точек), но и а) изучение системы обороны противника, и расположения отдельных целей в опорных пунктах, узлах сопротивления <...> б) изучение танкоопасных направлений, направлений возможного наступления пехоты противника... [Там же: Л. 5].

А это, в свою очередь, означает выход артиллерийского разведчика за пределы его узкой компетенции, необходимость обрабатывать и осмысливать информацию, совершенствовать собственную культуру наблюдения и мышления, наконец, учиться делать выводы и давать рекомендации. Сам Журин называет весь комплекс предложенных им антропологических реформ «использованием инициативы и творчества масс артиллеристов разведчиков в помощь высшему командному составу, планирующему бои и операции» [Там же: Л. 7].

В докладе 1957 г. вопрос рассматривается уже более широко:

- а) Все мы независимо от характера работы добросовестно творим. Научные работники, хозяйственники, рабочие, служащие — каждый на своем посту.
- б) т. е. добросовестно выполняем свои обязанности путем: напряженной, усиленной работы; затраты своих нервных, творческих усилий и знаний по специальности.
- в) однако можно все добросовестно выполнять то, что тебе начальство приказало, но самому не проявлять никакой инициативы.
- а) не интересоваться дальнейшей судьбой твоей выполненной работы, т. е. не смотреть немного вперед, а только себе под ноги и перед собой;
- б) не вносить никаких предложений в работе по твоей специальности;
- в) не думать в помощь своим начальникам, «им, мол, положено за всех нас соображать»;
- г) моя хата с краю; сделал; отзвонил и с колокольни долой» [Активное творчество 1957: 5].

Таким образом, в понятийном словаре и в сознании Журина закреплена четкая дихотомия: безынициативной работы по приказанию (распоряжению) начальства и — творческой, инициативной работы *в помощь* начальству. Обосновывая необходимость и неотменимость проявления творческой инициативы, Журинов не стесняется в характеристиках, подрывающих и авторитет, и полномочия любых руководителей:

...Ведь кто такие все наши начальники...

Он не в силах сам один, или с коллективом своих помощников — всего предусмотреть по каждому делу и вопросу.

И потому <...> всякий начальник очень нуждается в этой помощи снизу. Почему? И кого?

Да потому, что Вы, как узкий специалист, лучше всех знаете свой предмет и то дело, которое делаете [Активное творчество 1957: Л. 8].

Итак, ключ подобран, слово найдено. Активное творчество — вот что составляло суть занятий Журина на протяжении как минимум двадцатилетия²⁰. Однако такое расширительное толкование понятия *творчество* было, скорее всего, знакомо Журинову задолго не только до «оттепели», но и до 1939 г., когда он начал обосновывать в своих трудах идею социального и профессионального взаимодействия. В конспектах лекций, которые

---

²⁰ Сам Журинов делал еще более масштабное обобщение: «Весь мой практический опыт за период времени с 1914 по 1957 сводился к: / Изучению, обобщению и внедрению в действующей армии и боевой подготовке войск новейших приемов боевого применения артиллерии во взаимодействии с разведывательной авиацией методом активного творчества» [Активное творчество 1957: Л. 13].

Журин читал в конце 1910-х — начале 1920-х годов в самостоятельных клубах, находится текст популярной лекции, предварявшей постановку фонвизинского «Недоросля» на сцене одного из сельских клубов, а в нем — фрагмент, прямо отсылающий к рассуждениям об активном творчестве 1955–1957 годов:

Несомненно, искусство — путь воспитания
Удаляет от будней
Дает радости
X Начало творчества
Для народа Недоросля полуграмотного — выявление творчества —
главное <...>
V Творчество — во всех областях... [Конспекты выступлений 1919:
Л. 26–26 об.].

Выражение «(живое/активное) творчество масс» берет свое начало из ранней революционной эпохи. Разумеется, в текстах конца 1910-х — начала 1920-х годов оно часто выступает предикатом термина *общественность* (см. в выступлении Ленина 4 (17) ноября 1917 г.: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности» [Ленин 1974: 35]) и довольно скоро начинает противопоставляться бюрократии, тормозящей и удушающей любые ростки подобного творчества²¹. Однако вскоре после «великого перелома» *творчество масс* уходит из активного словопотребления и, по аналогии с *общественностью*, возвращается только в «оттепель». Однако Журин использует выражение «активное творчество», сдвигая его смысл и развивая коннотации, заложенные в его противопоставлении «бюрократии»: активно творя, социальный субъект не просто преобразует реальность и побеждает энтропию — он становится способен увидеть и изобрести способы исправления тех недостатков и недостач, которые не видны или неподвластны его начальникам. Велик соблазн предположить, что к подобному толкованию понятия *активное творчество* Журин пришел именно в 1939 г.

7

Я подхожу к центральному вопросу этой статьи, важному и для понимания биографии Журина, и для прояснения некоторых социокультурных контекстов 1939 г. Почему именно в этот год проживший много лет в тени публичной жизни инженер-строитель вдруг решил резко сменить специальность и одновременно заговорить с широкой аудиторией?

Мотивация «военного» поворота в карьере Журина, как кажется, лежит на поверхности: сам он оставил несколько письменных свидетельств о том, что заставило его взяться за книгу по истории июньского прорыва 1917 г. Вот короткая цитата из конспекта доклада 1957 г.:

---

²¹ См., например: [Троцкий 1923; Сталин 1929: 110].

Подготовка к великой Отечественной войне: «...» готовили К[расную] А[рмию] исключительно на опыте Гражданской войны «...» Плохой отдел фотограмметрии в Акад[емии] Дзерж[инского] «...» не знал (не имел боев[ой] практики) [Активное творчество 1957: Л. 19].

В докладе 1960 г. он был еще откровеннее:

В годы мирного строительства Сов. Армии с 1928–1941 годы — силы, мощь и техническая оснащенность С[оветской] Армии по сравнению с русской армией неизмеримо возросли «...» Несмотря на совершенную технику фотосъемки и дешифрования Оперативно-тактическое использование данных фоторазведки перед Вел[икой] Отеч[ественной] войной требовало еще значительного усовершенствования из-за отсутствия опыта и информирования изучения практики Первой мировой войны.

В этом мне пришлось убедиться лично [Воздушная фоторазведка 1960: Л. 33, 34].

«Убедиться лично» в плачевном состоянии дел состоявший офицером запаса еще с апреля 1922 г. строительный инженер Журин, по-видимому, смог во время военной переподготовки, на которую он попал в 1937 г.²² Опытный боевой офицер, конечно, не мог не увидеть, что Большой террор обернулся для Красной армии полным разрывом каналов передачи опыта — под каток репрессивной машины, как правило, попадали именно те представители командно-офицерского состава, которым довелось закончить военно-учебные заведения имперской России и повоевать на фронтах Первой мировой. Так, французский военный атташе, в те же месяцы анализовавший последствия этих событий, докладывал в Париж:

1. Красная армия, вероятно, более не располагает командирами высокого ранга, которые бы участвовали в мировой войне иначе как в качестве солдат или унтер-офицеров. «...» 3. Уровень военной и общей культуры кадров, который и ранее был весьма низок, особенно упал вследствие того, что высшие командные посты были переданы офицерам, быстро выдвинутым на командование корпусом или армией, разом перепрыгнувшим несколько ступеней и выбранным либо из молодежи, чья подготовка оставляла желать лучшего и чьи интеллектуальные качества исключали критичную или неконформистскую позицию, либо из среды военных, не представляющих ценности, оказавшихся на виду в гражданскую войну и впоследствии отодвинутых, что позволило им избежать всякого контакта с «врагами народа». В нынешних условиях выдвижение в Красной армии представляет своего рода диплом о некомпетентности. «...» 6. Учреждение института военных комиссаров, усилия, прилагае-

---

²² «В РККА — прошел 2-х месячный курс в Аккусс'е в 1937 году» [Черновик автобиографии 1940: Л. 2]. АККУС — по-видимому, переименованная аббревиатура КУКС — курсов усовершенствования командного состава.

мые для того, чтобы поставить во главе воинских частей офицеров, служивших в отдаленных друг от друга местностях и незнакомых между собой, и все более непосредственное наблюдение со стороны органов государственной безопасности ставит кадры Красной армии в положение невозможности полезной работы и лишает их всякой инициативы и увлеченности делом (цит. по: [Дессберг, Кен 2004: 37–38]).

То же состояние упадка и кризиса компетентности диагностирует из-за границы в 1938 г. и Л. Д. Троцкий:

У честных работников опускаются руки. Плуты, воры и карьеристы обделяют свои делишки, прикрываясь патриотическими доносами. Устои армии расшатываются. В большом и в малом воцаряется запустение. Оружие не чистится и не проверяется. Казармы принимают грязный и нежилой вид. Протекают крыши, не хватает бань, на красноармейцах грязное белье. Пища становится все хуже по качеству и не подается в положенные часы. В ответ на жалобы командир отправляет к комиссару, комиссар обвиняет командира. Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство; комиссары соперничают с ними и в этом отношении [Троцкий 1938].

Хотя Журин исходил в своих оценках скорее всего из других данных, чем французский военный атташе Палас и давний политэмигрант Троцкий, и больше руководствовался собственными наблюдениями, чем полученными из чужих рук сведениями, трудно предположить, что он не разглядел угроз, которые нес с собой кадрово-компетентностный кризис армии, обезглавленной и обескровленной Большим террором. Журин начинает работу над книгой в июле 1939 г., за месяц до заключения пакта Молотова–Риббентропа, и, конечно, с полным пониманием неизбежности войны — неважно, оборонительной или наступательной.

Интересно, по чьему именно приглашению Журин оказался в Академии имени Фрунзе, кто заинтересовался его опытом организации взаимодействия войск в период Первой мировой войны, его аналитическими способностями и преподавательским даром. Позднейшие воспоминания Журина проливают свет и на этот вопрос. В одном из докладов 1950-х годов он более подробно описывает подробности своего профессионального поворота:

...Вызов в акад[емию] им. Фрунзе весной 1939 г. ген[ерал-] м[айору] арт[иллерии] Краснопевцеву. Работа в архиве. <...>
вызов ген. Сивковым в артил[ерийскую] Академию им. Дзержинского. Зима–весна 1940 [Активное творчество 1957: Л. 19].

Семен Александрович Краснопевцев (1896–1954), с января 1937 г. старший преподаватель кафедры вооружения и техники Академии им.

Фрунзе, в феврале 1939 г. получивший воинское звание комбрига, окончил в 1915 г. Константиновское артиллерийское военное училище, прошел всю Первую мировую войну, в 1918 г. перешел в Красную армию, участвовал в Гражданской войне и Польском походе, дослужившись тогда до должности командира полка. Сходный, хотя и более стремительный в карьерном отношении путь проделал и Аркадий Кузьмич Сивков (1899–1943), закончивший в 1916 г. то же Константиновское училище и так же, как его почти однокашник Краснопевцев, провоевал в Первую мировую поручиком, а в Гражданскую дослужился до звания военкома дивизиона. Оба сменили кадровую службу на преподавательскую: Краснопевцев поступил на кафедру артиллерии Академии им. Фрунзе в 1934 г., а Сивков в октябре 1937 г., в разгар Большого террора, был назначен начальником Артиллерийской академии им. Дзержинского²³. С высокой долей вероятности можно утверждать, что Краснопевцев и Сивков были не просто знакомы, но часто встречались и взаимодействовали друг с другом, и перевод Журина в 1940 г. из общевойсковой академии в специализированную артиллерийскую был результатом их взаимной договоренности.

Оба патрона Журина принадлежали к тому же, что и он, поколению, так же как и он прошли окопы Первой мировой и Гражданской — только в чинах прибавляли быстрее и не вышли в начале 1920-х годов в отставку. Но в целом, по-видимому, в культурно-антропологическом смысле между ними было много общего, в том числе — и понимание вызовов, которые ставила перед советской армией приближающаяся новая война. Характерно, что при начале советско-финской кампании и Краснопевцева, и Сивкова вызвали в действующую армию: первый стал старшим помощником начальника артиллерии 13-й армии, второй — командующим артиллерией Северо-Западного фронта.

Необходимость взаимодействия родов войск при боевых операциях, как и почти недостижимый уровень сложности этой задачи, осознавались в 1939–1941 гг. практически всеми выжившими после Большого террора компетентными военачальниками. Этот вопрос стал лейтмотивом совещания высшего руководящего состава РККА, прошедшего в Москве 23–31 декабря 1940 г. Так, о трудностях организации взаимодействия войск подробно говорил в своей речи генерал А. А. Власов, а маршал Г. И. Кулик открыто признал, что взаимодействие артиллерии с авиацией в армии совершенно не отработано [Накануне войны 1993].

Характерно, что тот единственный участок фронта Великой Отечественной войны, на котором была принята и отработана методика Журина по взаимодействию артиллерии, авиации и пехоты (упомянутые им в докладах 1950-х годов Западный, а потом 3-й Прибалтийский фронты), был летом 1944 г., в момент проведения упомянутых Журиным боевых опера-

---

²³ Ранее, в 1936–1937 гг. Сивков был советским военным атташе в Великобритании, где работал по заданию ГРУ.

ций, зоной ответственности все того же Краснопевцева, возглавившего в мае 1944 г. артиллерию 3-го Прибалтийского фронта.

«Активное творчество перековавшихся и уцелевших» — так, наверное, можно было бы назвать сотрудничество Журина, Краснопевцева и Сивкова по изучению и усвоению организационного и технологического опыта Первой мировой войны.

8

Мотивация выхода Журина на публичную сцену в качестве пропагандиста идеей совершенствования семейного воспитания и упорядочения контроля над родителями менее прозрачна, однако ее все же можно попробовать восстановить.

В одном из многочисленных списков публикаций, выступлений и экспертиз, составленных Журиным в последние годы жизни, фигурирует пункт, хронологически предшествующий началу работы над книгой о родительских комитетах в домах: «Проработка программы “книги для родителей” в комиссии под председательством проф. Волковского при Государственном научно-исследовательском институте школ Наркомпроса РСФСР март 1939 — январь 1940 г.» [Перечень работ 1958: Л. 2].

Упомянутая Журиным «книга для родителей» была издана в 1941 г. под эгидой наркомпросовского Института школ [Сарычева 1941]. Она стала ответом на настойчивый запрос педагогического и родительского сообщества, формулировавшийся в том числе и на страницах «Учительской газеты» (см., например: [Чуковский 1940]). Однако никаких текстов моего героя в этой книге нет — да это и неудивительно. Через несколько месяцев после начала работы в комиссии Института школ он явным образом выбирает другой путь, настаивая на том, что нерадивых родителей нужно не просвещать посредством книг, но контролировать с помощью их более сознательных соседей, а родителей активных и интересующихся вовлекать в отношения горизонтальной кооперации, дабы создавать для детей дружественное общественное пространство, где они могли бы под «присмотром» готовить уроки, играть, заниматься в кружках, участвовать в самодеятельности, ездить в загородные поездки, и т. д.

Название, которое Журин дал в своем библиографическом перечне коллективной монографии 1941 г., не случайно совпадает с названием одной из последних книг А. С. Макаренко [Макаренко 1937]; то же название фигурировало и в дискуссии, организованной «Учительской газетой» в конце 1939 — начале 1940 г. По сути, и Макаренко в 1936–1937 гг., и комиссия Института школ Наркомпроса в 1939 г. решали одну и ту же задачу — создание методической и дидактической базы для просвещения советских родителей. Журин, поначалу вовлеченный в работу комиссии, эту задачу переформулирует или, точнее, ставит вместо нее ту, которую считает более релевантной на текущем историческом этапе.

По сути, Журин отталкивается от той же идеи, что и Макаренко: «Винновниками “плохих” ребят всегда оказываются их родители и те условия, которые они создают своим детям в семье» [Родительская общественность 1939: Л. 4], — однако делает из этой предпосылки совершенно иные, чем его предшественник, выводы:

Некоторая часть родителей и семей требуют посторонней помощи в деле воспитания их детей. (...) Родители некоторых ребят нуждаются не менее своих детей в соответствующем воспитании, помощи, а иногда и воздействии. Воспитание «непокорных» ребят в большинстве случаев нужно начинать с помощи и воспитания их родителей. Эти задачи не под силу поднимать одной школе. В этом деле нужна помощь широкой общественности [Там же: Л. 4, 5].

В стремлении создать концепцию, альтернативную идее воспитания детей в семье, в акцентировании задач самоорганизации, Журин был не одинок. Другую, не менее сильную альтернативу «Книге для родителей» предложил в 1940 г. Аркадий Гайдар в повести «Тимур и его команда»: здесь мы видим то же, что и у Журина, локальное сообщество — только это сообщество не родителей, заботящихся о детях, а, наоборот, детей, заботящихся о требующих специального внимания взрослых.

Гётц Хиллиг убедительно показывает, что начало работы А. С. Макаренко над «Книгой для родителей» (от себя добавлю — и создание соответствующей комиссии в Институте школ Наркомпроса) было реакцией на изменившуюся в 1935–1936 гг. социальную политику советского государства [Hillig 1992: 85]²⁴, на выдвижение на первый план традиционного и, казалось бы, ниспровергнутых в 1920-е годы института семьи и идеи семейного воспитания. Можно предположить, что сформулированная Журиным в 1939 г. концепция родительской общественности была продиктована фактическим признанием неспособности советской семьи самостоятельно, без дополнительного контроля и помощи, справляться с задачей воспитания детей. Как уже было указано выше, к такому, если не более пессимистическому выводу Журин пришел и в отношении советской школы (ранее отказал школе в этом праве и Макаренко, которого упрекали в проявленном в «Книге для родителей» нарочитом невнимании к школьному воспитанию). В этом контексте книга «Родительская общественность в домах» пессимистически констатировала неуспешность первого этапа новой советской социальной политики, связанной с поворотом к семье.

Параллельное рассмотрение двух книг Журина, начатых в 1939 г., позволяет заключить, что их автор тогда понимал важнейшие социальные институты СССР — армию, семью и школу — как находящиеся в глубоком кризисе, а общество в целом — как фрагментированное и нуждающееся

---

²⁴ Хиллиг полагает, что к работе над «Книгой для родителей» Макаренко приступил сразу после опубликования проекта постановления «О запрещении абортов...» (27 июня 1938 г.).

в срочном укреплении связей между отчужденными друг от друга элементами, в том числе — в организации новых информационных каналов. Все эти задачи должны были представляться Журину особенно острыми в условиях начинавшейся большой войны.

Свое письмо Сталину 1942 г. Журин назвал «Невозможно больше молчать» (вероятно, бессознательно цитируя название знаменитого открытого письма Л. Н. Толстого). Однако в действительности этот прорыв из молчания к громкой публичной речи совершился не в 1942-м, а в 1939 г. — в период первого осознания результатов Большого террора и плодов новой сталинской имперски-ориентированной политики.

Архивные источники

- Активное творчество 1955 — Тезисы доклада Журина Б. И. в военно-исторической секции Дома ученых АН СССР на тему «Творчество масс в войсковой артиллерийской разведке в помощь решениям высшего командования». Рукопись [1955] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 112).
- Активное творчество 1957 — Тезисы доклада Журина Б. И. офицерскому составу в/ч 21374 на тему: «Активное творчество офицера в научной и практической работе (по личному опыту)». Рукопись [1957] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 117).
- Взаимодействие 1940 — Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8ой армией у г. Станиславува в 1917 г. [Рукопись книги]. Москва. 1940. Т. 1 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 47). Т. 2 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 48).
- Воздушная фоторазведка 1960 — Тезисы выступления полковника Журина Б. И. «Воздушная фоторазведка в 1-ой и 2-ой мировых войнах (по личному опыту) 17 марта 1960 в В[оенно]-Н[аучном] О[бществе] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 123).
- Воспитание родителей 1955 — *Журин Б.И.* Воспитание родителей партийными и профсоюзными организациями на работе. Ленинград, 1955. [Текст статьи] (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6).
- Дневниковые записи 1941 — Дневниковые записи Журина Б. И. (первая неделя второй мировой войны) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 424).
- Докладная записка 1942 — Докладная записка подполковника Журина Б. И. наркому обороны СССР тов. Сталину И. В. «Невозможно дольше молчать». 30 сентября 1942 г. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 281).
- Конспекты выступлений 1919 — Конспекты выступлений Журина Б. И. в самостоятельных клубах с разбором пьес и афиши. 1919–1920 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 156).
- Материалы комиссии 1941 — Материалы работы комиссии для выработки представления в ЦК ВКП(б) о мероприятиях, направленных к единству коммунистического воспитания детей в школе и семье (доклад, письмо и черновые материалы) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 260).
- Материалы о выходе на пенсию — Материалы о выходе Журина Б. И. на пенсию (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 438).
- Перечень мероприятий 1937 — Перечень мероприятий, проведенных Журиным Б. И. в школе № 498 в 1936–1937 уч. г. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 253).
- Перечень работ 1958 — Перечень литературных, экспериментальных работ и мероприятий, проведенных тов. Журиным Б. И. по организации родительской общественности и коммунистическому воспитанию детей и молодежи за время 1919–1958 гг. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 563).

- Письмо в «Учпедгиз» 1955 — Письмо Б. И. Журина зав. редакцией педагогики «Учпедгиза» тов. И. В. Лепилину, 24 марта 1955 года (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7).
- Письмо Жданову 1941 — Письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 233).
- Предложения по программе КПСС 1961 — Предложения по Программе КПСС, разработанные Центральным советом Педагогического общества РСФСР с пометками Журина Б. И. 19 сент. 1961 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 239).
- Родительская общественность 1939 — Журин Б. И. Родительская общественность в домах [Рукопись книги]. М., 1939 (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 1).
- Тезисы выступления 1940 — Тезисы выступления Журина Б. И. на учительской конференции Пролетарского района 7 января 1940 г. (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 75).
- Черновик автобиографии 1940 — Журин Б. И. Черновик автобиографии для защиты кандидатской диссертации (1940–1941) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 166).
- Школа, семья и советская общественность 1953 — Журин Б. И. Доклад на тему «Школа, семья и советская общественность в домах и на предприятиях по коммунистическому воспитанию детей» (Всесоюзное Общество распространения политических и научных знаний. Московское городское отделение) (ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5).

Литература

- Абакумов и др. 1974 — Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А. А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974.
- Волков 1997 — Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. Т. 2. № 4. 1997. С. 77–91. Цит. по электрон.версии: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_05.htm.
- Гинзбург 2000 — Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000.
- Гинзбург 2004 — Гинзбург К. Широкие, рабы и Библия: опыт микроистории // Новое литературное обозрение. № 65. 2004. С. 18–34.
- Дессберг, Кен 2004 — Дессберг Ф., Кен О. Н. 1937–1938: Красная Армия в донесениях французских военных атташе // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 37–38.
- Доценко 1958 — Доценко В., председатель родительского комитета. Родительские комитеты // Техника — молодежи. 1958. № 8. С. 14–15.
- Журин б. д. — Журин Б. И. Развитие бетонитового строительства. М.: Всекопромсоюз; Тип. изд-ва «Крестьянская газета», [б. д.].
- Журин 1927 — Журин Б. И. Промышленное строительство из бетонитовых камней с железобетонным каркасом. М.: Учеб. тип., 1927.
- Журин 1941а — Журин Б. Артиллерия в Станиславском прорыве 1917 г. (Статья 2-я) // Артиллерийский журнал. 1941. № 2. С. 57–69.
- Журин 1941б — Журин Б. И. Взаимодействие артиллерии с другими родами войск в обороне // Боевая тревога. 1941. 2 октября. С. 3.
- Журин 1943а — Журин Б. И. Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укрепленной полосы 8-й русской армией у Станиславува. М.: Воен. издат. Наркомата обороны, 1943.

- Журин 1943б — [Журин Б. И. и др.]. Указания и программа для боевых примеров действия артиллерии, помещаемых в отдельных книгах «Артиллерия в боевых примерах Отечественной войны». [М.], 1943.
- Журин 1947 — [Журин Б. И. и др.]. Действия артиллерийских подразделений в Великой Отечественной войне. Боевые примеры. Сб. 2 / Под общ. ред. С. А. Краснопевцева. М.: Воениздат, 1947.
- Журин 1945 — Журин Б. И. Родительские комитеты в домах // Коломенский рабочий. 1945. 2 октября.
- Журин 1952 — Журин Б. И. Родительская общественность в помощь школе по коммунистическому воспитанию детей. М.: Учпедгиз, 1952.
- Журин 1955 — Журин Б. Родительская общественность в помощь школе. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1955.
- Журин 1960 — Журин Б. И. Педагогику творят массы [о задачах и структуре Педагогического общества] // Учительская газета. 1960. 5 янв.
- Журин, Ростовцев 1958 — Журин Б. И., Ростовцев М. В. Артиллерийская разведка в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1958.
- Журин и др. 1958 — Журин Б. И. и др. Больше откладывать нельзя [о необходимости организации «Общества родителей»] // Учительская газета. 1958. 13 декабря.
- Из опыта работы 1958 — Из опыта работы родительских комитетов при домоуправлениях г. Хабаровска: Сб. ст. / Хабар. краев. ин-т усовершенствования учителей. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1958.
- Крупская 1930 — Крупская Н. К. О бытовых вопросах. М.; Л.: ГИЗ, 1930.
- Лебина 2015 — Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015.
- Левинсон 2015 — Алексей Левинсон: Общественного контракта в России не существует: [Интервью] // Gefter.ru. 2015. 27 мая: [Электрон. ресурс:] <http://gefter.ru/archive/15289>.
- Ленин 1974 — Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1974.
- Майофис 2016 — Майофис М. Л. Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954–1964 годах // Новое литературное обозрение. 2016 (в печати).
- Макаренко 1937 — Макаренко А. С. Книга для родителей. М.: Гослитиздат, 1937.
- Малинова 2012 — Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России сер. XIX — начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / Под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле: В 2 т. Т. 1. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 428–463.
- Медик 1994 — Медик Х. Микроистория / Пер. с нем. Т. И. Дудниковой // Thesis. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 193–202.
- Накануне войны 1993 — Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (Кн. 1–2): Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993.
- Новосельский 1950 — Новосельский Г. Друзья семьи и школы // Огонек. 1950. 18 июня. С. 12.

- Обзор 1927 — Обзор политического состояния СССР за июль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934): В 9 т. Т. 5: 1927 год / Сост. Н. Быстрова, В. Земсков и др. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. С. 414–483.
- Обращение 1936 — Обращение Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности // Общественница. 1936. № 1. С. 3.
- От редакции 1936 — От редакции // Общественница. 1936. № 1. С. 5.
- Постановление 1952 — Постановление «Об улучшении дисциплины детей на улицах и в общественных местах» [1952] // Официальный информационный портал Раменского района / Архивное управление. <http://www.ramenskoye.ru/?action=admarch&submenu=cite&id=14961>.
- С партией 1932 — С партией и рабочим классом против угрозы бонапартизма и контрреволюции // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. Март. № 27. Цит. по электрон. публикации: <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-27.shtml>.
- Сайкина 1964 — Сайкина А. Всюду — общественники // Красный Север (Вологда). 1964. 25 марта.
- Сарычева 1941 — Воспитание детей в семье / Под ред. М. В. Сарычевой. М.: Учпедгиз; Научно-исслед. ин-т школ Наркомпроса РСФСР, 1941.
- Сталин 1929 — Сталин И. В. Соревнование и трудовой подъем масс // Сталин И. В. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949.
- Троцкий 1923 — Троцкий Л. Семья и обрядность // Правда. 1923. № 156.
- Троцкий 1938 — Троцкий Л. Тоталитарные пораженцы // Бюллетень оппозиции. 1938. № 68–69.
- Хархордин 2002 — Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний Сад, 2002.
- Чуковский 1940 — Чуковский К. И. О книге для родителей и школьных учебниках // Учительская газета. 1940. 17 января.
- Эфэс 1927 — Эфэс А. Красная армия и советская общественность // Возрождение (Париж). 1927. 9 мая. С. 2.
- Buckley 1996 — Buckley M. The untold story of *Obshchestvennitsa* in the 1930s // Europe-Asia Studies. Vol. 48. No. 4. 1996. P. 569–586.
- Crick, Tarvin 2012 — Crick N., Tarvin D. A pedagogy of freedom: John Dewey and experimental rural education // Inter-American Journal of Philosophy. Vol. 3. Issue 2. 2012. P. 68–84.
- Glantz 1999 — Glantz D. M. Zhukov's greatest defeat. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 1999.
- Hillig 1992 — Hillig G. Как А. С. Макаренко открыл семью: К истории создания и воздействия Книги для родителей, 1936–1939 гг. // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 33. № 1. 1992. Janvier–Mars. P. 83–105.
- Medick 1994 — Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte / Hrsg. H. Medick. Frankfurt am Main: Fischer, 1994.
- Morton, Saltmarsh 1997 — Morton K., Saltmarsh J. Addams, Day, and Dewey: The emergence of community service in American culture // Michigan Journal of Community Service Learning. 1997. No. 4. P. 137–150.
- Savage 2002 — Savage D. M. John Dewey's liberalism: Individual, community and self-development. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 2002.

“IN ASSISTANCE TO DECISIONS OF THE HIGH COMMAND”: BIRTH OF THE “THAW”-PERIOD COMMUNITY (OBSHCHESTVENNOST’) FROM THE SPIRIT OF 1939

Maiofis, Maria L.

PhD (Candidate of Science in Philology)

Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor, Institute of Social Sciences, RANEPA

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: mmaiofis@yandex.ru

Abstract. This article is an attempt at a microhistorical study. Through analysis of documents from the personal archive of social activist, pedagogue and military expert Boris Ivanovitch Zhurin (1890–1964), the author demonstrates that the year 1939 turned to be very important in his career. It was precisely in 1939 that Zhurin changed his previous “modest” profession of an engineer-constructor specializing in concrete buildings for the profession of military expert and for the role of social activist and publicist. As a military expert, he spent the years 1939-1940 writing a monograph about the interaction of different combat arms, including artillery and air reconnaissance, during the Russian offensive in June, 1917. He was convinced that learning from this experience would be vital during the next war. As a social activist and publicist, Zhurin invented, described and promoted a new social institute which he called “parents’ committees in multi-family dwellings,” insisting that such committees would be the best instrument to control and improve family education. This second “know-how” was also based on the idea of interaction, since the parents’ committees had to establish close relationships with district executive committees (*ispolkomy*), local Komsomol cells, school administration and school parents’ committees, as well as the management offices of apartment buildings. Detailed study of Zhurin’s archive and publications, combined with a reconstruction of the historical context of both 1939 and the “Thaw” years, lead the author to conclude that Zhurin saw Soviet society after the Great Terror as completely atomized, as demoralized by the low competence of the new army chiefs and state officials, and as lacking channels for transmitting knowledge and experience. During 1939, as well as during the subsequent years of his professional and social activity, Zhurin sought to rebuild and intensify “horizontal” social ties.

Keywords: 1939, Great Terror, community (obshchestvennost'), World War Two, Great Patriotic War, social control, state control, social interaction, parents' organizations in the USSR

References

- Abakumov, A. A. et al. (eds.) (1974). *Narodnoe obrazovanie v SSSR: obshcheobrazovatel'naia shkola: Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR: general academic school: Collection of documents, 1917–1974]. Moscow: Pedagogika. (In Russian).
- Buckley, M. (1948). The untold story of *Obshchestvennitsa* in the 1930s. *Europe-Asia Studies*, 48(4), 569–586.
- Chukovskii, K. I. (1940, January 17). O knige dlia roditelei i shkol'nykh uchebnikakh [On the book for parents and school textbooks]. *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]. (In Russian).
- Crick, N., Tarvin, D. (2012). A pedagogy of freedom: John Dewey and experimental rural education. *Inter-American Journal of Philosophy*, 3(2), 68–84.
- Dessberg, F., Ken, O. N. (2004). 1937–1938: Krasnaia Armiia v doneseniakh frantsuzskikh voennykh attaché [1937–1938: Red Army in the reports of French military attachés]. *Vo-prosy istorii* [Problems of history], 2004(10), 37–38. (In Russian).
- Dotsenko, V. (1958). Roditel'skie komitety [Parents' committees]. *Tekhnika — molodezhi* [Techniques for the youth], 1958(8), 14–15. (In Russian).
- Efes, A. (1927, May 9). Krasnaia armia i sovskaia obshchestvennost' [The Red Army and the Soviet public]. *Vozrozhdenie* [Renaissance] (Paris), p. 2. (In Russian).
- Ginzburg, K. (2000). *Syr i chervi: Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [The cheese and the worms: Picture of the cosmos of a sixteenth-century miller] (Transl. from: Ginzburg, C. (1976). *Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mugnai o del '500.* Torino: Giulio Einaudi editore). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Ginzburg, K. (2004). Shiroty, raby i Bibliia: opyt mikroistorii [Latitudes, slaves and the Bible: An experiment in micro-history]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 65, 18–34. (In Russian).
- Glantz, D. M. (1999). *Zhukov's greatest defeat*. Lawrence: Univ. Press of Kansas.
- Hillig, G. (1992). Kak A. S. Makarenko otkryl sem'iu: K istorii sozdaniia i vozdeistviia Knigi dlia roditelei, 1936–1939 gg. [How A. S. Makarenko discovered the family: On the history of creation and impact of the "Book for Parents". 1936–1939]. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 33(1), 83–105. (In Russian).
- Iz opyta raboty (1958) — *Iz opyta raboty roditel'skikh komitetov pri domoupravleniakh g. Khabarovska* [From the working experience of the parents' committees at the house management offices in Khabarovsk]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Kharkhordin, O. (2002). *Oblichat' i litsemerit': Genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and dissimulate: A genealogy of the Russian personality]. St. Petersburg; Moscow: EUSPb; Letnii Sad. (In Russian).
- Krupskaia, N. K. (1930). *O bytovykh voprosakh* [On the everyday issues]. Moscow; Leningrad: GIZ. (In Russian).

- Lebina, N. B. (2015). *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: destrukttsiia bol'shogo stilia. Leningrad, 1950–1960-e gody* [Everyday life of the “space” and “maize” epoch: destruction of the “grand style”]. St. Petersburg: Kriga; Pobeda. (In Russian).
- Lenin, V. I. (1974). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collected works], Vol. 35. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).
- Levinson, A. (2015, May 27) — Aleksei Levinson: Obshchestvennogo kontrakta v Rossii ne sushchestvuet [Alexei Levinson: There is no social contract in Russia]. *Gefter.ru*. Retrieved from <http://gefter.ru/archive/15289>. (In Russian).
- Maiofis, M. L. (2016). Pansiony trudovykh rezervov: formirovanie sistemy shkol-internatov v 1954–1964 godakh [Boarding schools of labor resources: organization of the boarding-school system in the 1954–1964, USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review] (forthcoming). (In Russian).
- Makarenko, A. S. (1937). *Kniga dlia roditelei* [Book for parents]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian).
- Malinova, O. Iu. (2012). Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii ser. XIX — nachala XX veka: otrazhenie v poniatiiakh praktik publichnoi kommunikatsii i obshchestvennoi samodeiatel'nosti [Society, public and *obshchestvennost'* in Russia of the mid-19th–early century: Conceptual reflection in the practices of public communication and social self-initiative]. In D. Sdvizhkova, I. Shirle (eds.). “*Poniatii o Rossii*”: k istoricheskoi semantike *imperskogo perioda* [‘Concepts of Russia’: Toward a historical semantics of the Imperial period] (Vols. 1–2). Vol. 1, 428–463. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Medick, H. (ed.) (1994). *Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte*. Frankfurt am Main: Fischer. (In German).
- Medik, Kh. (1994). Mikroistoriia [Mikrohistory] (Transl. by T. I. Dudnikova from: Medick, H. (ed.) (1994). *Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte*. Frankfurt am Main: Fischer). *Thesis*, 2(4), 193–202. (In Russian).
- Morton, K., Saltmarsh, J. (1997). Addams, Day, and Dewey: The emergence of community service in American culture. *Michigan Journal of Community Service Learning*, 1997(4), 137–150.
- Nakanune voiny (1993) — *Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia* [Russian archive: The Great Patriotic War], 12 (1-2): Nakanune voiny. Materialy soveshchaniia vysshego rukovodiashchego sostava RSKA 23–31 dekabria 1940 g. [On the eve of the war. Materials from the meeting of the Red Army's High Command, December 23–31, 1940]. Moscow: TERRA. (In Russian).
- Novosel'skii, G. (1950, June 18). Druz'ia sem'i i shkoly [Friends of the family and the school]. *Ogonek* (The little flame), p. 12. (In Russian).
- Obrashchenie (1936) — Obrashchenie Vsesoiuznogo soveshchaniia zhen khoziaistvennikov i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov tiazheloi promyshlennosti [Address of the All-Union meeting of the women of economic managers, technical-engineering employees of the heavy industry]. *Obshchestvennitsa* [The female community activist], 1936(1), 3. (In Russian).
- Obzor (1927) — Obzor politicheskogo sostoiianiia SSSR za iul' 1927 g. (po dannym Ob"edinennogo gosudarstvennogo politicheskogo upravleniia) [Review of the political situation in the USSR in July, 1927. According to data from the OGPU]. In N. Bystrova, V. Zemskov et al. (eds.). “*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka — Stalimu o polozhenii v strane (1922–1934)* [“Top secret”: Lubianka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] (Vols. 1–9). Vol. 5: 1927, 414–483. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).

- Ot redaktsii (1936) — Ot redaktsii [Editorial note]. *Obshchestvennitsa* [The female community activist], 1936(1), 5. (In Russian).
- Postanovlenie (1952) — Postanovlenie “Ob uluchshenii distsipliny detei na ulitsakh i v obshchestvennykh mestakh” [Resolution “On improving the discipline of children in the streets and public places”]. *Official web-portal of Ramensky district*. Retrieved from <http://www.ramenskoye.ru/?action=admarch&submenu=cite&id=14961>.
- S partiei (1932, March) — S partiei i rabochim klassom protiv ugrozy bonapartizma i kontrrevoliutsii [Together with the Party and the working class against the threat of Bonapartism and counter-revolution]. *Biulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [Bulletin of the opposition (of the Leninist Bolsheviks)], no. 27. Retrieved from <http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-27.shtml>. (In Russian).
- Saikina, A. (1964, March 25). Vsiudu — obshchestvenniki [Social activists - everywhere]. *Krasnyi Sever* [Red North (newspaper, Vologda)]. (In Russian).
- Sarycheva, M. V. (ed.) (1941). *Vospitanie detei v sem'e* [Children's upbringing in family]. Moscow: Uchpedgiz; Nauchno-issledovatel'skii institut shkol Narkomprosa RSFSR. (In Russian).
- Savage, D. M. (2002). *John Dewey's liberalism: Individual, community and self-development*. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press.
- Stalin, I. V. (1929). Sorevnovanie i trudovoi pod'em mass [Competition and the working enthusiasm of masses]. In I. V. Stalin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collected works], Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).
- Trotskii, L. (1923, July 14). Sem'ia i obriadnost' [Family and ceremonial rites]. *Pravda* [Truth (newspaper)]. (In Russian).
- Trotskii, L. (1938, August-September). Totalitarnye porazhentsy [Totalitarian defeatists]. *Biulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev)* [Bulletin of the opposition (of the Leninist Bolsheviks)], 60–61. (In Russian).
- Volkov, V. (1997). Obshchestvennost': zabytaia praktika grazhdanskogo obshchestva [*Obshchestvennost'*: The forgotten practice of civil society]. *Pro et Contra*, 2(4), 77–91. (In Russian).
- Zhurin, B. I. (1927). *Promyshlennoe stroitel'stvo iz betonitovykh kamnei s zhelezo-betonnykh karkasom* [Industrial construction from concrete blocks with a ferroconcrete frame]. Moscow: Uchebnaia tipografiia. (In Russian).
- Zhurin, B. (1941a). Artilleriia v Stanislavskom proryve 1917 g. (Stat'ia 2-ia) [Artillery in the Stanislav breakthrough, 1917. Part 2]. *Artilleriiskii zhurnal* [The artillery journal], 1941(2), 57–69.
- Zhurin, B. I. (1941, October 2). Vzaimodeistvie artillerii s drugimi rodami voisk v oborone [Interaction of artillery with other combat arms in defense]. *Boevaia trevoga* [Combat alarm (newspaper)], p. 3. (In Russian).
- Zhurin, B. I. (1943a). *Vzaimodeistvie artillerii s drugimi rodami voisk pri proryve ukreplennoi polosy 8-i russkoi armiei u Stanislavuva* [Interaction of artillery with other combat arms during the breakthrough of the fortified zone by the Russian 8th army at Stanislavów]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony. (In Russian).
- Zhurin, B. I. (1945, October 2). Roditel'skie komitety v domakh [Parents' committees in the multiple dwellings]. *Kolomenskii rabochii* [The worker of Kolomna (newspaper)]. (In Russian).
- Zhurin, B. I. (1952). *Roditel'skaia obshchestvennost' v pomoshch' shkole po kommunisticheskoi vospitaniiu detei* [Parents' community in aid to the school with Communist education of children]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

- Zhurin, B. I. (1955). *Roditel'skaia obshchestvennost' v pomoshch' shkole* [Parents' community in aid to the school], 2nd ed. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).
- Zhurin, B. I. (1960, January 5). *Pedagogiku tvoriat massy* [Pedagogy is created by the masses] // *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]. (In Russian).
- Zhurin, B. I. [n. e.]. *Razvitie betonitovogo stroitel'stva* [Development of the concrete building industry]. Moscow: Vsekopromsoiuz; Tipografiia izdatel'stva "Krest'ianskaia gazeta". (In Russian).
- Zhurin, B. I. et al. (1943b). *Ukazaniia i programma dlia boevykh primerov deistviia artillerii, pomeshchaemykh v otdel'nykh knigakh "Artilleriia v boevykh primerakh Otechestvennoi voiny"* [Instructions and program for combat examples of artillery fighting, included in issues of "Artillery in combat examples of the Patriotic War"]. [Moscow: n. p.]. (In Russian).
- Zhurin, B. I. et al. (1947). *Deistviia artilleriiskikh podrazdelenii v Velikoi Otechestvennoi voine. Boevye primery. Sb. 2* [Artillery fighting in the Great Patriotic War. Combat examples. II] S. A. Krasnopevtsev (ed.). Moscow: Voenizdat. (In Russian).
- Zhurin, B. I. et al. (1958, December 13). *Bol'she otkladyvat' nel'zia* [Impossible to postpone further]. *Uchitel'skaia gazeta* [Teacher's newspaper]. (In Russian).
- Zhurin, B. I., Rostovtsev, M. V. (1958). *Artilleriiskaia razvedka v Velikoi Otechestvennoi voine* [Artillery reconnaissance during the Great Patriotic War]. Moscow: Voenizdat. (In Russian).

MAIOFIS, M. L. (2016). "IN ASSISTANCE TO DECISIONS OF THE HIGH COMMAND": BIRTH OF THE "THAW"-PERIOD COMMUNITY (*OBSHCHESTVENNOST'*) FROM THE SPIRIT OF 1939. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 44–81

Басс Вадим Григорьевич
кандидат искусствоведения
доцент, Факультет истории искусств,
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3А
Тел.: +7 (812) 386-76-35
E-mail: bass@eu.spb.ru

АРХИТЕКТУРА ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО И НАРУЖНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ: СОВЕТСКИЙ ПАВИЛЬОН НА НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1939 г. И АНСАМБЛЬ ВСХВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности архитектурной репрезентации СССР в 1939 г., накануне Второй мировой войны. Акцентируются различия в представлении системы внутри страны и вовне. Программа Всесоюзной сельскохозяйственной выставки демонстрирует сходство с западными коммерческими и колониальными выставками, что свидетельствует об архаической природе политической системы. На примере павильона механизации показано, как официальный образ культуры воплощает характерное для нее милитаристское начало.

Архитектура и экспозиция советского павильона в Нью-Йорке носила «вестернизированный», стилистически компромиссный по отношению к западному выставочному мейнстриму характер. Композиционно павильон был своего рода макетом главного здания СССР — строившегося Дворца Советов. Для воздействия на зрителя авторы прибегли и к отработанному в Париже (1937) синтезу скульптуры и архитектуры, и к простейшим инструментам: павильон в нарушение высотных ограничений превышал другие постройки на выставке. Если общим девизом выставки был «мир будущего», то авторы советской экспозиции демонстрировали это будущее как «настоящее», якобы уже наступившее в СССР.

Ключевые слова: ВСХВ, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, Нью-Йоркская всемирная выставка, 1939, сталинская архитектура, Б. М. Иофан, Дворец Советов, советский павильон, архитектура и пропаганда

Советский Союз, приняв приглашение президента США Франклина Д. Рузвельта об участии на Всемирной выставке в Нью-Йорке, словами Председателя Президиума Верховного Совета СССР т. М. И. Калинина в речи, произнесенной им по радио для Соединенных Штатов Америки 29 января 1939 г., подчеркнул те дружественные чувства, которые питают народы Советского Союза к американскому народу. Участие наше на Нью-Йоркской выставке способствовало взаимному уважению народов двух свободлюбивых великих стран.

Г. Тихомиров. Предисловие к книге «Граждане Соединенных Штатов Америки и других стран о Советском Союзе (из книги записей посетителей павильона СССР на Всемирной выставке в Нью-Йорке 1939 г.)». М., 1941

С начала 1930-х годов архитекторы СССР осваивают «историческое наследие», разрабатывая различные вариации новой, советской классики. Эта изменчивая, находившаяся в состоянии постоянного становления архитектура служила средством оформления и репрезентации политической системы и культуры — рамкой, декорацией и витриной (а также зеркалом) одновременно. К концу десятилетия рефлексия над архитектурным языком, над способами представления утвердившегося режима находит выражение в нескольких масштабных сюжетах, два из которых и рассматриваются в этой статье. Оба относятся более к сфере идеологического, чем утилитарного, оба пришлись на 1939 год, переломный в истории XX века. Последующее начало Второй мировой войны радикально изменит и политический пейзаж, и его архитектурное оформление, поэтому эти проекты оказываются важным свидетельством того, как советская система видела себя и как «советское» предьявлялось внешнему миру.

Начнем с одной иллюстрации.

Искусство фальстарта

В сентябре 1939 г. в Ленинграде был объявлен конкурс на архитектурное решение нового городского центра. Ядром его должен был стать Дом Советов, уже несколько лет строившийся по проекту Н. А. Троцкого — и достроенный только после войны. Из представленной графики особого внимания заслуживают листы проекта, выполненного Г. А. Симоновым с коллегами. По сторонам Дома Советов расположена пара «распластанных», словно бы вросших в землю триумфальных арок для пропуска демонстраций. Их «горизонтальные» пропорции особенно очевидны при сравнении с естественно возникающим в памяти петербургским же образцом, россиянской аркой Главного штаба: чтобы привести их к «норме», привычным отношениям, зритель должен был бы мысленно достроить устои арок снизу.

Ил. 1. Г. А. Симонов, С. В. Васильковский, О. И. Гурьев и др. Конкурсный проект архитектурного оформления общегородского центра Ленинграда.
Источник: Ленинградский Дом Советов. Архитектурные конкурсы 1930-х годов / Авт.-сост. В. Г. Авдеев. СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2006

Эта архитектура, как и большинство конкурсных проектов самого Дома Советов, выполненных тремя годами ранее, подразумевает вполне очевидный способ прочтения: именно такой, «вросшей» в землю, Европа видела античность — скажем, в эпоху Ренессанса. Проект стилистически и представляет собой буквально коллаж из «классики всех эпох и народов», которую в приказном порядке с начала 1930-х осваивают и перерабатывают советские зодчие. Здесь и античность, и Ренессанс, и воображаемый Рим, запечатленный на фантастических ведутах Пиранези, и т. д. Однако этот message — «историческая укорененность», «вечность» Советской власти — находится в характерном противоречии с датами на арке: 1917 – 1942. В действительности не только арки эти не были возведены, но и сама местность, и Ленинград, и страна в 1942 г. выглядели совсем не так, как это представляли авторы проекта.

Триумфальное искусство предвоенного периода — не просто инструмент для производства декораций конструируемой истории, способ репрезентации мифологии, картинка к «Краткому курсу» (опубликованному, кстати, незадолго до упомянутого конкурса, в 1938 г.). Оно в существен-

ной степени есть искусство фальстарта. Подобно тому как, по известной формуле, «генералы всегда готовятся к прошлой войне», архитекторы, художники, скульпторы увековечивали прошлые победы в качестве источника состоявшегося и незыблемого нового порядка. Это искусство преждевременного триумфа, предшествующего трагедии новой войны — трагедии такого масштаба, что попытки осмысления ее архитектурными средствами породят в первой половине 1940-х годов целый пласт неканонических, визионерских мемориальных проектов¹, — и лишь через несколько лет после победы будут выработаны конвенции нового языка, после чего создание монументов станет едва ли не автоматическим.

Именно к концу 1930-х годов и относятся два сюжета, положенные в основу этой статьи. Оба подробно документированы и многократно рассматривались историками. Поэтому в задачу здесь входит акцентировать особенности архитектурной репрезентации «советского», различия в репрезентации системы в ее «высшем» предвоенном состоянии вовне, для стороннего зрителя, и конструирования ее образов «для внутреннего употребления».

«Новый мир» и Новый Свет

30 апреля 1939 г. открылась грандиозная Нью-Йоркская всемирная выставка (New York World's Fair), среди участников которой был и СССР (советский павильон открыт 17 мая)². Ее девиз — «мир завтрашнего дня», мир будущего. Риторика прогресса была необходимой составляющей идеологического обеспечения международных выставок — начиная с первой, лондонской. Уже юбилейная экспозиция к столетию Чикаго, устроенная в 1933–1934 гг., продемонстрировала двусмысленность этой риторики: название «Век прогресса» отражало достижения в технологическом развитии цивилизации, но на фоне прихода к власти в Германии нацистов совпадение социального прогресса с естественнонаучным и инженерным оказывалось все менее очевидным.

Политический контекст нью-йоркской выставки также был сложным: достаточно упомянуть павильоны Чехословакии и Польши — стран, ставших в это время объектами агрессии, германской или советской [Duranti 2006: 668]. Второй ее сезон (1940) прошел уже без участия Советского Союза. Энтони Свифт, анализируя публичное восприятие советского павильона [Swift 1998]³, пишет, что ни пакт Молотова–Риббентропа, ни вторжение СССР в Польшу не вызвали, как этого можно было бы ожидать, лавины

¹ См., например, конкурсные проекты монументов военного времени [Малинина 1991] и визионерские работы ленинградских архитекторов периода блокады [Бахарева и др. 2005].

² Кроме основного здания, экспозиция СССР включала также небольшой павильон, посвященный освоению Арктики, и советский раздел во «Дворце наций».

³ О выставке см. также: [Duranti 2006].

негативных отзывов; советско-финская же война, радикально повлиявшая на настроения американцев и европейцев по отношению к СССР, началась уже после закрытия первого сезона в Нью-Йорке. В этом смысле советская экспозиция на выставке 1939 г. тоже становится своего рода «фальстартом», вернее, последним эпизодом старой, довоенной логики контактов с Западом и предъявления ему образов «страны победившего социализма».

В части отношений собственно с США эти контакты носили характер прежде всего технологического трансфера, точнее, прямого импорта. В публикациях М. Г. Мееровича, И. А. Казуся, Д. С. Хмельницкого и других авторов проанализирована определяющая роль американской проектной индустрии (в частности, фирмы Альберта Кана и ее московского «отделения» — Госпроектстроя) в советской индустриализации, в создании тяжелой промышленности. Американская практика высотного строительства стала предметом особого внимания в СССР в связи с планами устройства московского Дворца Советов. Его архитекторы — Б. М. Иофан, В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейх — в 1934 г. были откомандированы в Соединенные Штаты именно с тем, чтобы ознакомиться с практикой возведения небоскребов. В профессиональной прессе, в литературе, на съездах зодчих — при всех обязательных указаниях на «упадочный» характер архитектуры небоскребов, порожденной «духом спекуляции, наживы, рекламы и капиталистической конкуренции» и т. п., — налицо весьма внимательное и уважительное отношение к технологическим и организационным аспектам американского небоскрежного строительства. Техническое превосходство Запада не ставится под сомнение, наоборот, этот опыт предлагается внимательно перенимать.

Так, на I Всесоюзном съезде архитекторов 1937 г. наряду с полными политической демагогии докладами (скажем, «задачи советской архитектуры» в изложении К. С. Алабяна включали и такую: «научиться распознавать врагов народа») прозвучало и сообщение М. Я. Гинзбурга «Индустриализация жилищного строительства» (изданное также отдельным оттиском). В этом сообщении — абсолютно деловом, лишенном какой бы то ни было «политики» — автор подробно рассматривает американское строительное дело, включая индустриальное производство конструкций и используемые материалы, называет сроки, анализирует подготовку работ и моделирование, приводит статистику. Гинзбург акцентирует внимание именно на организации строительства: на четкости и одновременности работы всех исполнителей, на отсутствии складов и запасов на площадке, на точности в подвозе всего необходимого. Иными словами, американская архитектура рассматривается именно как продукт высокой организационной культуры, культуры менеджмента. Именно в этой сфере СССР всегда отстает, именно за этим, а не только за новой техникой, советские специалисты едут в Штаты. «Организационное» начало крайне значимо в политике и идеологическом обеспечении советской системы этого периода; в этом смысле характерны «проговорки», которые мы встречаем и в архи-

текстурных текстах: так, обращение к Древнему Риму в период «освоения наследия» будут объяснять именно организационным гением римлян, подчинивших мир (см., например: [Роговин и др. 1949: xiii]).

«Большая» советская вестернизация состоит из множества «малых» — будь то строительство заводов по американским проектам или непосредственно в США (с последующей сборкой в СССР), импорт, лицензионное производство или копирование иностранной техники, заимствование технологий и даже новых пищевых продуктов или использование холлеритовской счетно-решающей техники в экономической статистике, народнохозяйственном планировании и бухгалтерском учете.

Характерно, что именно архитектура стала сферой, где с высокой степенью наглядности воплотилось различие двух систем, технических и организационных культур, социально-политических и культурных укладов. С одной стороны — обозримость, очевидность интенций и адекватность, едва ли не филистерская приземленность, обусловленность постройки понятными в рамках социального здравого смысла резонами. С другой — постоянная претензия на создание чего-то большего, чем просто здания, на выражение абстрактных, да еще и внеположных самому зодчему идеологических материй, постоянное скатывание архитектурного дискурса в политическую демагогию, не допускающую адекватного визуально-пространственного подкрепления.

Собственно, поэтому американские небоскребы в 1930-е годы к зависти советских зодчих росли со скоростью несколько этажей в неделю, а Дворец Советов, главное сооружение страны, так и остался в проекте — хотя и был многократно предъявлен «городу и миру» в макетах (в том числе на всемирных выставках), киномонтажах, живописи и бытовых образах для массового потребления (скажем, на обертке одноименного шоколада)⁴.

В 1930-е годы эта внутренняя несамотождественность советской архитектуры обусловлена еще и предписанным стилистическим выбором. Ситуация постоянного двоемыслия, обеспечивающая зазор, возможность произвольной связи «слов» (социально-политических, идеологических конструкций) и «вещей» (форм, архитектурных языков), связана со столкновением «плана содержания» и «плана выражения»: система, эксплуатирующая риторику социальной модернизации, использует для построения архитектурных, пространственных, визуальных декораций старомодные конвенции классического искусства. Зрителю приходится постоянно балансировать «на грани», совмещая — буквально в логике оруэлловского *doublethink* — два взаимоисключающих начала: модернистское знание материальной природы окружающих его форм и традиционное, «классическое» признание за формами права быть инструментом репрезентации, предъявления (точнее, замещения) отсутствующего.

---

⁴ Об этом «организационном бессилии» создателей Дворца свидетельствует, например, художник Е. Е. Лансере в своих дневниках [Лансере 2008].

Обитатель «сталинской» архитектуры должен постоянно расколдовывать мир — и верить в мифологический и трансцендентный характер окружающего⁵.

ВСХВ: опять 1925

Дух внутренней неадекватности архитектуры, парадокса, когда вещи с вынужденного или добровольного согласия авторов и зрителей всегда выдают себя не за то, чем являются, — необходимая составляющая парадоксов «советского» как тоталитарного (вспомним оруэлловские формулы-оксюмороны). Проекты репрезентации системы, максимально идеологически маркированные, отчетливо демонстрируют парадоксальный характер советской архитектуры.

Через три месяца после открытия нью-йоркской экспозиции, 1 августа 1939 г., после неоднократных переделок и переносов начинает работу Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. ВСХВ 1939 г., как и ее наследнице, ВДНХ, также посвящено множество работ. Среди исследователей упомянем прежде всего В. З. Паперного, который рассматривает историю организации, проектирования и строительства московской выставки в контексте становления «культуры Два» [Паперный 1996: 195 слл.]. Мы затронем единственный аспект: структурный архаизм этой экспозиции — при всем «прогрессистском» риторическом ее сопровождении.

Подобно тому как советские модернисты 1920-х годов законсервировали на весь XX век в качестве композиционного метода и идеологии отзвуки психологической моды дореволюционного периода, создатели ВСХВ положили в ее основу структуру, весьма сходную с устройством вполне «буржуазной» парижской экспозиции 1925 г. «Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes» была первой большой зарубежной экспозицией, на которой выступал СССР. Только место парижских зданий для торговых фирм (Printemps, Bon Marché) на ВСХВ заняли тематические павильоны; страны и французские провинции уступили место регионам РСФСР, а «экзотическая» архитектура французских колоний (в духе лозунга «сталинской национальной политики» — «социалистическое по содержанию, национальное по форме») получила аналогию в «экзотических» же формах павильонов национальных республик (здесь следует напомнить и о популярных «колониальных

---

⁵ В этом отношении показателен известный сюжет с реакцией модернистов, в том числе Ле Корбюзье, на результаты международного конкурса проектов Дворца Советов (1931). Архитекторы «Современного движения» были возмущены именно тем, что жюри поддержало традиционалистские работы. Архитектурный язык премированных проектов Б. М. Иофана, И. В. Жолтовского и Г. Гамильтона, по мнению коллег-модернистов, не отвечал задаче создания главного здания — символа наиболее передовой политической системы (подробнее об этом см. в публикациях Д. С. Хмельницкого, например: [Хмельницкий 2007]).

выставках», например, парижской 1931 г.). Это структурное сходство, постоянство логики, положенной в основу экспозиции, сохраняется при всех многочисленных переделках программы ВСХВ⁶.

Архитектура двойного назначения

В архитектурном отношении у парижской выставки 1925 г. и ВСХВ есть и еще одно сходство. Обе выставки были полны привлекательной, интересной в части декоративных решений, но композиционно крайне невразумительной архитектуры; павильоны в большинстве своем не представляли самостоятельной ценности и работали (как часто случалось еще и на выставках XIX — начала XX столетия) лишь как части общей «картинки», добавляя в нее экзотические обертона. Тем больше должны были впечатлять присутствующие на обеих экспозициях сильные архитектурные жесты. В Париже главных жестов было два: павильон «Эспри Нуво» работы Ле Корбюзье и советский павильон К. С. Мельникова. В Москве роль «сильной формы» играл павильон механизации. Выстроенный к первоначально запланированному на 1937 г. открытию ВСХВ (и несколько раз отложенному) павильон с башней, спроектированный В. К. Олтаржевским⁷, был разобран и к выставке 1939 г. возведен новый — по проекту В. С. Андреева, И. Г. Таранова и Н. А. Быковой.

Характерно, как культура «проговаривается» в архитектуре этого павильона. С одной стороны, выставка призвана продемонстрировать «мирные» достижения СССР. С другой — на роль главного сооружения (павильон механизации — самое мощное здание, а Площадь Колхозов — пространственная кульминация выставки) выбирается подчеркнуто милитаристская вещь: параболическое перекрытие павильона неминуемо ассоциируется у посетителя с эллином для дирижаблей⁸; о сходстве с эллином говорится и в официальных текстах выставки [Жуков 1939; Коваль и др. 1939]. Более того, авиация в культуре 1930-х — сфера «двойного назначения» с сильным милитаристским подтекстом, с акцентом именно на военном использовании. Этот подтекст должен был отчетливо считываться современниками, особенно — после Гражданской войны в Испании⁹, в ожидании новой войны в Европе, в атмосфере газовой и бомбардировочной паранойи¹⁰.

⁶ Подготовка выставки вообще выглядит сплошной импровизацией — на фоне репрессий в Наркомземе (М. А. Чернов, Р. И. Эйхе), арестов членов выставкома, ответственных за проектирование и строительство архитекторов и инженеров (В. К. Олтаржевский, И. Е. Коросташевский), и т. д.

⁷ Арестован в 1938 г.

⁸ Отметим, что, например, авиационные ангары работы Пьера-Луиджи Нерви регулярно воспроизводились в советских публикациях на архитектурные темы.

⁹ Напомним шок от бомбардировки Герники; Пикассо выставляет свою «Гернику» на всемирной выставке в Париже в 1937 г.

¹⁰ Вопросы противовоздушной обороны оказываются в это время в числе ключевых при проектировании зданий и прямо определяют решения; архитекторы на международ-

Показательно, что спустя несколько лет именно подобный ангар — только с порталом — будет построен по проекту А. В. Щусева для павильона военных трофеев в московском ЦПКиО.

Ил. 2. Панорама ВСХВ 1939 г. На заднем плане — павильон механизации.
Источник: Советская архитектура за XXX лет РСФСР. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950

Но и содержимое павильона механизации на ВСХВ тоже имело «двойное назначение» — и должно было считываться таким образом. В советской культуре трактор — alter ego танка. И не только потому, что тракторные заводы были и заводами танковыми. Трактор — это «танк мирного времени», а тракторист — это фактически танкист, временно находящийся в отпуске. В том же 1939 г. выходят пырьевские «Трактористы» — фильм, который представляет собой буквальную иллюстрацию этой идеи, причем она артикулируется устами самих героев: «Трактор, хлопцы, — это танк!» Этой милитаристской модели соответствует и «вздыбленная», «агрессивная» постановка тракторов в павильоне механизации (в фотографических изображениях павильона можно встретить ее форсирование за счет сильных ракурсов) — советская скульптура этого времени полна подобным образом «вздыбленных» коней, несущих героев Гражданской войны (см., например, скульптуру, венчающую башню павильона «Поволжье» на ВСХВ). На рубеже 1930–1940-х годов мы встретим, например, взлетающие на каменную глыбу, подобно Медному всаднику, танки в проектах монументов в местах боев Финской войны [От редакции 1940: 7 слл.] или столь же «агрессивное» скульптурное изображение танка у Военной академии имени Фрунзе.

ных конгрессах обсуждают строительство убежищ и устойчивость построек к бомбардировкам.

Отметим, что композиционное решение павильона механизации у минимально «архитектурно подкованного» зрителя должно было провоцировать и иные ассоциации: параболические своды были модным приемом в мировом церковном строительстве первой половины XX столетия, а в сочетании с боковыми сводчатыми «капеллами» здание приобретало пространственное и структурное сходство именно с культовыми постройками. Впрочем, такая параллель была общим местом в архитектуре выставочных зданий начиная с гигантской базилики лондонского Хрустального дворца (1851).

Советское на американский лад

ВСХВ — пример конструирования образов «советского» для внутреннего употребления. Очевидно, что этот набор клише мог иметь лишь ограниченное хождение вовне — и в части содержания, и в смысле формы представления. В ситуации самопредъявления внешнему зрителю система демонстрирует некоторые остатки адекватности, а создатели павильонов — способности к эмпатии. Программа советской экспозиции в Нью-Йорке в общем вполне соответствует мифологии «для внутреннего пользования» — с «героикой революции и Гражданской», со «штурмом Зимнего» и «обороной Царицына». Однако и архитектурные решения советской части выставки, и состав экспонатов демонстрируют рефлексия, работу, отразившуюся в выборе наименее маргинальных по отношению к мировым тенденциям форм.

Так, демонстрируется фрагмент станции московского метро (ячейка зала в натуральную величину, визуально умноженная посредством зеркал). Для экспозиции выбирают именно «Маяковскую» А. Н. Душкина — станцию, архитектура которой в наибольшей степени близка стилистике современного ей американского зодчества и решениям большинства павильонов выставки 1939 г. В декорации советского павильона и в текстах встречаем и другие приемы в духе ар деко и «стримлайна», например, металлические «каннелюры», закарнизное освещение и т. п. Сам выбор в качестве исполнителя Б. М. Иофана (при участии К. С. Алабяна, собственный проект которого также выиграл конкурс 1938 г.) демонстрирует специфическое понимание стилистических аспектов репрезентации СССР на американской выставке — не случайно именно стиль Иофана традиционно в наибольшей степени уподобляют ар деко¹¹.

---

¹¹ Вопрос о «советском ар деко» составляет один из наиболее популярных предметов дискуссии в архитектурно-исторической среде последних десятилетий. Не имея намерения в рамках этого текста включаться в подобную дискуссию, обозначим лишь позицию в самом общем виде. Лежащие в основе этого направления западной архитектуры и искусства начала гедонизма, социальной адекватности, технологического совершенства и рефлексии (в том числе и рефлексии дизайнерской, стилизующей, ориентированной не на воспроизведение природы, а на отбор в ней характерных черт и линий, пригодных в массовом производстве) делают словосочетание «советское ар деко» своего рода оксюмором. При всем

Парадокс: не будучи ни в коей мере в «центре» советской неоклассики (на роль которой постепенно выдвинутся вариации русского неоклассицизма конца XVIII — начала XIX столетия), иофановский язык — умеренно традиционный и умеренно современный, умеренно универсальный и до некоторой степени провинциальный, умеренно сложный и умеренно примитивный, умеренно лапидарный и декоративный — оказался наиболее точным выбором для сооружений, в которых СССР демонстрировал себя миру, будь то Дворец Советов или павильоны в Париже и Нью-Йорке. Впрочем, и существенно более «прямолинейные» проекты Алабяна, в композицию которых архитектор включает одну и даже две «кремлевские башни», в части конкретного языка форм несколько более «современны», обтекаемы, стилизованы в общевыставочном духе, чем те утомительно подробные вещи, которые строятся в Москве и других городах СССР. В частности, Алабян использует мотив вертикального «оребрения» фасадов, который для советских зодчих мог служить знаком «американскости» начиная с проекта Дворца Советов Гектора Гамильтона, премированного на конкурсе 1931 г. Такие испещренные вертикалями поверхности были и отражением «небоскробной» моды 1920–1930-х годов, и развитием характерной для некоторых версий неоклассики темы пилонов (вертикальные «ребра» — характерный элемент и иофановского почерка).

Построить Париж и не умереть

Проектирование нью-йоркского павильона осложнялось тем, что он был обречен на сравнение с постройкой, которая считалась безусловной удачей, — иофановской же работой 1937 г. для Парижа. Тексты в архитектурной прессе, посвященные парижскому павильону, звучат как своеобразный вздох облегчения — до поры советским зодчим практически нечего было предьявлять в качестве образца соцреализма в архитектуре — и наконец, «слово найдено»:

Стиль советского павильона на Парижской выставке 1937 года несет на себе определенные черты того понятия, которое заключено в двух огромных по своему содержанию словах: социалистический реализм [Аркин 1937: 5].

Соцреалистическая схоластика теперь могла быть проиллюстрирована возведенным сооружением. Характерно, что это «попадание» достигается именно в сочетании архитектуры со скульптурой, сочетании иофановского здания со статуей рабочего и колхозницы, созданной В. И. Мухиной в развитие идеи архитектора. Разговоры про синтез искусств получают зримое

обилии визуальных параллелей советская архитектура, интерьер и т. п. едва ли не полярны ар деко — хотя и демонстрируют порой убедительное сходство в деталях, приемах, дизайнерских решениях.

подкрепление, постройка Иофана с тех пор — едва ли не единственный безупречный пример подобного синтеза в искусствоведческой литературе, «памятник эпохи» и памятник *per se* — хотя собственно архитектура парижского павильона едва ли представляет нечто выдающееся, да и идея «сборки» здания в виде динамичного пакета из пилонов, этакой рессоры, встречается и раньше — например, в берлинской *Gustav-Adolf-Kirche* Отто Бартнинга или в структуре *RCA Building* в нью-йоркском Рокфеллер-Центре.

«Детективный» сюжет с противоборством Б. М. Иофана и А. Шпеера — автора германского павильона, описанный последним в воспоминаниях, — неперменный атрибут практически любых упоминаний парижской выставки в архитектурно-исторических публикациях. Советские рецензенты выставки отмечали «архитектурное превосходство» советского здания. Так, П. Балтер писал, что не было посетителя, который не провел бы сравнения двух построек — и сравнение это оказывалось не в пользу германского павильона, названного тяжелым, неуклюжим, нелепым [Балтер 1937: 61–73]. Тем не менее в отчетах о выставке в советской архитектурной прессе избегают фотографий, на которых одновременно были бы показаны оба павильона, расположенные друг против друга вдоль набережной Сены. Это неудивительно: каковы бы ни были мнения о художественном качестве двух сооружений, шпееровский павильон все-таки оказывался выше и, таким образом, успешно выполнял заявленную автором «символическую задачу» — служить устоем, о который «разбивается» волна советского здания. Орел со свастики действительно смотрел на рабочего и колхозницу «сверху вниз». И этот урок был усвоен авторами нью-йоркского сооружения: абсолютные размеры — в отличие от стиля, композиции, характера декорации — всегда «работают» (это отлично используют авторы современных культовых зданий).

На буржуев свысока

Одним из характерных проявлений советского *doublethink* может служить то, что архитекторы и критики 1930–1950-х годов, ругая конструктивистов за «примитивный символизм» (имеется в виду стремление к «говорящей форме»: дома-шестерни, дома-станки, дома-трактора и дома-серпы-и-молоты), сами исповедуют его — и в той же примитивной форме. Например, сами строят дома с «говорящим» планом (театр Красной Армии), укрытые символическим декором. Это двоемыслие вполне наглядно проявляется в случае с проектированием Дворца Советов: критикуя американские небоскребы, авторы текстов о нем (в особенности популярных, рассчитанных на «массового читателя») не упускают случая сравнить здание с высочайшими постройками мира, от пирамид до *Empire State Building* (такие коллажи из самых высоких зданий были популярны уже в XIX в.), а венчающую статую Ленина — с самыми большими скульптурами, включая статую Свободы.

Любовь к символам приобретает на нью-йоркской выставке едва ли не карикатурный характер: если в Париже рабочий и колхозница несли серп и молот — пусть и использованные в качестве символов, но все же реальные предметы, атрибуты профессии, то теперь венчающая композицию статуя рабочего (получившего популярное прозвище «Джо-Рабочий» или «Большой Джо») снабжена... рубиновой кремлевской звездой на короткой рукоятке с небольшим яблоком¹².

Высотный регламент выставки устанавливал ограничения для павильонов в 30 м, а для скульптуры — в 15 м, «с тем, чтобы общая высота всего сооружения, за исключением флагштока, составляла не более 150 футов (45 м)» [Толстой 2006: 386]. Эти ограничения были внесены в конкурсное задание для разработчиков павильона, однако участники состязания отнеслись к ним весьма вольно. Так, Алабян использует традиционный прием наращивания высоты за счет венчания: в его конкурсном проекте высота «кремлевской башни» — 43 м, со шпилем и звездой — 60. Иофановский комплекс оказывался еще выше — звезда в руке рабочего светила с семидесятиметровой высоты. Советские рецензенты не преминули отметить, что советский павильон был выше всех построек, кроме «Трилона» — двухсотметрового шпилевидного сооружения, который вместе с «Перисферой» составлял ядро выставки (так, П. Балтер подчеркивает, что остальные сооружения не превышают 47 метров [Балтер 1939 (6): 33]). Стремление «смотреть на буржуев свысока» было воспринято публикой как политический жест и вызвало критическую реакцию в США, устроителям даже пришлось поднять выше американский флаг над выставкой¹³.

Дворец Советов плашмя, ребром и боком

Как писал П. Балтер, «основной архитектурной темой, на протяжении ряда лет волнующей и занимающей Иофана, является сочетание архитектурного объема с гигантской венчающей его скульптурой» [Балтер 1939 (4): 7]. В Нью-Йорке это сочетание было представлено 53-метровым обелиском-пьедесталом, завершенным статуей в 17 м. В сочетании с окружающим обелиск подковообразным павильоном композиция оказывалась своего рода масштабной моделью Дворца Советов, натурным макетом для проверки видимости и архитектурных эффектов; сходство усиливали и амфитеатр (на выставке — открытый), и широкая открытая лестница, и решение торцов «подковы» в виде пропиленев.

Такого рода макеты — только в натуральную величину — порой менялись при установке памятников — например, Александру III на Знаменской пл. в Петербурге или Маяковскому в Москве. Из эпизодов архи-

¹² Скульптор В. А. Андреев; в исходном конкурсном проекте павильона Б. М. Иофан заставляет рабочего держать в одной руке большое яблоко со звездой, в другой — знамя.

¹³ См., например: <http://exhibitions.nypl.org/biblion/worldsfair/moment-time-brink-war/story/story-ussr>.

Ил. 3. Павильон СССР на Всемирной выставке в Нью-Йорке 1939 г.
Фото: F. S. Lincoln. Fay S. Lincoln Photograph collection, 1920–1968, HCLA 1628,
Special Collections Library, University Libraries, Pennsylvania State University.
Источник: <https://www.flickr.com/photos/pennstatespecial/9392960029>

тектурных упомянем макеты, использовавшиеся Джованни Бернини при проектировании колоннады собора Св. Петра; кстати, в оформлении советской экспозиции использовано немало барочных по сути приемов (так, зал культуры и отдыха имеет «живой, игривый» [Балтер 1939 (6): 35] контур с трехгранными и полукруглыми нишами, а благодаря применению зеркального стекла «теряет реальные границы и становится прозрачным и

легким» [Там же]). Полтора пролета станции «Площадь Маяковского» возле зала градостроительства «посредством зеркал производят впечатление огромной анфилады» [Там же].

Центральным экспонатом зала градостроительства был макет Дворца Советов из самоцветов, выставленный на фоне панно «Физкультурный парад» («Новая Москва»); изображение дворца использовано и в панораме зала «Единство и дружба народов СССР». Напомним, Дворец показывали и на парижской выставке 1937 г. — и в виде модели, и в живописном панно-заднике «Стахановцы» А. А. Дейнеки.

Нью-йоркский павильон оказывался «репетицией» Дворца Советов прежде всего в смысле сочетания скульптуры со зданием. Отношение высоты статуи к общей высоте сооружения (17 м к 70 м) было практически таким же, как во Дворце (100 м к 415 м) — чуть меньше одной четверти. Эта проблема — видимость скульптуры на большой высоте (в московском случае — буквально заоблачной) в сильном ракурсе — в июле 1939 г. обсуждалась и на V пленуме правления Союза советских архитекторов СССР, посвященном строительству главного здания страны, — и не получила убедительного разрешения.

Макет — временный заместитель — строящегося Дворца должен был появиться в Москве: после выставки павильон разобрали и перевезли в СССР, чтобы заново возвести в ЦПКиО¹⁴. Это предусматривалось с самого начала работы над павильоном: в конкурсном задании на проектирование уже содержится положение о том, что «конструкция каркаса павильона должна быть металлической и разборной, дающей возможность по окончании выставки перевезти ее в СССР» [Толстой 2006: 386]. Б. М. Иофан в пояснительной записке также отмечает необходимость рассчитывать каркас на нагрузки, принятые для постоянных зданий в Москве [Там же: 398]. Работы были свернуты в 1941 г., как и строительство самого Дворца Советов; впрочем, к этому времени последний был уже так успешно, убедительно назначен на роль визуальной формулы «советского», что можно было уже и не строить.

«Поэту будущего — от поэта настоящего»

Павильон СССР нарушал общий строй выставки 1939 г. не только в отношении высоты. Напомним, лозунгом и идеологической рамкой Нью-Йоркской всемирной выставки было представление о «мире будущего». Советская же экспозиция предъясняет посетителю картину «настоящего» как того «будущего», которое уже якобы наступило в «одной отдельно взя-

---

¹⁴ Композиция по мотивам павильона со статуей рабочего со звездой на высоком пьедестале была также использована в декорации Пушкинской площади к годовщине Октября в 1940 г.

той стране»¹⁵. Эту логику демонстрируют — скрыто или вполне эксплицитно — все тексты о советском павильоне, все программы репрезентации СССР на выставке, все описания архитектурного решения, декорации, набора залов и состава экспонатов. Авторы одного из проектов павильона (Д. В. Карпов, Н. А. Кольцов и др.) прямо пишут:

Советский павильон на выставке «Мир будущего» в Нью-Йорке должен показать, что СССР, являясь носителем лучших передовых идей, уже сейчас успешно претворяет эти идеи в жизнь и несет их в будущее [Толстой 2006: 392].

Как писал в отчете главный художник советской экспозиции Н. М. Суетин, «перед художниками стояла задача: в оформлении Советского павильона отразить в крупных, монументальных, художественных формах величие и мощь социалистического государства, раскрыть его социально-экономическую и политическую структуру» [Там же: 421]. Сконструированная, воображаемая пропагандистская «действительность» заменяет здесь заявленное будущее; в этом отношении экспозиция — это скорее упомянутое Достоевским в «Братьях Карамазовых» «сведение небес на землю», чем «достижение небес с земли»:

Оформление экспозиции советского павильона представляет собой опыт большого показа советской действительности. Этот опыт должен быть учтен широкими массами архитекторов и художников, работающих на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, а также на строительстве дворцов культуры, техники, музеев [Балтер 1939 (6): 39].

Хронология здесь уместается в диапазон от «проклятого прошлого» через борьбу за построение социализма — к вечно длящемуся настоящему; оно и есть образ будущего, которое если и будет отличаться от «сегодня» — то лишь количественно, но не «стилистически». Торцы павильона декорированы барельефами Ленина и Сталина с цитатами из обоих — соответственно: «The Russian revolution must in its final result lead to the victory of socialism» и «For the USSR socialism is something already achieved and won».

Подобная «социалистическая эсхатология» находит прямое отражение в устройстве павильона: в материалах проекта и в прессе зал, посвященный «единству и дружбе народов», буквально называется «залом апофеоза».

Единственный его экспонат — гигантская панорама — «Дружба народов СССР», длиной в 75 м. (...) В центре (...) разворачивается перспектива будущей Москвы. (...) После детального осмотра все-

---

¹⁵ Подробнее об этом см. у Энтони Свифта: [Swift 1998].

возможных достижений Советского Союза панорама дает синтетический художественный образ необъятной, мощной, неудержимо растущей страны. <...> После осмотра апофеозного зала посетитель попадает в зал литературы, науки и прессы. Это спокойный зал, в стены которого встроены витрины с советскими печатными изданиями, портретами писателей и графикой. <...> В торцовую стену зала вкомпонован барельеф Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Под барельефом на мраморной доске помещены основные произведения классиков марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм, как научная основа всего строительства, всех достижений СССР — это последний, заключительный образ советского павильона [Балтер 1939 (6): 36].

Таким образом, экспозиция завершается отсылкой к учителям и «священным текстам».

О проектировании и визуализации будущего, в частности, о путях технологического развития и о том, в какие именно формы оно будет облечено, особенно не задумываются. Самодовольство советской культуры, в которой «будущее уже наступило», — одна из причин провинциализма, наиболее очевидного в дизайне предметной среды и архитектуре. Налицо отсутствие представлений — или, точнее, необходимости в таких представлениях — о «границах современности», о формах завтрашнего дня или ближайшей по историческим меркам перспективы, своего рода бедность фантазии — прежде всего дизайнерской. Характерно, что самые точные вещи на выставке 1939 г., главные «попадания» в образы будущего — на счету именно дизайнеров (скажем, Нормана Бел Геддеса, спроектировавшего для General Motors «Футураму» — павильон, в котором демонстрировался мир через 20 лет). Подобные выставки выдвигают на передний план фигуру дизайнера как человека, вовлеченность которого в производство, в технологию, близость к предметной реальности позволяла конструировать не отвлеченные образы условного будущего, а мир, каким он станет завтра. Мир, образы которого отличаются и от советской неоклассики с ее претензией на вечность, на конец времен, и от советского модернизма, эксплуатировавшего инженерную, машинную эстетику, эстетику целесообразного, но не способного представить развитие самой «машины». В этом отношении «действительность», представленная в советском павильоне, стилистически стремительно устарела уже в ближайшие десятилетия, навсегда оставшись набором образов довоенного мира и сохранив жизнеспособность лишь в тех аспектах, которые отвечали общей дизайнерской тенденции всей выставки.

* * *

Итак, выше были рассмотрены некоторые особенности представления СССР на двух выставках 1939 г. — накануне глобальных потрясений, в очередной раз изменивших и характер системы, и характер ее отношений с окружающим миром, и способы ее репрезентации. Всесоюзная сельско-

хозяйственная выставка в части программы демонстрирует вполне традиционную, если не архаическую природу советского политического режима и национально-государственного устройства. В то же время в архитектурном решении павильона механизации неявным, но вполне считываемым образом воплотилось органически присутствующее в советской культуре и политической риторике милитаристское, воинственное начало.

Павильон на выставке в Нью-Йорке был средством репрезентации «советского», представляя собой не «сумму» советской архитектуры, не «генеральную линию» соцреализма, но стилистический компромисс по отношению к интернациональной практике выставочного строительства. Создатели проявляют здесь нехарактерную для советского зодчества, но характерную для предвоенных отношений с Западом (в особенности — с США) степень адекватности, осознание границ риторики «для внутреннего употребления». Дизайн экспозиции и отбор экспонатов также свидетельствуют о рефлексии организаторов, о специфическом понимании ими задачи конструирования образов для внешнего зрителя. Композиция павильона, развивающая отработанную еще в Париже (1937) модель взаимодействия архитектуры со скульптурой, делает его своего рода репетицией, макетом Дворца Советов. Идеология, положенная в основу советской экспозиции, отлична от общей рамки нью-йоркской выставки 1939 г.: вместо изобретения и визуализации «мира будущего», основанных на прогрессе технологий и дизайнерской интуиции, авторы павильона СССР предъявляют зрителю пропагандистские образы «советского настоящего» как наступившего будущего. В этом смысле павильон стал характерным образцом культуры триумфа. Самодовольство имело следствием провинциализацию.

Факт же участия СССР на экспозиции будет вновь востребован два года спустя, когда США понадобятся в качестве союзника: 17 сентября 1941 г. будет подписан к печати сборник выдержек из книги записей посетителей советского павильона в Нью-Йорке «Граждане Соединенных Штатов Америки и других стран о Советском Союзе» [Граждане 1941].

Литература

- Аркин 1937 — Аркин Д. Советский павильон // Архитектура СССР. 1937. № 9. С. 5.
- Балтер 1937 — Балтер П. На Международной выставке. Письмо из Парижа // Архитектура СССР. 1937. № 11. С. 61–73.
- Балтер 1939 — Балтер П. Павильон СССР на Международной выставке в Нью-Йорке // Архитектура СССР. 1939. № 4. С. 5–11; № 6. С. 33–39.
- Бахарева и др. 2005 — Архитекторы блокадного Ленинграда: [Каталог выставки] / Авт.-сост. Ю. Ю. Бахарева. СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2005.
- Граждане 1941 — Граждане Соединенных Штатов Америки и других стран о Советском

- Союзе (из книги записей посетителей павильона СССР на Всемирной выставке в Нью-Йорке 1939 г.). М.: Госполитиздат, 1941.
- Жуков 1939 — Жуков А. Ф. Архитектура Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 года. М.: [б. и.], 1939.
- Коваль и др. 1939 — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. 1939 / Сост. Т. А. Коваль, А. Ю. Бранзбург, И. Г. Веригэ и др.; Под ред. П. Н. Поспелова, А. В. Гриценко, Н. В. Цицина. М.: Сельхозгиз, 1939.
- Лансере 2008 — Лансере Е. Е. Дневники: [В 3 кн.]. М.: Искусство-XXI век, 2008.
- Малинина 1991 — Малинина Т. Г. Тема памяти в архитектуре военных лет: по материалам конкурсов и выставок 1942–45 гг. М.: НИИ РАХ, 1991.
- От редакции 1940 — От редакции // Архитектура Ленинграда. 1940. № 4. С. 7.
- Паперный 1996 — Паперный В. Культура Два. М.: Нов. лит. обозрение, 1996.
- Роговин и др. 1949 — Роговин Н. Е., Маркузон В. Ф., Сахаров С. И. и др. Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Кн. 1: Архитектура Древней Греции / Под общ. ред. В. Л. Блаватского и др. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1949.
- Толстой 2006 — Выставочные ансамбли СССР. 1920–1930-е годы: Материалы и документы / Отв. ред. В. П. Толстой. М.: Галарт, 2006.
- Хмельницкий 2007 — Хмельницкий Д. С. Зодчий Сталин. М.: Нов. лит. обозрение, 2007.
- Duranti 2006 — Duranti M. Utopia, nostalgia and World War at the 1939–40 New York World's Fair // Journal of Contemporary History. Vol. 41. No. 4. 2006. P. 663–683.
- Swift 1998 — Swift A. The Soviet world of tomorrow at the New York World's Fair, 1939 // The Russian Review. Vol. 57. No. 3. 1998. P. 364–379.

ARCHITECTURE FOR INTERNAL AND EXTERNAL USE: THE SOVIET PAVILION AT THE 1939 NEW YORK WORLD'S FAIR AND THE ALL-UNION AGRICULTURAL EXHIBITION

Bass, Vadim G.

PhD (Candidate of Science in Art History)

*Associate Professor, Department of Art History, European University
at St Petersburg,*

Russia, 191187, St. Petersburg, Gagarinskaya str, 3A

Tel.: +7 (812) 386-76-35

E-mail: bass@eu.spb.ru

Abstract. The article examines some peculiarities of architectural representation of the USSR in 1939, on the eve of World War II. The differences between the image of the country 'for internal use' and 'for external use' are emphasized. The program of the All-Union Agricultural Exhibition in Moscow demonstrates a similarity to Western commercial and colonial

fairs. This might be considered as an illustration of the outdated and even archaic nature of the Soviet regime. The architecture of the Pavilion of Mechanization reveals the hidden militarism of Soviet culture.

The architectural solution and the exposition of the Soviet pavilion in New York demonstrated a stylistic compromise with the mainstream of Western exhibit practice. The volumetric solution of the building was similar to the Palace of the Soviets in Moscow, then under construction. The New York pavilion was a model representing the main edifice of the USSR to the international audience. In order to affect the visitors, designers employed a synthesis of sculpture and architecture, first utilized in Paris in 1937, as well as very simple tools: the structure exceeded the height restrictions and was the tallest pavilion at the New York Fair. Ideologically, the Soviet exhibition broke the rules too: whereas the slogan of the Fair was 'The World of Tomorrow,' the pavilion of the USSR demonstrated propagandistic images of 'the Soviet present' as the *future that had already arrived*.

Keywords: All-Union Agricultural Exhibition, New York World's Fair, 1939, Stalinist architecture, Boris Iofan, the Palace of the Soviets, Soviet pavilion, architecture and propaganda

References

- Arkin, D. (1937). Sovetskii pavil'on [The Soviet Pavilion]. *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1937(9), 5. (In Russian).
- Balter, P. (1937). Na Mezhdunarodnoi vystavke. Pis'mo iz Parizha [The International exhibition. The Letter from Paris]. *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1937(11), 61–73. (In Russian).
- Balter, P. (1939). Pavil'on SSSR na Mezhdunarodnoi vystavke v N'iu-Iorke [The USSR Pavilion at the New York International Exhibition]. *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1939(4), 5–11, 1939(6), 33–39. (In Russian).
- Bakhareva, Iu. Iu. et al. (eds.) (2005). *Arkhitektory blokadnogo Leningrada* [Architects of blockaded Leningrad]. St. Petersburg: Gosudarstvennyi muzei istorii Sankt-Peterburga. (In Russian).
- Duranti, M. (2006). Utopia, nostalgia and World War at the 1939–40 New York World's Fair. *Journal of Contemporary History*, 41(4), 663–683.
- Grazhdane (1941) — Grazhdane Soedinennykh Shtatov Ameriki i drugikh stran o Sovetskom Soiuze (iz knigi zapisei posetitelei pavil'ona SSSR na Vsemirnoi vystavke v N'iu-Iorke 1939 g.) [Citizens of the USA and other countries on the USSR (From the Visitors' Book at the Soviet Pavilion at the 1939 NY World's Fair)]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).
- Khmel'nitskii, D. S. (2007). *Zodchii Stalin* [Stalin the Architect]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

- Koval', T. A., Branzburg, A. Iu., Verite, I. G. et al. (compl.) (1939). *Vsesoiuznaia sel'skokhoziaistvennaia vystavka. 1939* [The All-Union Agricultural Exhibition]. P. N. Pospelov, A. V. Gritsenko, N. V. Tsitsin (eds.). Moscow: Sel'khozgiz. (In Russian).
- Lansere, E. E. (2008). *Dnevniki* [Diaries; in 3 books]. Moscow: Iskustvo-XXI vek. (In Russian).
- Malinina, T. G. (1991). *Tema pamiati v arkhitekture voennykh let: po materialam konkursov i vystavok 1942–45 gg.* [The theme of memory in wartime architecture: competitions and exhibitions of 1942–45]. Moscow: NII RAKh. (In Russian).
- Ot redaktsii (1940) [Editorial]. *Arkhitektura Leningrada* [Architecture of Leningrad], 1940(7). (In Russian).
- Papernyi, V. (1996). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Rogovin, N. E., Markuzon V. F., Sakharov S. I. et al. (1949). Vseobshchaia istoriia arkhitektury [General history of architecture], vol. 2, issue 1: *Arkhitektura Drevnei Gretsii* [Architecture of Ancient Greece]. V. L. Blavatskii et al. (eds.). Moscow: Izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR. (In Russian).
- Swift (1998) — *Swift A.* The Soviet world of tomorrow at the New York World's Fair, 1939. *The Russian Review*, 57(3), 364–379.
- Tolstoi, V. P. (ed.) (2006). *Vystavochnye ansambli SSSR. 1920–1930-e gody: Materialy i dokumenty* [The exhibition ensembles of the USSR. 1920–30s: Materials and documents]. Moscow: Galart. (In Russian).
- Zhukov, A. F. (1939). *Arkhitektura Vsesoiuznoi sel'skokhoziaistvennoi vystavki 1939 goda* [Architecture of the 1939 All-Union Agricultural Exhibition]. Moscow: [n. p.]. (In Russian).

BASS, V. G. (2016). ARCHITECTURE FOR INTERNAL AND EXTERNAL USE: THE SOVIET PAVILION AT THE 1939 NEW YORK WORLD'S FAIR AND THE ALL-UNION AGRICULTURAL EXHIBITION. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 82–102

Е. Г. ЛАПИНА-КРАТАСЮК, О. Н. ЗАПОРОЖЕЦ

Лапина-Кратасюк Екатерина Георгиевна

*кандидат культурологии
доцент, департамент медиа,
факультет коммуникаций, медиа и дизайна
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Тел.: +7 (495) 772-95-90

старший научный сотрудник,

*Лаборатория историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82*

Тел.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: kratio@mail.ru

Запорожец Оксана Николаевна

*кандидат социологических наук
старший научный сотрудник,*

*Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований
им. А. В. Полетаева,*

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел.: +7 (495) 772-95-90

старший научный сотрудник,

*Лаборатория историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82*

Тел.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ozaporozhets@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ КОДЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: СВЯЗИ, РАЗРЫВЫ И НЕМНОГО О ЛЮБВИ К ЧЕЛОВЕКУ¹

От составителей раздела

«Городская информатика и цифровая антропология»

Аннотация. В статье критически осмыслены основные методологические положения исследований дигитализации городского пространства. Проблематизация концепции

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Цифровой город: новые формы управления пространством, инициативы горожан и культурные практики» Лаборатории историко-культурных исследований Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС и проектов Лаборатории медиаисследований НИУ ВШЭ.

«цифровой связанности» опирается на обнаруженный в результате эмпирических исследований дискретный характер мобильных цифровых практик. В то же время единую логику различным кейсам придает общая антропологическая перспектива: исходная точка наших рассуждений — человек в изменяющейся городской среде.

Ключевые слова: цифровая антропология, мобильность, технологии, электронное городское управление

Находиться «на связи» — необходимость, привычка и одновременно бремя современного горожанина. Новая «связанность» многократно увеличивает возможности и комфортность городской жизни: информационные сервисы делают город более доступным и предсказуемым, быстрота мобильных соединений обеспечивает неведомую до этого скорость городской повседневности и синхронность опытов и переживаний. Одновременно «нахождение на связи» расширяет зону рисков — от вмешательства в частную жизнь до закрепления неэффективных механизмов управления с помощью самых современных технологий.

Предлагаемый раздел, как и современный город в целом, создает особую связанность. Его образуют статьи, выполненные в ходе проекта «Цифровой город: новые формы управления пространством, инициативы горожан и культурные практики» Школы актуальных гуманитарных исследований. Приступая к реализации проекта, мы стремились создать «моментальную фотографию» дигитализации российских городов и запечатлеть наиболее характерные для нее случаи и ситуации. Мы также хотели понять основные логики городской жизни и тренды городского развития в ситуации дигитализации. И наконец, мы пытались пересмотреть (улучшить и дополнить) методологические основания исследования современного — цифрового — города и предложить язык описания новых реалий.

Исходная точка наших рассуждений — человек в изменяющейся городской среде [Запорожец, Лапина-Кратасюк 2015]. Именно поэтому мы говорим об антропологической перспективе изучения дигитализации городского пространства. Хизер Хорст и Дэниел Миллер в своей книге «Цифровая антропология» утверждают, что «цифровой антропологизм — это твердая оппозиция всем подходам, предполагающим, что дигитализация сделала нас менее человечными, менее аутентичными или более медиатизированными. Мы не только по-прежнему остаемся людьми в цифровом мире, дигитализация предоставляет антропологии множество новых возможностей помочь нам понять, что это значит, быть человеком» [Horst, Miller 2012: 4].

Основным фактором связанности городской жизни в цифровую эпоху являются не технологии, но и люди в движении, мобильные горожане и изменчивые сообщества. Но, как уже говорилось выше, связанность го-

родской жизни является иллюзией, проектом, который, возможно, предстоит осуществить. Дигитализация города дискретна и фрагментарна, попытка описать ее в универсальных категориях, в модных диаграммах «больших данных», в лучшем случае спекулятивна, а в худшем — отдаляет исследователя от человека и его индивидуальности, возвращает к техноцентризму и парадоксальным рассуждениям о «массовой культуре» — понятии, которое, казалось бы, должно быть уже преодолено в эпоху патисипативной культуры [Jenkins 2006] и сетевого индивидуализма [Rainie, Wellman 2012].

Один из ведущих представителей Software Studies и городских медиаисследований Роб Китчин, критикуя концепции «умных городов» именно за их техноцентристский универсализм, замечает: «Проекты “умных городов” (smart city initiatives) обращаются с городом как с совокупностью познаваемых и управляемых систем, способы работы которых рациональны, механистичны, линейны и иерархичны и которые можно регулировать и контролировать» [Kitchin 2015: 9]. В то же время «городская информатика более антропоцентрична, ее интересуют понимание и оптимизация взаимодействий между людьми, пространством и технологией» [Ibid: 7].

В предисловии к разделу мы решили рассказать как об основных результатах проекта «Цифровой город...», так и о том, что неизбежно остается за кадром. Достаточно общие направления исследовательского поиска постепенно оформились в серию вполне конкретных исследовательских вопросов:

1. Как складываются отношения горожан и цифровых технологий? Всегда ли речь идет о безоговорочном доверии и делегировании ответственности?

2. Как изменяются навыки городской жизни и отношения человека с городом и отдельными пространствами в ситуациях делегирования девайсам различного рода компетенций, ранее служивших отличительными признаками горожанина, как это происходит сегодня с городской навигацией? Как сочетаются «старые» и «новые» навыки?

3. Кто они, городские «профессионалы» цифровой эпохи?

4. Каковы механизмы создания новых городских образов, соединяющие технологическое видение и непосредственные опыты горожан?

Отвечая на эти вопросы, мы пришли к важным теоретическим результатам: впервые в российской академической традиции предпринят комплексный анализ научных работ, в которых рассматривается влияние мобильных технологий, сетевой коммуникации и дигитализации разного уровня на трансформацию экономических, социальных, (микро)политических, гражданских и «пользовательских» характеристик современного городского пространства. Городская среда рассмотрена в рамках теорий сетевого общества, новых медиа и цифровой культуры, а также в терминах «гибридности» [De Souza e Silva 2006] и «мобильности» [Урри 2012]. В результате методология urban studies расширена, дополнена и уточнена за счет инкорпорирования в существующие практики городских исследований концепций и ме-

тодов (new) media studies [Kitchin, Dodge 2011; Miller 2011; Manovich 2013]. И, в свою очередь, найдены основания для использования теорий сетевого общества и цифровых медиа для решения конкретных городских проблем: мы полагаем, что наш проект актуален как с точки зрения основных международных трендов исследования дигитализации городской среды, так и с точки зрения потребностей современного городского управления.

Одной из наиболее сложных проблем, стоящих в настоящее время перед исследователями цифрового города, является проблема фиксации неоднородности, прерывистости, а порой и разнонаправленности дигитализации городской среды. Сегодня стало более чем очевидно, что, несмотря на распространение сотовой связи и мобильного Интернета, а также на вайфаизацию городской среды, в городе сохраняются зоны, не включенные в орбиту цифровых технологий; кроме того, нередки ситуации, когда даже во включенных зонах цифровая связь в различных ее воплощениях обладает недостаточным качеством или нерегулярна и прерывиста. Все эти противоречия дигитализации со всей остротой ставят задачу фиксирования и объяснения подобных неоднородностей. В современных российских городах наиболее дигитализированными оказываются транзитные пространства и общественный транспорт, сфера гражданского участия и связанная с ней сфера городского управления, навигация в городских физических и социальных пространствах, способствующая поиску как необходимых маршрутов, так и необходимых людей и контактов с ними.

В результате исследований у нас сформировалось представление о контурах дигитализации городской среды в России и ее отличии от зарубежных больших городов и мегаполисов. Если в европейских странах и США основными точками доступа к постоянно действующему Интернету оказываются публичные места — кафе, площади и парки, то в России при определенном повторении этих трендов гораздо большее внимание уделяется включению в орбиту постоянной связи транзитных мест. Тем самым выражается и закрепляется приоритетность развития городской среды: современный российский город — это город в движении, город с развитой транспортной инфраструктурой [Епанова 2015].

Таким образом, опираясь на результаты двух лет исследования, мы выделили две сферы наиболее интенсивной и амбивалентной дигитализации российских городов: транспортные сети — как с точки зрения политик связанности (вайфаизация), так и практик пользования связью, а также наиболее сложно устроенной концепции «мобильности»; и практики электронного городского управления (e-government) — новые ресурсы и ограничения включенности, перекладывание ответственности на горожан, воспроизводство бюрократической логики и риторики, легитимация административных решений «гласом народа».

Исследователей города нередко упрекают, что они витают в облаках, создавая интересные, но малопригодные для городской жизни описания. Конечно, можно и нужно спорить о необходимости практической ориенти-

рованности исследований, однако мы полагаем, что выводы, представленные в нашем проекте, могут быть легко конвертированы в действия, усиливающие позиции горожан, позволяющие им отстаивать свои интересы.

Говоря о дигитализации городского управления в Москве и других российских городах, приходится признать: эффективность использования цифровых технологий в организации планирования городского пространства, а также для улучшения качества обратной связи муниципальных властей с горожанами, крайне низка, в то время как гражданские инициативные группы уже освоили цифровые формы коммуникации на мировом уровне и успешно собирают большой корпус информации о проблемах городского пространства и их общественно-приемлемых решениях. Налаживанию коммуникации и успешному взаимодействию программ «сверху» и инициатив «снизу» мешает ригидность административных структур, плохой интерфейс официальных сайтов, их непрофессионально простроенная навигация, а также некачественно составленные тексты. Многие проблемы помогло бы решить более активное и качественное использование администрацией городов мобильных приложений, а также сотрудничество с журналистами и блогерами, которые понимают язык и проблемы городских сообществ. Мы считаем, что в настоящий момент нужно улучшать существующие ресурсы по оказанию государственных услуг путем отладки взаимодействия, «бесшовных переходов» — доступа через единый личный кабинет как к федеральным, так и к региональным муниципальным услугам.

В то время как компетенции и активность пользователей в обсуждении городских проблем и вопросов существенно возрастают, городские власти минимально используют этот ресурс для повышения эффективности городского управления. Государственные органы пытаются «бюрократизировать» интернет-пространство, предложив свои «правила игры» и язык коммуникации в обсуждении городской жизни. Подобная ситуация затрудняет сколько-нибудь продуктивный диалог между городскими властями и горожанами и в лучшем случае ведет к автономизации наиболее активных городских жителей в их решении городских проблем, в худшем — является демотиватором и способствует исключению жителей города из поля принятия городских решений, оставляя органы власти без обратной связи и ясного понимания интересов и потребностей горожан.

Исследование дигитализации транзитных пространств позволило установить, как изменяются повседневные практики пассажиров общественного транспорта, имеющих возможность пользоваться различными гаджетами во время пути, покупать билеты онлайн и смотреть расписание движения на мобильных приложениях. Результаты этого исследования могут быть учтены при развитии инфраструктуры интернет-доступа в транзитных пространствах, корректировке он- и офлайн-навигационных систем, планировании модернизации вагонов общественного транспорта, конструкций остановок, создания мобильных приложений для пассажиров.

Фокусируясь на двух векторах дигитализации современного города, мы понимаем, что они являются одними из множества меняющихся реалий, к числу которых стоит отнести и изменяющиеся туристические опыты и практики культурного потребления в городской среде/городской среды.

Реализованное в рамках проекта разведывательное исследование показало, как туристический опыт меняет практики использования мобильных приложений и наоборот — как мобильные технологии и практики сетевого общения трансформируют практики туризма. Результаты этой части исследования позволяют установить, что все больше туристов полагаются не на традиционные формы представления туристической информации (гиды, классические экскурсии и т. п.), но на мобильные приложения и сетевые дискуссии. Подобная перефокусировка происходит в ситуации стремления к индивидуальным и уникальным, а не массовым и стандартным туристическим опытам. Кроме того, стремление полагаться на различного рода девайсы и мобильные приложения продиктовано желанием современных туристов получать самую актуальную информацию (не успешную устареть или измениться), подтвержденную оценкой «равных». Эта ситуация окончательно расшатывает монополию регулирования туристического поведения, ранее принадлежавшую сертифицированным профессионалам. Задействование мобильных технологий трансформирует туристический опыт, увеличивая ценность повседневности, создавая плотную карту для ориентации в городе, основанную на отзывах пользователей. Совершенно определено, мобильные технологии приводят к рационализации городского опыта (и туристического опыта в частности); с другой стороны, они способствуют развитию воображения и различного рода аффективных реакций. Эти находки свидетельствуют о важности для туриста нахождения онлайн, а значит, и необходимости ревизии имеющейся цифровой инфраструктуры, действующих интернет-платформ с целью их дальнейшего совершенствования.

Исследование степени и форм дигитализации московских музеев, а также специфики музейного пространства, наполненного интерактивными экспонатами, позволило не только предложить ряд конкретных рекомендаций по созданию наиболее оптимальной сетевой музейной среды музея, но и обратить внимание на необходимость изменения внутреннего порядка и предписаний музея по отношению к новым активным посетителям.

На наш взгляд, обнаруженные пересечения цифровых технологий и современного города в отдельных сферах подробно описаны. В будущем мы предлагаем более подробно сосредоточиться на взаимовлиянии цифровых технологий, властных механизмов и иерархий города. Этот вопрос, на наш взгляд, актуален как с точки зрения развития теории цифрового общества, оптимистично полагающей, что демократизация доступа к современным сетевым технологиям и коммуникационным платформам фактически отменяет традиционные властные иерархии, так и с точки зрения политики и практики городского управления. Более подробное исследование этих во-

просов поможет сформулировать рекомендации органам государственного управления, а также и инициативным группам горожан, а значит, в дальнейшем поможет оптимизировать городскую коммуникацию и практики принятия решений, позволяя достигать компромиссов, а не переводить различие интересов и коммуникативных стилей в плоскость столкновения интересов и явных или скрытых городских конфликтов.

В нашем проекте мы стараемся последовательно и аргументированно развивать антропологическую перспективу изучения дигитализации городской среды. Хотя подобная перспектива присутствует и в международных исследованиях дигитализации, последние гораздо больше внимания уделяют цифровой инфраструктуре города. В нашем проекте основное внимание уделяется не столько техническим возможностям цифровой связи и поддерживающим ее инфраструктурам, сколько практикам использования ее возможностей горожанами, особенностям задействования цифровых ресурсов в повседневной городской жизни. Это крайне важный шаг для понимания изменения городской среды и образа жизни горожан. В частности, расширенные возможности «оставаться на связи» меняют ряд компетенций городских жителей: способствуют повышению компетенции пассажиров общественного транспорта и, в частности, увеличивают контролируемость ситуации перемещения (включая облегчение ориентации, усиление контроля качества обслуживания за счет онлайн-жалоб и, наконец, контроль эмоционального состояния за счет обнародования или обсуждения своих реакций и впечатлений в социальных сетях в ответ на различные транспортные ситуации). Кроме того, дигитализация городской среды способствует если не появлению новых профессиональных групп, то определенно возникновению новых видов занятий или значительной модернизации прежних профессиональных навыков и знаний. В частности, особенно удачные примеры подобной трансформации городской социальной структуры — появление групп продавцов телефонных сим-карт, а также «цифровых» водителей такси, не знающих город и тотально полагающихся на GPS-навигаторы (в отличие от прежних таксистов, рассчитывающих на свое знание города, усиленное и дополненное «знанием» карты). Эти примеры, пока лишь вскользь упомянутые в текстах, заслуживают более тщательной разработки и самостоятельного исследования в будущем.

И, наконец, важным достижением проекта является инициирование разработки инструментария для эмпирического исследования дигитализации городской среды. Важность создания аналитических средств, соответствующих изменениям объекта исследования, признается всеми полевыми исследователями городской дигитализации, однако попытки обсудить новые методические приемы и инструменты не так распространены в современных цифровых исследованиях.

В статьях, опубликованных далее в разделе «Городская информатика и цифровая антропология», представлены работы, созданные уже на третьем этапе проекта «Цифровой город: новые формы управления простран-

ством, инициативы горожан и культурные практики». Таким образом, эти статьи являются рефлексиями и расширениями ключевых тем проекта, о которых говорилось выше. И нам тем более приятно представить эти статьи читателю, что в них предложены способы преодоления некоторых содержательных противоречий проекта, а также намечены перспективы дальнейших исследований.

Например, следует признать, что и в нашем проекте при качественной разработке отдельных тем, при создании терминологического аппарата, позволяющего фиксировать основные тренды дигитализации городской среды, пока крайне мало внимания уделено методикам исследования цифрового города. Думается, что развитие именно этого направления могло бы стать существенным вкладом в совершенствование эмпирических исследований дигитализации. А пока методики исследования — во многих случаях не до конца проясненные и детально не описанные авторами — способствуют возникновению дополнительных вопросов к представленным результатам.

В статье **А. Г. Возьянова** «Возможности как проблема: об одном опыте “дигитализированного” самонаблюдения информантов», публикуемой в настоящем номере, как раз и предпринята попытка определить методологические основания и методические процедуры цифровой этнографии. Автор провел исследование, показывающее, как изменились практики использования времени пассажирами общественного транспорта в ситуации распространения мобильных гаджетов. Не менее интересной, чем сами результаты исследования, стала рефлексия исследователя на тему, как меняется самонаблюдение информантов, когда оно фиксируется и конструируется при помощи мобильных приложений. Неожиданным образом рассуждения автора статьи о возможностях и ограничениях дигитальной автоэтнографии соотносятся с двумя принципами культуры новых медиа, сформулированных Л. Мановичем: «модульность» и «автоматизация» [Manovich 2001: 30–32]

В настоящее время остается не вполне эксплицированным механизм сборки описанных авторами проекта тенденций дигитализации городской среды в единую концепцию. Необходимо четко ответить на вопрос — можем ли мы говорить о существовании цифрового города как некоторой взаимосвязанной целостности или же дигитализация позволяет констатировать распад города на некоторое число «цифровых архипелагов». В статье «Мессенджеры в городской среде: гибридные формы и новые практики» **П. В. Колозарида** и **А. В. Ильина**, изучающих возрастающую популярность новых мобильных систем коммуникации, таких как мессенджеры, рассматриваются мобильные альтернативы, по сравнению с которыми даже социальные сети кажутся ригидными цифровыми айсбергами. Относительная защищенность от вездесущего надзора, интимность и простота коммуникации в мессенджерах, способность связывать людей в любых точках пространства становятся одним из новых способов преодоления

дискретности цифрового города «снизу», создающим значимую альтернативу административным цифровым связям «сверху».

В статье **О. В. Мороз** «Современные медиа как свидетель: российский опыт (само)описания сообщества» рассмотрены проблемы границ патисипативности в российском обществе и российских медиа, границ, от узости или широты которых напрямую зависит распространение цифровой культуры. Автор анализирует важные контексты культуры цифрового города: традиционные медиа на границе и в полемике с сетевыми ресурсами, а также журналистский дискурс как один из наиболее эффективных способов создания иллюзорных связей, политическое содержание которых содержит потенциальную угрозу распространению культуры участия в российском обществе.

В качестве заключения мы хотели бы подчеркнуть несколько положений, которые кажутся нам особенно важными в контексте дальнейших исследований городской дигитализации.

Исследование дигитализации города не позволяет нам говорить о создании новой городской целостности, а, напротив, сохраняет логики дискретности, фиксируя наложения, поломки, фрагментарные связи — показывая изломанную линию пространственного цифрового разрыва. Как следствие, обобщающие категории *smart city* или *digital city* не работают в качестве аналитических инструментов, поскольку предполагают стабильное и связанное состояние городской среды.

Остается вопрос, как быть в ситуациях, когда связки в описании дигитализации являются необходимыми — например, в случае логики научного текста, требующей создания общей картины или, как минимум, оправдания появления под одной обложкой текстов, посвященных дискретным кейсам? Ответ на этот вопрос поможет не только в составлении новых книг, но и в понимании того, как могут сосуществовать сетевой индивидуализм и городское пространство.

Литература

- Епанова 2015 — *Епанова Ю.* Антропологический опыт городской навигации в эпоху цифровых медиа: к постановке проблемы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 2. С. 167–173.
- Запорожец, Лапина-Кратасюк 2015 — *Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г.* Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41–54.
- Урри 2012 — *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- de Souza e Silva 2006 — *De Souza e Silva A.* From cyber to hybrid: Mobile technologies as interfaces of hybrid spaces // *Space & Culture*. Vol. 9. No. 3. 2006. P. 261–278.
- Horst, Miller 2013 — *Digital anthropology* / Ed. by H. A. Horst, D. Miller. New York: Bloomsbury, 2013.

- Jenkins 2006 — *Jenkins H.* Convergence culture: Where old and new media collide. New York: New York Univ. Press, 2006.
- Kitchin 2015 — *Kitchin R.* Data-driven, networked urbanism: The Programmable City Working Paper 14. August, 10, 2015. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2641802.
- Kitchin, Dodge 2011 — *Kitchin R., Dodge M.* Code / space: Software and everyday life. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2011.
- Manovich 2001 — *Manovich L.* The language of new media. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Manovich 2013 — *Manovich L.* Software takes command. New York: Bloomsbury Academic, 2013.
- Miller 2011 — *Miller V.* Understanding digital culture. New York: SAGE, 2011.
- Rainie, Wellman 2012 — *Rainie H., Wellman B.* Networked: The new social operating system. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.

DIGITAL CODES OF RUSSIAN CITIES: CONNECTIONS, DISRUPTIONS AND A FEW WORDS ABOUT LOVE FOR THE HUMAN BEING

ABOUT THE CLUSTER “URBAN INFORMATICS AND DIGITAL ANTHROPOLOGY”

Zaporozhets, Oksana N.

PhD (Candidate of Science in Sociology)

*Senior Researcher, National Research University “Higher School of Economics”
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20*

Tel.: +7 (495) 772-95-90

*Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Research, School of
Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration*

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ozaporozhets@gmail.com

Lapina-Kratasiuk, Ekaterina G.

PhD (Candidate of Science in Culture Studies)

*Associate Professor, Department of Media, Faculty of Communications, Media and
Design, National Research University “Higher School of Economics”*

Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20

Tel.: +7 (495) 772-95-90

*Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Research, School of
Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration*

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: kratio@mail.ru

Abstract. The authors of this article have undertaken a critical analysis of basic methodological principles of urban digitalization studies. We argue the relevance of the “digital connection” concept since our field research confirms the discrete nature of mobile digital practices. At the same time, a generic anthropological approach brings a universal logic to discontinuous cases: the starting point of our speculations is the human being in a changing urban environment.

Keywords: digital anthropology, mobility, technologies, urban e-government

References

- De Souza e Silva, A. (2006). From cyber to hybrid: Mobile technologies as interfaces of hybrid spaces. *Space & Culture*, 9(3), 261–278.
- Epanova, Iu. (2015). Antropologicheskii opyt gorodskoi navigatsii v epokhu tsifrovyykh media: k postanovke problem [Anthropology of urban navigation in digital age: Methodological preview]. *Vestnik Samarского munitsipal'nogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management], 2015(2), 167–173. (In Russian).
- Horst, H. A., Miller, D. (eds.) (2013). *Digital anthropology*. New York: Bloomsbury.
- Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York Univ. Press.
- Kitchin, R. (2015). *Data-driven, networked urbanism: The Programmable City Working Paper 14. August, 10*. Retrieved from http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2641802.
- Kitchin, R., Dodge, M. (2011). *Code / space: Software and everyday life*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Manovich, L. (2001). *The language of new media*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Manovich, L. (2013). *Software takes command*. New York: Bloomsbury Academic.
- Miller, V. (2011). *Understanding digital culture*. New York: SAGE.
- Rainie, H., Wellman, B. (2012). *Networked: The new social operating system*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Urri, Dzh. (2012). *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletiiia* (Transl. from: Urry, J. (2000). *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. London; New York: Routledge). Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Zaporozhets, O. N., Lapina-Kratasiuk, E. G. (2015). Antropologiya tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda [The anthropology of Digital City: in search of methodology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2015(4), 41–54. (In Russian).
- ZAPOROZHETS, O. N., LAPINA-KRATASIUK, E. G. (2016). DIGITAL CODES OF RUSSIAN CITIES: CONNECTIONS, DISRUPTIONS AND A FEW WORDS ABOUT LOVE FOR THE HUMAN BEING: ABOUT THE CLUSTER “URBAN INFORMATICS AND DIGITAL ANTHROPOLOGY”. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 103–113

Возьянов Андрей Григорьевич
магистр культурной антропологии
аспирант, младший научный сотрудник,
Институт исследований Восточной
и Юго-Восточной Европы,
Университет Регенсбурга (Германия)
Graduiertenschule für Ost- und
Südosteuropastudien Universität Regensburg;
Landshuter Str. 4, D-93047 Regensburg, Deutschland
Тел.: 0049-(0)941-943-5360
E-mail: avozyanov@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА: ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ «ДИГИТАЛИЗИРОВАННОГО» САМОНАБЛЮДЕНИЯ ИНФОРМАНТОВ

Аннотация. Статья посвящена использованию мобильных приложений при систематическом самонаблюдении информантов. Эмпирическая основа текста — проект по исследованию опыта пассажиров общественного транспорта в Москве и Санкт-Петербурге, проведенному летом 2014 г. при помощи приложений для подсчета временных затрат. Обсуждаются как преимущества методологической инновации (упрощение рекрутинга, частичная автоматизация сбора и обработки данных), так и ее опасные эффекты (навязывание нарративных форм и стандартизированных темпоральностей через интерфейс приложения).

Ключевые слова: систематическое самонаблюдение информантов, новые медиа, большие данные, цифровая гуманитаристика, бюджеты времени, смартфон, автоэтнография

Под влиянием новых медиа меняются не только изучаемые социологами и антропологами практики, но и инфраструктура проведения исследований. Мы ищем информантов через Интернет, потом переписываемся с ними по электронной почте или в соцсетях; храним данные на жестком диске компьютера или в облачном хранилище; берем интервью по скайпу; ведем полевые дневники в Word-файлах, обрабатываем массив текстов в специальных программах. Все это и многое другое (выше шла

речь только о качественных исследованиях) позволяет ускорить выполнение некоторых задач по сравнению с аналоговым периодом: копирование, поиск, передача данных всегда занимали значимую часть рабочего времени — и больше, чем нам хотелось бы.

Одновременно рефлексии о том, как новые возможности влияют на исследовательский процесс, не так-то много. Один из критических взглядов на эффекты медиа в сфере личного представления и знания о прошлом (а именно эту сферу зачастую изучают социальные исследователи) представлен у Жозе ван Дайк: дигитализация, мультимедиализация и гуглификация могут манипулятивно изменять паттерны запоминания и использования памяти [van Dijk 2007: xv–xvi]. Смещая фокус на методологию, исследователи пишут о том, как технические гаджеты переопределяют пространственные и временные рамки поля исследования [Pink 2009; Kien 2009]. Полностью охватить эту тему в одном исследовании едва ли возможно; существующие статьи посвящены ее отдельным аспектам: цифровому влиянию на транскрибирование [Davidson 2009] или этнографию, будь то использование смартфона [Van Doorn 2013] или метод скайп-интервью [Hanna 2012; Oates 2015]. В данной статье речь пойдет о концептуальных и методологических уроках (или, если угодно, последствиях) «дигитализированной» автоэтнографии в качественном исследовании повседневности горожан.

Эмпирическим материалом является модуль проекта «Интерактивный город», посвященный практикам ожидания и перемещения на общественном транспорте в контексте повсеместного распространения мобильных устройств и цифровых интерфейсов/технологий («Общественный транспорт и личное время»).

В изучении практик ожидания транспорта/в транспорте было решено совместить фокусированные интервью и самонаблюдение информантов. Это было вызвано желанием не опираться на единственный тип источников, которым часто пользуются коллеги, а именно — интервью. Об ограничениях интервью как метода написано много (представление об этой критике можно найти, например, в обзоре Мартина Хаммерслея [Hammersley 2003]). Есть и общее осознание того, что одного метода недостаточно, существуют и претензии к методу интервью в рамках темы транзита в городе; на обе проблемы указано в статье датских исследователей об изучении детской мобильности [Christensen et al. 2011]. Однако в моем тексте речь идет не столько об ограничениях интервью, сколько о попытке избежать этих ограничений при помощи альтернативного метода — систематического самонаблюдения информантов.

Систематическое самонаблюдение информантов — не самый распространенный в ряду этнографических методов, но и редким он не является. Различные виды самонаблюдения используются как основные и/или в сочетании с другими методами, дополняя либо «поддерживая» их. В советской социологии существует традиция бюджетов времени, развивавшаяся в сугубо количественной прагматике и с целью макросоциологических

обобщений (историю данного метода в советской социологии см. в [Патрушев и др. 2001]). Позже, как смежный с этнографией метод, дневники времени активно использовались в гендерных исследованиях [Sullivan 1997; Beck, Arnold 2009; Craig 2006] или в социологии профессий [Merz 2002; Волков и др. 2012]; в последнее время — в основном в исследованиях эмоций [Collinson 2005; Markey 2014; Larsen 2014]. Автоэтнография видится социальным исследователям как важный инструмент для исследования разнообразных рабочих коллективов [Boyle, Parry 2007; Buchanan, Bryman 2009]. Эпистемологически самонаблюдение привлекает антропологов меньшими интерсубъективными искажениями, сокращенным временным разрывом между переживанием и записью о нем, частичным снятием нарративизации опыта и т. д. Практически организацию самонаблюдения усложняют такие необходимости, как более длительное (по сравнению с интервью) включение информанта в исследовательский процесс; многократность контакта с исследователем; инструктирование участников, в котором не обойтись без хотя бы краткого объяснения задач исследования.

Многочисленными была предпринята попытка оптимизировать сбор данных этим методом при помощи цифровых технологий. В качестве инструмента фиксации данных были предложены мобильные приложения для отслеживания времени (time tracking software). Вопрос, на который были призваны ответить данные самонаблюдения в рамках проекта «Общественный транспорт и личное время», — какова роль портативных цифровых устройств и беспроводных технологий в проживании времени ожидания транспорта и перемещения на нем. В задание для участников исследования входила фиксация периодов ожидания транспорта, поездки в транспорте и ожидания в других ситуациях (например, в очереди), а также собственных мыслей и занятий в это время. Далее будет приведено несколько выводов по результатам использования данного дизайна исследования.

Подготовка к полю: под знаком оптимизации

Полевая фаза исследования проходила летом 2014 г. в Москве и Санкт-Петербурге, а также (значительной частью) в сети Интернет. Решение использовать софт для отслеживания времени (time tracking software) было подсмотрено у знакомых в некоммерческой организации, где сотрудники использовали программу Toggl для персонального тайм-менеджмента. Дизайн исследования был инспирирован (и в то же время предопределен) функционалом этой программы. От автоэтнографии при помощи смартфон-приложения вместо ручки с тетрадкой ожидалось следующие преимущества:

- 1) Автоматическое проставление временных отметок начала и конца фиксируемого периода.
- 2) Присвоение тегов к записям. Опция связана со структурированием данных в свободной форме через теги. Тег присваивается каждой записи.

Тег как элемент приложений по сути заставляет информантов делать тематическое кодирование за исследователя — здесь, с одной стороны, перераспределяются интеллектуальные усилия, с другой — в виде тегов информантами (а не исследователями) генерируются эмные кодировочные категории.

3) Переключение между затегированными видами фиксируемых фрагментов времени в один клик. Присвоив единожды имя (тег) типу времяпрепровождения, пользователь может в дальнейшем выбирать этот тег для неограниченного количества временных фрагментов.

4) Автоматический экспорт данных, частично структурированных посредством тегов самими информантами, в Excel.

Таким образом, самая «скучная» часть работы была частично автоматизирована, что теоретически высвобождало время и силы для фиксации собственно качественных данных в свободной текстовой форме.

При практической невозможности разработать свой софт оставалось выбирать из уже существующих. Приложение Toggl не имело мобильной версии для платформы Android, поэтому я попытался найти другое приложение, подходящее не только для айфонов. Выбор был довольно большим, хотя приложения близки друг к другу по функционалу. В итоге было выбрано приложение Time Recording, предоставляющее все базовые для данного типа софта функции: записи в свободной текстовой форме, возможность комментировать и экспорт данных. Для информантов была написана пошаговая инструкция со скриншотами.

Перед самой отправкой приглашения к участию в исследовании¹ стало понятно, что благодаря использованию «цифры» в дизайн исследования вписано социальное исключение. Так, у меня освоение программы и формата файлов с экспортированными данными (.svf) заняло недолгое время, и по себе я определил «доступность» программы для других. У одной из информанток на смартфоне была установленная производителем операционная система Symbian для Nokia, и ей просто не удалось найти подходящего приложения. В самом начале полевой фазы выяснилось, что Time Recording не устанавливается у владельцев продукции Apple; подходящее приложение нашел один из последующих информантов, специалист в области информационных технологий. Поскольку пошаговая инструкция была написана с расчетом на Android-приложение, пришлось дописывать пояснение для владельцев айфонов; частично им пришлось разбираться с

---

¹ Одним из вопросов исследования было, как горожане переживают необходимость ждать. По замечанию коллег сами вопросы, содержащие слова *использовать* и *ждать*, провоцировали ситуацию напряженности транзита. Чтобы исключить упоминание ожидания в связи с транспортом в самом задании, первый вариант списка вопросов был переделан, в файлах с заданиями, отсылаемых информантам, часть названия *digital waiting_* была заменена на *in transit_*. В итоге ожидание стало маргинальным сюжетом исследования, поскольку в транспортном опыте участников было много других, более ярких сторон. В одном из дневников через систему тегов ожидание как раз напрямую выводилось за пределы транспортного опыта — там были теги «транспорт», «станция» и «waiting».

программой самим (и они это позже сделали). Таким образом, приглашение к участию в исследовании по умолчанию подразумевало, что участники имеют смартфон и пользуются Интернетом, а также быстро осваивают цифровые интерфейсы. Через «дигитализированный» дизайн из выборки нерелексивно исключались представители старшего поколения по ту сторону digital divide, малообеспеченные слои населения, а также пользователи устройств, альтернативных двум мировым медиамонстрам Apple и Android. Тогда я написал запасную инструкцию для дневника в тетрадке — хотя она и больше походила на привычные «аналоговые» дизайны наблюдений, но сыграла в исследовании значимую роль.

Итак, внутри себя метод был оптимизирован и дифференцирован по медиа. Были перераспределены аналитическое усилие и нагрузка по переводу устного текста в письменный. Ожидалось, что информанты напишут больше текста по сравнению с тем, что написали бы без приложения. Интервью на этой стадии мыслились как метод сугубо дополнительный, используемый для уточнения деталей, непонятных из дневника.

Стали видны два не замечавшихся ранее обстоятельства: 1) свойства девайсов, имеющихся у информантов, значимы для исследовательского процесса; 2) освоение исследователем софта, который предлагается информантам, — аналитически продуктивная часть исследования.

Данные: медиа, задавившие месседж?

Заявок было порядка двадцати пяти, но поле принесло только тринадцать дневников. Кое-кто не довел наблюдение до конца, некоторые отказались от участия в исследовании после прочтения детальной инструкции, отправляемой в ответ на заявку. При этом бросали самонаблюдение в основном люди со смартфонами и айфонами, а не те, кто выбрал написание дневника без приложения для отслеживания времени. Пятеро участников использовали приложение Togg1 для iPhone, трое — приложение Time Recording для ОС Android, а еще пять вели обычный дневник в Word и/или на бумаге. С двенадцатью из отдавших дневник проведены тематизированные интервью (общая их продолжительность — не менее восьми часов).

У исследования получилась довольно специфическая выборка, и это отразилось на результатах. Необычная методология в сочетании с издержками «снежного кома» и анонсов в соцсетях привлекла участников, которые заняты в исследовательской работе, работают с текстами и/или технологиями — т. е. тех, кто имеет тенденцию быть на переднем крае, несколько опережая в своих практиках мейнстрим. Можно предположить, что полученные результаты тоже будут характеризовать в большей степени потенциальное ближайшее будущее, чем текущую ситуацию для количественного большинства (хорошо это или плохо — предмет отдельной дискуссии, отмечу здесь лишь, что единого мнения на этот счет не вырабатано).

Медиаформат приложения, необдуманно заданный исследователем, повлиял на характер данных: все дневники приобрели унифицированную форму. Своим исследованием я хотел поставить под сомнение всеобщее стремление минимизировать время транзита, поскольку оно воспринимается как бесполезное, потраченное впустую, неполноценное. При этом существует мнение, что в проблему время транзита возводит сама индустриализация времени [Schivelbusch 2014]. Но именно индустриальный продуктивизм, подразумевающий выделение рабочих и выходных дней, по умолчанию был заложен в архитектуре софта. Программа автоматически выводила статистические отчеты за периоды, называемые в интерфейсе *work units* — *рабочий* модуль, предлагала суммировать данные по *рабочей* группе (*working group*) и выполненным *заданиям* (*tasks*); эта же логика просочилась в данные. Почти все информанты отметили, что до участия в исследовании никогда не подсчитывали время в пути систематически. В попытке понять, ощущают ли время информанты, я заставил их за ним следить. И они писали в примечаниях, например: «ой, забыла сделать чек-аут. доехала примерно к 11:10» при записи, сделанной в 11:11 (ж., 27 лет, Санкт-Петербург, социолог, вела дневник при помощи Time Recording; орфография дневника сохранена).

Более того, приложение как бы вытеснило из процесса самонаблюдения аналоговые (и более «гибкие») элементы. Изначально желая облегчить задачу информантам, я главным образом облегчил сбор данных — присылаемых в таблицах по установленной форме или в файле Word. Даже в случае ведения бумажного дневника форма была табличной и повторяла темплейт приложения. Этот эффект неудивителен, если окинуть взглядом ландшафт современных мобильных приложений для самонаблюдения: они предназначены главным образом для (само)контроля/мониторинга/улучшения (*control, monitoring, improvement*) и измеряют эти явления количественно.

Еще один примечательный результат — отсутствие корреляции между длиной записей и использованным инструментом самонаблюдения. Ожидалось, что участники, использующие приложения, напишут больше «свободного текста» в поле для комментариев. Однако это предположение не подтвердилось — самыми подробными оказались дневники, которые велись в свободной форме. Вероятно, и здесь сыграла роль специфика самих медиа — традиционно при помощи ручки мы порождаем тексты большего объема (конспекты), чем с телефона (смс и ответы в соцсетях). При всей интенсивности дигитализации мы еще пребываем на этапе, когда даже у юных есть обширный «доцифровой» опыт письма: хотя значительная часть аудитории сегодня сидит на лекциях в вузах с ноутбуками, в школе это поколение писало ручкой. Несколько участников говорили о том, что забывали про программу в первые дни, в то время как с дневником такое почти не происходило. Письмо от руки становится более необычным и запоминающимся действием, нежели ввод текста с помощью клавиатуры, ср. фрагмент интервью: «Когда айфон ушел

в ремонт — то писать было легче, поскольку я не забывала, но было неудобно, поскольку ручку приходилось брать» (ж., 26 лет, Москва, научный сотрудник). Это можно связать и с тем, что мы пишем от руки в те медиа, которые не обладают опцией автоматического напоминания (тетрадь или блокнот). Кроме того, с клавиатуры смартфона текст пишется медленнее — и этим одна из участниц исследования объяснила то, что дневник оказался несколько короче ожидаемого.

Информанты тегировали свое время в основном по видам транспорта, создавая таким образом описательные теги вместо аналитических. Предпосылка к этому тоже содержалась в интерфейсе. Так, в Time Recording периоде можно присвоить только один тег. С одной стороны, это препятствовало отображению спорных случаев, с другой — сами классификации вынужденно разрабатывались информантами таким образом, чтобы описываться одним тегом, а не их множеством. В случае поездки вид транспорта действительно интуитивен для классификации. Зато в Toggl можно было присваивать несколько тегов одной записи, и этим пользовались; именно при этой опции классификации были более многомерными и эвристичными. Отсюда возникает методологический вопрос — а не было бы эффективнее предложить информантам произвести тегирование до того, как они узнают возможности приложения?

В то же время предварительно разработанная система тегов препятствует дальнейшему пополнению списка тегов, как бы блокируя процесс рефлексии.

Интервью воспринималось и срабатывало как основной метод. Все участники знали о том, что после самонаблюдения будет интервью, и, вероятно, поэтому откладывали до него рассказ. Был случай, когда мне сказали об этом прямо: «Да, я это не записала, но готова об этом рассказать» (ж., 46, Москва, продавец-консультант, вела дневник в Word). Иногда во время интервью мне говорили: «вроде я писал(а) это в дневнике», когда на самом деле в дневнике соответствующей информации не было. Иными словами, автоэтнографию в проекте маргинализировало отсутствие разъяснений о ее целях при знании об интервью. Повторюсь, ожидалось, что часть задач, ранее выполнявшихся информантами, возьмет на себя софт, а информанты потратят часть из того же общего количества усилий не на расчерчивание таблиц и т. д., а на «дальнейшее продвижение» в виде свободных комментариев. Надо честно признаться, что объяснять эту схему на стадии рекрутинга намного сложнее, чем говорить в жанре рекламы: «Самое скучное за вас сделает программа».

Выше большая часть текста отведена описанию промахов методологии. Тем не менее есть и несколько позитивных следствий использования приложения для самонаблюдения. Сами информанты очень позитивно реагировали на цифровой формат, в том числе говоря, что только так и согласились бы участвовать в проекте. Печатать текст для них оказалось естественнее, чем писать от руки, поскольку это не привлекает внимания окружающих (в отличие от письма в тетрадке).

Дневник частично выполнял роль первого интервью в серии (собственно, интервью по функционалу приближается ко второму интервью); самонаблюдение накапливает мысли, и информанты в интервью постоянно ссылаются на опыт последней недели или на вспомнившееся в последнюю неделю. Можно также надеяться на то, что так сокращается отрыв интерпретации от опыта (именно его стремятся преодолеть через *real-time* технику).

В ситуации бумажного дневника заполнение граф в стандартизированной форме риторически могло служить свидетельством достаточного труда участника. Приложение, где все эти графы заполнялись автоматически, стимулировало хотя бы минимальную по объему вербализацию опыта. В то же время у информантов возникло сопротивление дизайну программы. Во-первых, использование бумажного дневника выбрали не только те, у кого не было смартфона. Во-вторых, писали о том, что делают окружающие, — вроде бы отвлекаясь от автоэтнографии, но и выдавая действительный фокус своего внимания. В приложении зачастую фиксировалось только начало транзитного временного отрезка — особенно по дороге домой; об окончании люди вспоминали лишь на завтрашнее утро. Сам факт «забывания» тоже является информативным. То, что информанты не забывали про рукописный дневник, говорит о привычности одних медиа по сравнению с другими (или о том, что мы пишем от руки в интерфейсы, где нет опции автоматического напоминания); то, что они забывали сделать *check-out*, свидетельствовало об отсутствии слежения за временем. В этих результатах виден аффективный, иррациональный аспект чувства ожидания и его несовпадение с физической длительностью времени. Исследовательские выводы были подсказаны полевой ситуацией, где выбор формы данных в ситуации множественных возможностей — это уже полезный материал, указывающий на социальные обыкновения и непроговариваемые знания.

Переход от самонаблюдения к автоэтнографиям и его значение для участвующих в исследовании

Итак, технологические возможности не всегда попадают в дизайн исследования таким образом, как этого осознанно желают исследователи. Для социологов/антропологов это означает, что разделению исследовательского вопроса и возможностей сбора данных требуется особое внимание.

Мне кажется важным вопрос о значении новых интерфейсов сбора данных для информантов. Мы выяснили, что оцифрованная этнография может как «освободить» их, так и оказывать на них давление. Вариации в осведомленности, вовлеченности, самостоятельности участников исследования и горизонтальности их отношений с исследователями можно обозначить как континуум систематического самонаблюдения (СН) и коллективной автоэтнографии (КА). СН упаковывает контент в удобную сборщику-

заказчику форму, отсекая сложноанализируемые, малоформализованные, «непрощеные» данные. Такой подход с его сравнительной эффективностью, количественным охватом и возможностями автоматизации сегодня активно осваивается коммерческими исследованиями [Masten, Plowman 2003]. В этой связи сложно не упомянуть критику интенсивной дигитализации и как нового триггера социального расслоения: операционализируемая власть сосредоточивается даже не в контролирующих, учитывающих и подсчитывающих тотальных институтах, а в руках небольшого количества обладателей специального технического знания, которые создают интерфейсы (см., например: [Pfohl 2005; Kroker, Kroker 2008]). После публикации интервью о проекте мне поступали предложения о сотрудничестве от операторов мобильной связи и разработчиков приложений (за которыми, впрочем, последовало только выяснение того, что наши интересы не совпадают).

КА требует методологической рефлексии по поводу субъективации и объективации в исследовании; она также требует общения с участниками до проведения полевой фазы и дает на выходе разнородно представленные данные. Это понимается многими как издержки, и исследователей может интуитивно тянуть к полюсу ССН, даже если они не проводят коммерческого исследования. Частный пример — наше исследование, где совмещение аналоговых и цифровых дневников заставило дополнительно искать «общий знаменатель» для анализа.

Несмотря на шаг в сторону инклюзии (через выбор интерфейсов дневника), в проекте «Общественный транспорт и личное время» отсутствовали многие элементы, помогающие преодолеть неравенство между программистом, социальным исследователем и пользователями, чьи практики и опыты изучаются. Не было ни предложения структурировать свое время иным образом, ни предложения подсчитывать вместо минут и часов, скажем, интересные мысли и симпатичных прохожих. Периоды времени не перетекали и не накладывались друг на друга, а четко разделялись, следующий период начинался только после того, как заканчивался предыдущий (надо надеяться, что в нашем случае хотя бы это оказалось менее губительно, чем могло бы — ведь задание не подразумевало сплошной этнографии в течение всего дня). Не было ни предложения самим определить, будет ли вознаграждение, ни предложения информантам самим выбрать интерфейс — программный или аналоговый (тетрадь). Наконец, информантам можно было бы фиксировать *perceived time* (т. е. то, сколько по их ощущениям длилось ожидание или поездка), но и от этого их услужливо избавлял софт. Софт, опять же, делил время именно на часы и дни. Софт выделял отдельные записи жирным начертанием (кстати, в Toggl выделяется продолжительность одного задания, а в Time Record — только общая продолжительность всех заданий, которую Toggl без отдельного запроса не выводит). Софт оказался линейным, в то время как графическая связь могла бы дать другие измерения. В частности, связность опыту передвижения по городу

моих информантов могли бы придать именно рассказы об одной и той же переписке или людях, постоянно встречаемых в транспорте, а не поездки, в которые они встроены. Если бы никаких таблиц и интерфейсов не было задано, то сама организация дневника самонаблюдения (набор граф, их названия, разделение на рубрики, подробность учета времени и т. д.) могла бы стать самостоятельным типом данных.

Представляется, что в исследовании новых медиа от формата коллективной автоэтнографии могут выиграть как исследователи-гуманитарии, так и информанты. В последнее время высказывается множество проектов в сфере партисипативной науки и перераспределения компетенций между пользователями и теми, кто обладает статусом экспертов (Брайан Мартин обстоятельно размышлял на эту тему из перспективы теоретиков, студентов и активистов, см.: [Martin 2006]). В нашем случае, когда полевая фаза уже позади, остается поделиться с информантами тем, что было выяснено: выбивающееся из продуктивистской логики отношение ко времени в пути не делает их менее «современными», а является новой культурной нормой. На будущее был сделан следующий вывод: если новые интерфейсы развиваются и оказывают бурное влияние на нашу жизнь, но мы (как разработчики) не всегда можем направлять этот процесс, то можно хотя бы совместно выработать навыки его понимания и тактики уменьшения зависимости от него. Тогда одной из задач антропологии новых медиа станут коллективное освоение технологий через со-обучение, внимание к непользователям (non-users), обоюдный обмен между специалистами ToggI и гуманитарной и цифровой областей. К этому ряду я бы добавил изучение множественных вариантов не только использования, но и не-использования возможностей цифрового прогресса.

Литература

- Патрушев и др. 2011 — Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 112–120.
- Волков и др. 2012 — Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Тутаев К. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование. СПб.: Ин-т проблем правоприменения Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012.
- Beck, Arnold 2009 — Beck M. E., Arnold J. E. Gendered time use at home: An ethnographic examination of leisure time in middle-class families // Leisure Studies. Vol. 28. No. 2. 2009. P. 121–142.
- Boyle, Parry 2007 — Boyle M., Parry K. Telling the whole story: The case for organizational autoethnography // Culture and Organization. Vol. 13. No. 3. 2007. P. 185–190.
- Buchanan, Bryman 2009 — The SAGE handbook of organizational research methods / Ed. by D. Buchanan, A. Bryman. London: SAGE, 2009.
- Christensen et al. 2011 — Christensen P., Mikkelsen M. R., Nielsen T. A. S., Harder H. Children, mobility, and space: Using GPS and mobile phone technologies in ethnographic research // Journal of Mixed Methods Research. Vol. 5. No. 3. 2011. P. 227–246.

- Collinson 2005 — *Collinson J. A.* Emotions, interaction and the injured sporting body // *International Review for the Sociology of Sport*. Vol. 40. No. 2. 2005. P. 221–240.
- Craig 2006 — *Craig L.* Parental education, time in paid work and time with children: An Australian time-diary analysis // *The British Journal of Sociology*. Vol. 57. No. 4. 2006. P. 553–575.
- Davidson 2009 — *Davidson C. R.* Transcription: Imperatives for qualitative research // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 8. No. 2. 2009. P. 35–52.
- Hammersley 2003 — *Hammersley M.* Recent radical criticism of interview studies: Any implications for the sociology of education? // *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 24. No. 1. 2003. P. 119–126.
- Hanna 2012 — *Hanna P.* Using internet technologies (such as Skype) as a research medium: A research note // *Qualitative Research*. Vol. 12. No. 2. 2012. P. 239–242.
- Kien 2009 — *Kien G.* *Global technography: Ethnography in the age of mobility*. New York: Peter Lang, 2009.
- Kroker, Kroker 2008 — *Kroker A., Kroker M.* *Critical digital studies: a reader*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2008.
- Larsen 2014 — *Larsen J.* (Auto)Ethnography and cycling // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 17. No. 1. 2014. P. 59–71.
- Markey 2014 — *Markey A. R.* Three essays on boredom [2014] // *Dissertations*. Paper 424. <http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1424&context=dissertations>.
- Martin 2006 — *Martin B.* Strategies for alternative science // *The new political sociology of science: Institutions, networks and power* / Ed. by S. Frickel, K. Moore. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2006. P. 272–298.
- Masten, Plowman 2003 — *Masten D. L., Plowman T. M.* Digital ethnography: The next wave in understanding the consumer experience // *Design Management Journal (Former Series)*. Vol. 14. No. 2. 2003. P. 75–81.
- Merz 2002 — *Merz J.* Time use research and time use data — actual topics and new frontiers // *FFB Discussion Paper*. No. 32. 2002. http://www.leuphana.de/fileadmin/user_upload/Forschungseinrichtungen/ffb/files/publikationen/diskussion/Dp_32_time_use_db.pdf.
- Oates 2015 — *Oates J.* Use of Skype in interviews: The impact of the medium in a study of mental health nurses // *Nurse researcher*. Vol. 22. No. 4. 2015. P. 13–17.
- Pfohl 2005 — *Pfohl S.* New global technologies of power: Cybernetic capitalism and social inequality // *The Blackwell companion for social inequalities* / Ed. by M. Romero, E. Margolis. Cambridge: Blackwill, 2005. P. 546–592.
- Pink 2009 — *Pink S.* *Doing sensory ethnography*. London: SAGE, 2009.
- Schivelbusch 2014 — *Schivelbusch, W.* *The railway journey: The industrialization of time and space in the nineteenth century*. Berkeley: Univ. of California Press, 2014.
- Sullivan 1997 — *Sullivan O.* Time waits for no (wo)man: An investigation of the gendered experience of domestic time // *Sociology*. Vol. 31. No. 2. 1997. P. 221–239.
- van Dijck 2007 — *van Dijck J.* *Mediated memories in the digital age*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2007.
- van Doorn 2013 — *van Doorn N.* Assembling the affective field: How Smartphone technology impacts ethnographic research practice // *Qualitative Inquiry*. Vol. 19. No. 5. 2013. P. 385–396.

AFFORDANCES AS A PROBLEM: ONE CASE OF DIGITALIZED COLLECTIVE SELF-OBSERVATION

Voz'ianov, Andrei G.

*MA in Cultural Anthropology, PhD Student, Research Assistant
Institute for East and Southeast European Studies, University of Regensburgself
Graduiertenschule für Ost- und Südosteuropastudien
Universität Regensburg; Landshuter Str. 4, D-93047 Regensburg, Deutschland
Tel.: 0049-(0)941-943-5360
E-mail: avozyanov@gmail.com*

Abstract. This article is concerned with affordances of smart-phone applications for collecting data in anthropological research. The empirical base is a project dedicated to experiences of urban commuting in Moscow and St. Petersburg, Russia, which was carried out in summer 2014 with the help of time-tracking mobile apps. Firstly, we consider the methodological benefits of partial automatization for the “boring parts” of ethnography, such as somewhat easier recruitment and data processing. These are counter-weighted by the dangers of unreflective use of digital interfaces. In particular, the software design tends to impose established frames of experience narration and standardized temporalities, as well as to “cut off” data that could be presented through a less structured interface.

Keywords: collective self-observation, new media, big data, digital humanities, time-budget, smartphone, autoethnography

References

- Beck, M. E., Arnold, J. E. (2009). Gendered time use at home: An ethnographic examination of leisure time in middle-class families. *Leisure Studies*, 28(2), 121–142.
- Boyle, M., Parry, K. (2007). Telling the whole story: The case for organizational autoethnography. *Culture and Organization*, 13(3), 185–190.
- Buchanan, D., Bryman, A. (eds.). (2009). *The SAGE handbook of organizational research methods*. London: SAGE
- Christensen, P., Mikkelsen, M. R., Nielsen, T. A. S., Harder, H. (2011). Children, mobility, and space: Using GPS and mobile phone technologies in ethnographic research. *Journal of Mixed Methods Research*, 5(3), 227–246.
- Collinson, J. A. (2005). Emotions, interaction and the injured sporting body. *International Review for the Sociology of Sport*, 40(2), 221–240.
- Craig, L. (2006). Parental education, time in paid work and time with children: An Australian time-diary analysis. *The British Journal of Sociology*, 57(4), 553–575.
- Davidson, C. R. (2009). Transcription: Imperatives for qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods*, 8(2), 35–52.

- Hammersley, M. (2003). Recent radical criticism of interview studies: Any implications for the sociology of education? *British Journal of Sociology of Education*, 24(1), 119–126.
- Hanna, P. (2012). Using internet technologies (such as Skype) as a research medium: A research note. *Qualitative Research*, 12(2), 239–242.
- Kien, G. (2009). *Global technography: Ethnography in the age of mobility*. New York: Peter Lang.
- Kroker, A., Kroker, M. (2008). *Critical digital studies: A reader*. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- Larsen, J. (2014). (Auto)Ethnography and cycling. *International Journal of Social Research Methodology*, 17(1), 59–71.
- Markey, A. R. (2014). Three essays on boredom. *Dissertations*. Paper 424. Retrieved from <http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1424&context=dissertations>.
- Martin, B. (2006). Strategies for alternative science. In S. Frickel, K. Moore (eds.). *The new political sociology of science: Institutions, networks, and power*, 272–298. Madison: Univ. of Wisconsin Press.
- Masten, D. L., Plowman, T. M. (2003). Digital ethnography: The next wave in understanding the consumer experience. *Design Management Journal (Former Series)*, 14(2), 75–81.
- Merz, J. (2002). Time use research and time use data — actual topics and new frontiers. *FFB Discussion Paper*, no. 32. Retrieved from http://www.leuphana.de/fileadmin/user_upload/Forschungseinrichtungen/ffb/files/publikationen/diskussion/DP_32_time_use_db.pdf.
- Oates, J. (2015). Use of Skype in interviews: The impact of the medium in a study of mental health nurses. *Nurse researcher*, 22(4), 13–17.
- Patrushev, V. D. Artemov, V. A., Novokhatskaia, O. V. (2001). Izuchenie biudzhetov vremeni v Rossii XX v. [Study of time budgets in Russia in XXth century]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2001(6), 112–120. (In Russian).
- Pfohl, S. (2005). New global technologies of power: Cybernetic capitalism and social inequality. In M. Romero, E. Margolis (eds.). *The Blackwell companion for social inequalities*, 546–592. Cambridge: Blackwell.
- Pink, S. (2009). *Doing sensory ethnography*. London: SAGE.
- Schivelbusch, W. (2014). *The railway journey: The industrialization of time and space in the nineteenth century*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Sullivan, O. (1997). Time waits for no (wo)man: An investigation of the gendered experience of domestic time. *Sociology*, 31(2), 221–239.
- van Dijck, J. (2007). *Mediated memories in the digital age*. Stanford: Stanford Univ. Press.
- van Doorn, N. (2013). Assembling the affective field: How Smartphone technology impacts ethnographic research practice. *Qualitative Inquiry*, 19(5), 385–396.
- Volkov, V. V., Dmitrieva, A. V., Pozdniakov, M. L., Titaev, K. (2012). *Rossiiskie sud'i kak professional'naia gruppy: sotsiologicheskoe issledovanie* [Russian judges as a professional group: A sociological study]. St. Petersburg: Institut problem pravoprimereniia Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- VOZ'IANOV, A. G. (2016). AFFORDANCES AS A PROBLEM: ONE CASE OF DIGITALIZED COLLECTIVE SELF-OBSERVATION. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 114–126

П. В. КОЛОЗАРИДИ, А. В. ИЛЬИН

Колозариди Полина Владимировна

*младший научный сотрудник,
Научно-учебная лаборатория политических
исследований, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: + 7 (495) 771-32-32
исследователь, Центр изучения Интернета и общества
Адрес: Россия, 109028, Москва, ул. Солянка, д. 3, стр. 1
Сайт: newmediacenter.ru
E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com*

Ильин Александр Владимирович

*исследователь, Центр изучения Интернета и общества
Адрес: Россия, 109028, Москва, ул. Солянка, д. 3, стр. 1
Сайт: newmediacenter.ru
E-mail: alek.liskin@gmail.com*

МЕССЕНДЖЕРЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ И НОВЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. Рост мобильности является одной из главных тенденций развития медиа в течение последних нескольких лет. Но результаты и сам процесс этого роста остаются не вполне ясными. Что именно трансформируется в практиках пользователей, как это влияет на появление и изменение сервисов? Мы полагаем, что одна из главных примет роста мобильности, которую мы наблюдаем уже сегодня, — развитие мессенджеров. Практики использования технологий меняются, синхронность, интимность, окончательное упразднение границ онлайн и офлайна, непретенциозность — с этими свойствами новые технологии приходят в нашу повседневность. Мы предлагаем анализ этих технологий в сравнении с социальными сетями и обзор основных тенденций, связанных с распространением мессенджеров.

Ключевые слова: мессенджеры, социальные сети, город, практики, мобильность, технологии

Зачем создавался Интернет

В 1996 г. один из создателей современного Интернета Тим Бернерс-Ли написал статью [Berners-Lee 1996] о том, к чему ведет развитие сетей и куда оно приведет. Статью эту интересно читать и сегодня: такие вопросы, как роль протоколов, этика, авторское право актуальны и двадцать лет спустя.

Но главное, Бернерс-Ли объясняет, что основная роль сетей — соединять людей. Не создавать контент, не уплотнять публичное пространство, не возвещать революцию в рыночных отношениях, а просто служить средством общения. Речь идет не о «виртуальном общении», о котором писали современники Бернерса-Ли, а о разных формах коммуникации, которые не более виртуальны, чем обычное написание текста. Функция общения в Интернете всегда была одной из главных, и ее воплощали простые программы, например, ICQ либо подобные ей сервисы мгновенного обмена сообщениями, или мессенджеры.

Сейчас налицо новый расцвет таких сервисов: постоянно появляются новости о выпуске очередного приложения, крупные корпорации бросают прежние проекты, чтобы запустить собственный мессенджер, WhatsApp бьет рекорды по количеству пользователей, молодые люди в США активно используют Snapchat для обмена фотографиями и видео. Правда, и социальные сети по-прежнему популярны. Во многих регионах Facebook все еще считается синонимом Интернета [Woollaston 2015]. Но там, где в первую очередь распространен мобильный Интернет, WhatsApp оказывается популярнее (например, в Якутии [Черникова 2015]). Это связано не с самим приложением, а с особенностями провайдеров, со стоимостью подключения и с другими техническими деталями. Но важно, что именно мессенджеры смогли подстроиться под эти условия.

Мессенджеры на мобильных устройствах оказываются конкурентами СМС-сообщений, и многие сотовые операторы продумывают стратегии, как можно избежать падения прибыли. Буквально в конце 2015 г. компания МТС объявила о запуске собственного мессенджера, при помощи которого абоненты могут отправлять сообщения и совершать звонки, — своеобразной альтернативы Skype или Viber [МТС 2015].

В 2014 г. Facebook купил WhatsApp, и это стало одной из крупнейших IT-сделок года. Но дело не только в гигантах. Новые сервисы сообщений постепенно теснят социальные сети. Они используются для частной переписки и публичного оповещения, могут даже дополнить новостные ленты обычных онлайн-СМИ (см., например: [Meduza 2015]), обрастают системами безопасности и при этом служат для передачи аудио- и видеосообщений. Тем более, что Интернет сегодня — это прежде всего поставщик приложений на телефоны [Newman, Levy 2014], а не явление из браузера. Этот важный переход — со стационарных компьютеров на мобильные платформы, конечно, не происходит полностью. Но тенденция в том, что

новые пользователи часто впервые открывают Интернет именно в телефоне или на планшете, и таких пользователей становится все больше.

Главные особенности, на которые указывают производители мессенджеров, — безопасность данных и быстрая передача информации. Во-первых, примечательно, что главное — это передача, а не создание данных. Во-вторых, пользователям, которые не очень сведущи в системах приватности [Madden, Rainie 2015], зачем-то важно сохранять свою переписку в секрете. От спецслужб, супругов, работодателей — неважно, но в целом контроль над степенью интимности представляется большим преимуществом. Почему?

Поколения пользователей

Проще всего объяснить распространение мессенджеров изменением материальной природы носителей. Сейчас наиболее активно распространяется мобильный Интернет [Kemp 2015]. И пользуется им не только молодежь; новые технологии как раз предпочитают пользователи постарше, нужды которых просты и прагматичны — написать родственникам сообщение, отправить фотографию или статью.

К концу 2012 г. количество отправляемых СМС пошло на убыль, и причина тому — мессенджеры [Welch 2013]. Самое популярное приложение в США — Facebook Messenger, в прошлом году он занимал 66% рынка; за ним с большим отрывом следуют малоизвестные в России Line, Kik и популярный во всем мире WhatsApp (700 млн регулярных пользователей [Isaak, de la Merced 2015]), далее следует Viber (200 млн). Microsoft внедряет Skype в Windows 10 уже в первую очередь в качестве сервиса обмена сообщениями [Warren 2015]. На волне беспокойства пользователей относительно безопасности¹ появляется множество новых сервисов, в частности, разработка Павла Дурова Telegram. Завораживают и темпы роста аудитории мессенджеров — приложение Facebook Messenger набирает по 200% в год, WhatsApp — 60% [Meeker 2015].

Популярность набрал и китайский сервис WeChat, теперь автоматически поставляющийся на смартфонах Xiaomi, которые считаются уже едва ли не главными конкурентами айфонов. WeChat, кроме прочего, известен тем, что представляет геолокационные данные и обещает стать еще и приложением с функцией ориентации по городу [Limongello 2015].

Исследование Бетси Хендерсон по Юго-Восточной Азии² показывает, что пользователи иногда не понимают, что, запуская приложение, они подключаются к Интернету (особенно если не нужно платить за трафик).

---

¹ Например, в 2014 г. 68% американцев испытывали беспокойство при использовании чатов и системы обмена сообщениями для отправки приватной информации [Madden, Rainie 2015].

² См. аннотацию и презентацию доклада: Betsy Henderson, «Digital and offline: research on information sharing in Asia's most repressive environments» на сайте конференции CIBAR Conference (Париж, 2–4 ноября 2014 г.): <http://www.cibar.org/2014-paris>.

Для людей, выросших на браузерах и помнящих dial-up, это не очень привычно. Но в этом как раз основное отличие между поколениями пользователей. Речь идет о более важном различии, чем то, которое существует между «цифровыми мигрантами» (т.е. теми, кто стал пользоваться Интернетом уже будучи взрослым) и «цифровыми аборигенами» (т.е. пользователями, в жизни которых Интернет присутствовал с самого детства). Иными словами, разница в возрасте неважна; дело в том, как складывается пользовательская практика.

Как рассказывает социолог Иван Климов³, директор Центра изучения Интернета и общества, различаются даже способы хранения понравившейся информации. Еще недавно что-то важное сохраняли на жестком диске, потом стали добавлять в закладки, потом — копировать к себе в Facebook, «ВКонтакте», Pinterest. Память современного активного пользователя Интернета лучше сохраняет то, где найдена нужная информация и как ее найти, а не то, что именно составляет ее содержание. Грубо говоря, пользователь запоминает, что в англоязычной Википедии есть статья про династию Тюдоров, но не прилагает усилий, чтобы усвоить, с кого эта династия началась и кем закончилась. Это не значит, что он этого вообще не помнит, но структура памяти, безусловно, меняется. И происходящее — это скорее повод критически осмыслить собственные представления о том, что такое память и знание, для чего мы ими пользуемся. Впрочем, никто не запрещает нам тренировать собственное умение помнить — по заветам Умберто Эко:

Это правда, что если ты захочешь узнать, кто такой Карл Великий или где находится Куала-Лумпур, то ты сможешь нажать на кнопку и тотчас узнать все из интернета. Делай это, когда тебе нужно, но, получив справку, старайся запомнить ее содержание, чтобы не искать вторично, когда эти знания тебе понадобятся в школе, например. Плохо то, что понимание того, что компьютер может в любой момент ответить на твой вопрос, отбивает у тебя желание запоминать информацию. <...> Вот в чем заключается мой рецепт. Каждое утро выучивай какое-нибудь короткое стихотворение, как заставляли нас делать в детстве. Можно устраивать соревнование с друзьями на лучшую память. Если тебе не нравится поэзия, то ты можешь запоминать состав футбольных команд, но ты должен знать игроков не только команды Римского клуба, но и игроков других команд, а также их состав в прошедшие времена [Эко 2014].

Проблема «цифровой зависимости» и раздражения от почты [Barley et al. 2011; Lafrance 2016] тоже возникает во многом из-за специфики практик, связанных с мобильными технологиями. Оповещения, звуковые сигналы — это существует в первую очередь в среде, где главное устройство — мобильный телефон, а не компьютер.

---

³ Неформальное высказывание на конференции.

Телефонные общины

Итак, пользователи мессенджеров имеют прагматичные цели — общение с друзьями и родственниками, причем не только тет-а-тет, но и группой. Использование новых коммуникаций для воссоздания сообществ или общин — тоже совсем не новое явление. Один из самых влиятельных теоретиков современных медиа Говард Рейнгольд [Rheingold 1993] писал о «виртуальной общине» еще в 1993 г. В одноименной книге он анализирует, как люди, никогда не видевшие друг друга, помогают своим собеседникам по форумам, демократично решают вопросы о работе своего форума и вообще действуют как сложившийся коллектив. С тех пор тема виртуальных сообществ — одна из главных в исследованиях Интернета, и ученые с завидным постоянством, но с переменным успехом находят отличительные свойства онлайн-общения.

Сегодня в мессенджерах образуются сообщества, но они уже совсем не виртуальные, обычно общаются уже знакомые друг с другом люди. Часто это микрогруппы (до девяти человек), рабочие коллективы, родственники, близкие друзья; в любом случае речь идет о частной жизни. Такие группы, вероятно, могут включать и малознакомых людей, но только если они либо объединены важным интересом, либо находятся в одном пространстве.

Количество таких групп, как и связь между ними, ничем не ограничены. Речь идет о тех самых индивидах, связанных сетью отношений [Rainie, Wellman 2012], для которых основным типом коллективной принадлежности является принадлежность не к группам, а к текущим связям. «Круги» Google, группы в Facebook становятся менее актуальными, чем то, что происходит здесь и сейчас.

Но мессенджеры не остаются только чатами для разговоров, они обрастают новыми функциями: получение прогноза погоды, поиск по сообщениям и файлам в переписке и даже денежные переводы. Это связано с системой идентификации, становящейся все ближе к формированию единого профиля, к которому привязываются и аккаунты в социальных сетях. Но общение в мессенджерах — это еще и создание сетей доверия, где можно обмениваться всем — от картинок из Интернета до денег и официальных документов.

В любом случае эпоха утопии Интернета как пространства, где каждый отдельный человек общается со всем человечеством, подошла к концу. В России ее расцвет пришелся на годы триумфа «Живого журнала» (ЖЖ), продолжался в Facebook, но теперь тоже завершается, хотя со стороны это может выглядеть и как ее продолжение.

Начинается эпоха других метафор в отношении Интернета. Он был «дорогой», «домом», т. е. инфраструктурой или пространством [Jamet et al. 2010], а сейчас о нем чаще всего говорится как о дополняющем основную реальность. Примечательна, например, метафора «облака» как одновременно «здешнего» и «недостижимого».

Узкая местная сеть

Сужение публичного пространства в Интернете и рост внимания к приватности — одна из главных движущих сил развития сетевых сервисов сегодня. Часть функций больших платформ становится менее актуальной. Для протестных движений и революций — важнее действовать (зачастую без всякой связи, как в случае с FireChat), чем говорить. Обмениваться информацией можно через специальные сервисы. Знакомиться — на сайтах профессиональных или личных знакомств. Поддерживать общение — в тех самых мессенджерах.

Большие социальные сети, и особенно сервисы блогов, работают как подспорье социальных лифтов. Человека можно узнать по его делам, о которых он рассказывает в Интернете, по текстам или фотографиям, которые он создает. Как объясняет эксперт по медиа Андрей Мирошниченко [Miroshnichenko 2012], многократно увеличивается количество авторов, точнее, потенциальных авторов, т. е. создателей контента. Потому что в итоге сам контент производят немногие, и это позволяет работать социальным лифтам, поднимая наверх самых заметных персонажей. Однако тросы таких лифтов изнашиваются очень быстро, и те, что сработали, уже дали нам целое поколение блогеров и публичных фигур, так или иначе связанных с Интернетом. А главное, за прошедшие годы доступ к сервисам Интернета появился более чем у половины россиян, и это сделало работу лифтов практически невозможной — такие массы народа не могут переезжать в одних кабинках.

В любом случае сейчас мы видим ровно противоположную тенденцию. Социальные сети и сообщества возникают в сервисах сообщений, когда люди либо уже знакомы друг с другом, либо имеют общие интересы, которые дают конкретный повод для общения.

В том же Telegram недавно появилась функция создания публичных каналов, через которые можно осуществлять рассылку информации. Эту функцию уже взяли на вооружение некоторые блогеры и СМИ. Можно предположить, что и городские учреждения (кофейни, рестораны, транспортные предприятия и т. д.) вскоре прибегнут к использованию таких каналов. Можно открыть чат и читать мини-медиа о поставке и обжарке кофейного зерна из Гватемалы, о труде местных фермеров и непростых условиях их работы — или нажать кнопку «mute», отключив звук приходящих сообщений, и не думать, не беспокоиться об этом. Понятно, что модераторы таких каналов будут работать над тем, чтобы пользователь мечтал узнать о гватемальском кофе и о его доблестных добытчиках, но это придется делать уже более сфокусированно. Единство места, времени и действия, как в классицистической пьесе, обязывает к линейности и ясности сюжета, контент будет всё более полезным и персонализированным.

Эта тенденция согласуется с тем, что вместо различения виртуального и реального все чаще речь идет о гибридных пространствах, когда элементы городской среды сочетаются с онлайн-средами [de Souza e Silva 2006]. В этом случае становится сложно различить, о какой коммуникации идет речь — офлайновой или онлайновой.

Поточность

Наконец, мы подходим к тонкому и важному изменению, которое приходит вместе с WhatsUp, Viber, Telegram и другими мессенджерами. Это существование пользователя в постоянном состоянии «потока», которое становится основой для нового представления о хранении данных. Оно характерно и для описания неvirtуальных феноменов, «потоки» становятся базовой метафорой, заменяющей многие пространственные категории (например, ее использует в своих работах о пространстве Дж. Урри [Урри 2012]).

Обычно говорят, что, дескать, в этих виртуальных «потоках» и чатах ничего не найти, что они отменяют историчность и структурность информации. Действительно, на смену немедленной архивации приходят присутствие здесь и сейчас, синхронность общения, постоянное нахождение в прямом эфире без монтажа и купюр.

Но происходит и еще одна очень важная трансформация, следующий шаг к виртуализации папок и файлов, к которым привыкли пользователи, начинавшие с Windows. Переходя на «Макинтоши» или покупая айфоны, все сначала страдают от бесструктурности облаков и файловой системы Apple, но постепенно привыкают искать в загрузках по ключевым словам. Также и пользователи мессенджеров привыкают к поиску по истории сообщений. Между тем в сервисах сообщений возникает практически аналог файловой системы компьютера.

Сейчас эта тенденция не проявила себя в полной мере, и, конечно, миллионы пользователей спокойно проживут еще лет десять, успешно пользуясь «окнами», если Microsoft не решит внезапно заблокировать все сервисы старого Windows. Инновации проникают в жизнь постепенно, и сразу ими начинает пользоваться только небольшая часть аудитории.

Пользователь Facebook, давно не заходивший в свой старый дневник, возможно, удивится тому, что в ЖЖ жизнь продолжается [Brand Analytics 2016]. Она не становится частью общей повестки дня, но надо признать, что блоги Mail.ru или Ya.ru тоже редко попадали в центр внимания «всего Интернета», что не мешало им расти и привлекать все новых пользователей.

«Невидимость» таких крупных сетей связана с несколькими причинами. Конечно, имеет значение некоторый снобизм наиболее публичных пользователей, которые пользуются в основном Фейсбуком, реже — Твиттером и ЖЖ. И да, в «Моем Мире» или «Одноклассниках» возникает критически мало деятельных сообществ. Но главное, социальные сети теперь — это явление частной жизни, которая становится частью жизни публичной, а не наоборот. Ярчайший пример тому — Instagram, вторая по количеству уникальных авторов социальная сеть в России [Brand Analytics 2015]. Несмотря на множество магазинов, музеев, профессиональных фотографов и художников, даже попытки ведения в этой сети коллективных акка-

унтов, сервис остается прибежищем частной жизни, местом размещения фотографий в жанре «фуд-порн» и «котиков», и именно такие снимки задают тон остальным. Даже официальные аккаунты музеев или университетов стремятся к тому, чтобы в первую очередь рассказывать о себе через частные истории.

Триумф частного

Итак, утопическая и в общем уже реализовавшаяся эпоха «Большого Интернета» уходит в прошлое вместе со строгой границей онлайн/офлайн. Пользователи концентрируются на своих частных задачах. Их цели становятся все более локальными и конкретными. Сеть — это теперь не пространство бесконечного фланирования, которое закончилось еще в 2013 г. [Stephen 2013]. Скорее, это пространство между дворами-сообществами, у каждого из которых — свои лавочки. Эпоха, когда высказывание в Интернете адресовалось *urbi et orbi*, т. е. граду и миру, уходит в прошлое.

Это не означает, что корпорации завершают свои мегапроекты. Они так же успешно будут создавать их в новой среде, хотя нельзя исключить, что некоторые не смогут ухватить тренд и исчезнут. Нас ждет окончательное прощание с линейным временем и архивно-историческим вебом. На смену ему придет синхронность, и это единственное, что будет объединять пользователей. Каждый будет синхронен со своими собеседниками в маленькой сети, но не со всем миром.

Пространство современного пользователя — это уже не мир без границ, а скорее пространство с новыми границами. Эти границы подвижны, и их подвижность и есть главное достижение эпохи мобильности.

Литература

МТС 2015 — МТС 14 декабря запускает мессенджер, аналогичный Skype и Viber // РИА «Новости». 2015 г., 7 дек. URL: <http://ria.ru/technology/20151207/1337820326.html>.

Урри 2012 — *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Черникова 2015 — *Черникова Н.* Как Якутия совершила прорыв в WhatsApp // Секрет Фирмы. 2015 г., 21 апр. URL: http://secretmag.ru/articles/2015/04/21/whatsapp_yakutsk.

Эко 2014 — Умберто Эко: Дорогой внук, учи наизусть // Иносми.ру. 2014 г., 24 янв. URL: <http://inosmi.ru/world/20140124/216819572.html>.

Barley et al. 2011 — *Barley S. R., Grodal S., Meyerson D. E.* Email as a source and symbol of stress // *Organization Science*. Vol. 22. No. 4. 2011. P. 887–906.

Berners-Lee 1996 — *Berners-Lee T.* WWW: Past, present, and future // *Computer*. Vol. 29. No. 10. 1996. P. 69–77.

- Brand Analytics 2015 — Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы // Brand Analytics. 2015 г., 6 июня. URL: <https://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy>.
- Brand Analytics 2016 — Социальные сети в России, зима 2015–2016. Цифры, тренды, прогнозы // Brand Analytics. 2016 г., 14 янв. URL: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy>.
- de Souza e Silva 2006 — *De Souza e Silva A.* From cyber to hybrid: Mobile technologies as interfaces of hybrid spaces // *Space & Culture*. Vol. 9. No. 3. 2006. P. 261–278.
- Isaak, de la Merced 2015 — *Isaak M., de la Merced M.* Why apps for messaging are trending // *The New York Times*. 2015, January 25. URL: http://www.nytimes.com/2015/01/26/technology/why-apps-for-messaging-are-trending.html?_r=1.
- Jamet et al. 2010 — *Jamet D., Jamet D. L., Moulin-Lyon J.* What do Internet metaphors reveal about the Internet? // *metaphoric.de*. Vol. 18. 2010. URL: <http://www.metaphoric.de/en/book/export/html/272>.
- Kemp 2015 — *Kemp S.* Digital, social & mobile in 2015 // *We Are Social*. 2015, January 21. URL: <http://wearesocial.sg/blog/2015/01/digital-social-mobile-2015>.
- Lafrance 2016 — *Lafrance A.* The triumph of email. Why does one of the world's most reviled technologies keep winning? // *The Atlantic*. 2016, January 6. URL: <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2016/01/what-comes-after-email/422625>.
- Limongello 2015 — *Limongello T.* The Future Of Messenger // *Tech Crunch*. 2015, April 6. URL: <http://techcrunch.com/2015/04/06/the-future-of-messenger>.
- Madden, Rainie 2015 — *Madden M., Rainie L.* Americans' attitudes about privacy, security and surveillance // *Pew Research Center*. 2015, May 20. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/05/20/americans-attitudes-about-privacy-security-and-surveillance>.
- Meduza 2015 — Meduza. [Запись в Facebook]. 2015 г., 7 мая. URL: <https://www.facebook.com/themeduza/posts/484677138353713>.
- Meeker 2015 — *Meeker M.* Internet trends 2015 — Code conference // *KPCB*. 2015, May 27. URL: <http://www.kpcb.com/internet-trends>.
- Miroshnichenko 2012 — *Miroshnichenko A.* The emancipation of authorship: The viral editor as a dispersed creature of the Internet // *Journalism and Mass Communication*. Vol. 2. No. 2. 2012. P. 363–372.
- Newman, Levy 2014 — *Reuters Institute Digital News Report 2014. Tracking The future of news* / Ed. by N. Newman, D. A. L. Levy. [2014]. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Reuters%20Institute%20Digital%20News%20Report%202014.pdf>.
- Rainie, Wellman 2012 — *Rainie H., Wellman B.* Networked: The new social operating system. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
- Rheingold 1993 — *Rheingold H.* The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993.
- Stephen 2013 — *Stephen B.* In praise of the flâneur // *The Paris Review*. 2013, October 17. URL: <http://www.theparisreview.org/blog/2013/10/17/in-praise-of-the-flaneur>.
- Warren 2015 — *Warren T.* Microsoft is turning Skype into its own version of iMessage in Windows 10 // *The Verge*. 2015, January 22. URL: <http://www.theverge.com/2015/1/22/7871919/skype-for-windows-10-features>.

Welch 2013 — *Welch Ch.* Chat apps surpass SMS for the first time, study finds // The Verge. 2013, April 29. URL: <http://www.theverge.com/2013/4/29/4281618/chat-apps-surpass-sms-messaging-volume-study>.

Woollaston 2015 — *Woollaston V.* Do YOU think ‘Facebook is the internet’? Two thirds of users do — and millions don’t know they’re on the web when they log in // Daily Mail Online. 2015, February 11. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2948923/Do-think-Facebook-internet-Two-thirds-users-millions-don-t-know-web-log-accounts.html>.

MESSENGERS IN THE URBAN ENVIRONMENT: HYBRID FORMS AND NEW PRACTICES

Kolozaridi, Polina V.

Junior Research Fellow, Laboratory for Political Studies, National Research University “Higher School of Economics”

Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20

Tel.: + 7 495 771-32-32

Research Fellow, Center for the Study of New Media and Society

Адрес: 109028, Moscow, Solyanka st., 3 bld 1

Web: newmediacenter.ru

E-mail: poli.kolozaridi@gmail.com

Ilin, Alexander V.

Research Fellow, Center for the Study of New Media and Society

Адрес: 109028, Moscow, Solyanka st., 3 bld 1

Web: newmediacenter.ru

E-mail: alek.liskin@gmail.com

Abstract. Mobility is one of the main tendencies in media development in recent several years. But the results and the process itself remain unclear. What features of users’ practices are transformed and how does this influence new services’ advent and transformations? We suppose that one of the main signs of mobility increase is the expansion of messengers. New technologies appear to our everyday life with such processes as synchrony, intimacy transformation, the definitive erasure of borders between online and offline. We offer an analysis of these technologies in comparison with social network sites and a review of primary tendencies in the spread of messengers.

Keywords: messengers, social networks, city, practices, mobility, technologies

References

- Barley, S. R., Grodal, S., Meyerson, D. E. (2011). Email as a source and symbol of stress. *Organization Science*, 22(4), 887–906.
- Berners-Lee, T. (1996). WWW: Past, present, and future. *Computer*, 29(10), 69–77.
- [Brand Analytics 2015, June 6]. Sotsial'nye seti v Rossii, vesna 2015. Tsifry, trendy, prognozy [Social networks in Russia, Spring 2015: Numbers, trends, prognoses]. *Brand Analytics*. Retrieved from <https://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy>. (In Russian).
- [Brand Analytics 2016, January 14]. Sotsial'nye seti v Rossii, zima 2015–2016. Tsifry, trendy, prognozy [Social networks in Russia, Winter 2015–2016: Numbers, trends, prognoses] // *Brand Analytics*. Retrieved from <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy>. (In Russian).
- Chernikova, N. (2015, April 21). Kak Yakutiia sovershila proryv v WhatsApp [How Yakutia made a breakthrough in WhatsApp]. *Sekret Firmy* [Secret of the firm]. Retrieved from http://secretmag.ru/articles/2015/04/21/whatsapp_yakutsk. (In Russian).
- De Souza e Silva, A. (2006). From cyber to hybrid: Mobile technologies as interfaces of hybrid spaces. *Space & Culture*, 9(3), 261–278.
- Eko (2014, January 24). Umberto Eko: Dorogoi vnuk, uchi naizust' [Umberto Eco: Dear grandson, learn by heart] (Transl. from: Umberto Eco: “Caro nipote, studia a memoria” (2014). *L'Espresso*, January 3). *Inosmi.ru*. Retrieved from <http://inosmi.ru/world/20140124/216819572.html>. (In Russian).
- Jamet, D., Jamet, D. L., Moulin-Lyon, J. (2010). What do Internet metaphors reveal about the Internet? *metaphoric.de*, 18. Retrieved from <http://www.metaphoric.de/en/book/export/html/272>.
- Isaak, M., de la Merced, M. (2015, January 25). Why apps for messaging are trending. *The New York Times*. Retrieved from http://www.nytimes.com/2015/01/26/technology/why-apps-for-messaging-are-trending.html?_r=1.
- Kemp, S. (2015, January 21). Digital, social & mobile in 2015. *We Are Social*. Retrieved from <http://wearesocial.sg/blog/2015/01/digital-social-mobile-2015>.
- Lafrance, A. (2016, January 6). The triumph of email. Why does one of the world's most reviled technologies keep winning? *The Atlantic*. Retrieved from <http://www.theatlantic.com/technology/archive/2016/01/what-comes-after-email/422625>.
- Limongello, T. (2015, April 6). The Future Of Messenger. *Tech Crunch*. Retrieved from <http://techcrunch.com/2015/04/06/the-future-of-messenger>.
- Madden, M., Rainie, L. (2015, May 20). Americans' attitudes about privacy, security and surveillance. *Pew Research Center*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/2015/05/20/americans-attitudes-about-privacy-security-and-surveillance>.
- Meduza (2015, May 7). Retrieved from <https://www.facebook.com/themeduza/posts/484677138353713>. (In Russian).
- Meeker, M. (2015, May 27). Internet trends 2015 — Code conference. *KPCB*. Retrieved from <http://www.kpcb.com/internet-trends>.
- Miroshnichenko, A. (2012). The emancipation of authorship: The viral editor as a dispersed creature of the Internet. *Journalism and Mass Communication*, 2(2), 363–372.

- MTS 14 dekabria zapuskaet messendzher, analogichniy Skype i Viber [On 14 December MTS launches a messenger, analogous to Skype and Viber] (2015, December 7). *RIA "Novosti"*. Retrieved from: <http://ria.ru/technology/20151207/1337820326.html>. (In Russian).
- Newman, N., Levy, D. A. L. (eds.) (2014). Reuters Institute Digital News Report 2014. Tracking the future of news. Retrieved from <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Reuters%20Institute%20Digital%20News%20Report%202014.pdf>.
- Rainie, H., Wellman, B. (2012). *Networked: The new social operating system*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rheingold, H. (1993). *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Stephen, B. (2013, October 17). In praise of the flâneur. *The Paris Review*. Retrieved from <http://www.theparisreview.org/blog/2013/10/17/in-praise-of-the-flaneur>.
- Urri, Dzh. (2012). *Sotsiologiia za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletii* (Transl. from: Urry, J. (2000). *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. London; New York: Routledge). Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Warren, T. (2015, January 22). Microsoft is turning Skype into its own version of iMessage in Windows 10. *The Verge*. Retrieved from <http://www.theverge.com/2015/1/22/7871919/skype-for-windows-10-features>.
- Welch, Ch. (2013, April 29). Chat apps surpass SMS for the first time, study finds. *The Verge*. Retrieved from <http://www.theverge.com/2013/4/29/4281618/chat-apps-surpass-sms-messaging-volume-study>.
- Woollaston, V. (2015, February 11). Do YOU think 'Facebook is the internet'? Two thirds of users do — and millions don't know they're on the web when they log in. *Daily Mail Online*. Retrieved from <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-2948923/Do-think-Facebook-internet-Two-thirds-users-millions-don-t-know-web-log-accounts.html>.
- KOLOZARIDI, P. V. ILIN, A. V. (2016). MESSENGERS IN THE URBAN ENVIRONMENT: HYBRID FORMS AND NEW PRACTICES. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 127–138

Мороз Оксана Владимировна

*кандидат культурологии
доцент, Отделение социокультурных
исследований, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6*

Тел.: +7 (495) 250-68-27

*доцент, Институт общественных наук, РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82*

Тел: +7 (495) 433-25-62

*преподаватель магистерской программы
«Медиаменеджмент», Московская высшая школа
социальных и экономических наук
Россия, Москва, пр-т Вернадского, 82*

Тел. + 7 (495) 434-72-82;

*руководитель,
независимый исследовательский портал «CultLook»*

Сайт: cultlook.media

E-mail: oxanamol@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИА КАК СВИДЕТЕЛЬ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ (САМО)ОПИСАНИЯ СООБЩЕСТВА¹

Аннотация. В центре внимания статьи находится вопрос о кризисе современных медиа, который выражается в повсеместном технологическом и идеологическом отставании от норм культуры партиципации. Кратко рассматривая международный опыт медиакорпораций, автор предлагает обратить внимание на рекомендации представителей Media Studies, которые позволяют настроить другую оптику отношения менеджеров к аудитории и, соответственно, потенциально решить указанную проблему индустрии. В ходе исследования российского контекста автор приходит к выводу, что мультипликация производства контента за счет привлечения локальных свидетельств не только профессионалов, но и любителей не функционирует должным образом в русскоязычных кейсах. В российских медиа по-прежнему работают нормы авторитарного и морального высказывания, которые провоцируют

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, осуществляемого для проектов «Цифровой город» ШАГИ РАНХиГС (при поддержке фонда Михаила Прохорова) и «Медиаответственность/Mediaresponsibility» (независимый проект CultLook).

закрепление жестких менторских принципов репрезентации и проблематизации социокультурных реалий и практик сообществ, а также умаляют ценность гражданской рефлексии как элемента современной индивидуальной и коллективной культуры мышления и жизнедеятельности.

Ключевые слова: медиа, культура партиципации, multiple journalism, моральный свидетель, сообщество, эссенциализм

Для современных мировых медиа, независимо от степени ригидности взаимоотношений с аудиторией, лояльности по отношению к собственникам СМИ и принадлежности к тому или иному национальному сегменту, вопрос «экологичности» стратегий репрезентации нередко оказывается болезненным. По мнению представителей современной политической философии [Кукатас 2011] и Media Studies [Jenkins et al. 2009], причиной тому чаще всего оказывается технологическое и идеологическое отставание медиапроизводства от норм культуры партиципации, которые предполагают, среди прочего, толерантное и уважительное отношение к носителям разных точек зрения как свидетелям и участникам реальных событий и медийных дискуссий [Delwiche, Henderson 2012]. В первую очередь партиципация как культура соучастия в контексте медиасреды означает, что граждане могут не только слушать, но и быть услышанными в публичном пространстве вне зависимости от степени «конформности» или «шаблонности» высказываемой позиции. По мере седиментации обновленная этика порождения и трансляции смыслов в условиях партиципации провоцирует формирование у реципиентов не столько ожидания качественного фактчекинга и верификации информации (что должно быть профессиональной нормой работы любых медиаменеджеров), сколько не ангажированной институциональной лояльностью свободы выражения мнений. Однако пока мировая тенденция следования устаревшим профессиональным нормам медиапроизводства выливается, в первую очередь, в более чем частотное неудовлетворение таких нужд потребителей и пользователей [Potts 2014].

Впрочем, в российском сегменте медиарынка, который выступает объектом этого небольшого исследования, ситуация выглядит еще сложнее. В последние годы спикеры констатируют наличие четких тенденций к наращиванию мощи информационной войны и агрессивного противостояния носителей разных идеологических или мировоззренческих позиций [Moroz 2016]². В таком контексте критические замечания о простой невнимательности медиа к принципам партиципации, а следовательно, к нормам открытой, множественной и экологичной коммуникации с читателем/

---

² См., например: [Кто выигрывает 2015].

пользователем выглядят чрезмерно оптимистичными. В то же время можно предположить, что причины отмеченных трансформаций отечественных медиа и СМИ коренятся не только в кратко перечисляемых в статье общих проблемах индустрии, а потому последствия изменений могут быть более драматическими, чем привычные для западной «старой школы» журналистики споры о вирулентности культуры новых медиа. Несмотря на то что следующее далее аналитическое высказывание лишь приглашает к полноценным дискуссиям об ответственности производителей и потребителей контента, оно ставит, на мой взгляд, важные вопросы о том, какие социокультурные эффекты порождает некачественное медийное конструирование общественно важных смыслов.

1

Анализ глобального опыта медиапродюсирования свидетельствует, что представление о процессе создания публично распространяемого контента как о гражданском пакте, основанном на необходимости производства социально ответственного, т. е. «безопасного» дискурса, довольно часто выглядит мифологемой. Современные медиаменеджеры не всегда готовы использовать возможности и мощности цифровых технологий, а также прислушиваться к сопровождающим эти технические изменения социальным и антропологическим трансформациям [Mateo et al. 2010; Trappel et al. 2015].

В качестве иллюстрации этого тезиса достаточно напомнить, что еще несколько лет назад вполне корректным выглядело заявление директора Всемирной службы BBC Питера Хоррокса о примате институциональной журналистики перед работой тех, кого он во время своей лекции в Институте исследований коммуникации Университета Лидса назвал *accidental journalists* [Horrocks 2008]. Изменения этой позиции среди топ-менеджеров медиагигантов произошли довольно быстро: Хоррокс спустя четыре года на Всемирном медиасаммите в Москве смягчил свою риторику относительно профессиональных возможностей блогеров и гражданских онлайн-журналистов, признавая, что «преимущество интернета как одного из поставщиков новостей в том, что он обеспечивает честную среду для борьбы идей» [Асекритова, Белодедова 2012]. Тем не менее признаки сомнения в витальности «беспристрастной журналистики» за пределами больших медиакорпораций, обеспечивающих защиту своим работникам, в речах мировых лидеров производства контента не менее очевидны, чем в знаменитом выступлении Константина Эрнста на ежегодном международном телевизионном рынке MIPCOM в 2011 г. [Эрнст 2011]. Частотность же профессиональных апелляций к сетевому пространству как источнику более или менее опасных угроз указывает на ощущение кризиса, которое имплицитно сопровождает функционирование как журналистики (в качестве частного примера), так и других профессий, прочно связанных с миром медиа.

Исследователи, наблюдающие за подобной авторефлексией³, в последнее время предлагают сделать беседы о кризисе более продуктивными, превратив скорбь по упущенным возможностям индустрии в разговор о новых вызовах и возможностях расширения границ профессионального поля. К подобным дискуссиям нередко привлекают специалистов-медиапрактиков из всемирно признанных научно-исследовательских центров, связанных с журналистским сообществом узами партнерства [Alejandro 2010]. Однако и ученые, чей авторитет основан в большей степени на теоретическом осмыслении механизмов функционирования медиа, предлагают «рецепты» этического и технологического обновления профессионального взгляда на ресурсы цифровой среды.

Так, в 2012 г. Мануэль Кастельс с группой экспертов опубликовал программный доклад «Будущее журналистики: сетевая журналистика» [Castells et al. 2012], в котором озвучил программу обновления классических «этических кодексов»⁴ медиапроизводителей, необходимую медиумам в контексте дигитализации. В самом общем виде эта статья звучала как призыв к закреплению принципов *multiple journalism*, основанных на совмещении технических возможностей индустрии с этикой независимой журналистики. Применение на практике этих принципов, по мнению аналитиков, должно способствовать обогащению медийных нарративов элементами локальных свидетельств, которые аккумулируют антропологический, социальный и культурный опыт тех или иных сообществ. А привлечение к работе в профессиональном поле множества спикеров, способных сформулировать отчетливые высказывания, неизбежно спровоцирует усложнение способов визуализации и презентации производимых смыслов и умножение форматов, в том числе за счет сочетания функционала старых и новых медиа. В результате медиасреда станет не только полем разновеликих и свободно конкурирующих между собой мнений, но и привлечет новых пользователей — например, тех, кто принципиально отказывается от старых конвенциональных форм репрезентации в пользу, может, и менее традиционных, но не менее достойных ознакомления способов формирования информационной картины.

В качестве доказательства витальности такой профессиональной позиции, построенной на коллаборации профессионалов и любителей по принципу *pro-ams* коммуникации [Leadbeater, Miller 2004] и логике партиципаторной культуры, ученые создали одноименный проект *Multiple Journalism*⁵, функционирующий как агрегатор инновативных кейсов. Усилиями исследователей и посредством привлечения внимательных непрофессиональных сетевых аналитиков авторам удалось собрать более 20 проектов,

---

³ См. например: [Media 2008; 2013].

⁴ См. например: IFJ Declaration of principles on the conduct of journalists (International Federation of Journalists), URL: <http://www.ifj.org/about-ifj/ifj-code-of-principles>.

⁵ <http://multiplejournalism.org>.

представляющих различные вариации взаимодействия медиапрактиков с возможностями современной «цифры» и нормами гражданской ответственности, реализуемыми онлайн. Среди проектов, перечисленных на сайте, легко обнаруживаются виртуальные «новостные» игры, журналистика комиксов, дос-платформы, инструменты мэппинга и визуализации больших данных, облачное программное обеспечение, нацеленное на привлечение пользователей к процессу формирования контента, и т. д.

Внимательное погружение в специфику проекта несомненно ставит вопрос о скорости реализации «идеологии», предлагаемой Кастельсом и его коллегами. Некоторая часть даже отобранных ими проектов⁶ не решает ключевого вопроса о легитимности этики и практики независимой журналистики для формирования корпуса медиавысказываний. Вместо со-участия профессиональных менеджеров и их аудитории в процессе создания контента можно встретить вполне обыденное, например для современных новостных медиа, использование интеллектуальной собственности тех, кто раньше выступал только в роли пассивных потребителей, для краудсорсингового увеличения мощностей медиаиндустрии.

Тем не менее сама попытка экспертов предъявить примеры самостоятельной независимой сетевой журналистики в модусе *produsage* не является бесполезной: авторам удастся найти несколько кейсов, стратегии производства, развития и распространения которых удовлетворяют многим из озвученных критериев и демонстрируют перспективы качественного сотрудничества любителей и профессионалов в вопросе ответственного осмысления и производства контента. Так, бесспорным успехом становится площадка *Metropolis TV*⁷ — журнал и веб-сайт, создаваемый силами общественного телевидения *VPRO* и направленный на аккумуляцию видеосюжетов, снимаемых журналистами, режиссерами (молодыми и образованными, но не обязательно обремененными профессиональной институционализацией в данный момент⁸), о локальных и национальных практиках, обычаях и т. д. Во многом благодаря довольно интенсивным обращениям к мировому сообществу⁹, *Metropolis TV* сегодня работает с более чем 70 производителями контента со всего мира, которые выполняют главную функцию площадки: служат независимыми очевидцами «современности» как совокупности множества культур и повседневного опыта их носителей.

---

⁶ К слову, многие из них не переведены на языки международного общения, например, *InMedia Hong Kong* (<http://www.inmediahk.net>) и *Cenci Journalism Project* (<http://www.icenci.com>).

⁷ <http://www.metropolistv.nl/en>.

⁸ См.: <http://www.metropolistv.nl/en/content/join>.

⁹ См. разные технологии привлечения авторов в проект: профиль *VPRO Metropolis* в социальной сети *LinkedIn* (<https://www.linkedin.com/company/vpro-metropolis>); объявление «ВИОФУ и телевидение *VPRO* (Нидерланды) приглашает видеожурналистов» на ресурсе «Мы + мир вокруг нас» (проект творческого объединения ЮНПРЕСС при поддержке *Young People's Media Network* и Представительства Детского Фонда ООН (ЮНИСЕФ) в России): http://www.ynpres.ru/cgi-bin/news_we/viewnews.cgi?category=2&id=1203602904.

Таким образом, можно констатировать: калибровка интенций медиа-производителей осуществляется не без помощи аналитиков, предлагающих новые стратегии преодоления кризиса индустрии и борьбы с моральным устареванием представлений о границах профессионализма. В основе рекомендаций теоретиков лежит предложение обратить внимание на проявления гражданской рефлексии, возможности реализации которой, судя по популярности социальных медийных сервисов и количеству независимых проектов, построенных на их мощностях, в последние годы только растут. Именно пользователи, выражающие публично свои позиции и приглашаемые к их презентации как акторы, а не потребители, умножают сценарии развития, а не только выживания качественных медиа. Поскольку за ними стоит опыт множественной фиксации потенциально бесконечного количества событий и наблюдений, их привлечение гарантирует серьезное увеличение мощностей индустрии, а также, потенциально, наращивание представлений аудитории о социальной ответственности, внимательности, а значит, привлекательности медиа.

2

В российском контексте рекомендации по применению принципов *multiple journalism* кажутся не слишком своевременными, и не только в связи с ресурсоемкостью подобных проектов. Гегемония государственных агентов в вопросах управления редакционной политикой и организации повестки дня неизбежно трансформирует границы ответственности тех, кто производит контент [Струков, Зверева 2014]. Подобные стратегии управления медиа, которые созвучны общей тенденции ужесточения норм социальной и культурной регуляции, приводят к воспроизводству или интенсификации не экологичных и сложных в реализации принципов уважительного отношения к множеству мировоззрений, но к представлению клишированных и одобряемых позиций.

С точки зрения технологического сопровождения процесса производства смыслов опциональными становятся необходимые для «будущего медиа» владение инструментами инфотейнмента и аналитики больших данных, а также умение грамотно и аккуратно использовать триггеры аффективного или рефлексивного мышления реципиентов. Внимание к тем, кто сидит по ту сторону экрана, например в формате мониторинга запросов аудитории и попыток их удовлетворить, зачастую реализуется как популистские игры с социальными и культурными стереотипами либо вообще не воспринимается как залог валидности и результативности коммуникации. Так, в последние годы наблюдаемый отказ от этики производства множественного дискурса сопровождается почти повсеместной легитимацией идеи информационной войны. Демонстрируемый в федеральных СМИ нарратив о цивилизационном конфликте, язык описания которого схож с картографированием биполярного мира второй половины XX в., дополняется репрезентацией идеи континуального поиска врагов (внешних

и внутренних). При условии отсутствия фактической конкуренции в медиасреде следствием этих процессов становится повсеместное упрощение стратегий взаимодействия с аудиторией. Как поверхностный, так и внимательный анализ контента федерального значения¹⁰ или прецедентных выступлений лидеров мнения, политических функционеров¹¹ демонстрирует, что жесткая и менторская презентация «правильной» точки зрения для спикеров нередко оказывается предпочтительней уважения к способности реципиентов формировать собственные, зачастую «другие» суждения (о феномене способности к суждению см.: [Арендт 2014]).

При этом российские медиа трикстерски переосмысливают норму журналистики¹² как public good, т. е. общественного блага/товара, могущего существовать только в контексте диалога с обществом. Любой публично представляющий свою позицию спикер, претендующий на место в эфире, обязан быть с в и д е т е л е м, чтобы заслужить доверие аудитории, — в полном соответствии с нормами, предлагаемыми Кастельсом и его коллегами. Разница заключается в том, что в российских медиа, особенно за пределами пространства новых медиа, ценность партиципации не постулируется, а значит, спикером не может стать любой субъект, чье конституционное право — свобода самовыражения, а технологическое преимущество — возможность ее публичной репрезентации. Спикер в российских медиа должен обладать доказанным правом на публичность, статусом, наличие которого верифицирует физическую причастность к происходящему и позволяет фиксировать собственные и эксклюзивные в п е ч а т л е н и я как авторитетные и правдивые о ц е н к и. Так медиарепрезентация как артикуляция взгляда обретает в российском контексте презумпцию м о р а л ь н о г о с в и д е т е л ь с т в а с характеристиками, отличающими его от других форм самовыражения очевидцев, — оно наделено возможностью судить, выносить этические оценки. Место наблюдателей и очевидцев, фиксирующих в медиа драматически сталкивающиеся между собой взгляды на типичные или эксклюзивные события, происходящие в своем/чужом окружении и сообществе, занимают те, кто предпочитает давать показания.

Здесь стоит напомнить: феномен морального свидетельства в определенных исторических и социокультурных обстоятельствах, например в ситуации проработки травматического прошлого, необходим [Мороз, Суверина 2014: 59–74]. Массовое и публичное обсуждение пережитого, вынесение оценок, корректность которых оспаривается различными группами заинтересованных, может стать этапом общественного принятия проблем

---

¹⁰ См., например, любой выпуск программы «Вести недели с Дмитрием Киселевым».

¹¹ См., например, запись в Инстаграме Магомеда Даудова по следам заявления лидера Чечни о деятелях внесистемной оппозиции: https://www.instagram.com/p/VApvJo8tBVe/?taken-by=lord_095.

¹² В данном случае под «журналистикой» я понимаю то содержание термина, которое отсылает к эссе [Castells et al. 2012], а именно всю совокупность вариантов публичной медийной репрезентации верифицируемых позиций и прошедших фактчекинг данных.

прежней социальной жизни и ключом к «излечению» общества [Рождественская 2009]. Периоды пересмотра истории общества, политического опыта нации, культурных и социальных основ бытования человеческих коллективов, приходящие на смену массовым катастрофам, неизбежно вызывают к жизни конкурирующие голоса таких свидетелей.

Впрочем, если дискурсивная борьба за общественную мораль и благо осуществляется в ситуации нарастания тотальности дискриминационных практик, роль такого свидетеля сводится к закреплению конвенциональных форм назидательного нарратива. И вместо разногласия общество получает нарративную доминанту — как, о чем и в каких интонациях говорить. Диалог с гражданами превращается в нотацию, а общественным благом становится согласие — с оценками и позициями, упакованными в форму медийного «моралите». В такой ситуации отсутствия интереса/возможностей гражданской рефлексии медиа неизбежно устаревают, технологически и идейно. В свою очередь, производители контента возвращаются к знакомым ролям «культуртрегеров» или «трендсеттеров», чей функционал, безотносительно идеологических пристрастий, — привычное конструирование триумфа определенной эссенциальной «нормы» (антропологической, социальной, культурной) и последовательное преследование того, что в предлагаемых обстоятельствах может быть обозначено как «девиация».

Впрочем, было бы недальновидным заключить, что только государственные медиа играют с доверием граждан, апробируя все новые инструменты наращивания дисциплинирующих «эффектов реальности». СМИ, описываемые российскими аналитиками рынка как «либеральные», в не меньшей степени ответственны за производство эссенциальной моральной мифологии, устанавливающей совокупность норм желаемого и одобряемого общественного поведения и нивелирующей смысл и значение «других» попыток самоопределения, а соответственно, сообществ «других».

Так, в 2014 г. журналист Андрей Лошак представил на канале «Дождь» документальный сериал «Путешествие из Петербурга в Москву: особый путь» [Лошак 2014], построенный как включенное наблюдение за российской провинцией, осуществляемое посредством интертекстуального диалога с текстом «начальника таможни по должности и либерала по убеждениям» А. Н. Радищева. Ориентируясь на Радищева как «прозападного либерального человека, жившего в эпоху невероятного патриотического подъема», Лошак, по собственным словам, хотел снять фильм-парафраз книги, создание и демонстрация которого поможет понять современникам, «что происходит за пределами МКАД и <...> чем по-настоящему живет страна, <...> что люди думают на самом деле» [Путешествие 2014].

Технически эта цель оказалась реализована: используя книгу как маршрутную карту, Лошак с небольшой съемочной группой проделал путь от одного мегаполиса к другому. В пути команда останавливалась в тех же населенных пунктах, что и критик конца XVIII в.; режиссер и автор фильма

сам общался с местными жителями, задавая вопросы, как им живется и как они относятся к власти. Ответы современников сопровождались цитатами из размышлений Радищева и отбирались так, чтобы голоса из Прошлого и Настоящего звучали практически рефреном. При этом монтаж каждой серии был построен вокруг конкурентной репрезентации точек зрения интервьюируемых, когда мнения, свидетельства разных людей с нередко диаметрально противоположными гражданскими позициями составляли импровизированный диалог.

Социальные и гуманитарные интенции Лошака при таком построении контента довольно очевидны. С одной стороны, он до конца следовал за Радищевым в поисках коллективного «мы» нации, делая ставку на структурно похожие (с учетом технологических и антропологических изменений) способы общения с респондентами. С другой стороны, автор эпохи Просвещения, совершая свое «сентиментальное путешествие», не мог не описывать со снисходительным состраданием жизнь «русского народа», представляемого им как относительно гомогенное образование с четкими эссенциалистскими характеристиками. Лошак же предлагал говорить о «нации» в лице конкретных групп, живущих в конкретных территориальных ареалах и социокультурной обстановке, как о прецедентном фрагменте того единственного сообщества, чьи интересы близки каждому зрителю и чье существование в меняющемся мире зависит от лабильности инструментов его общественной настройки и конструирования (подробнее об этом см.: [Андерсон 2001]).

Впрочем, практическая реализация этой идеологии постулирует нормативность совершенно иных категорий. Во всех сериях зрители неоднократно сталкиваются с отчетливой маркировкой своеобычности вокабуляра персонажей фильма¹³, а также со скрупулезным следованием тексту первоисточника, которое лишено заметной иронии по отношению к господствующим в нем, скажем, либеральным, но имплицитно — имперским и снобистским интонациям. В результате вместо нарратива о множественных и конструктивистски осмысляемых основаниях феномена «русской нации», который мог бы стать аналогом уже упоминавшихся выше свидетельств об уникальном локальном опыте, фильм выглядит как бесконечная аргументативная и метафорическая манифестация природы сообщества — «русского народа». Впрочем, подобный эссенциализм хорошо согласуется с ключевой интенцией Лошака: показать «нам», зрителям телеканала «Дождь», как живут «они», остальная Россия, которую «мы» себе не представляем.

В результате фильм повторяет судьбу многих медийных проектов, далеких от современных норм ответственного производства контента. Он превращается в вариант авторитетного, если не авторитарного м о р а л ь н о г о

---

¹³ Например, ср. реплики в первых трех сериях фильма: «В этой жизни к лучшему мы не идем», «Сейчас происходит русский геноцид», «Кончился народ весь» и т. д.

высказывания, которое, как свидетельствуют уже упоминавшийся Мануэль Кастельс и прочие аналитики медиа, несомненно маркирует его как архаичное для современной медиасреды высказывание. Так, герои фильма Лошака, имевшие все возможности заявить о себе как об ответственных спикерах, не оказываются свидетелями, которые могут рассказать что-то особенное, неожиданное о способах понимания или воображения коллективного «мы». Будучи застигнутыми врасплох вопросами от журналиста, не скрывающего своего отношения к власти, они чаще публично озвучивают социально приемлемые мнения, стереотипы и клише о себе как носителях традиционных характеристик «народа». Не имея прежде опыта публичной демонстрации собственного мнения и примеров уважения к такой свободной артикуляции, они не желают нести ответственность за самостоятельность высказываний.

В то же время автор фильма, выступающий как третейский судья в споре «либералов» и «традиционалистов», реализует в данном случае собственные авторские амбиции. Транслируемый им эссенциализм в определении российского «мы» как противостояния «народа», этой квинтэссенции «правильного» сообщества в России, и страты, к которой принадлежит сам Лошак и представители которой «оторваны от того, что происходит в России», попадает в ожидания либеральной аудитории канала «Дождь» как адекватная индикация опыта (само)определения «своих» и «чужих». Последовательное изложение такого взгляда предлагает зрителю своеобразную индульгенцию: то, что демонстрируется как коллективная идентичность «россиян», не может быть признано синонимичным собственным социальным переживаниям понятием. Поэтому единственной релевантной дефиницией российского коллективного «мы» в этой оптике выступает совокупность лубочных картинок: разрушенных православных церквей, умирающих депрессивных деревень и богатых загородных резиденций Сталина и Путина, расположенных как будто специально рядом. В этом чувствуется привкус противостояния метафор «двух России», чуть ли не «города» и «деревни», что несомненно отсылает к архаичным стратегиям артикуляции проблем социальной, культурной и национальной идентичности.

В максимально общем виде проблемой такой экспликации опыта доминирующего сообщества и имплицитно сопровождающей его репрезентации «других» становится опора на стереотипы, а значит, клишированность и дискриминационность нарратива, созвучная, пусть только интонационно, мерам государственной регуляции. Получается, какому бы медиаисточнику ни принадлежало право морального свидетельства, итоговые сентенции в российском сегменте медиарынка в любом случае далеки от уважения «другого» мнения и базируются не на уверенности в перспективах соучастия, например в актах репрезентации окружающей действительности, но на необходимости трансляции и закрепления единственно верной совокупности суждений.

* * *

Определенный модус российских медиа, существующих в ситуации государственного прессинга и необходимости борьбы за любое свободное высказывание, влияет на интонации публичных высказываний. Довольно часто, будучи антипропагандистскими, эти сообщения пролонгируют знакомую логику отношения к обществу как материалу для реализации собственных властных интенций и амбиций. Такая, нередко имплицитная, оптика порождает невозможность опыта осмысления сообщества, в котором и для которого существуют медиа: выстраиваемая снобистская дистанция, конструирование граждан как воспринимающих «других», при этом наделенных примордиальными характеристиками, мешает принять и осмыслить их опыт как собственный. В результате (независимые) российские медиа, как отметил недавно Леонид Парфенов, вырождаются в коммуникацию по принципу «сами написали, сами почитали» [Парфенов 2015]. Моральное свидетельство любого представителя медиаиндустрии становится элементом дискриминационной практики: сообщество зрителей, которое в логике современной дигитальной и партиципаторной культуры должно восприниматься как компаньон в играх по производству мнений и смыслов, до сих пор остается непризнаваемым в качестве самостоятельного агента. А отсутствие интуитивного уважения к реципиентам приводит к редукции техник самостоятельной рефлексивной реакции на медиасообщения, к интенсификации стремления потреблять, а не вступать в диалог, и слушать, а не быть услышанными.

Литература

- Андерсон 2001 — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.
- Арендт 2014 — *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.
- Асекритова, Белодедова 2012 — *Асекритова Е., Белодедова М.* «Хватит бояться перемен» // Slon.ru. 2012, 11 июля. URL: <https://slon.ru/calendar/event/810097>.
- Кто выигрывает 2015 — Кто выигрывает в информационной войне? // Коммерсант.ru. 2015, 24 авг. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2795112>.
- Кукагас 2011 — *Кукагас Ч.* Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011.
- Лошак 2014 — Путешествие из Петербурга в Москву: особый путь: [Док. фильм в 6 сериях] / Автор фильма А. Лошак. 2014 // Дождь. URL: https://tvrain.ru/teleshov/puteshestvie_iz_peterburga_v_moskvu_osobyj_put.
- Мороз, Суверина 2014 — *Мороз О., Суверина Е.* Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. № 125. 2014. С. 59–74.
- Парфенов 2015 — «Журналистика никому не нужна». К 30-летию гласности в России. Речь Леонида Парфенова // Meduza. 2015, 17 марта. URL: <https://meduza.io/feature/2015/03/17/zhurnalistika-nikomu-ne-nuzhna>.

- Путешествие 2014 — Путешествие из Петербурга в Москву // Эхо Москвы. 2014, 17 дек. URL: <http://echo.msk.ru/programs/svoi-glaza/1456180-echo>.
- Рождественская 2009 — *Рождественская Е.* Словами и телом: травма, нарратив, биография // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. С. 108–133.
- Струков, Зверева 2014 — От центрального к цифровому: телевидение в России / Под ред. В. В. Струкова и В. В. Зверевой. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2014.
- Эрнст 2011 — [Эрнст К.] «Когда говорят, что телевидение убьет интернет, это глупость» // Коммерсант.ru. 2011, 13 окт. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1793394>.
- Alejandro 2010 — *Alejandro J.* Journalism in the age of social media: Fellowship paper / Reuters Institute for the Study of Journalism; Oxford University. 2010. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Journalism%20in%20the%20Age%20of%20Social%20Media.pdf>.
- Castells et al. 2012 — *Haak B. van der, Parks M., Castells M.* The Future of Journalism: Networked Journalism // International Journal of Communication. Vol. 6. 2012. URL: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/1750/832>.
- Delwiche, Henderson 2012 — The participatory cultures handbook / Ed. by A. Delwiche, J. J. Henderson. New York: Routledge Press, 2012.
- Horrocks 2008 — *Horrocks P.* Value of citizen journalism // BBC. 2008, January 7. URL: http://www.bbc.co.uk/blogs/theeditors/2008/01/value_of_citizen_journalism.html.
- Jenkins et al. 2009 — *Jenkins H., Purushotma R., Weigel M., Clinton K., Robison A. J.* Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.
- Leadbeater, Miller 2004 — *Leadbeater Ch., Miller P.* The Pro-Am revolution. How enthusiasts are changing our economy and society. London: Demos, 2004.
- Mateo et al. 2010 — *Mateo R. de, Bergés L., Garnatxe A.* Crisis, what crisis? The media: Business and journalism in times of crisis // Journal for Global Sustainable Information Society. Vol. 8. No. 2. 2010. P. 251–254.
- Media 2008 — Media industry in crisis as standards decline: Davies // ABC. 2008, August 27. URL: <http://www.abc.net.au/7.30/content/2008/s2348362.htm>.
- Media 2013 — Media industry in crisis for a long time: Wolff // Bloomberg Business. 2013, February 15. URL: <http://www.bloomberg.com/news/videos/b/a340b6b0-122f-4025-96de-3-e155177ec24>.
- Moroz 2015 — *Moroz O.* Hate speech hypocrisy // Digital Russia. [2015]. URL: <http://article.digital-russia.com/hypocrisy>.
- Potts 2014 — *Potts M.* What the New York Times innovation report says about the state (and future) of digital news // American Journalism Review. 2014, May 19. URL: <http://ajr.org/2014/05/19/new-york-times-innovation-report-digital-news>.
- Trappel et al. 2015 — European media in crisis: Values, risks and policies / Ed. by J. Trappel, J. Steemers, B. Thomass B. London: Routledge Press, 2015.

CONTEMPORARY MEDIA AS WITNESS: THE RUSSIAN EXPERIENCE OF A COMMUNITY'S (SELF)DESCRIPTION

Moroz, Oksana V.

PhD (Candidate of Science in Cultural Studies)

Associate Professor, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities

Russia, 125993, Moscow, Miusskaya sq. 6

Tel.: +7 (495) 250-68-27

Associate Professor, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (495) 433-25-62

Lecturer, The Moscow School of Social and Economic Sciences

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: + 7 (495) 434-72-82

Head, Independent Research Project "CultLook"

Website: cultlook.media

Email: oxanamol@gmail.com

Abstract. This article examines the specifics of the crisis in today's media, which is manifested as a general technological and ideological gap from the principles of participatory culture. After briefly considering the international experience of media corporations, the author pays special attention to recommendations from the field of Media Studies, which are concentrated on tuning managers' attitude towards the audience and on solving the relevant problems of the industry. As part of the study, the author analyses the case of the Russian media and concludes that multiplication of content production by involving Pro-Am witnesses does not work properly. The Russian media still operate on the basis of authoritarian and moral statements that stimulate the entrenchment of rigid principles of representation and problematisation of sociocultural realities and community practices, and downplay the value of civic reflection as part of an individual and collective culture of thought and life.

Keywords: media, participatory culture, multiple journalism, moral witness, community, essentialism.

References

- Alejandro, J. (2010). *Journalism in the age of social media: Fellowship paper*. Reuters Institute for the Study of Journalism; Oxford University. Retrieved from <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/Journalism%20in%20the%20Age%20of%20Social%20Media.pdf>.
- Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* (Transl. from: Anderson, B. (1991). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso). Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo Pole. (In Russian).
- Arendt, H. (2014). *Otvetstvennost' i suzhdenie* (Transl. from: Arendt, H. (2003). *Responsibility and judgment*. New York: Schocken Books). Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russian).
- Asekritova, E., Belodedova, M. (2012, July 11). "Khvatit boiat'sia peremen" [Enough being afraid of changes]. *Slon.ru*. Retrieved from <https://slon.ru/calendar/event/810097>. (In Russian).
- Delwiche, A., Henderson, J. J. (eds.) (2012). *The participatory cultures handbook*. New York: Routledge Press.
- [Ernst, K. (2011, October 13)]. "Kogda govoriat, chto televidenie ub'et internet, eto glupost'" [It is nonsense to say that TV would kill the Internet]. *Kommersant.ru*. Retrieved from <http://www.kommersant.ru/doc/1793394>. (In Russian).
- Haak, B. van der, Parks, M., Castells, M. (2012). The future of journalism: Networked journalism. *International Journal of Communication*, 6. Retrieved from <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/viewFile/1750/832>.
- Horrocks, P. (2008, January 7). Value of citizen journalism. *BBC*. Retrieved from http://www.bbc.co.uk/blogs/theeditors/2008/01/value_of_citizen_journalism.html.
- Jenkins, H., Purushotma, R., Weigel, M., Clinton, K., Robison, A. J. (2009). *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kto vyigryvaet v informatsionnoi voine? (2015, August 24) [Who wins the informational war?]. *Kommersant.ru*. Retrieved from <http://www.kommersant.ru/doc/2795112>. (In Russian).
- Kukatas, Ch. (2011). *Liberal'nyi arhipelag. Teoriia raznoobraziia i svobody* [The liberal archipelago: A theory of diversity and freedom]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Leadbeater, Ch., Miller, P. (2004). *The Pro-Am revolution. How enthusiasts are changing our economy and society*. London: Demos.
- Loshak, A. (2014). Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: osobyi put' [Journey from Petersburg to Moscow: A particular way: documentary in 6 series]. *Dozhd'* [Rain]. Retrieved from https://tvrain.ru/teleshov/puteshestvie_iz_peterburga_v_moskvu_osobyj_put. (In Russian).
- Mateo, R. de, Bergés, L., Garnatxe, A. (2010). Crisis, what crisis? The media: Business and journalism in times of crisis. *Journal for Global Sustainable Information Society*, 8(2), 251–254.
- [Media (2008, August 27)] — Media industry in crisis as standards decline: Davies. *ABC*. Retrieved from <http://www.abc.net.au/7.30/content/2008/s2348362.htm>.
- [Media (2013, February 15)] — Media industry in crisis for a long time: Wolff. *Bloomberg Business*. Retrieved from <http://www.bloomberg.com/news/videos/b/a340b6b0-122f-4025-96de-3e155177ec24>.

- Moroz, O. (2015). Hate speech hypocrisy. *Digital Russia*. Retrieved from <http://article.digital-russia.com/hypocrisy>.
- Moroz, O., Suverina, E. (2014). Trauma studies: istoriia, reprezentatsiia, svidetel' [Trauma studies: History, representation, witness]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 125, 59–74. (In Russian).
- [Parfenov, L. (2015, March 17)]. “Zhurnalistska nikomu ne nuzhna”. K 30-letiiu glasnosti v Rossii. Rech' Leonida Parfenova [“Nobody needs journalism”. On the 30th anniversary of glasnost in Russia. Leonid Parfenov's speech]. *Meduza* [Medusa]. Retrieved from <https://meduza.io/feature/2015/03/17/zhurnalistska-nikomu-ne-nuzhna>. (In Russian).
- Potts, M. (2014, May 19). What the New York Times innovation report says about the state (and future) of digital news. *American Journalism Review*. Retrieved from <http://ajr.org/2014/05/19/new-york-times-innovation-report-digital-news>.
- [Puteshestvie (2014, December 12)] — Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [Journey from Petersburg to Moscow]. *Ekho Moskvy* [Echo of Moscow]. Retrieved from <http://echo.msk.ru/programs/svoi-glaza/1456180-echo>. (In Russian).
- Rozhdestvenskaia, E. (2009). Slovami i telom: travma, narrativ, biografia [In words and body: trauma, narrative, biography]. In E. Trubina, S. Oushakine (eds.) *Travma: punkty* [Trauma: the points], 108–133. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Strukov, V. V., Zvereva, V. V. (eds.) (2014). *Ot tsentral'nogo k tsifrovomu: televidenie v Rossii* [From the central to the digital: Television in Russia]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
- Trappel, J., Steemers, J., Thomass, B. (eds.) (2015). *European media in crisis: Values, risks and policies*. London: Routledge Press.

MOROZ, O. V. (2016). CONTEMPORARY MEDIA AS WITNESS: THE RUSSIAN EXPERIENCE OF A COMMUNITY'S (SELF)DESCRIPTION. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 139–153

Орлова Галина Анатольевна
кандидат психологических наук
доцент, Академия психологии
и педагогики, Южный федеральный ун-т
Россия, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 103
Тел.: +7 (863) 230-32-47

доцент, Департамент медиа и коммуникации,
Европейский гуманитарный университет
Литва, LT-01114, Вильнюс, Тауро, 12
Тел.: +370 5 274 0622

старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: galina.orlova@ehu.lt

СОБИРАЯ ПРОЕКТ

От составителя раздела¹

Аннотация. В комментарии к разделу его составитель поясняет гибридное устройство Обнинского проекта, обнаруживая в совмещении классических техник полевого исследования и цифровой гуманитаристики новые возможности для производства знания в дигитальную эпоху.

Ключевые слова: Обнинский проект, проект-сборка, ядерные исследования, история и антропология большой науки и техники в СССР, качественные исследования, цифровая гуманитаристика

О б Обнинском проекте — как о витгенштейновском семействе языковых игр или постсовременном «я» — имеет смысл говорить во множественном числе. Это — серия полевых и цифро-

---

¹ Раздел подготовлен в рамках цикла проектов, реализуемых на базе Центра гуманитарных исследований, а затем — Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС под общим руководством Андрея Зорина: «Научно-техническая интеллигенция в историко-культурной перспективе, формирование среды, мировоззрения и трудовой этики» (2012 г.), «Идеология и практика технологического прорыва: люди и институции» (2013), «Оцифрованная наука: создание гуманитариями открытых исследовательских баз данных» (2014) и «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (2015).

вых исследований², реализуемых в 2012–2015 гг. в пространстве между «городом мирного атома» и интерактивными электронными средами междисциплинарной командой под общим руководством Андрея Зорина.

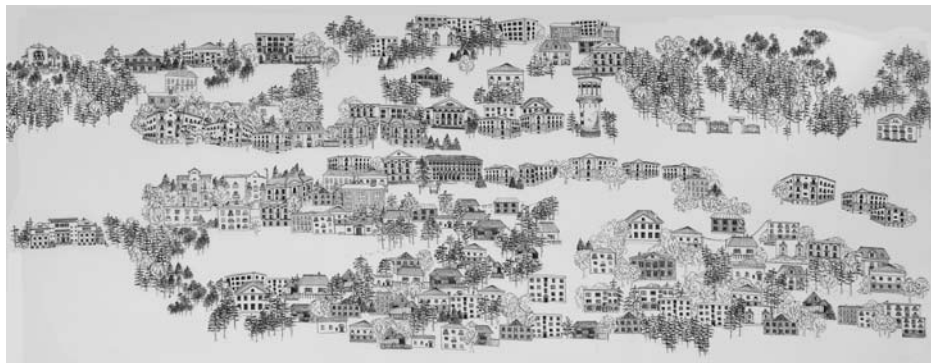
Собирая Обнинский проект. В процессе подготовки исследовательской выставки «Критическая сборка: люди и атомы» (Минск, Галерея «У», 2015 г.).
Фото Натальи Ненаркомовой (из архива Обнинского проекта)

Обнинский проект — это попытка посмотреть на советских научно-технических работников, занятых в крупных поисковых и прикладных программах, как на «дворянство» ядерного века, последнюю элиту импе-

---

² Анн Бардик, Джоанна Дракер, Тод Преснер и их соавторы по одному из лучших руководств для цифровых гуманитариев предлагают рассматривать проект как способ организации исследования в качестве единицы digital humanities — поля, столь очевидно ориентированного на результативное соотношение рефлексии и инструментального действия. Они отмечают двойственный статус проекта — его способность быть одновременно существительным и глаголом, объектом и действием. Подчеркивают значимость особой темпоральности, поскольку проект всегда в настоящем оперирует будущим, создает ощущение присутствия и продвижения того, чего еще нет. В проекте всегда есть место для проектирования — рациональных операций с воображаемым — и координации повторяющихся процессов. Цифровые проекты часто становятся пространством экспериментов и редко реализуются в одиночку. И уж совсем немислимы без объединения усилий людей разных профессий и дисциплинарных профилей [Burdick et al. 2012: 124]. Обнинский [цифровой] проект — не исключение.

рии (Андрей Зорин, Тимур Атнашев). Это — интерес к рассказанному опыту жизни и деятельности в большой советской науке и технике тех поколений ученых и инженеров, что обеспечили серию технологических прорывов в 1950–1960-е годы (Зинаида Васильева, Роман Хандожко). Это — долгосрочная кураторская работа по подготовке к размещению в открытом доступе уникального архива биографических, глубинных, лейтмотивных интервью с сотрудниками обнинских НИИ и с жителями города (Александра Касаткина, Евгений Проненко, Александра Иванова, Юлия Градович), корпуса обнинских газет (Анна Шевченко, Олег Елдинов, Елена Абрамова), фотографий (Илья Капустюк, Екатерина Головатова, Алина Ким, Элла Чепрасова). Это — разработка единой цифровой среды, где качественные полевые данные можно хранить, анализировать и представлять широкой аудитории, реализуя, таким образом, концепцию открытой виртуальной лаборатории (Ольга Шиф). Это — создание уникального программного обеспечения под задачи исследования (Павел Колесников).

В поисках рисованной карты Обнинска. Рисунок Александры Емельянович (фрагмент). 2015 г. (из архива Обнинского проекта)

Это — сотворение графических интерфейсов для сайта (Екатерина Сотникова), рисованной интерактивной карты Обнинска (Александра Емельянович) и звукового ландшафта проекта (Андрей Возьянов). Это — рефлексия по поводу того, как изменяются производство гуманитарного знания в целом и полевое исследование в частности под натиском цифровых технологий (Александра Касаткина). Это — широкий интерес к рефлексивному крылу цифровой гуманитаристики и социальной информатики (Егор Шевелёв); интерес, который находит продолжение в организации Цифровых коллоквиумов, задуманных нами в качестве междисциплинарной площадки для обсуждения и представления исследований, имеющих выраженное дигитальное расширение. Это — подготовка и проведение исследовательской выставки «Критическая сборка: люди и атомы» (Минск, Галерея «У», апрель 2015 г., кураторы Галина Орлова, Наталья Ненарокова), задуманной в ка-

честве эксперимента с экспонированием обнинских качественных данных. Важно, что это — совместные, долгосрочные, распределенные в цифровых средах усилия, ожидания и находки десятков людей — транскриберов и кураторов, операторов авторизации и дизайнеров, программистов и кодировщиков.

Это очень разные траектории участия. В реализации проекта в качестве приглашенных исследователей участвуют Карамзинские стипендиаты, подерживаемые Фондом Михаила Прохорова, и практиканты ростовского колледжа информатики. Кто-то включается на несколько дней, а кто-то живет в проекте годами. Кто-то навсегда уходит из нашего поля и виртуальной лаборатории, а кто-то регулярно туда возвращается. Кто-то имеет в проекте узкую специализацию, но довольно часто в решении разноплановых задач участвуют одни и те же люди. Так, студенческие сотрудники проекта одновременно сканируют подшивки обнинских газет, участвуют в кодировании этого электронного архива и, осмысляя проделанную работу, пишут аналитический текст о специфике и невидимости цифрового труда в науке (Анна Шевченко, Олег Елдинов). Куратор авторизации Обнинского проекта (Александра Касаткина), не покидая поля, из перспективы этнографии сотрудничества проблематизирует происходящее там и анализирует практику интерперсонального выращивания знания в наших коллективных блогах, размещаемых на коммуникативной платформе проекта. Галина Орлова, координируя реализацию Обнинского проекта на цифровой стадии, готовит техническое задание на разработку программного обеспечения, предназначенного для динамической визуализации коммуникативных вкладов в расшифровке интервью в процессе согласования. А затем использует наработки программистов, сделанные на основе этого задания, для усиления качественной аналитики и реинтерпретации транскрипта.

Но дело даже не в том, что основные сотрудники Обнинского проекта оказываются «номадами», перемещающимися между разными областями и практиками производства знания. А в том, что сами границы теории и «работы сканером», качественной аналитики и программирования³, эмпирического исследования и цифровой гуманитаристики в опыте основных участников проекта становятся проницаемыми. Совмещение профилей деятельности, которые в додигитальной гуманитаристике можно было бы считать несочетаемыми, придает нашему интеллектуальному предприятию многослойность продуктов Photoshop, позволяет нам выходить за пределы привычных шаблонов, решать принципиально новые задачи и отрабатывать на базе обнинских исследований способы делать науку уже не ядерного, но цифрового века.

---

³ Мэтью Фуллер, один из интеллектуальных лидеров динамично развивающегося поля Software Studies, где умение «кодить» (т. е. писать программу на одном из языков программирования) встречается с высокой — например, постструктуралистской — теорией, провокативно утверждает, что в новых обстоятельствах заниматься аналитикой значит программировать и создавать программное обеспечение [Fuller 2003].

Карта проекта

Работа внутри Обнинского проекта ведется в четырех основных направлениях. Мы проводим качественное полевое исследование; создаем единую цифровую среду для сетевого хранения, экспонирования и обработки корпуса обнинских данных; вносим дигитальные поправки в методологию качественного исследования и, наконец, практикуем цифровые студии, в рамках которых изучаем новообразования электронной эпохи (от баз данных и платформ до курирования и краудсорсинга, интерфэйсов и визуализаций), трансформирующих качество и количество социогуманитарного знания.

Сайт Обнинского проекта. Фрагмент интерфейса заглушки. Тематический фильтр «Город институтов». Эскиз. Дизайн Екатерины Сотниковой. 2016 г. (из архива Обнинского проекта)

Тематическая сортировка материалов и отдельных сюжетов проекта осуществляется в соответствии с четырьмя базовыми профилями, позволяющими содержательно организовывать и упорядочивать обнинские данные на метауровне. Нас интересуют советские ИТР-овцы и специфика их рассказанного опыта. Мы пытаемся разобраться в затейливом устройстве большой/атомной науки. Ищем, документируем и наносим на реальные и воображаемые карты следы города институтов/города мирного атома. Из локальной — обнинской — перспективы мы проблематизируем поздний социализм и способы работы с ним.

Постоянно пополняющийся электронный архив проекта сейчас включает: а) 295 интервью с научно-техническими работниками обнинских НИИ и жителями города (продолжительность аудиозаписи порядка 500 часов, объем расшифровок — более восьми тысяч страниц, 151 информант); б) электронный архив городской газеты «Вперед» за 1957–1992 гг., созданный и обработанный сотрудниками проекта (а это более 20 тысяч файлов в формате *.jpg); в) более семи тысяч фотографий из частных архивов; г) документы из частных архивов; д) любительскую кинохронику.

Наше представление о результатах многолетней работы — коллективная монография, подготовка которой переходит в заключительную стадию, плюс открытая исследовательская платформа, поддерживающая полный цикл качественного исследования большой советской науки, — отражает устройство проекта и способы его реализации между полем и «цифрой». В этой же логике выдержана структура данного раздела.

С ядерных полей

Статья Романа Хандожко — историка, интервьюера и приглашенного исследователя первого обнинского «призыва» — представляет полевую часть наших исследований. Она посвящена локальной специфике партийной жизни в советском городе особого назначения. Автор затрагивает важные для проекта сюжеты — экстерриториальное существование ядерных объектов и небюрократические (прямые) механизмы управления ими, кадровую политику Первого главного управления и Министерства среднего машиностроения, институциональную динамику нормализации ядерной отрасли и нейтрализацию ее агентов на местах, поколенческое своеобразие обнинских ученых, характерные формы их клубной самоорганизации и политического участия в эпоху позднего социализма и т. д.

О том, сколь органично исследование партийной жизни вписывается в многоголосие проектных разработок и в то же время воплощает в себе это многообразие, позволяет судить хроника конференции «Локальные политики большой науки: человек и социальные порядки производства знания в позднем СССР», публикуемая нами с коллегами в этом же номере журнала «Шаги/Steps». Конференция была организована в 2013 г. для подведения промежуточных итогов работы в Обнинске. С тех пор темы заметно умножились, а аналитические ракурсы — усложнились. Сегодня мы говорим и пишем о неудачах в сборке советского ядерного кластера и о стройке в атомном городе, о праве научно-технических работников на город и об экологическом движении технической интеллигенции, о дискурсивном дозировании радиационных рисков и ядерном туризме, об экзотизации режимности и ее производстве прямо по ходу интервью, об активной жизненной позиции первых поколений обнинских НТР-овцев и о цифровых активистах обнинской памяти, о втором атомном проекте и дипломатической физике.

За годы реализации нашего проекта ядерные исследования оформились в хорошо заметную и динамично развивающуюся область междисциплинарной кооперации. На материале советской ядерной отрасли были опубликованы монографии [Brown 2013; Schmid 2015], ставшие заметными интеллектуальными событиями не только в истории советской науки и техники, но и в истории России XX в. в целом. О том, почему ядерная рамка оказалась столь эвристичной для работы с советским материалом, надо размышлять и писать отдельно. Пока же отметим, что предельность и амбиции больших проектов, исключительная концентрация сил и ресурсов, дух поисковой науки и стагнация крупных научно-технических программ, сращивание с властью и утопический драйв, планетарный масштаб рисков и мертвая спайка с техносocиальным воображением эпохи без труда позволяют атому стать зеркалом эпохи позднего социализма.

На этом фоне обнинские штудии выглядят конкурентоспособно. Их сильные стороны — нешуточная концентрация полевого материала, плотный контакт с информантами, обеспечивающий перекрестную триангуляцию, обреченность (в связи с подготовкой открытого электронного архива) на все новые и новые возвращения в поле и особое качество самого объекта, каким при ближайшем рассмотрении оказался ядерный наукоград Обнинск.

Сотрудники Лаборатории «В» на главной улице Обнинска. Июль 1957 г. (месяц, в который поселок физиков стал городом Обнинском).
Фото В. А. Соловьева (из личного архива автора, передано в Обнинский проект)

В статье Романа Хандожко очерчивается контур этой уникальности. Город начинался с секретного ядерного Объекта «В», обустроенного для немецких специалистов — с надписями на немецком языке и теннисными кортами. Со временем он стал площадкой для строительства инженерного спецсооружения, исключительного по своему пропагандистскому значению, — Первой в мире АЭС. За пределами СССР первой ее не считали и не считают. Станция была открыта для посещения иностранными делегациями и быстро превратилась в витрину советского мирного атома. Это произошло, когда рядом с поселком физиков еще находились два гулаговских лагеря. Через два года поселок стал городом, в котором за пятнадцать лет обосновалась дюжина институтов разного отраслевого подчинения, так или иначе связанных с атомной промышленностью — от ядерной физики и медицинской радиологии до сельхозрадиологии и сейсмологии, регистрирующей не только природные землетрясения, но и подземные взрывы. Обнинск остался в памяти об «оттепели» первым КВНом и сборником «Физики шутят». А в памяти о конце прекрасной эпохи — разгоном теоретического отдела главного физического института. В институтах города — как было написано в научно-популярных и краеведческих книжках — разрабатывались реакторы нового поколения, обещающие в светлом будущем замыкание ядерного цикла, и энергетические установки для космических аппаратов, там рождалась советская радиомедицина и налаживался выпуск изотопов, отрабатывались процедуры радиационного мониторинга и создавались новые материалы, готовились продовольственные программы на случай ядерной войны и изготавливалась обшивка для орбитального корабля «Буран» — одной из эмблем позднего СССР.

Со временем понимаешь: Обнинск в чем-то интереснее ядерных ЗАТО и новосибирского Академгородка вместе взятых, поскольку концентрировал в себе их черты и одновременно переопределял их в процессе гибридизации. Подобно Арзамасу-16 и Челябинску-70, Обнинск стягивал к себе интеллектуальные ресурсы, работающие на Средмаш, и под покровительством Средмаша находился. Но при этом с момента превращения из закрытого поселка в открытый город был проницаемой (для исследователей и ядерных туристов из капиталистических стран в том числе) мембраной. Подобно Академгородку, он был анклавом, обеспечивающим территориальное перераспределение научных ресурсов. Но Академия наук не играла решающего значения в управлении ими: на территории города находились институты, подчиненные Министерству среднего машиностроения, Госкомгидромету, Министерству здравоохранения, Министерству химической промышленности, Министерству авиационной промышленности и т. д. Словом, Обнинск по праву своего устройства, происхождения, бытования оказался сложным объектом, не вписывающимся в принятые схемы работы с «советским», «ведомственным», «эпохальным». Он попросту выводит эти схемы из игры как недееспособные. Не будет преувеличением сказать, что Обнинск для исследователя советской цивилизации — а мы в проекте

через одного такие — становится медиумом особого рода, ресурсом и инструментом для перезагрузки знания об СССР 1950–1980-х годов.

Роман Хандожко в своей статье предпринимает попытку осуществить эту перезагрузку в отношении до боли знакомого сюжета — взаимоотношения/противостояния интеллигенции и власти в (советской) России. Конечно, для этого нужен Делёз. Но и Обнинск — тоже.

В тени цифрового бессознательного

Конференция, хронику которой мы публикуем в этом номере, оказалась важной для нас вехой. Лето 2013 г. — это последние месяцы существования Обнинского проекта в додигитальном качестве, т. е. без расщепления на «поле» и «цифру». Это не значит, что на тот момент мы не пользовались цифровыми диктофонами и фотоаппаратами, не вели полевые дневники с использованием графического редактора или же не обменивались мыслями и ссылками на коммуникативной платформе Basecamp. Все это было. Но, подобно мольеровскому герою, участники проекта понятия не имели, что говорят прозой, а исследовательскую работу ведут в цифровых средах посредством информационных технологий. С обращения внимания на цифровые обстоятельства современной научной работы и проблематизации структурирующего воздействия дигитальности на процедуры исследования и способы представления результатов — т. е. с открытия цифрового бессознательного — нередко начинаются хорошие книги о цифровой гуманитаристике и электронной научной работе [Borgman 2007; Burdick et al. 2012].

Наш путь к «цифре» пролегал не через инструменты и среды, а через данные. Дизайн Обнинского проекта изначально был разработан с учетом открытого архива интервью. По замыслу отцов-основателей создание этого ресурса было делом сугубо техническим и не очень хлопотным. И уж вовсе не предполагалось, что разработка базы данных для электронного архива как-то затронет ключевые сценарии полевого исследования, станет поводом для эпистемологических медитаций или сама превратится в предмет изучения. В логике воодушевляющего и по-прежнему свежего «Манифеста цифровых гуманитариев» [Schnapp, Presner 2011] летом 2013 г. мы поймали первую волну цифровой гуманитаристики, а потому смотрели на информационные технологии как на вспомогательное средство для презентации материалов исследования, к самому исследованию отношения не имеющее. Но постепенно пришло понимание того обстоятельства, что обнинские данные не освоить привычными качественному исследователю средствами. Во-первых, данных так много, что на коленке не проанализируешь. Во-вторых, данных так много, что открываются новые возможности, игнорировать которые нет сил. Граница между цифровыми технологиями и анализом качественных данных была пересмотрена самым кардинальным образом. Так мы попали во вторую волну цифровой гуманитаристики.

Т. Преснер и Дж. Шнапп пишут о ее соразмерности эпистемологии качественного исследования, ориентации на рефлексию и чувствительность к дигитализации знания, экспериментальном характере разработок.

К слову сказать, Б. Дикс и соавторы отмечают, что цифровые технологии безжалостно обнажают неполноту и непроработанность важнейших элементов доктрины и практики качественного исследования [Dicks et al. 2005]. На фоне «умных» цифровых хранилищ и исследовательских платформ тексты антропологов и социологов-качественников выглядят скудными и бедными, поскольку технически не позволяют представить эмпирический материал во всем его многообразии. А подбор прекрасных цитат при ближайшем рассмотрении оказывается чистой риторикой, если не эксплуатацией достоинств источника. Из этой перспективы цифровые технологии, открывающие доступ к неагрегированным данным, не уничтожают, а интенсифицируют качественное исследование.

За годы коллективной работы в Обнинске у нас сформировался полевой архив внушительных размеров. Интервью, газеты, фотографии нужно было не просто расшифровать, оцифровать, структурировать, но и освоить аналитически. Ведь мы никогда не мыслили себя только архивариусами собственного полевого корпуса. Пытаясь понять, как и кому работать с разрастающимися данными, мы сформулировали программу цифровой археологии, которую реализуем последние два года параллельно с работой в обнинском поле.

Если в оригинальном проекте, предложенном Мишелем Фуко в 1969 г., были представлены метод и аппарат для эмпирического анализа правил дискурсивного производства объектов и субъектов высказывания [Фуко 2012], то мы обратились к устройству цифрового профиля гуманитарного знания.

Два года назад мы сосредоточились на основных цифровых объектах — данных, базах и платформах, описываемых в их влиянии на производство знания. А в прошлом году команда Обнинского проекта работала с дигитальной субъективностью — вторым уровнем археологической матрицы («формациями высказываний»). Нас интересовало, кто именно — помимо компьютера — может занять и уже занимает позицию субъекта, способного осваивать большие массивы эмпирических данных, рассеянных по репозиториям? На этот вопрос можно ответить из двух перспектив. Во-первых, для того, чтобы справиться с множеством данных, не передавая качественные аналитические задачи компьютеру, необходимо объединение усилий цифровых исследователей с коллегами и волонтерами. Такое сотрудничество определяется сегодня как один из ключевых нетехнологических атрибутов цифровых гуманитарных наук [Hunter 2014]. Коллеги по цеху цифровой гуманитаристики отмечают, что представители гуманитарных наук в недигитальных средах без труда могут решать задачи в одиночку, а в дигитальных — вынуждены объединяться для работы в больших проектах [Warwick et al. 2008]. Во-вторых, чтобы справиться с открытием

исследовательских данных широкому кругу пользователей, качественные исследователи обречены на сотрудничество с информантами. Но все еще не очень к этому готовы.

Вторая статья раздела, в которой методология качественного исследования встречается с цифровой гуманитаристикой, написана ради концептуальной поддержки работы по осмыслению практики авторизации интервью в Обнинском проекте. Текст задумывался в качестве теоретического введения к статье, обобщающей наш опыт согласования транскриптов (ее в соавторстве готовят Александра Касаткина, Зинаида Васильева и Роман Хандожко). Но со временем зажил своей жизнью, в которой поле и «цифра» все так же неразрывно переплетены.

Литература

- Фуко 2012 — *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2012.
- Borgman 2007 — *Borgman Ch.* Scholarship in the digital age: Information, infrastructure and the Internet. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
- Brown 2013 — *Brown K.* Plutopia: Nuclear families, Atomic cities, and the great Soviet and American Plutonium disasters. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2013.
- Burdick et al. 2012 — *Burdick A., Drucker J., Lunenfeld P., Presner T., Schnapp J.* Digital humanities. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
- Dicks et al. 2005 — *Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P.* Qualitative research and hypermedia: Ethnography for the digital age. London: SAGE, 2005.
- Fuller 2003 — *Fuller M.* Behind the blip: Essays on the culture of software. London: Autonomedia, 2003.
- Hunter 2014 — *Hunter A.* Digital humanities as third culture // *MedieKultur*. Vol. 57. 2014. P. 18–33.
- Schmid 2015 — *Schmid S.* Producing power: The pre-Chernobyl history of the Soviet nuclear industry. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Schnapp, Presner 2011 — *Schnapp J., Presner T.* The Digital Humanities Manifesto 2.0. [2011]. URL: http://jeffreyschnapp.com/wp-content/uploads/2011/10/Manifesto_V2.pdf.
- Warwick et al. 2008 — *Warwick C., Galina I., Terras M., Huntington M., Pappa N.* The master builders: LAIRAH research on good practice in the construction of digital humanities projects // *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 23. No. 3. 2008. P. 383–396.

FOREWORD TO THE CLUSTER: ASSEMBLING THE PROJECT

Orlova, Galina A.

PhD (Candidate of Science in Psychology)
Associate Professor, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University
Russia, 344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya str., 103
Tel.: +7 (863) 230-32-47
Associate Professor, Department of Media and Communication, European Humanities University
Lithuania, LT-01114, Vilnius, Tauro str., 8.
Tel.: +370 5 274 0622
Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: galina.orlova@ehu.lt

Abstract: In the present commentary the compiler of the cluster explicates the hybrid design of the Obninsk project. Within the project's framework a combination of classical fieldwork techniques and digital humanities provides new options for knowledge production in the era of computation.

Keywords: Obninsk project, assemblage-project, nuclear studies, history and anthropology of Soviet big science and technology, qualitative studies, digital humanities and social computation

References

- Borgman, Ch. (2007) *Scholarship in the digital age: Information, infrastructure and the Internet*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Brown, K. (2013). *Plutopia: Nuclear families, atomic cities, and the great Soviet and American Plutonium disasters*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.
- Burdick, A., Drucker, J., Lunenfeld, P., Presner, T., Schnapp, J. (2012). *Digital humanities*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Dicks, B., Mason, B., Coffey, A., Atkinson, P. (2005). *Qualitative research and hypermedia: Ethnography for the digital age*. London: SAGE.
- Fuko, M. (2012). *Arkheologiiia znaniia* (Transl. by M. B. Rakova, A. Iu. Serebriannikova from: Foucault, M. (1969). *L'Archéologie du savoir*. Paris: Gallimard). St. Petersburg: Gumanitarnaia akademiia. (In Russian).
- Fuller, M. (2003). *Behind the blip: Essays on the culture of software*. London: Autonomedia.
- Hunter, A. (2014). Digital humanities as THIRD Culture. *MedieKultur*, 57, 18–33.
- Schmid, S. (2015). *Producing power: The pre-Chernobyl history of the Soviet nuclear industry*. Cambridge, MA: MIT Press.

Schnapp, J. Presner, T. (2011). *The Digital Humanities Manifesto 2.0*. Retrieved from http://jeffreyschnapp.com/wp-content/uploads/2011/10/Manifesto_V2.pdf.

Warwick, C., Galina, I., Terras, M., Huntington, M., Pappa, N. (2008). The master builders: LAIRAH research on good practice in the construction of digital humanities projects. *Literary and Linguistic Computing*, 23(3), 383–396.

ORLOVA, G. A. (2016). FOREWORD TO THE CLUSTER: ASSEMBLING THE PROJECT. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 154–166

Хандожко Роман Игоревич
кандидат исторических наук
научный сотрудник, Лаборатория
историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ro.khan.man@gmail.com

ТЕРРИТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНОМАЛИИ: ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОМ АТОМНОМ ГОРОДЕ 1950–1960-х ГОДОВ¹

Аннотация. Реализация советской ядерной программы предполагала концентрацию большого количества научно-технических специалистов в атомных городах, которые были территориально удалены и политически изолированы от «гражданских» административных центров. Управление ими осуществлялось в системе Первого главного управления, а затем Министерства среднего машиностроения, которые руководили атомными разработками в чрезвычайном режиме, опираясь на почти неограниченные ресурсы. Этот особый режим власти ослаблял позиции партийных инстанций в атомных центрах и затруднял осуществление идеологического контроля над научно-технической интеллигенцией. Предметом статьи стал город Обнинск Калужской области, возникший вокруг секретной Лаборатории «В». Автор рассматривает историю формирования местной организации КПСС, изолированной от областного руководства, в условиях атомной секретности. Эта замкнутость не была полностью преодолена и после «открытия» города в 1956 г., что проявлялось, в частности, в кадровом составе городского комитета КПСС. Наличие среди партийных начальников либерально настроенных выходцев из научной среды позволило активистам разных институтов создать в 1960-е годы единое город-

---

¹ Исследование проведено в рамках проектов ШАГИ «Научно-техническая интеллигенция в историко-культурной перспективе: формирование среды, мировоззрения и трудовой этики» (2012) и «Идеология и практика технологического прорыва: люди и институции» (2013) при поддержке Фонда Михаила Прохорова (программа «Карамзинские стипендии»).

ское публичное пространство, нацеленное на свободу самовыражения и дискуссии, используя, в том числе, партийные сети и ресурсы. Эта модель городского развития была разрушена в 1968 г. в результате изменения центрального курса и последовавшего переформатирования локального политического поля.

Ключевые слова: атомный проект СССР, атомные города, наукограды, научно-техническая интеллигенция, КПСС, партийный контроль, партийное членство, политпросвещение, инакомыслие, самодеятельность, социальные сети

В декабре 1968 г. в журнале «Коммунист» была опубликована статья, посвященная «партийной заботе о воспитании научно-технической интеллигенции». Критический взгляд автора был направлен на жизнь институтов одного из центров советского атомного проекта — г. Обнинска Калужской области. Ученые порицались за «политическую беспомощность», а газета «Вперед» — орган городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся — за публикацию идейно невыверенных очерков об их зарубежных поездках. Отдельного разбора удостоился физик Н. С. Работнов (не названный по имени), который в серии заметок о Дании с восторгом отзывался об ассортименте местных магазинов и об увлечениях членов королевской семьи. Ответственность за слабую организацию идеологической работы в городе науки возлагалась на городской комитет КПСС, который мало обсуждал вопросы идейно-политического воспитания интеллигенции [Свиридов 1968].

Эту публикацию в главном журнале страны можно рассматривать как публичную констатацию закрытия «оттепельного» проекта² в одном из научно-технических оазисов послевоенного СССР. Она стала финальным аккордом в серии событий, связанных с преследованием инакомыслия в среде обнинских ученых (физики обвинялись в чтении и распространении самиздата, а также в связях с нарождавшимся диссидентским движением). Вместе с тем факт столь резкого публичного окрика со стороны идеологов ЦК в сторону партийного комитета небольшого города позволяет поставить вопросы о способах приведения в действие машины КПСС в постсталинский период и о степени автономии ее низовых организаций, а также о специфических локальных порядках политической организации позднесоветской науки.

Сегодня «обнинская история» существует в виде россыпи автобиографических [Ставиский 2002; Троянов 2007; Медведев 2011–2015 и др.] и автоисторических [Краткий очерк 1982; Физико-энергетический институт

---

² Об «оттепельном» проекте см.: [Kozlov, Gilburd 2013; Михайлин 2015].

2006] нарративов, отдельных документальных публикаций [Лейпунский 2003; Гаврилова 2013] и подборок интервью [Гер 2015], а также первых аналитических интервенций [Орлова 2014]. Голоса участников событий, в основном звучащие в унисон в духе «оттепельной» мифологии, все еще доминируют в пространстве репрезентаций, оставляя в тени структурные факторы развития политического ландшафта молодого города. В этой статье я хочу показать, как специфика территориально-политической организации атомной науки повлияла на особенности и ограничения «партийной сборки» городской интеллигенции и как в результате детерриторизирующих и ретерриторизирующих смещений образовывалась поверхность сцепления и взаимного проникновения между официальными партийными институтами и неформальными группами ученых и инженеров.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари понимали под движениями детерриторизации и ретерриторизации процессы размывания и консолидации иерархических структур, в результате чередования которых происходит перепорядочивание разнородных пространств [Делёз, Гваттари 2010]. Одной из сфер применения этой теории могут быть политические пространства, где свободное экспериментирование чередуется с цензурой и репрессиями. Задействуя эти концепты, я хочу продемонстрировать, как сообщества обнинской интеллигенции включались в партийную сеть и пользовались ее ресурсами в собственных интересах, используя экстерриториальный характер атомного проекта и нестабильное состояние партийных инстанций внутри него, и как ретерриторизирующие движения «центра» вносили свои коррективы в это развитие.

Партийная робинзонада на атомном архипелаге

Генеалогия Обнинска как одного из центров советской ядерной науки определила неповторимый колорит местной партийной жизни. Точкой отсчета стал 1946 год, когда в удаленных друг от друга частях страны были созданы четыре «литерные» лаборатории, участвовавшие в реализации советского атомного проекта. Среди них была Лаборатория «В» на станции Обнинское в ста километрах от Москвы, где немецкие специалисты под руководством физика-ядерщика Гейнца Позе, а затем и их советские коллеги в условиях секретности работали над ускорителем частиц и проектировали разные типы ядерных реакторов.

В 1946–1947 гг. единые принципы политического управления на атомных предприятиях еще не были определены, однако уже тогда на ряде секретных объектов партийное руководство было организовано в форме политотделов. В соответствии с Уставом ВКП(б) 1934 г. политотделы могли создаваться ЦК в целях усиления большевистского руководства и политической работы на особо важных для народного хозяйства участках социалистического строительства. Политотделы были выведены из подчинения районных и областных комитетов КПСС, на территории которых они

фактически находились; руководство ими осуществлял непосредственно ЦК ВКП(б) через производственно-отраслевые отделы или специально организуемые политуправления и политсекторы [Программа и Устав 1937: 52–53].

С 1948 г. система политотделов становится нормой на предприятиях Первого главного управления (ПГУ)³. В атомоградах промышленного типа они появлялись, как правило, через полтора-два года после начала строительства предприятий, «когда число коммунистов позволило создавать первичные партийные организации в цехах» [Кузнецов 2008: 111]. На научных «объектах», где работников (и, соответственно, коммунистов) было значительно меньше⁴, своих политотделов долгое время не создавали. Тем не менее их партийные организации тоже включались в общую иерархию.

Лаборатория «В», вокруг которой впоследствии вырос г. Обнинск, до августа 1948 г. была в ведении МВД и с января 1948 г. состояла на учете в политотделе № 90 под номером 24 [Краткий очерк 1982: 27]. Затем в августе 1948 г. она была передана ПГУ при Совете министров СССР [Рябев 2003: 140–142]. С апреля 1950 г. ее перевели на партучет в партком ПГУ (он пользовался правами райкома г. Москвы) и присвоили номер 15 [Краткий очерк 1982: 42].

К сожалению, ограниченный доступ к первичным источникам вынуждает при реконструкции раннего этапа истории партийной организации Лаборатории «В» опираться на единственное издание, подготовленное группой сотрудников Физико-энергетического института для служебного пользования на основе архивных документов [Краткий очерк 1982]. В этой корпоративной биографии особый дизайн средмашевской экстерриториальности ранней поры окружен романтическим ореолом робинзонады:

Свою деятельность пришлось начинать в условиях «островной» жизни, другими словами, автономно от территориальных партийных комитетов, на территории которых находился институт. Партийно-политическое руководство партийной организацией Лаборатории «В» осуществлялось центральными партийно-политическими органами министерств, находившихся в Москве [Там же: 23–24].

---

³ Реализация атомной программы с 1945 г. велась под руководством Специального комитета при Государственном комитете обороны (с марта 1946 г. — при Совете министров СССР), которому подчинялось Первое главное управление при Совете народных комиссаров СССР (с марта 1946 г. — при Совете министров СССР). Председателем Спецкомитета был Л. П. Берия, начальником ПГУ — Б. Л. Ванников. Научные институты и лаборатории, занимавшиеся ядерными проектами, курировались также 9-м Управлением Министерства внутренних дел.

⁴ На первом партсобрании Объекта «В» 24 июня 1946 г. присутствовали 15 человек, в 1947 г. число коммунистов выросло до 41, а в 1950 г. в документах зафиксированы 65 членов и 7 кандидатов в члены КПСС [Краткий очерк 1982: 42].

Основной сюжет повествования о «детстве» партийной организации Лаборатории «В» — исключительность условий, в которых простое воспроизводство стандартных партийных практик было сопряжено с решением сложных задач по структурированию внутривластного поля. Проекцией этих условий стал образ партийцев как своеобразных внутренних колонизаторов, вынужденных насаждать культуру партийной жизни в чуждой им среде. Вырванные из плотной ткани партийной опеки, они как будто оказались в безвоздушном пространстве, сообщаясь с «Большой землей»⁵ лишь посредством ведомственной пуповины.

Обзоры выступлений на партсобраниях института, приведенные в «Кратком очерке», свидетельствуют о том, что партийная организация отнюдь не шла в авангарде производственной деятельности на «объекте». В основном партактив был озабочен тем, чтобы найти такие формы организации партийной жизни, которые не противоречили бы режимной специфике предприятия. Партия была вынуждена подстраиваться под особую конфигурацию режимных перегородок, что увеличивало свободу маневра для отдельных сотрудников и научных подразделений. Фактически сложился персоналистский режим управления, в осуществлении которого партийные практики коллективной ответственности не играли большой роли:

Существовавшая специфика работы требовала находить иные формы, чем в парторганизациях с территориально-производственным подчинением. Далеко не все коммунисты парторганизации и даже члены партбюро были посвящены в полном объеме со стоящими задачами перед институтом. Вопросы, затрагивающие ход выполнения научно-производственных работ, не могли выноситься на широкое обсуждение всего коллектива, всех коммунистов. Поэтому партбюро свою работу по мобилизации и организации коллектива осуществляло через отдельных членов партбюро или коммунистов-руководителей [Краткий очерк 1982: 45].

Подобные трудности были типичны для партийных структур атомных предприятий. Они были изолированы от партийной системы снаружи («о существовании таких объектов знал строго ограниченный состав партийных работников» [Кузнецов 2008: 110]), а внутри вместо коллективных форм контроля над трудовой деятельностью коммунистов партийным боссам приходилось опускаться на уровень индивидов и малых групп:

Допуск на промышленные площадки имели только начальники поллитотделов. Контроль за хозяйственной деятельностью администрации осуществлялся либо через партийные группы, создаваемые в

---

⁵ Такое обозначение для территорий за пределами огороженной зоны было в ходу у жителей закрытых городов [Мельникова 2006: 76]. Использовались и «космические» метафоры: «Мы живем здесь как на другой планете, нас законы и постановления общесоюзные не касаются» (из выступления на партийной конференции в г. Трехгорном) [Там же: 78].

сменах, бригадах, либо через отдельных коммунистов, которым давались персональные задания [Там же: 119].

Имея ограниченное влияние на основную производственную деятельность, партийные руководители уже с ранних этапов развития атомных «объектов» пытались компенсировать эту слабость идеологическим рвением. Получалось это не очень успешно:

В условиях жестких сроков, отведенных на строительство объектов, политотделам приходилось отстаивать свое право на проведение идеологической работы <...> При любой возможности и ослаблении внимания со стороны политотдела руководители подразделений старались вместо занятий форсировать запланированные производственные работы [Кузнецов 2008: 138].

В то время как в уральских закрытых поселках политотделы вместе с парторганами ЦК сразу заявили о себе как о локальных центрах власти, Лаборатория «В» включалась в состав других политотделов и парткомов дистанционно, что также затрудняло проникновение партийных практик на «объект». Научное руководство адаптировало партийные механизмы для решения собственных задач (например, для «создания общественного мнения» при продвижении отдельных направлений работы [Краткий очерк 1982: 172]), реализуя тем самым детерриториализующее движение в отношении заданных уставными документами и повседневной практикой структур низовой власти КПСС.

Ядерный оксюморон: эффект «вольницы» на сверхсекретном объекте

Институциональные режимы, ослаблявшие партийный контроль внутри научных учреждений атомного проекта, накладывались на специфическое отношение к ученым-ядерщикам как к особому стратегическому ресурсу. Для них в ведомстве Берии действовали особые нормы рекрутирования: профессионализм и научный авторитет стоили больше, чем политическая благонадежность. В результате в научных резервациях атомного архипелага оседали и даже делали карьеру люди с сомнительной с точки зрения гражданских властей биографией, позволявшие себе демонстрировать нелояльность к политической элите разных уровней⁶.

Люди, вошедшие в столкновение с системой, были и в высшем эшелоне обнинской науки. А. И. Лейпунский, работавший с 1949 г. заведующим отделом Лаборатории «В», а с 1959 г. — научным руководителем будущего Физико-энергетического института (ФЭИ), в 1937 г. был исключен из пар-

---

⁶ Так, своим политическим фрондерством был известен Л. Д. Ландау (Институт физических проблем, Москва), арестованный в 1938 г. и освобожденный после личных визитов П. Л. Капицы к Молотову и Сталину [Кулевиг 2009: 125].

тии «за притупление большевистской бдительности к отдельным научным работникам, которые были разоблачены как враги»⁷, арестован и два месяца провел в тюрьме. Он был восстановлен в партии уже в 1946 г. после повторной просьбы [Лейпунский 2003: Л. 25]. Заместитель директора Лаборатории «В» с 1956 г. В. Н. Глазанов, член ВКП(б) с 1920 г., который согласно официальной партийной характеристике «с 1936 по 1946 г. работал в должности начальника электротехнической лаборатории Норильского комбината» [Характеристика 1956], в действительности отбывал в эти годы срок по статье 58-8 — сначала на Соловках, потом в Норильске⁸ (что не помешало ему в 1943 г. защитить кандидатскую диссертацию). Среди известных ученых Института медицинской радиологии (ИМР) в свое время узниками ГУЛАГа были заведующие отделами Н. В. Тимофеев-Ресовский и Н. В. Лучник [Лучник 2002: 55–72]. В мемуарной литературе даже появился тезис о «контре со 101-го километра»; так, по свидетельству Т. Белановой, называла обитателей Обнинска (тогда Малоярославца-1) милиция Киевского вокзала Москвы, подозревавшая в них иностранных шпионов [Беланова 1996: 32].

Подобное идеологическое невмешательство (которое, разумеется, не было всеобщим) наследовало, с одной стороны, практике сотрудничества с «буржуазными специалистами» 1920–1930-х годов, а с другой — системе шарашек, в которых ученые и инженеры работали в относительно привилегированных по сравнению с основной массой заключенных условиях. Привилегия физиков-теоретиков свободно выражать политические пристрастия в рамках закрытых «клубов», по некоторым свидетельствам, сознательно лоббировалась чиновниками атомного ведомства в кабинетах ЦК как необходимое условие эффективности их труда [Адамский 1996: 34].

Сегодня, реконструируя начальный этап жизни «объекта» и говоря об особом духе раннего ФЭИ, обнинские информанты ссылаются на эффект «вольницы», вызванный изоляцией учреждений атомного проекта в партийной структуре:

В Обнинске была все же своеобразная ситуация, потому что организовывалась на базе ФЭИ, вернее лаборатории, причем секретной, которая курировалась КГБ тогдашней, поэтому партийного, так сказать, вначале-то, конечно, контроля партийного не было (NN, 2012b)⁹.

---

⁷ Формулировка из письма секретаря партколлегии при Харьковском обкоме и горкоме КП(б)У (1947 г.) [Лейпунский 2003: 25].

⁸ По одной версии, он был обвинен во вредительстве, по другой — в том, что неодобрительно отозвался об одном из членов Политбюро, по третьей — в связи с причастностью убийцы Кирова к Ленинградскому физико-техническому институту, где Глазанов тогда работал [Глазанов 1992]. Еще одна версия причины ареста — «за участие в “контрреволюционных сборищах”, подбор в институт “троцкистских кадров”» [Габрианович 2012: 109].

⁹ См. список информантов. За исключением NN, пожелавшего сохранить анонимность, все информанты значатся под их настоящими именами и фамилиями.

Мощное присутствие госбезопасности оказывается важным пунктом в современных объяснениях обнинского своеобразия, спровоцировавшего всплеск общественной активности середины 1960-х годов. Об этом говорит, в частности, физик и секретарь институтского партбюро В. В. Орлов:

... На самом деле тот пресс там политический, который в стране был, у нас его не было. Нас, по-видимому, товарищ Берия отгородил от этого. Да, вот, конечно, у нас тут... очень много было КГБ-шников, работало, и МВД-шников, лагерников, из лагерей пришедших, так — всё это было. Но этого давления такого не было. Из-за этого здесь произошли диссидентские все... [смеется] <...> Да, по-видимому, давления, от такой свободы, конечно... не было ни-ни политического давления, партийного в том числе... Ну, было спокойно... было у нас, я говорю, был режимный отдел, там он следил там за чем-то, но... Начальника его я помню, такой... КГБ-шник был... у него был Пётр Адамович Лысенков, который следил за тем, чтобы мы с книжками [усмехается]... начальник первого отдела нашего, тоже, тоже хороший человек (Орлов В. В., 2012).

Как и научные сотрудники, административные и партийные работники, попадавшие на службу на объекты атомного ведомства в 1940–1950-е годы, не всегда имели кристально чистую партийную биографию. Для начальника Объекта «В»¹⁰ в 1947–1950-е годы П. И. Захарова, некоторое время бывшего секретарем ЦК КП(б) Украины по строительству и строительным материалам, работа в Обнинске была явным понижением. Существует версия, что его карьере помешало расхождение во взглядах с Н. С. Хрущевым о путях восстановления Донбасса [Еремеев и др. 2004: 12]. То же касается его однокурсника по Запорожскому строительному университету, заместителя начальника Объекта «В», а затем замдиректора ФЭИ И. Т. Табулевича («ослушался Кагановича») [Там же: 13].

Но нельзя сказать, что такого рода сложные биографии — удел только старших поколений обнинских пионеров. У ряда общественно активных молодых сотрудников, появившихся в городе в конце 1950-х — начале 1960-х годов, были репрессированы родители (Нозик В. З., 2013), а один из наших информантов 1937 г. р. провел первые три года жизни в лагере вместе с матерью, арестованной как жена врага народа. Такие биографические детали сыграли свою роль в вовлечении обнинских «шестидесятников» в движение десталинизации, во многом определив их общественные и культурные ориентиры.

---

¹⁰ Объект «В» включал, помимо научного (Лаборатории «В»), также хозяйственные и строительные подразделения. На начальном этапе истории Обнинска именно начальник Объекта был центром местной политической власти.

Хрущевская ретерриторизация: между Калугой и Министерством

В 1956 г. институт политотделов на предприятиях атомной промышленности был упразднен решением ЦК КПСС, и структура местных партийных организаций была переформирована по территориально-производственному принципу [Кузнецов 2008: 145]. Поселок Лаборатории «В» был преобразован в город Обнинск, где в августе 1956 г. прошла городская партконференция, был избран состав комитета КПСС во главе с И. Г. Морозовым. Конференцию открыл первый секретарь Калужского обкома КПСС С. О. Постовалов [Краткий очерк 1982: 112]: с этого момента Обнинск подчинялся калужскому партийному руководству. Подобное развитие событий вполне соответствовало действующему Уставу КПСС, который предусматривал превращение политотделов в обычные партийные органы «по мере выполнения (...) ударных задач» [Программа и Устав 1937: 52–53]. Вслед за горкомом был избран и высший орган советской власти — Городской совет депутатов трудящихся.

Чрезвычайные методы управления на атомных объектах не соответствовали хрущевской идеократической модели, опиравшейся на «ленинские принципы» внутрипартийной демократии и коллективного руководства. В условиях демонтажа репрессивной машины и перераспределения реальной власти в пользу партийного аппарата сохранение изолированных анклавов с сомнительной лояльностью воспринималось как угроза партийной монополии. Особенно это стало очевидно после XX съезда КПСС, когда удержание контроля над массовыми эффектами десталинизации стало важной задачей партийной верхушки. В этой ситуации не была случайностью судьба Теплотехнической лаборатории, находившейся в двойном подчинении — Министерства среднего машиностроения и Академии наук СССР. Ее парторганизация после нескольких разбирательств была распущена «за «неправильное» обсуждение решений XX съезда», а часть сотрудников уволена [Доклад 2002: 288–290, 448–462; Орлов 2006: 103–107; Лурье, Малярова 2007: 182–196].

Преобразование местного управления имело и вполне прагматические основания. К этому моменту основные цели самого напряженного этапа атомного проекта были достигнуты, а населенные пункты разрослись настолько, что руководство «основных производств» стало испытывать трудности с организацией городской инфраструктуры. В то же время у реформы был большой политический контекст: Хрущеву требовалась поддержка секретарей обкомов, которые голосовали за него на пленумах ЦК [Пихоя 2000: 7]. Подчинение атомных городов областным комитетам КПСС усиливало партийную элиту и ослабляло влиятельное ведомство, тесно связанное с военными и спецслужбами. Таким образом, на локальном уровне продолжился процесс ретерри-

торизации управления ядерной программой, который несколькими годами раньше в общесоюзном масштабе был запущен в отношении ПГУ¹¹.

В Обнинске после реформы следить за городом должен был Калужский обком, не имевший для этого достаточных ресурсов и опыта. Один из «активистов памяти» об Обнинске 1960-х годов Валерий Нозик описывает хрущевскую эпоху как время «свободного плавания»:

...Московское партийное начальство не осуществляло прямого воздействия на Обнинск, а калужское партийное начальство просто не пускали. Калужская область в основном занималась сельским хозяйством, и поэтому Обнинск был вне достижимости местного партийного начальства. Обнинский институт, подчиняясь только министерству, оказался на вольных хлебах [Феномен Турчина 2001].

Таким образом, установление полной и окончательной монополии партии было долговременной и трудновыполнимой задачей. В выигрыше оказались ученые, сумевшие выгодно использовать средмашевское прикрытие для поддержания своей автономии.

Замкнутый партийный цикл

В то время как физики ФЭИ бились над проблемой создания реакторов на быстрых нейтронах, которые сами для себя воспроизводят ядерное топливо и не зависят от урановой добычи, аналогичное «замыкание цикла» вполне успешно реализовалось в сфере руководящих партийных кадров. Этим Обнинск отличался от крупных атомных комбинатов, где сразу создавались собственные политотделы, и их начальники назначались ЦК, будучи «опытными партийными работниками, многие из которых работали до этого парторгами ЦК КПСС на крупных промышленных предприятиях, и работа в этих должностях была ступенью в их партийной карьере» [Кузнецов 2008: 117]. В Лаборатории «В», где своего политотдела не было до 1954 г., секретарь парторганизации избирался из числа сотрудников и не был профессиональным партийцем, а в члены партбюро рекомендовались к избранию «такие коммунисты, которым по частям или в целом (в полном объеме) была известна научно-производственная тематика» [Краткий очерк 1982: 45]. Из-за этого партийный центр власти начал кристаллизоваться здесь заметно позднее, и сложилась своего рода кадровая изоляция «объекта».

---

¹¹ Вслед за устранением Берии в 1953 г. вместо ПГУ при Совете министров СССР было создано Министерство среднего машиностроения, которое перешло под непосредственный контроль Маленкова [Полунин 2007]. Оно уже не являлось метаведомством, экстерриториальным и детерриторизованным по отношению к нормальной сетке министерств, хотя и было сильнейшим среди многих.

На протяжении 1956–1968 гг. из пяти секретарей Обнинского горкома только один (Л. М. Петров) был «засланным». Остальные избирались из числа коммунистов ФЭИ:

Обычным было партийных руководителей города «добывать» из своих же институтских недр и туда же возвращать по сроку — с повышением, конечно. К совсем длинным срокам, т.е. номенклатурной партийной карьере никто и не стремился, частично и потому, что по калужским ступенькам все равно не двинешься — Калуга тебя на дух не знает, пока ее объятий сторонисься, а в Москве все заметные места давно оккупированы [Нозик б. г.].

Занятие крупной партийной должности в средмашевском городе было делом сложным и малоперспективным с точки зрения партийной карьеры. По воспоминаниям П. Г. Пронягина, первого секретаря горкома КПСС Свердловска-45, недоверие к присланным извне партработникам было типично для министерства с его закрытой военно-бюрократической «вертикалью»: «в них видели чужих людей, мешающих и, возможно, докладывающих “куда следует”» [Пронягин 2007: 338]. При этом научно-технические работники всеми силами пытались откеститься от предлагаемых им постов в горкоме, не в последнюю очередь потому, что зарплата ответственного сотрудника на атомном производстве значительно превышала оклад партийного секретаря [Там же: 341–342].

Вместе с тем на протяжении исследуемого периода, особенно начиная с конца 1950-х годов, нарастает влияние факторов, размывающих кадровую изоляцию партийного руководства Обнинска. С появлением в городе новых институтов он превращается из средмашевского моногорода в асимметричный конгломерат учреждений науки, принадлежащих разным ведомствам. В Обнинск приезжает значительное число работников, в том числе членов партии, которые не имели отношения к ФЭИ. Новый контингент не был знаком с традициями «островного» периода Лаборатории «В» и в целом был более конформным. На него партийные консерваторы могли опереться, когда появилась необходимость «прикрутить гайки». Ставший в 1961 г. секретарем Калужского обкома А. А. Кандренков начинает все более настойчиво вмешиваться в дела города атомщиков, пытаясь обратить местных партийных лидеров в своих агентов. Первым таким агентом, по мнению В. З. Нозика, стал инженер ФЭИ и секретарь горкома с 1963 г. А. Д. Руденко, не пользовавшийся особым авторитетом среди коллег и посчитавший для себя выигрышным разыграть калужскую карту [Нозик б. г.]. В то же время опорой областного начальства становится парторганизация Обнинского управления строительства, более дисциплинированная и «классово близкая».

Таким образом, к моменту, когда в стране наметился консервативный поворот, в атомном центре уже были силы, готовые поддержать наступление на ученых.

Партийная дисциплина и партийный контроль

Механизмы трудовой мобилизации, которые на индустриальном производстве поддерживались партийными ритуалами и повседневной идеологической «накачкой», в случае научной и технической работы запускались иначе (в основном через исследовательский интерес и ощущение причастности к решению «больших» задач), что ослабляло влияние партийных ячеек и делало избыточной систему горизонтального взаимного контроля. Секретарь партбюро Лаборатории «В» П. Н. Слюсарев отметил в докладе на отчетно-выборном собрании 21 февраля 1951 г., что «разбор персональных дел проходит без достаточного обсуждения коммунистами, а отсюда низкий воспитательный эффект» [Краткий очерк 1982: 59]. Похожие проблемы были и на уральских атомных заводах: «Коммунисты и комсомольцы, допустившие нарушения, редко заслушивались о проступках в своих организациях» [Кузнецов 2008: 127].

Стандартные сеансы партийной критики и коллективного порицания могли принимать в научно-технической среде отчетливо игровой характер. Например, в повестке дня партийного собрания 27 июня 1951 г. разбиралось дело редактора стенгазеты М. Ф. Савина, «опубликовавшего в стенгазете карикатуру на коммуниста — директора Д. И. Блохинцева, как пародию на картину “Явление Христа народу”, без соблюдения элементарной этики» [Краткий очерк 1982: 61]¹². Интересно, что оценка опирается на «элементарную этику», а не, скажем, на коммунистическую сознательность, игнорируя существовавший канон партийных увещаний.

После создания в 1956 г. Обнинского горкома КПСС партбюро (а с 1961 г. партком) ФЭИ сбросило с себя большую часть бремени бытовых проблем поселка. Основными сферами его компетенции стали вопросы организации научной деятельности и строительства, материального снабжения института, техники безопасности, кадров. Заботы, связанные с воспитательной работой и поддержанием коммунистической атмосферы в коллективе, как и в предыдущий период, не выходили на передний план. Среди проступков, вызвавших реакцию партийного комитета, можно упомянуть «продажу личных автомобилей по спекулятивным ценам», «мелкое хулиганство на почве пьянства», безответственность при подборе кадров («один бухгалтер проворовался, его уволили с работы, а наш отдел кадров ему предоставил работу сразу же» [Краткий очерк 1982: 166]). Отмечались и положительные факты в воспитательной работе: так, в выступлении А. П. Белова 15 февраля 1961 г. на собрании партийной организации № 2 заслужил поощрение товарищ Громов, который «регулярно беседует с каждым сотрудником не реже одного раза в месяц о всяких делах: по работе, по житейским делам, по политике и философским вопросам» [Краткий

---

¹² После разбирательства Савин продолжал редактировать стенгазету, по крайней мере до 1955 г.

очерк 1982: 159]. Характерно, что первым секретарем партбюро был избран В. В. Орлов — молодой сотрудник, имевший довольно свободные политические взгляды и называющий себя в интервью «конформистом», который «понимал» диссидентов и «сочувствовал» им (Орлов В. В., 2012).

Калужский обком пытался вмешиваться в дела парторганизации ФЭИ, используя идеологический нажим. Идеологическая комиссия обкома побывала в 1960 г. в теоретическом отделе [Нозик б. г.], а в июле 1962 г. областной пленум раскритиковал партийную организацию ФЭИ за «серьезные недостатки в работе с молодежью» [Краткий очерк 1982: 171]. Городской комитет КПСС формально следовал поступавшим директивам: принимал соответствующие постановления [Там же: 194], проводил воспитательную работу. Так, в ходе диспута «Заглянем в будущее» (1960 г.) первый секретарь горкома И. Г. Морозов довольно резко отреагировал на выступления комсомольцев о половинчатости критики культа личности [Ларина 2006: 311]. Однако, сохраняя видимость бдительного надзора, городские руководители не применяли серьезных карательных мер. Секретарь Обнинского горкома был своеобразным медиатором между «нестандартной» институтской парторганизацией и более консервативным руководством обкома, сохраняя при этом верность собственной профессиональной корпорации.

Важным контекстом этих настроений стала тенденция послесталинского СССР к усилению партии как контролирующей инстанции на всех этажах управления. Повышался символический авторитет первичных партийных организаций, разрабатывались новые механизмы их влияния на деятельность администраций предприятий. В частности, летом 1959 г. ЦК КПСС принял постановление «Об образовании в первичных партийных организациях производственных и торговых предприятий комиссий по осуществлению парторганизациями права контроля деятельности администрации предприятий» и утвердил соответствующее «Положение о комиссиях» [Положение 1959]. Предполагалось, что таким образом усиливается контроль за хозяйственными и техническими руководителями «снизу, со стороны масс» [Справочник 1967: 23]. Следом, в 1962 г., был создан Комитет партийно-государственного контроля. Эти шаги оформлялись популистскими заявлениями о возвращении власти народу после периода сталинских «извращений».

В создававшуюся широкую сеть «общественного контроля» входили также профсоюзные и комсомольские ячейки. Так, в ВЛКСМ еще с конца 1920-х годов существовало движение «Легкой кавалерии», а после Второй мировой войны было инициировано создание «Бригад комсомольского контроля». В 1962 г. в качестве новой формы общественной активности молодежи был учрежден «Комсомольский прожектор». Официальной его задачей была помощь партийным организациям «в устранении недостатков в работе предприятий и учреждений, в борьбе с бюрократизмом и волокитой (...) с различного рода злоупотреблениями и посягательством на социалистическую собственность» [Положение 1963].

В биографиях активистов 1960-х годов участие в комсомольских инициативах предшествовало их партийной деятельности и в какой-то степени воспроизводило в условиях города науки университетский стиль общественной жизни. Выполняя совместные поручения, молодые люди из разных учреждений знакомились между собой, наращивая инфраструктуру горизонтальных взаимодействий:

... Когда сюда приехал, я включился и здесь в комсомольскую жизнь, возглавлял «Комсомольский прожектор» — была такая в свое время организация — за что имел ряд, кучу неприятностей с партийными органами. Мы контактировали с комсомольскими организациями других институтов, и там ребята, с которыми я разговаривал, видели, что необходима какая-то общественная деятельность в рамках межотраслевой, межинститутской... (NN, 2012a).

Часть наших информантов описывает комсомольский и партийный опыт вплоть до конца 1960-х годов языком подлинного энтузиазма и вовлеченности. Переход из комсомола в партию они трактуют как момент достижения политической зрелости, позволяющий молодым представителям интеллигенции, наконец, полноправно заявлять о себе и своих правах на город.

По мнению О. В. Хархордина, через возобновление революционных практик коллективизации жизни эти институциональные новации «оттепели» должны были создавать плотную ткань взаимного надзора, предоставлявшую больше возможностей для контроля над частной и профессиональной жизнью, чем централизованный репрессивный аппарат [Хархордин 2002: 389–397]. Обнинский случай оказывается интересным полигоном для проверки модели «хрущевской нормализации». Он показывает, что инициированное сверху оживление партийной и комсомольской жизни в определенных случаях выходило за пределы официально одобренных форм и приводило к возникновению неконтролируемой публичной сферы.

Шестидесятники вступают в партию

На протяжении периода «оттепели» партийный контингент Обнинска постоянно увеличивался, что было связано не только с ростом города и с появлением новых институтов, но и с изменением общегосударственной политики. Как отмечает историк Э. Кулевиг, «Хрущев провозгласил отход от слишком строгих рамок вступления в КПСС (...) Его целью было расширить КПСС, чтобы та воистину стала “партией всего народа”» [Кулевиг 2009: 105]. Общее число членов партии в стране с 1953 по 1967 г. выросло вдвое, с 6 до 12 млн человек [Rigby 1968: 52–53].

Состав партийных организаций изменился не только количественно, но и качественно. В КПСС пришло поколение «шестидесятников» — убежденных коммунистов, которые с энтузиазмом восприняли попытки десталини-

зации и рассматривали партию как основной легитимный институт политического участия. К середине 1960-х годов активисты, социализировавшиеся в свободной атмосфере «оттепели», достигли верхней границы комсомольского возраста. Многие из них вступали в партию, чтобы реализовать комсомольский опыт во «взрослой» общественно-политической работе.

В случае Обнинска этот поколенческий эффект был особенно заметен, так как бурный рост института и города, равно как и самый динамичный период развития ядерной физики, пришелся на вторую половину 1950-х годов. В это время в науку пришло массовое пополнение только что окончивших вузы специалистов, в основном 1933–1937 годов рождения, которые достигали предельных для комсомола 28 лет в 1961–1965 гг.

Об отношении научной интеллигенции к перспективе вступления в КПСС на исходе «оттепели» можно судить, в частности, по рассказу одного из информантов о будущем диссиденте В. Ф. Турчине (1931 г. р.), ставшем интеллектуальным лидером круга обнинских физиков:

...Я совсем недавно узнал, что где-то в начале 60-х еще Турчин на спор решил вступить в партию. (...) Он сказал: (...) «Вступлю в партию, стану первым секретарем Обнинского горкома и буду, так сказать, улучшать ситуацию в городе, сначала в городе». Как раз Николай Семенович Работнов его отговорил, сказал: «Ничего у тебя не получится». Турчин в партию не вступил (Маев С. А., 2012).

Однако в дальнейшем и сам Н. С. Работнов, и ряд его единомышленников стали членами КПСС с благословения Турчина:

В партию мы только что (в конце 1964 г. — Р. Х.) вступили вместе с Валерием Алексеевичем Павлинчуком, с одобрения Валентина Федоровича Турчина — он считал, что надо начинать «влиять на события» [Работнов 1997].

Вступление в КПСС ряда политически активных молодых обнинцев пришлось на последние годы правления Хрущева и на последующее «окно» с 1964 по 1967 г., когда консервативные принципы «зрелого» брежневского руководства находились еще в стадии формирования.

Обосновывая этот шаг в современных интервью и воспоминаниях, информанты ссылаются на необходимость через партийные структуры подтолкнуть неоконченную «оттепельную» либерализацию. Сотрудник теоротдела ФЭИ С. А. Маев вспоминает, что вступил в партию «в 66-м году (...) на волне антихрущевского иллюзионизма, что вот теперь с волюнтаризмом покончено, теперь будет все хорошо, надо идти в партию и начинать работать над политическими вопросами» (Маев С. А., 2012). Сходные мотивы прихода в партию были у молодых сотрудников других институтов Обнинска. NN (1937 г. р.), работавший инженером в одном из институтов города, описывает собственный путь к партийному членству как типичный для своего поколения:

Я был активным комсомольцем и считал, что общественная работа, она необходима. И когда мой возраст подошел уже... 28 лет, дальше уже выбывают, я решил вступить в партию. Это еще были как бы отблески «оттепели», были надежды на то, что можно через свои партийные организации как-то благотворно влиять на ситуацию. Поэтому я как раз незадолго до вот этих всех событий в партию вступил. Вот примерно в это же время и Павлинчук из ФЭИ вступил в партию из тех же, собственно, соображений. То есть такой настрой был присутствовать не только мне, но целому ряду людей, которые видели, что надо как-то менять в стране ситуацию, но считали, что наиболее эффективно это будет как раз через партию (NN, 2012b).

Таким образом, в середине 1960-х годов в партийных организациях обнинских институтов образовалась прослойка романтически настроенных молодых людей, заряженных «оттепельной» динамикой, которые стали базой для экспериментирования в сфере городской публичной жизни. В отсутствие сильного городского партийного комитета, но при наличии доступа к партийным ресурсам и каналам коммуникации молодые коммунисты, воспитанные в атмосфере «оттепели», попытались реализовать собственную программу развития городской среды.

Интеллектуальные поиски на ниве политпросвещения

Изменения партийного «кода», последовавшие в хрущевский период, сказывались в желании переформатировать технологии идеологической работы, используя все тот же коллективистский драйв. Так, «Справочник секретаря первичной партийной организации» в качестве наиболее эффективных рекомендовал коллективные формы политического самообразования:

Самостоятельно изучая литературу, товарищи периодически (один-два раза в месяц) собираются, чтобы сообща обсудить наиболее сложные теоретические вопросы [Справочник 1967: 23].

Такой подход нашел благодатную почву в склонной к дискуссиям научно-технической среде.

В качестве главных методов учебы партийные методички называли теоретические семинары и конференции. Выступая на таких мероприятиях, коммунист должен был не просто продемонстрировать результаты самообразования, но и высказать собственные мысли перед критическим взглядом товарищей по партии, вызвав по возможности живой отклик аудитории:

Доклад тем лучше достигнет цели, вызовет активность участников конференции (...), чем больше в нем размышлений, авторской индивидуальности. Если же он будет простым изложением прочитанного, носить характер отчета, изобиловать прописными истинами, то не вызовет интереса, не пробудит в людях желание поделиться своими мыслями [Там же: 74].

Предполагалось, что после того как подлинные взгляды участников выявляются публично, они корректируются в коммуникации с опытными пропагандистами, в результате чего партийная доктрина усваивается еще прочнее. Подобная технология вполне соответствовала общему духу борьбы с лицемерием и двуличностью, характерному для позднесталинской и хрущевской эпох [Хархордин 2002: 355–358].

Однако описанные рекомендации были рассчитаны прежде всего на воспитание и поддержку «политической сознательности» представителей рабочего класса, для которых освоение марксистской теории представляло определенный интеллектуальный вызов и нуждалось во внешней стимуляции. А в среде научно-технической интеллигенции, которая уже была заряжена на независимый интеллектуальный поиск, подобные стимулы провоцировали не только бóльшую откровенность, но и действительно творческий подход к идеологическим вопросам, на что едва ли рассчитывали методологи политпросвещения.

Обнинский горком КПСС занимался организацией городской сети партийной и комсомольской учебы, привлекая к идеологическим занятиям наиболее «сознательную» прослойку интеллигенции. Существовала установленная структура такой сети: в нее входили кружки по изучению марксизма-ленинизма и истории КПСС в парторганизациях, партшколы (начальная политическая школа и школа основ марксизма-ленинизма), вечерние университеты марксизма-ленинизма, теоретические, проблемные и методологические семинары и некоторые другие формы. Учитывая образовательный уровень обнинцев, основное внимание горком уделял работе вечернего университета. В 1957 г. он состоял из трех отделений: истории КПСС, политэкономии и философии. Слушатели рекомендовались секретарями партийных и комсомольских организаций [Сербинова 1957: 2]. При этом на факультете философии занимались слушатели, имевшие законченное высшее образование. По окончании обучения они становились пропагандистами в кружках философии своих парторганизаций. Также на базе факультета философии велось преподавание марксизма-ленинизма для молодых ученых, готовящихся сдать кандидатский минимум.

Организацией политпросвещения в Обнинске 1960-х годов руководил секретарь горкома по идеологии В. Е. Лесничий, бывший инженер обнинского филиала Научно-исследовательского физико-химического института (НИФХИ) им. Л.Я. Карпова, чьи личные особенности сыграли важную роль в городской истории:

Была, так сказать, партийная жизнь... руководил этой партийной жизнью второй секретарь горкома, ответственный за идеологическую работу, в то время был Лесничий. Первое время он тоже был настроен достаточно прогрессивно, тем более что его родители тоже были репрессированы, он прошел через всякие такие вещи, мог это чувствовать (NN, 2012а).

Лесничий сам по себе человек очень образованный. С огромным, непередаваемым чувством юмора! <...> И потом, он читал всё! Проглатывал. Он знал всё! <...> И он, он, он тоже не был идеологом. Он инженер Физико-химического института. Он не понимал, какая там идеология (Черных Н. С., 2012).

В последней характеристике журналистка городской газеты «Вперед» Нонна Черных противопоставляет мир партийных идеологов, приученных к воспроизведению авторитетного дискурса, и научно-техническую прослойку, из которой вышел Лесничий, — с ее тягой к энциклопедизму и широкими гуманитарными интересами. То, что благодаря эффекту замкнутого кадрового цикла эта фигура оказалась в топе городской партийной элиты, стало одним из слагаемых своеобразия общественной жизни Обнинска в 1960-е годы.

Информант NN упоминает в числе мероприятий обнинского горкома «всякие политзанятия», однако отмечает, что «эта линия была достаточно формализованная». В то же время организованная В. Е. Лесничим «философская учеба» была удачным способом включиться в среду наиболее «продвинутых» коммунистов и завязать контакты с горкомовским начальством:

Там еще с ним (В. Е. Лесничим. — *Р. Х.*) общение было немножко неформальное в том плане, что в это время была организована учеба молодых специалистов, философская учеба, с целью помочь сдать кандидатский минимум по философии. Как раз я на него пошел, хотя у меня никаких мыслей о диссертации в то время не было, но просто было время, и было интересно там, вопросы, философские вопросы меня интересовали всегда, и там пообщаться хотелось. Там было много ребят, где тусовались в свое время, так что... И Лесничий там был один из преподавателей (NN, 2012a).

Расцвет философского образования в Обнинске 1960-х годов был также связан с деятельностью супругов Б. С. Грязнова и К. В. Малиновской, сотрудников кафедры философии вечернего университета марксизма-ленинизма, лекции которых были далеки от господствовавших в официальном преподавании стандартов. В университете ежегодно проводились теоретические философские конференции научных сотрудников города, на которые приглашались гости из Института философии АН СССР (см.: [Философская конференция 1966]).

Помимо регулярных занятий в сети политического просвещения популярностью пользовались «вечера вопросов и ответов», а также лекции самих ученых по философским проблемам физики или космологии. Такие мероприятия официально засчитывались как мероприятия политпросвещения, однако де-факто лишь косвенно относились к пропаганде марксизма-ленинизма. Куда легче было обнаружить на них дебаты по вопросам «Жизнь во вселенной» или «Предел возможностей “думающих машин”»

[Малиновская 1966: 2], чем разбор канонических сочинений «классиков». «Гастроли» профессиональных философов расширяли информационный горизонт обнинских физиков, а регулярный отклик через газету позволял эффективно влиять на повестку политзанятий.

Таким образом, деятельность горкома в зоне философского просвещения, которая теоретически должна была привести к более глубокой индоктринации научных работников, подтолкнула их к независимому интеллектуальному поиску, не ограниченному догматическим марксизмом.

Территория инициативы: между партийным прикрытием и партийным давлением

Результатом сочетания поощряемого сверху коллективистского энтузиазма с сочувственной позицией руководства горкома и наличием базовой партийно-комсомольской инфраструктуры стало бурное развитие в Обнинске различных самостоятельных инициатив. Сначала это были практики, которые носили в значительной мере кулуарный характер и касались небольших групп единомышленников (дружеский самиздат, неформальные семинары, КВН). Однако на определенном этапе сообщество попыталось расширить свою орбиту, создав полноценную публику уже на городском уровне. Организационной формой такого расширения стал созданный на общественных началах городской Дом ученых.

Матч КВН Обнинск — Дубна. 1963 г.
Кадр любительской киносъемки из киноархива А. И. Воропаева
(передано Обнинскому проекту)

К моменту его появления (1964 г.) в Обнинске существовало уже пять институтов, сотрудники которых имели довольно ограниченные возможности для неформальных контактов. Поэтому одной из целей активистов-общественников стало формирование полноценного культурного пространства, объединяющего различные научные учреждения:

...Было ощущение того, что вот это ненормально, что вот целая сеть институтов, и каждый живет своей изолированной жизнью, в то время как взаимодействие между институтами должно дать какой-то особый синергетический, так сказать, эффект — создание такой вот, как сейчас любят говорить, среды (NN, 2012b).

Как видно из интервью, важным фактором, подтолкнувшим создание общегородской просветительской площадки, была недостаточность усилий партии и комсомола по формированию единого коммуникативного пространства. Дом ученых в сегодняшних нарративах его создателей оказывается вписанным в общие представления об атмосфере «оттепели», породившей схожие формы социальной самоорганизации и в других научных центрах:

...Это, я так понимаю, где-то витало в воздухе, потому что что-то подобное было, организовывалось и в Новосибирске, в Академгородке. А в то время стремление организовывать клубы... ну, я просто о тенденции говорю, такая тенденция просматривалась, потому что по примеру клуба Дома ученых были организованы Клуб любителей кино, еще какие-то клубы пытались организовать, то есть был толчок к созданию, как сейчас говорят, открытого общества и всякое такое (NN, 2012b).

Первоначально проект функционировал под вывесками «дня ученого» или «вечеров ученых» и предполагал ежемесячное проведение просветительских мероприятий с привлечением столичных интеллектуалов (NN, 2012a). По воспоминаниям В. З. Нозика, первым выступлением, подтолкнувшим инициативную группу к проведению регулярных встреч, стала лекция Петра Якира «о предвоенной ситуации в стране и зловещей роли Сталина» [Нозик б. г.]. За 1964–1968 гг. в городе науки побывали маршал Г. К. Жуков, барды В. С. Высоцкий и Ю. Ч. Ким, писатели В. Ф. Тендряков, В. Д. Дудинцев, В. М. Шукшин и В. А. Каверин, историк А. М. Некрич, редактор «Нового мира», литературовед В. Я. Лакшин, лингвист В. В. Виноградов и другие кумиры интеллигенции шестидесятых. Благодаря Дому ученых обнинская общественность оказалась включена в актуальную культурную жизнь, происходившую в то время в столице.

Помимо выступлений в жанре лекций с последующими вопросами аудитории, имели популярность горизонтальные формы взаимного просвещения, такие как «английский клуб», участники которого рассказывали друг другу по-английски о своих зарубежных поездках [Интересно 1965].

Режиссер Л. И. Гайдай (в центре) на обсуждении фильма после показа в ДК ФЭИ в Обнинске (фото из архива В. С. Дмитриевой, передано Обнинскому проекту)

После того как состоялось несколько вечеров, от заинтересованных участников стали поступать предложения — к примеру, об организации «секции любителей острого слова» или дискуссионного клуба для обсуждения «самого широкого круга вопросов — от телепатии до говорящих дельфинов» [Там же]. А. И. Абрамов в публикации в газете «Вперед» уже перестроенного времени отмечает, что одной из задач Дома ученых было «дать своим членам возможность <...> обменяться научными идеями, получить дополнительную информацию о положении дел в смежных науках» [Абрамов 1990]. В отзывах на страницах городской газеты 1960-х годов настойчиво звучит пожелание развивать именно «разговорный жанр»: «Встречи друг с другом, разговоры и дискуссии между собой должны быть основным стержнем дня ученого», — высказался И. П. Стаханов, сотрудник теоретического отдела ФЭИ [Стаханов 1965].

Со временем вечера ученых стали более частыми (раз в две недели, по субботам). Сложился устойчивый формат мероприятий: сначала разговор с приглашенными знаменитостями, затем в течение полутора-двух часов — собрание клубов по интересам, в завершение — киносеанс или концерт. Мероприятия пользовались большим успехом и не могли вместить всех желающих, поэтому была разработана система абонементов: «докторам — полный абонемент каждый раз, кандидатам половинку, через раз, а всем остальным там по четвертинке» (NN, 2012b).

Ядро инициативы Дома ученых составляли сотрудники ФЭИ (В. А. Павлинчук, В. З. Нозик, В. Н. Разуваев, В. В. Филиппов), однако в него вошли и представители всех институтов города (В. Е. Ключ, К. А. Склобовский и Б. М. Кример из ИМР, А. Г. Васильев из филиала НИФХИ и др.). Они составили совет Дома ученых, который занимался формированием программы вечеров, решением организационных и технических вопросов. Совет делился на секции — историческую, литературную, искусствоведческую и др. (Нозик В. З., 2013).

На вечере ученых в Обнинске (фото из архива В. С. Дмитриевой, передано Обнинскому проекту)

Члены Совета выдвигались и избирались, минуя партийные и комсомольские инстанции. Тем не менее связь совета Дома ученых с либеральными партийными руководителями была ключевым звеном в поддержании его легитимного статуса. Инициативу, в частности, поддержал секретарь горкома В. Е. Лесничий, в кабинете которого состоялось первое заседание Совета: «ему очень хотелось быть нам своим, очень ему хотелось вот быть, что вот он... вот он среди физиков» (Нозик В. З., 2013). С ним согласовывались все мероприятия, он же подписывал приглашения для гостей из Москвы. Контакты с Лесничим позволяли действовать более-менее вольно, не оглядываясь на других представителей горкома, которые в основном негативно воспринимали подобную «самодеятельность»:

Ну, естественно, как только началась деятельность, то сразу началась неприязнь со стороны партийной организации городской, потому что и темы подымались такие, которые считали недопустимыми, <...> ясно было, что идеологически это вредная вещь (NN, 2012b).

Важной фигурой для дипломатического «прикрытия» на партийном фронте был председатель Совета А. И. Абрамов (начальник лаборатории ФЭИ, член КПСС), который, по свидетельству NN, «был специально назначен горкомом».

...Он был удачной кандидатурой, потому что он хороший парень, вот. Хотя ему очень было тяжело, потому что здесь давили на него под нож: давай либо это, либо это, а с другой — держать и не пущать, так сказать, со стороны горкома... <...> Он придерживал пыл, <...> самые острые <...> темы он откладывал, мотивируя тем, что разгонят нас... (NN, 2012a).

Партия как институт политического контроля была внешним ограничивающим условием, но не внутренней движущей силой коллективной инициативы. Горком пытался лишь «окультурить» общественное движение, придать ему приемлемые с идеологической точки зрения формы:

Многие именитые гости Дома ученых довольно откровенно высказывали свои взгляды на историю и на современность, что приводило к появлению различных писем и заявлений с последующими вызовами и малоприятными объяснениями в горком КПСС [Абрамов 1990].

...Понемногу это стали понимать в горкоме, что раскачивается ситуация, и начали, значит, устраивать всякие прижимы-зажимы... (NN, 2012a).

Однако эти периодические беседы хотя и были «малоприятными», но не имели серьезных последствий и не означали системного наступления на свободы интеллигенции. Оно началось только в 1967 г., когда повсеместное преследование либеральной общественности встало на повестку дня в Москве.

Самиздат для физиков-теоретиков или теоретический тупик?

3 июля 1967 г. Ю. А. Андропов, только что назначенный на пост председателя КГБ СССР, направил письмо на имя Брежнева с предложением создать в структуре КГБ пятое управление — для борьбы с «актами идеологической диверсии». Оно взяло в разработку целый ряд интеллектуальных сообществ в разных частях страны, оказались под прицелом и обнинцы. Известный биолог и диссидент Жорес Медведев, работавший

в это время заведующим лабораторией ИМР, сообщает в воспоминаниях, что в 1967 г. «попал под более плотное наблюдение КГБ». В 1992 г. ему удалось ознакомиться с докладной запиской в ЦК КПСС, где он вместе с В. А. Павлинчуком обвинялся в подготовке самиздата [Медведев 2012]. По свидетельству Ж. А. Медведева, для того чтобы получить прямые доказательства распространения самиздата в Обнинске, был организован специальный «вброс» нелегальной литературы (вероятно, через агента КГБ):

На одно из выступлений в «Доме ученых» удалось пригласить Анастаса Ивановича Микояна (...) Один из сопровождавших Микояна, некто Г., пожилой уже человек, быстро нашел с молодыми физиками общий язык. Он пригласил Павлинчука к себе домой в Москве и показал ему литературу не только «самиздата», но и «тамиздата» — книги на русском, изданные за границей. Он разрешал Валерию брать некоторые из них в Обнинск. Но потом всегда интересовался, кто прочитал ту или иную книгу. Задавать такие вопросы было не в обычае среди диссидентов. Однако Павлинчук был доверчив и неопытен. Однажды в теоретическом отделе ФЭИ (вскоре после получения Павлинчуком литературы от Г.) провели обыск, при котором обнаружили некоторые нелегальные издания [Там же].

В начале ноября 1967 г. была создана комиссия при горкоме по расследованию дела о самиздате, которая вызывала для разговора А. В. Шутько, С. А. Маева, Л. Семенова, Ю. Соколова, И. П. Стаханова, Н. С. Работнова, В. М. Агроновича и В. А. Павлинчука. В результате проведенного расследования на бюро горкома 29 ноября части «провинившихся» были объявлены выговоры. Вслед за этим на VII отчетно-выборной партийной конференции 27 декабря 1967 г. секретарь парткома ФЭИ В. А. Кузнецов доложил о «позорном факте (...) чтения и распространения в отделе № 1 политически вредной литературы», называя имена В. А. Павлинчука, С. А. Маева и И. П. Стаханова [Краткий очерк 1982: 221, 223].

В. А. Павлинчук, не раскаявшийся в содеянном, был исключен из партии и «отчислен» из теоротдела «методом лишения допуска к секретной работе» [Нозик б. г.]. Он подал апелляцию, но не дожидаясь результатов ее рассмотрения, 31 июля 1968 г. скончавшись в результате обострения болезни почек. Похороны Павлинчука стали фактором консолидации либеральной общности Обнинска, превратившись из частного события в гражданскую акцию. На траурное мероприятие приехали правозащитники из Москвы.

Август 1968 г. оказался финальным аккордом сворачивания «оттепели» в СССР. Вводу советских войск в Чехословакию должны были сопровождать многотысячные митинги и многочисленные резолюции собраний трудящихся с единодушной поддержкой акции «по оказанию интернациональной помощи братскому чехословацкому народу». Как пишет Ж. А. Медведев, такие собрания прошли и в обнинских институтах, а уклонение от их посещения становилось поводом для жестких санкций:

Мой друг Анатолий Васильев, завлабораторией в соседнем Карповском институте, проигнорировал аналогичное собрание. На следующий день его лишили допуска к секретным работам, что означало увольнение (потом ему удалось устроиться на работу лишь водопроводчиком жилотдела). Всего в Обнинске за сознательную неявку на такие собрания уволили 16 человек [Медведев 2012].

Произошедшее изменение политического климата было оформлено на кадровом уровне. Вместо относительно мягкого Е. Е. Федорова на пост секретаря Обнинского горкома был назначен И. В. Новиков, по профессии учитель истории, получивший карт-бланш на искоренение крамолы. Волна партийных репрессий коснулась тех, кто участвовал в подготовке и проведении похорон В. А. Павлинчука. Среди них оказались и члены горкома КПСС: редактор газеты «Вперед» М. Ю. Лохвицкий был исключен из партии 20 ноября 1968 г., и. о. доцента кафедры марксизма-ленинизма Обнинского филиала МИФИ Р. Я. Левита — 15 января 1969 г. Им ставилось в вину то, что они «возложили цветы на гроб Павлинчука, участвовали в похоронной процессии, чем, по существу, выразили свою солидарность и поддержку деятельности Павлинчука» [Батыгин 1999: 515–516].

Прошли увольнения в ФЭИ и в других институтах: в 1969 г. лишились работы заведующие лабораториями ИМП Н. В. Тимофеев-Ресовский и Ж. А. Медведев. Данные события городской жизни означали наступление на неформальный общественный активизм и переход к жесткому партийному надзору за интеллигенцией. В жизни страны эти перемены были связаны с отказом от коллективистского энтузиазма и переходом власти к опоре на централизованные формы принуждения.

Территория аномалии

«Оттепельный» проект в кругах советской научно-технической интеллигенции нашел воплощение не только в распространении соответствующего дискурса («социализм с человеческим лицом», «демократический социализм»), но и в попытках создания новых и реконфигурации существующих институтов и социальных сетей. Прежде всего речь идет о складывании солидарностей внутри профессиональных коллективов и неформальных групп с последующим переходом к активной общественной деятельности — в основном просветительского характера. Инфраструктурные дизайны, в которых существовали ученые в послесталинский период, оказались достаточно гибкими и проницаемыми, чтобы эта деятельность имела определенный успех. Очагами свободной инициативы стали исследовательские организации и вузы в мегаполисах, но особенно ярко она проявилась на уровне небольших городов с высокой концентрацией научных специалистов, где территориальная замкнутость стимулировала и ускорила социальные интеракции.

Явления самоорганизации и появление очагов публичности, бросавших вызов авторитарной власти, были характерны для большей части научных центров послесталинского СССР, и в основном их появление было связано с активностью в рамках партийных и комсомольских институтов. Так, в 1953 г. прошли выступления на физическом факультете МГУ против консервативного крыла профессуры, которые привели к бурному росту самосознания студентов [Гапонов и др. 2002]. В 1956 г. состоялось уже упомянутое обсуждение доклада Хрущева в Теплотехнической лаборатории АН СССР. Середина 1960-х годов стала «звездным часом» для Обнинска и новосибирского Академгородка. И уже в 1975 г. заявила о себе группа молодых специалистов в Арзамасе-16 [Матюшкин 2007].

В данном ряду Обнинск и Академгородок выделялись особо, так как в них сформировались не просто инициативные группы единомышленников, но действующие городские сообщества, основанные на инициативе снизу. Благодаря альянсу (или даже сращиванию) местной партийной элиты с либеральной интеллигенцией на какое-то время стало возможно свободное развитие городской публичной сферы. При этом общественные активисты использовали инфраструктурные возможности партийной сети и в основном разделяли декларируемые партийные ценности.

В Обнинске этому способствовало еще и «атомное» прикрытие, предполагавшее особые механизмы рекрутирования местной элиты и «недопуск» в город областного руководства. В результате появился уникальный для СССР очаг городской культуры, в котором вплоть до конца 1960-х годов партийная и неформально-общественная сферы не были четко разделены, а напротив, составляли своеобразный гомеостаз и взаимно подпитывали друг друга.

Эта модель городского развития была разрушена в 1968 г. в результате изменения центрального курса и последовавшего реформирования локального политического поля, однако память о ней продолжала влиять на идентичность интеллигенции и горизонты ее политических ожиданий вплоть до периода перестройки.

В 1970-е годы Обнинск продолжил быть территорией политической аномалии, однако уже с противоположным знаком: принципиальность нового партийного руководства города была экстраординарной даже по меркам застойного брежневского времени. Повинности, наложенные на институты (в виде, например, шефской помощи колхозам), не подлежали обсуждению и создавали устойчивую разметку политического поля, не допускавшую новых детерриторизирующих смещений — по крайней мере на городском уровне. Масштаб сопротивления сместился на уровень повседневных практик, где распространенным ответом на закрепощающую рамку стали уловки «внезаходимости» — избегания крайностей как явного диссидентства, так и чрезмерного партийного активизма, уводившие социально активную интеллигенцию в ниши за пределами партийных сетей.

Архивные источники

- Глазанов 1992 — Глазанов Владимир Николаевич: [Машинописный документ за подписью Л. И. Кудиновой, датирован 6 февр. 1992 г.] (Личный архив В. С. Дмитриевой, Обнинск).
- Характеристика 1956 — Характеристика на Глазанова В. Н. [1956 ?] (Личный архив В. С. Дмитриевой, Обнинск).

Интервью

- NN — муж.; интервью 12 нояб. 2012 г., интервьюер З. С. Васильева (2012a); 27 нояб. 2012 г., интервьюер Р. И. Хандожко (2012b).
- Маев С. А. — интервью 26 дек. 2012 г., интервьюер Р. И. Хандожко.
- Нозик В. З. — интервью 22 апр. 2013 г., интервьюер З. С. Васильева.
- Орлов В. В. — интервью 3 авг. 2012 г., интервьюер Г. А. Орлова.
- Черных Н. С. — интервью 7 дек. 2012 г., интервьюер Р. И. Хандожко.

Литература

- Абрамов 1990 — *Абрамов А. ...Под крышей дома своего?* // Вперед. 1990. № 39 (4639), 29 марта. С. 2.
- Адамский 1996 — *Адамский В. Б.* Становление гражданина // Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове / Ред. Б. Л. Альтшулер. М.: Практика, 1996. С. 22–43.
- Батыгин 1999 — Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г. С. Батыгин. СПб.: РХГИ, 1999.
- Беланова 1996 — *Беланова Т.* Я помню, как всё начиналось // Город [журнал; Обнинск]. № 1. 1996. С. 31–38.
- Габрианович 2012 — *Габрианович Д. В.* Владимир Николаевич Глазанов. Письма из Норильска // Приобнинский край. Город и окрестности. История и современность: Тр. обнинского краеведческого объединения «Репинка» / Ред. и сост. В. А. Тарасов. Вып. 1. Т. 2. Обнинск: Росинтал, 2012. С. 109–112.
- Гаврилова 2013 — *Гаврилова Р. А.* История становления Обнинска. 1940–1960-е гг. Калининград: Аксиос, 2013.
- Гапонов и др. 2002 — *Гапонов Ю. В., Ковалева С. К., Кессених А. В.* Студенческие выступления 1953 года на физфаке МГУ как социальное эхо атомного проекта // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования / Отв. ред. и сост. В. П. Визгин. Вып. 2. СПб.: РХГИ, 2002. С. 519–544.
- Гер 2015 — *Гер Э.* Теоретический тупик: документальная повесть // Знамя. 2015. № 9. С. 137–189.
- Делез, Гваттари 2010 — *Делез Ж. [Гваттари Ф.]*. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; Астрель, 2010.
- Доклад 2002 — Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М.: РОССПЭН, 2002.

- Еремеев и др. 2004 — Когда полвека ярче века: XIII литературно-художественный альманах обнинских ветеранов волейбола / Сост. Е. В. Еремеев и др. Обнинск: [б. и.], 2004. С. 3–21. URL: http://www.admobninsk.ru/netcat_files/File/13-2004.pdf.
- Интересно 1965 — Интересно? Да! Но... // Вперед. 1965. № 25 (764). 29 мая. С. 3.
- Краткий очерк 1982 — Краткий очерк истории Физико-энергетического института и его парторганизации за период с 1946 по 1980 год. Обнинск: [б. и.], 1982.
- Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. Н.* Закрытые города Урала. Исторические очерки. Екатеринбург: ОАО «Полиграфист», 2008.
- Кулевиг 2009 — *Кулевиг Э.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО–XXI, 2009.
- Ларина 2006 — Обнинск — первый наукоград России: История и современность / Ред. Т. М. Ларина. Обнинск: Ресурс, 2006.
- Лейпунский 2003 — Академик АН УССР А. И. Лейпунский. Фотодокументы. 1910–1972. Обнинск: Принт-Экспресс, 2003.
- Лурье, Малярова 2007 — *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. Середина века. СПб.: Изд. «Нева», 2007.
- Лучник 2002 — *Лучник Н. В.* Вторая игра. М.: Компания Спутник+, 2002.
- Малиновская 1966 — *Малиновская К.* Не надо бояться острых вопросов // Вперед. 1966. № 35 (892). 22 марта. С. 2.
- Матюшкин 2007 — *Матюшкин В. Ф.* Повседневная жизнь Арзамаса-16. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Медведев 2011–2015 — *Медведев Ж. А.* Опасная профессия: главы из книги // 2000.ua. 2011, 9 нояб. — 2015, 3 дек. URL: http://www.2000.ua/avtory/profail-avtora.htm?id_avtor=3699.
- Медведев 2012 — *Медведев Ж. А.* Юбилейный 67-й [глава из книги «Опасная профессия»] // 2000.ua. № 6 (593), 10–16 февр. URL: http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/jubilejnyj-67-j_arhiv_art.htm.
- Мельникова 2006 — *Мельникова Н. В.* Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.
- Михайлин 2015 — *Михайлин В.* Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 312–320.
- Нозик б. г. — *Нозик В. З.* У памятника // Физико-техник / Воспоминания о выпускнике ФизТеха УПИ Павлинчуке Валерии Алексеевиче. URL: http://new.fizikotekhnik.ru/FizikoTehnik_Narod/FizikoTehnik_MemoPva.htm.
- Орлов 2006 — *Орлов Ю.* Опасные мысли. Мемуары из русской жизни. М.: Мос. хельсинская группа, 2006.
- Орлова 2014 — *Орлова Г. А.* Контакты третьей степени: Заметки о витринной науке // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 64–87.
- Пихоя 2000 — *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Положение 1959 — Положение о комиссиях по осуществлению парторганизациями права контроля деятельности администрации предприятий // Партийная жизнь. 1959. № 13. С. 24–27.

- Положение 1963 — Положение о «Комсомольском прожекторе» // Комсомольская правда. 1963. № 69 (11616). 22 марта. С. 1.
- Полунин 2007 — *Полунин В. В.* Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945–1953) // Новый исторический вестник. Т. 16. 2007. С. 213–219.
- Пронягин 2007 — *Пронягин П. Г.* Урал. Три периода. Екатеринбург: Раритет, 2007.
- Программа и Устав 1937 — Программа и Устав ВКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
- Работнов 2007 — *Работнов Н. С.* Давно... в шестидесятые // Индекс: досье на цензуру. 1997. № 2. С. 80–85.
- Рябев 2003 — Атомный проект СССР: документы и материалы: В 3 т. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 4 / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ; М.: Наука; Физматлит, 2003.
- Свиридов 1968 — *Свиридов Н.* Партийная забота о воспитании научно-технической интеллигенции // Коммунист. 1968. № 18. С. 36–45.
- Сербинова 1957 — *Сербинова Л.* В вечернем университете // Вперед. 1957. № 4. 13 ноября. С. 2.
- Справочник 1967 — Справочник секретаря первичной партийной организации. М.: Политиздат, 1967.
- Ставиский 2002 — *Ставиский Ю. Я.* Мы из Обнинска. Записки нейтронщика. М.: Энергоатомиздат, 2002.
- Стаханов 1965 — *Стаханов И.* «Я — за!» // Вперед. 1965. № 105 (844), 2 декабря. С. 2.
- Троянов 2007 — *Троянов М. Ф.* Моей судьбою стал Физико-энергетический институт. Обнинск: ГНЦ РФ-ФЭИ, 2007.
- Феномен Турчина 2001 — Феномен Турчина // Радио Свобода. 2001, 3 апр. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24203812.html>.
- Физико-энергетический институт 2006 — Физико-энергетический институт. Летопись в судьбах. Обнинск: ГНЦ РФ-ФЭИ, 2006.
- Философская конференция 1966 — Философская конференция: «Объект научного исследования» // Вперед. 1966. № 35 (892). 22 марта. С. 2.
- Хархордин 2002 — *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний Сад, 2002.
- Kozlov, Gilburd 2013 — *Kozlov D., Gilburd E.* The thaw. Soviet society and culture during the 1950s and 1960s. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2013.
- Rigby 1968 — *Rigby T. H.* Communist Party membership in the USSR. 1917–1967. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. Press, 1968.

TERRITORY OF POLITICAL ANOMALY: PARTY LIFE IN A SOVIET ATOMIC CITY IN THE 1950s– 1960s

Khandozhko, Roman I.

PhD (Candidate of Science in History)

*Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School
of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: ro.khan.man@gmail.com

Abstract. Implementation of the Soviet nuclear program involved the concentration of a large number of scientific and technical specialists in nuclear cities that were geographically removed and politically isolated from “civilian” administrative centers. They were managed within the system of the First Chief Directorate, and then of the Ministry of Medium Machine Building, which directed the nuclear developments in emergency mode, making use of nearly unlimited resources. This particular mode of authority weakened the position of party organs in atomic centers and hampered the implementation of ideological control over the scientific and technical intelligentsia. The subject of this article is the city of Obninsk in Kaluga region, which grew out of the secret laboratory “V”. The author examines the history of the local organization of the Communist Party, which because of nuclear secrecy was isolated from the oblast-level leadership. This disconnection was not fully overcome even after the “opening” of the city in 1956, which was manifested, in particular, in the composition of the City Party Committee. The presence of liberal-minded people from the scientific milieu among the party bosses allowed activists from various institutes to set up in the 1960s an urban public space aimed at freedom of self-expression and discussion, using, inter alia, the party network and resources. This model of urban development was destroyed in 1968 due to changes in central policy and the subsequent reformatting of the local political field.

Keywords: Soviet atomic project, atomic cities, science cities, scientific and technical intelligentsia, CPSU, party control, party membership, political education, dissent, amateur activities, social networks

References

- Abramov, A. (1990, March 29). ...Pod kryshei doma svoego? [...Under the roof of their own house]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).
- Adamskii, V. B. (1996). Stanovlenie grazhdanina [Becoming a citizen]. In B. L. Al'tshuler (ed.). *On mezhdru nami zhil... Vospominaniia o Sakharove* [He lived among us... Memoirs of Sakharov], 22–43. Moscow: Praktika. (In Russian).
- Batygin, G. S. (ed.) (1999). *Rossiiskaia sotsiologiia shestidesiatykh godov v vospominaniakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. St. Petersburg: RKhGI. (In Russian).
- Belanova T. (1996). Ia pomniu, kak vse nachinalos' [I remember how it all began]. *Gorod* [The city], 1996(1), 31–38. (In Russian).
- Delez, Zh., Gvattari, F. (2010). *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* (Transl. from: Deleuze, G., Guattari, F. (1980). *Capitalisme et schizophrénie: Mille plateaux*. Paris: Éditions de Minuit). Ekaterinburg: U-Faktoriia; Astrel'. (In Russian).
- [Doklad (2002)] — *Doklad N. S. Khrushcheva o kul'te lichnosti Stalina na XX s'ezde KPSS: Dokumenty* [N. S. Khrushchev's report on Stalin's personality cult at the 20th Congress of the CPSU: Documents]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Eremeev, E. V. et al. (eds.) (2004). *Kogda polveka iarche veka: XIII literaturno-khudozhestvennyi al'manakh obninskikh veteranov voleibola* [When half a century is brighter as a century: XIII literary almanac of Obninsk volleyball veterans]. Obninsk: [n. p.]. Retrieved from http://www.admobninsk.ru/netcat_files/File/13-2004.pdf. (In Russian).
- [Fenomen Turchina (2001, April 3)] — Fenomen Turchina [The Turchin phenomenon]. *Radio Svoboda* [Radio Liberty]. Retrieved from <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24203812.html>. (In Russian).
- [Filosofskaia konferentsiia (1966, March 22)] — Filosofskaia konferentsiia: "Ob"ekt nauchnogo issledovaniia" [Philosophical conference "The object of scientific research"]. *Vpered* [Forward], p. 2.
- [Fiziko-energeticheskii institut (2006)] — *Fiziko-energeticheskii institut. Letopis' v sud'bakh* [Institute of Physics and Power Engineering. Chronicle of fates]. Obninsk: GNTs RF-FEI. (In Russian).
- Gabrianovich, D. V. (2012). Vladimir Nikolaevich Glazanov. Pis'ma iz Noril'ska [Vladimir Nikolaevich Glazanov. Letters from Norilsk]. In V. A. Tarasov (ed.). *Priobninskii kraj. Gorod i okrestnosti. Istorii i sovremennost': Trudy obninskogo kraevedcheskogo ob"edineniia "Repinka"* [Priobninsky region. The city and surroundings. Past and present: Proceedings of Obninsk local lore association "Repinka"], No. 1, Vol. 2, 109–112. Obninsk: Rosintal. (In Russian).
- Gaponov, Iu. V., Kovaleva, S. K., Kessenikh, A. V. (2002). Studencheskie vystupleniia 1953 goda na fizfak MGU kak sotsial'noe ekho atomnogo proekta [Student unrest in 1953 at the Physics Department of Moscow State University as a social echo of nuclear project]. In V. P. Vizgin (ed.). *Istoriiia sovetskogo atomnogo proekta: dokumenty, vospominaniia, issledovaniia* [The history of the Soviet nuclear project: documents, memoirs, studies], No. 2, 519–544. St. Petersburg: RKhGI. (In Russian).
- Gavrilova, R. A. (2013). *Istoriiia stanovleniia Obninska. 1940–1960-e gg.* [The history of the formation of Obninsk. 1940–1960s]. Kaliningrad: Aksios. (In Russian).
- Ger, E. (2015). Teoreticheskii tupik: dokumental'naia povest' [The theoretical dead end: A documentary story]. *Znamia* [Banner], 2015(9), 137–189. (In Russian).

- [Interesno (1965, May 29)] — Interesno? Da! No... [Interesting? Yes, but...]. *Vpered* [Forward], p. 3. (In Russian).
- Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': Genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and dissimulate: Genealogy of private life in Soviet Russia]. St. Petersburg; Moscow: EUSPb; Letnii Sad. (In Russian).
- Kozlov, D., Gilburd, E. (2013). *The thaw. Soviet society and culture during the 1950s and 1960s*. Toronto: Univ. of Toronto Press.
- [Kratkii ocherk (1982)] — *Kratkii ocherk istorii Fiziko-energeticheskogo instituta i ego partorganizatsii za period s 1946 po 1980 god* [A short history of the Institute of Physics and Power Engineering and its party organization during the period from 1946 to 1980]. Obninsk: [n. p.]. (In Russian).
- Kulevig, E. (2009). *Narodnyi protest v khrushchevskuiu epokhu. Deviat' rasskazov o nepovinoventii v SSSR* (Transl. from: Kulavig, E. (2002). *Dissent in the years of Khrushchev: Nine stories about disobedient Russians*. Basingstoke: Palgrave Macmillan). Moscow: AIRO—XXI. (In Russian).
- Kuznetsov, V. N. (2008). *Zakrytye goroda Urala. Istoricheskie ocherki* [Closed cities of the Urals. Historical essays]. Ekaterinburg: OAO "Poligrafist". (In Russian).
- Larina, T. M. (ed.) (2006). *Obninsk — pervyi naukograd Rossii: Istoriia i sovremennost'* [Obninsk, the first science city of Russia: History and the present]. Obninsk: Resurs. (In Russian).
- [Leipunskii (2003)] — *Akademik AN USSR A. I. Leipunskii. Fotodokumenty. 1910–1972* [Academician of the AS Ukrainian SSR A. I. Leipunsky. Photo documents. 1910–1972.]. Obninsk: Print-Ekspress. (In Russian).
- Luchnik, N. V. (2002). *Vtoraia igra* [The second game]. Moscow: Kompaniia Sputnik+. (In Russian).
- Lur'e, L., Maliarova, I. (2007). *1956 god. Seredina veka* [1956. Middle of the century]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Neva". (In Russian).
- Malinovskaia, K. (1966, March 22). Ne nado boiat'sia ostrykh voprosov [Do not be afraid of thorny issues]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).
- Matiushkin, V. F. (2007). *Povsednevnaia zhizn' Arzamasa-16* [Everyday life of Arzamas-16]. Moscow: Molodaia gardiia. (In Russian).
- Medvedev, Zh. A. (2011–2015). *Opasnaia professiia: glavy iz knigi* [Dangerous profession: chapters from the book]. *2000.ua*. Retrieved from http://www.2000.ua/avtory/profail-avtora.htm?id_avtor=3699. (In Russian).
- Medvedev, Zh. A. (2012, February 10–16). Iubileinyi 67-i [Anniversary 67th]. *2000.ua*, no. 6 (593). Retrieved from http://www.2000.ua/specproekty_ru/opasnaja-professija/glavy-iz-knigi-opasnaja-professija/jubileinyj-67-j_arhiv_art.htm. (In Russian).
- Mel'nikova, N. V. (2006). *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [The phenomenon of the closed atomic city]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (In Russian).
- Mikhailin, V. (2015). Konstruirovaniie novoi sovetskoi identichnosti v "ottepel'nom" kino [Building of new Soviet identity in the "Thaw" cinema]. In V. V. Alekseev (ed.). *Chelovek v usloviakh modernizatsii XVIII–XX vv.* [Human in the conditions of modernization, 18th–19th centuries], 312–320. Ekaterinburg: UrO RAN. (In Russian).
- Nozik, V. Z. [n. d.]. U pamiatnika. Vospominaniia o vypusknike FizTekha UPI Pavlinchuke Valerii Alekseeviche [At the monument. Memoirs about V. A. Pavlinchuk, alumnus of the Ural Polytechnic Institute, Physical and Technical Faculty]. Retrieved from http://new.fizikotekhnik.ru/FizikoTehnik_Narod/FizikoTehnik_MemoPva.htm. (In Russian).

- Orlov, Iu. (2006). *Opasnye mysli. Memuary iz russkoi zhizni* [Dangerous thoughts. Memoirs from Russian life]. Moscow: Moskovskaia khel'sinskaia gruppya. (In Russian).
- Orlova, G. A. (2014). Kontakty tret'ei stepeni: Zametki o vitrinnoi nauke [Encounters of the third kind: Notes on showcase science]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 128, 64–87. (In Russian).
- Pikhoia, R. G. (2000). *Sovetskii Soiuz: istoriia vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: History of power. 1945–1991]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian).
- [Polozhenie (1959)] — Polozhenie o komissiiakh po osushchestvleniiu partorganizatsiiami prava kontroliia deiatel'nosti administratsii predpriatii [Statute of the Commissions on the implementation of the right of the party organizations to control the administration of enterprises]. *Partiinaia zhizn'* [The Party life], 1959(13), 24–27 (In Russian).
- [Polozhenie (1963. March 22)] — Polozhenie o “Komsomol'skom prozhektore” [Regulations of the “Komsomol spotlight”]. *Komsomol'skaia pravda* [Komsomol truth], p. 1. (In Russian).
- Polunin, V. V. (2007). Stanovlenie tsentral'nykh organov upravleniia atomnoi promyshlennost'iu SSSR (1945–1953) [Formation of central administrative organs of atomic industry of the USSR (1945–1953)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], 16, 213–219. (In Russian).
- [Programma i Ustav (1937)] — *Programma i Ustav VKP(b)* [The program and charter of the AUCP(b)]. Moscow: Partizdat TsK VKP(b). (In Russian).
- Proniagin, P. G. (2007). *Ural. Tri perioda* [Ural. Three periods]. Ekaterinburg: Raritet. (In Russian).
- Rabotnov, N. S. (2007). Davno... v shestidesiatye [Long ago... in the sixties]. *Indeks: dos'e na tsenzuru* [Index: dossier on censorship], 1997(2), 80–85. (In Russian).
- Riabev, L. D. (ed.) (2003). *Atomnyi proekt SSSR: dokumenty i materialy* [The USSR's atomic project: Documents and materials] (Vols. 1–3). Vol. 2, Part 4. Sarov: RFIA's-VNIIEF; Moscow: Nauka. Fizmatlit. (In Russian).
- Rigby, T. H. (1968). *Communist Party membership in the USSR. 1917–1967*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1968.
- Serbinova, L. (1957, November 13). V vechernem universitete [At the evening university]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).
- [Spravochnik (1967)] — *Spravochnik sekretaria pervichnoi partiinoi organizatsii* [Hand-book of the primary party organization secretary]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Stakhanov, I. (1965, December 2). “Ia — za!” [I am for]. *Vpered* [Forward], p. 2. (In Russian).
- Stavisskii, Iu. Ia. (2002). *My iz Obninska. Zapiski neitronshchika* [We are from Obninsk. Notes of a neutron physicist]. Moscow: Energoatomizdat. (In Russian).
- Sviridov, N. (1968). Partiinaia zabota o vospitanii nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii [Party care about the education of scientific and technical intelligentsia]. *Kommunist* [Communist], 1968(18), 36–45. (In Russian).
- Troianov, M. F. (2007). *Moei sud'boiu stal Fiziko-energeticheskii institut* [The Institute of Physics and Power Engineering became my fate]. Obninsk: GNTs RF-FEI. (In Russian).

KHANDOZHKO, R. I. (2016). TERRITORY OF POLITICAL ANOMALY: PARTY LIFE IN A SOVIET ATOMIC CITY IN THE 1950s–1960s. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 167–199

Орлова Галина Анатольевна
кандидат психологических наук
доцент, Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный ун-т
Россия, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая , 103
Тел.: +7 (863) 230-32-47

доцент, Департамент медиа и коммуникации,
Европейский гуманитарный университет
Литва, LT-01114 Вильнюс, Тауро, 12
Тел.: +370 5 274 0622

старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: galina.orlova@ehu.lt

СО-АВТОРИЗАЦИЯ, НО НЕ СОАВТОРСТВО: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРАНСКРИПТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

Аннотация. Автор использует вызов дигитализации социального знания для того, чтобы обнаружить лакуны и неотрефлектированные области в теории и технологии качественного исследования. Основное внимание уделено процедуре согласования с информантом транскрипта интервью в преддверии размещения этих данных в открытом электронном архиве. В статье пересматривается классическое представление о расшифровке интервью как стабильном тексте, находящемся в безраздельной власти исследователя, и проблематизируются техники подготовки транскрипта эпохи цифровой коллаборации. Для описания прав на текст и ответственностей за него, разделяемых и дигитально распределяемых между исследователем и информантом на стадии подготовки электронной публикации, вводится концепт «со-авторизация».

---

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполняемой на базе Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС по темам «Оцифрованная наука: создание гуманитарными открытыми исследовательскими базами данных» (2014) и «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (2015).

Со-авторизация рассматривается как прием и эффект цифровых трансформаций научной работы социального исследователя.

Ключевые слова: со-авторизация, цифровые трансформации полевого исследования, транскрипт, открытый доступ, процедуры согласования (member checking), Обнинский проект

Морозным осенним днем 2013 г. на одной из центральных улиц Обнинска, протянувшейся от железнодорожной станции до гостиницы метров на триста, хмуро притормозил пожилой велосипедист. Обнинск — это город первой советской ядерной электростанции, дюжины научно-исследовательских институтов и ученых, из разных дисциплинарных перспектив вот уже более шестидесяти лет изучающих эффекты искусственной радиоактивности. Улица носит имя академика А. И. Лейпунского — одного из отцов города и человека, стоявшего у истоков советской нейтронной физики. Велосипедист — бывший инструктор Обнинского горкома КПСС и один из полутора сотен наших информантов.

Для нас, команды Обнинского проекта², шел второй год работы с записью, расшифровкой и хлопотной подготовкой к размещению в открытом доступе интервью с теми, кто создавал город институтов и обеспечивал инновационный рывок ядерной науки в эпоху позднего социализма³. Администрация города помогла получить доступ к ведущим сотрудникам институтов. Остальных собеседников нашли по принципу «снежного кома». Режимный характер работы большинства информантов и тесные связи, существующие внутри компактного городского сообщества, вынудили нас отказаться от обнародования аудиозаписей и остановиться на транскриптах. Расшифровки интервью мы предоставляем всем информантам, выразившим такое желание при подписании информированного согласия (т. е. на стадии записи интервью)⁴. Они — а это 121 из 151 человек — участвуют

---

² На полевой стадии исследования, проводимого в Обнинске под руководством А. Л. Зорина, интервью записывали 12 интервьюеров — историки, антропологи, психологи, городские и политические исследователи. В процесс расшифровки в той или иной степени были вовлечены более 60 транскриберов из Вильнюса, Екатеринбургa, Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга. Подготовкой интервью к авторизации стабильно занимаются шестеро коллег.

³ На сегодняшний день в проекте собрано 295 интервью разных жанров (порядка 500 часов аудиозаписи). Это глубинные интервью и истории жизни, лейтмотивные интервью и беседы с экспертами, разговоры за рассматриванием домашних архивов и записи прогулок по городу со старожилками. Объем расшифровок уже перевалил за девять тысяч страниц.

⁴ В текст информированного согласия, который мы предлагаем подписать информантам, включены четыре аспекта подготовки материалов интервью к размещению в открытом доступе: а) информант (не) хочет анонимизировать свои персональные данные в материалах интервью; б) информант (не) участвует в проверке точности транскрипта; в) информант (не) участвует в редактировании транскрипта; г) информант (не) дает согла-

в привычной для журналистов, но необычной для качественных исследователей процедуре авторизации. Перед тем как подтвердить свое разрешение на размещение расшифровок своих интервью на сайте *Obninsk-project.net*, мы предлагаем информантам, разделяющим с нами ответственность публикации, проверить точность транскрипта, а при необходимости — исправить фактические ошибки, внести дополнения или удалить нежелательные фрагменты.

Накануне велосипедист выглядел дружелюбным и открытым. Он с энтузиазмом взял на авторизацию транскрипт своего интервью — дословную расшифровку двухчасовой беседы на 43 страницах⁵. На следующий день долго не подходил к телефону, жаловался на плохое самочувствие и не скрывал глубокого разочарования результатами нашей работы. Распечатку он вернул, не сходя с велосипеда. Был раздосадован, огорчен и не расположен к разговору. Сказал, что все изложил письменно, попросил его впредь не беспокоить и уехал. На первой странице транскрипта рукой бывшего партийного функционера было размашисто начертано: «Данная справка в ряде случаев не соответствует действительности данного мною интервью 20.08.2012, содержит заведомо косвенные сведения, которые порочат не только меня, но и других лиц. В связи с этим согласия на использование материала справки в печати, выступлениях и других случаях **не даю** (выделено в документе. — Г. О.). Дата. Подпись».

На языке канцелярии наш информант обозначил основные эпистемологические проблемы, возникающие, когда исследователи-качественники, чувствительные к документированию естественно протекающей речи, решаются на открытую публикацию своих материалов. Он указал на жанровую неопределенность записи устной речи и ее непривычность для носителя ABCD-mindedness. Передал ощущение дискомфорта, отчуждения, некогерентности и репутационных рисков публикации неотредактированного разговора. Обрывы, фальстарты, повторы, хезитации, реплики эмпатического слушания, паузы, столь информативные для исследователя⁶, работающего с перформативностью и молчанием, распределением власти и аффектом, интерперсональностью памяти и цензурой, становятся болезненным недоразумением для информанта и серьезным испытанием его готовности сотрудничать с нами.

сие на интерпретацию данных, полученных в ходе интервью, в исследовательских целях. По каждому пункту мы предлагаем информанту выбрать тот вариант, который представляется ему/ей наиболее приемлемым.

⁵ Полный цикл подготовки одного часа интервью к размещению в открытом цифровом архиве — от расшифровки до подготовки технических слоев — обходится проекту примерно в сто часов рабочего времени.

⁶ По результатам обсуждений основным форматом транскрибирования в Обнинском проекте был признан верbatim с гибкой системой нотационных знаков. Его выбрали не потому, что устраивал всех коллег, а потому, что минимизировал потерю данных.

Непрозрачный и бескомпромиссный отказ от авторизации заставил нас по-новому задуматься об устройстве проекта, в котором установки на детализированную расшифровку интервью, присущие качественному исследованию, совмещаются с практикой документации и публичной презентации живых голосов, характерной для устной истории. Исследователи-качественники стремятся к сохранению в расшифровках особенностей естественно протекающей речи, заботятся о конфиденциальности своих информантов и не горят желанием обнародовать полевые архивы. Специалисты по устной истории охотно редактируют транскрипты перед публикацией и даже переводят диалоги и полилоги в «чистые истории» — рассказы-монологи, откуда исключены реплики и вопросы интервьюера [Proglar 1991]. Мы же собирались открыть доступ к корпусу неанонимизированных⁷ транскриптов, хранящих следы устной речи и ее шероховатости. При этом многие наши информанты были публичными фигурами и известными учеными, дорожащими своей репутацией людей высокой культуры. Выходит, что разрешить родовые противоречия, заложенные в самом дизайне проекта, можно было только в процессе ответственного сотрудничества с нашими обнинскими собеседниками, без поддержки и понимания которых открытие интернет-архива будет невозможно по юридическим⁸, этическим и эпистемологическим соображениям⁹. Но как думать и говорить об этом взаимодействии? На какие концептуализации опираться?

Начиная этот проект, мы не были ни идейными последователями феминистской ветви устной истории, ни адептами критической педагогики, ни активистами *participatory action research*, ни сторонниками этнографии сотрудничества — политических, социальных или же исследовательских программ, настаивающих на пересмотре иерархий и авторитетов при производстве научных знаний. Мы всего лишь хотели при помощи информа-

---

⁷ Готовя текст информированного согласия, мы исходили из того, что автоматическая анонимизация транскриптов ограничит право наших собеседников на публичное высказывание о своей работе и жизни [Bok 1983; Ryen 2004; Giordano et al. 2007]. Поэтому мы обеспечили каждому информанту возможность выбора. За исключением пяти человек наши собеседники (многие из которых на той или иной стадии своего трудового пути жили и работали под секретом) предпочли сохранить свое имя в интервью. И опыт нашего исследования не выглядит исключительным. Так, о случаях отказа от анонимизации информантов, участвующих в медицинских исследованиях, пишет П. Кейн [Cain 1998].

⁸ 27 июля 2014 г. (т. е. в самый разгар подготовки обнинских интервью к размещению в открытом доступе) был обновлен Федеральный закон № 152 «О персональных данных»: теперь он обязал всех операторов данных запастись согласиями граждан на использование их персональных данных. А поскольку биографических интервью без персональных данных не бывает, Обнинский проект, эти интервью публикующий, оказался в числе операторов.

⁹ Осмысление устройства полевой работы в Обнинском проекте из перспективы цифровой публикации, анализ устного беспокойства наших собеседников и инвентаризацию опыта сотрудничества исследователей и информантов в ситуации согласования транскриптов начала и продолжает осуществлять А. К. Касаткина, курирующая это направление проектной активности (см.: [Касаткина 2015]).

ционных технологий обеспечить широкий доступ к уникальным интервью, записанным в рамках проекта. Однако реализовать этот незатейливый план без модификации эпистемологического протокола качественного исследования оказалось невозможно.

Осознать, что цифровые технологии изменяют практики, правила и результаты производства знания, означает вступить в порядок электронной науки [Meyer, Schroeder 2015]. В Обнинском проекте это осознание пришло по мере подготовки интервью к размещению в открытом интернет-доступе. В самом деле, трудно было не заметить, что наша работа с расшифровками оказалась куда более кропотливой, чем это бывает в исследовании, где данные не открывают. Серьезные силы были брошены на разработку технологических новшеств (создание программного обеспечения или усложнение системы транскрибирования), позволяющих минимизировать потерю данных при электронной публикации или сделать саму утрату предметом рефлексии. Наконец, мы больше не могли всецело контролировать свои же полевые данные — в перспективе открытия интернет-архива их нужно было обсуждать и согласовывать с обнинскими собеседниками. Под знаком взаимодействия с информантами развернулся не только сбор качественных данных, но и их первичный анализ — транскрибирование.

Транскрипт — вспомогательный и безотказный инструмент исследователя-качественника — несколько неожиданно для нас стал территорией неопределенности, риска, переговоров и эпистемологического дискомфорта. А опыт Обнинского проекта лишь подтвердил тезис Кристин Боргман о неразрывной связи между цифровым форматом представления данных и обреченностью на сотрудничество [Borgman 2007].

Мой текст — об одном из участков этой коллаборативной сети. Проблематизируя ответственность за цифровую публикацию интервью, разделенную между исследователем и информантом, я не только создаю и усиливаю концептуальную оснастку Обнинского цифрового проекта, но и рассчитываю использовать сам цифровой вызов для того, чтобы обнаружить лакуны в протоколе качественного исследования и проработать их.

Транскрипт и фантазм

Обнинский проект — одно из цинических (в значении, которое Славой Жижек придавал концепту Петера Слотердайка [Жижек 1999: 39]) порождений общества интервью, ориентированного на интенсивное использование диалогического взаимодействия собеседников ради неотчужденного производства знания и субъективностей [Atkinson, Silverman 1997]. Мы понимаем, что интервью — это искусственная ситуация взаимодействия [Potter 1997]. Осознаём, что полученные нами данные ситуативны, контекстуально специфичны [Mondada 2007; Poland 1995] и, собственно, сконструированы нами же. Подозреваем, что иллюзия понимания внутри интервью — *imposition effect* — возникает из духа нарциссических или

просто невнимательных вопросов [Bourdieu 1997: 20], а само интервью регулярно превращается в пространство реализации власти [Kvale 2006; Corbine, Morse 2003; Gubrium, Koro-Ljungberg 2005; Vahasantanen, Saarinen 2013; Briggs 2005; Karnieli-Miller et al. 2009]. Но все равно мы делаем ставку на качественные интервью и записываем их.

Выбирая транскрипт в качестве средства репрезентации и инструмента аналитического препарирования аудиозаписи, мы всякий раз выбираем перевод [Bourdieu 1997; Dunaway 1984], интерпретацию [Kvale 1996], переписывание [Lapadat, Lindsay 1999]. Пытаемся изо всех сил втиснуть «непричесанную» устную речь, следующую локальным порядкам взаимодействия, в нормативный формуляр письма [West 1996]. Замораживаем и стабилизируем ее [Denzin 1995]. Чем больше стараемся детализировать расшифровку, тем больший эффект отчуждения производим [ten Have 1990]. В точке разрыва между устной речью и письмом создаем и накапливаем аналитическое напряжение, без которого — об этом Элизабет Ош писала еще в 1970-е — адская работа транскрибирования стремительно утрачивает смысл [Ochs 1979]. И да, именно транскрипт — сколь бы несовершенным он ни был — становится рамкой качественного исследования [Lapadat 2000] и дает ту степень детализации, которая делает насыщенную аналитику возможной [Psathas, Anderson 1990].

На фоне той массы текстов, что за последние двадцать лет — из перспективы конверсационного анализа, дискурсивной прагматики, nurse research, гендерных исследований — произвели качественные исследователи [Lane 1996; Perakyla 1997; Koelsch 2013; MacLean et al. 2004; Lapadat, Lindsay 1999; Lapadat 2000; Page et al. 2000; Bucholtz 2000; Forbat, Henderson 2005; Halcomb, Davidson 2006; Mondada 2007; Psathas, Anderson 1990; Sandelowski 1994; Tilley 2003; Scheurich 1995 etc.], как-то неловко утверждать, что транскрипту и техникам транскрибирования не уделяют должного внимания. Но ощущение непроговоренности почему-то остается.

Пожалуй, одно из самых больших удивлений, вынесенных из опыта реализации Обнинского проекта, — это осознание того, что качественные исследователи, в великих битвах с количественным подходом столько внимания уделившие доказательству своего морального превосходства [Burman 1997] — отказу от объективаций, эгалитаризму, мягким техникам и открытому диалогу с информантом, — прямо-таки узурпировали право на транскрипт. Исключение информанта из порядка работы с расшифровкой зачастую объясняется при помощи риторики спонтанности, в которой видят залог аутентичности слов информанта. О неотрефлексированных психоаналитических истоках этой установки мельком — а хотелось бы подробнее — пишет П. Бурдьё [Bourdieu 1997: 30].

Согласование без публикации: история неудач или новый опыт?

И все же, как показывает анализ литературы, традиция разделять данные, аналитические категории, интерпретации и выводы с теми, от кого полевая информация была получена (*member checking*), в качественных исследованиях существует [Lincoln, Guba 1985]. У нее есть разные названия: «обратная связь, получаемая от информанта» (*informant feedback*) [Onwuegbuzie, Leech 2007], «валидация, получаемая от респондента» (*respondent validation*) [Mays, Pope 2000], «валидация, получаемая от участника интервью» (*member validation*) [Schwandt 2007]. Есть и широкий диапазон активностей — от минимального и не предполагающего обратной связи ознакомления информанта с транскриптом [Forbat, Henderson 2005] до включения информантов в исследование в качестве транскриберов [Grundy et al. 2003]. Для того чтобы отделить ознакомление участников интервью с транскриптами на ранних стадиях анализа данных (до кодирования) от других форм обсуждения, В. Хагенс и соавторы предлагают говорить об особой технике — рецензировании транскрипта интервьюируемым (*interviewee transcript review*) [Hagens et al. 2009].

Р. Пейдж и соавторы называют три основные причины использования *member checking*: валидация и подтверждение качественных данных, долг вежливости перед теми, кто потратил время на участие в чужом исследовании, и стремление усилить позицию информантов в процессе производства знания [Page et al. 2000]. Валидация, которая в данном случае понимается как «подтверждение аккуратности представления субъективности участников интервью», выходит на первый план [Carlson 2010; Bloor 1997; Cho, Trent 2006]. Вот только тех, кто ищет в этом акте строгой процедуры, ожидает разочарование: внося мелкие, средние и крупные правки [Mero-Jaffe 2011], информанты создают новые, нередко несогласованные тексты [Hagens et al. 2009]. Из постпозитивистской перспективы Л. Кельш предлагает различать транзактную и трансформационную валидность. Первая направлена на поиски когерентности, цельности и связности в опыте информанта, вторая — на поиски полезности, приемлемости и рефлексивности [Koelsch 2013: 172].

При этом трудно избавиться от ощущения, что прагматика публикаций, посвященных возвращению информантам транскриптов, — это проработка болезненного опыта неформатного и зачастую неуспешного профессионального взаимодействия, пережитого самими интервьюерами. Несмотря на все труды и затраченные усилия, информанты стабильно негативно реагируют на какие бы то ни было попытки исследователей письменно зафиксировать специфику устной речи. Смущение и ощущение угрозы описываются в качестве базового аффективного фона знакомства информанта с транскриптом [Mero-Jaffe 2011]. С. Квале уверяет, что при знакомстве с транскриптом информант испытывает шок [Kvale 1996]. Устный историк феминистской ориентации А. Тёрнбулл с горечью пишет, что была вынужде-

на отойти от вербатима: ее информантки — профессиональные британские социологи — ощутили себя по ходу чтения транскриптов «кидиотками» и обвинили исследовательницу в лени при выставлении пунктуации [Turnbull 2000]. Л. Форбат и Дж. Хендерсон делятся негативным опытом «прямого» показа информантам полного текста транскриптов (их информанты тоже были недовольны качеством своей устной речи) и рекомендуют передавать информантам лишь категоризированные фрагменты транскрипта, аналитически освоенного и присвоенного исследователем [Forbat, Henderson 2005]. Дж. Карлсон рисует эпическую картину полевой неудачи: один информант счел ее работу неаккуратной, другой отказался признавать в транскрипте собственную речь, третий переписал транскрипт подчистую, четвертый и вовсе отказался от процедуры member checking, не в силах справиться с разочарованием [Carlson 2010]. Интересно, что у этого регрессивного исследовательского нарратива есть четкий гендерный профиль.

Э. Бухбиндер, который интервьюировал коллег-качественников, работающих с техникой member checking, интерпретирует истоки переживаемого ими дискомфорта уже не в медийных (устное — письменное), а в политических категориях. На его взгляд, болезненным оказывается изменение функции информанта, получившего доступ к транскрипту или другим аналитическим данным. Такой информант из резервуара данных разом превращается в инстанцию контроля и оценки качества работы исследователя [Buchbinder 2011]. Неудивительно, что исследователю, привыкшему к гегемонии, перераспределение активности, авторитета и власти дается с трудом. В дискомфорте согласования эта — критическая — перспектива позволяет обнаружить потенциал для развития качественного исследования.

Л. Форбат и Дж. Хендерсон делают следующий шаг по направлению к конструктивному осмыслению результатов member checking. Они сосредотачиваются на отношениях между информантом и репрезентацией его устной речи. Реакцию «я это говорил?!», знакомую всякому, кто когда-либо показывал детализированный транскрипт информанту, они описывают уже не в категориях отчуждения от собственного слова, а в категориях нового опыта [Forbat, Henderson 2005]. И если принять эту точку зрения, то от исследователя в ситуации согласования расшифровок потребуются терпеливое объяснение своим собеседникам права неотредактированной «речи.doc» на существование в публичных сферах, аккуратная поддержка новой экологии интервью и умение ждать. Здесь главным рецептом от дискомфорта и непонимания становится интенсификация взаимодействия с информантом. К. Риссман предлагает как минимум пояснять, для чего понадобилась такая точность расшифровки [Riessman 1993]. До того как информанты начнут работать с транскриптами, Дж. Карлсон рекомендует рассказать им о том, что они могут испытать при столкновении с текстами, над которыми далеко не всегда властна грамматика [Carlson 2010]. Д. Кландинин и Ф. Коннелли советуют делать акцент на значимости

вклада информанта в производство знаний, памяти, опыта, присутствия, подчеркивая при этом, что его/ее голос важнее грамматической корректности, а нарушения языковой нормы типичны для устной речи [Clandinin, Connelly 2000].

Словом, советы, адресованные исследователю, который задумал вернуться к своему информанту с транскриптом, тяготеют к одной из трех стратегий. Информанта убеждают в обоснованности выбранного исследователями способа представления устной речи, попутно сообщая ему об актуальных техниках гуманитарного исследования (*стратегия просвещения*). Исследователь и информант соотносят свои представления о том, как должен выглядеть транскрипт, и ищут компромиссное решение (*стратегия переговоров*). Исследователь выстраивает исследование с учетом перспективы информанта или из этой перспективы (*стратегия ассоциации*). По мнению Дж. Кресвелла и Д. Миллер, коллаборация в исследовании неотделима от освоения и использования «линзы информанта» [Creswell, Miller 2000]. Но, может быть, репертуар позиций сотрудничества может быть куда более разнообразным?

Наши предшественники показывали расшифровки своим информантам, не покидая исследовательской кухни. Они это делали для того, чтобы исправить фактические ошибки в транскриптах, уточнить интерпретации, развить темы или сориентироваться в анализе. На этом фоне наш шаг можно счесть радикальным: мы предлагаем информантам «авторизовать» исследовательский транскрипт для электронной публикации — т. е. подтвердить свое согласие с выносимым на публику текстом. Тем самым мы признаём значимый вклад наших собеседников в создание и ратификацию обнинского корпуса.

Публикация транскриптов полевых интервью — эпистемологический оксюморон?

Эпизод из жизни качественного исследователя, по просьбе информанта отредактировавшего — олитературировавшего — фрагменты транскрипта, сошел со страниц классической монографии Стейнара Квале и начал свое путешествие по текстам, посвященным встрече информанта и транскрипта [Kvale 1996]. Только ленивый не пересказал поучительную историю о преподавателе датского языка, который попросил исследователя изъять расшифровки своих реплик из главы будущей книги или переформулировать их — так предосудительно плох был его датский. На этом, собственно, разговор о публикации транскриптов исследователями-качественниками закончился на полтора десятилетия. А потому неудивительно, что, вводя в поисковик Google Scholar «transcript publication», проще выйти на тексты о расшифровке генома человека, чем на подборку работ качественных исследователей. Это — не их сюжет.

Не очень активно обсуждается и роль технологий в производстве качественных данных. Разумеется, пособия по технике качественного интервьюирования неизменно рекомендуют исследователю проверять диктофон и запастись батарейками. Зато рефлексия о роли средств записи в становлении традиции качественных исследований находится в зачаточном состоянии. Есть серия оговорок о том, что аудиозапись обеспечила уровень детализации интеракции, необходимый для появления конверсационного анализа [Pomerantz, Fehr 1997] или поворота к нарративу в социальных исследованиях [Langeiller 2001]. Упоминается, что видеозапись ведет к усложнению информации, получаемой в качественном интервью [Lapadat 2000], и требует новых техник транскрибирования [Norris 2002]. Довольно много пишут о менеджменте качественных данных при помощи компьютерных технологий — CAQDAS (Computer Assisted Qualitative Data Analysis Software) [Edwards, Lampert 1993; MacWhinney, Snow 1991; McLellan et al. 2003; etc.]. Кое-что — о новых цифровых и сетевых объектах для этнографической работы [Dicks et al. 2005; Schrum 1995]. Но это скорее вспышки отдельных инструментальных разговоров, чем серьезная дискуссия, необходимая нашему полю.

Далекие в своей массе от рефлексии о дигитальных трансформациях гуманитарного знания и научной работы, качественные исследователи слабо вовлечены в дебаты об открытых данных [Murray-Rust 2008] и электронной науке [Taylor et al. 2007]. В них зачастую видят апофеоз недружественной количественной парадигмы. Но ведь именно в этих областях рождается принципиально новый взгляд на установление связи между свободным доступом к данным и интенсификацией сотрудничества в исследовании. Обсуждая дисциплинарные различия в отношении открытого доступа к данным исследования, Кристин Боргман отмечает, что открытие доступа к материалам полевых интервью — это особый, сложный случай в актуальной истории цифровой научной работы. И тут же описывает четыре барьера, препятствующих вовлечению гуманитариев в процесс *sharing data* (разговор о повторном и/или совместном использовании эмпирических данных затеяли химики): а) ориентация на публикацию собственных текстов, а не на менеджмент данных; б) специфические представления о способах репрезентации данных; в) интерпретация и реинтерпретация (а не, например, поиск и создание данных) как главное достояние гуманитария; г) контроль за интеллектуальной собственностью [Borgman 2007: 222–224].

В последнее время локомотивом движения ученых к открытию своих данных и свободному обмену ими становятся крупнейшие европейские и американские научные фонды. Своей грантовой политикой они подталкивают даже несговорчивых качественников если не к размещению полевых данных в открытом доступе, то к началу разговора об этом. Говорят о контроле над доступом к данным и о защите приватности информантов; об осмысленности вторичного использования материалов, собранных в не-

воспроизводимых полевых обстоятельствах, и, наконец, о возможностях и ограничениях цифрового формата хранения [Slavnic 2013; Zeitlin 2012; Mauthner, Doucet 2008; Moore 2007]. Открытые цифровые среды опознаются нашими коллегами по цеху в качестве пространства новых этических вызовов для качественных исследователей. М. Райс-Лайвли пишет, что исследовательскую методологию этнографа нужно адаптировать к новым цифровым технологиям [Rice-Lively 1994]. Правда, пока эта адаптация касается прежде всего использования в исследовании новых цифровых материалов (блогов и форумов).

Покуда качественные исследователи дискутируют, устные историки размещают в Интернете архивы интервью — аудиозаписи, видеointerview, расшифровки — и рефлексуют о «четвертой парадигме», в рамках которой ставка делается на цифровые данные и насыщение ими исследования [Thomson 2007]. Рассматривая своих собеседников в качестве очевидцев и соучастников истории, принимая в расчет политические аспекты конструирования памяти, сознательно ориентируясь на публичность аналитического действия, устные историки развивают и поддерживают традицию вовлечения информантов в процесс совместного производства текста для его последующей передачи в архив. Сегодня это — цифровые, нередко открытые для широкого круга пользователей архивы.

Эта деятельность, как нам представляется, неотделима от рефлексии по поводу роли технологий коммуникации в производстве устной истории. Так, один из отцов устной истории замечает, что тот, кто хочет оставаться участником и координатором процесса коммуникации, должен следовать за развитием средств коммуникации [Thomson 2000]. А автор одного из самых свежих руководств по технологии проведения исследования признает, что цифровые технологии изменили каждый аспект устной истории — от интервьюирования до размещения архивов [Ritchie 2015: 177]. Размещение интервью в открытых цифровых средах (Д. Ритчи настаивает на том, что это не публикация, а скорее — дистрибуция [Там же: 71]) становится для устных историков одной из неотъемлемых составляющих исследовательского цикла, включенной в пособия и руководства. Показательно, что у социологов-качественников исследование заканчивается отчетом, у устных историков — публикацией данных.

Неудивительно, что в этих обстоятельствах право на интервью и его расшифровку принадлежит информанту [Yow 2005]. Анонимизация интервью допускается, но идеологически не поддерживается, так как противоречит представлениям историка не только о политике прошлого, но и о валидном источнике. Защита личности информанта обеспечивается за счет разных режимов доступа к интервью — например, рассматриваются варианты отсроченного — иногда надолго — доступа [Boschma et al. 2003]. Подписывается (иногда не один раз, например, в начале исследования и после ознакомления с транскриптом) согласие и разрешение на публикацию данных [Yow 2005; Thompson 2000: 263].

Авторизация — в качестве удостоверения права на публикацию — упоминается устными историками, но не становится для них особым пунктом, как это принято, например, в социальных исследованиях медицины. Устные историки куда больше внимания уделяют техникам редактирования и охотно используют их. Именно эти техники должны сберечь информанту репутацию грамотного человека и обеспечить перевод транскрипта в публичный (и публикуемый) формат. Так, Дж. Проглер, подготовивший интервью с одним из создателей электронной музыки, работал с тремя редакциями транскрипта: а) верbatimом, б) отредактированным и олитературенным интервью, в) прозой (так автор называет текст, из которого удалены реплики и вопросы интервьюера), адресованной максимально широкой аудитории — в том числе любителям электронной музыки [Progler 1991].

Создается впечатление, что устные историки без особых рисков для своей эпистемологической программы переводят эмпирические данные в формат, отвечающий установкам самой широкой аудитории читателей. Не исключено, что приоритет создания источника над интерпретацией, характерный для устной истории, способствует легкости этого перевода. Так, Д. Ритчи, переходя в своем пособии к обзору техник анализа, доступных устному историку, задается показательным риторическим вопросом: «Что еще можно делать в устной истории, кроме как собирать коллекцию интервью?» [Ritchie 2015: 122]. А вот качественный исследователь — социолог, антрополог, психолог — по-прежнему остается заложником своей аналитической позиции. Он не может ограничиться производством источника и без остатка обменять эту позицию — или линзу, если использовать концепт Дж. Кресвелла и Д. Миллера [Creswell, Miller 2000], — на линзу читателя или информанта, как это делают устные историки или радикальные сторонники *participatory action research*. А значит, нам необходимо использовать режимы более сложного и тонкого согласования разнообразных позиций и интересов. Необходимы пространство и режимы коммуникации, позволяющие это согласование воплотить в жизнь.

Со-авторизация представляется нам подходящей территорией, инструментом и возможностью для артикуляции сотрудничества сторон при подготовке материалов интервью к публикации или размещению в открытом доступе.

Со-авторизация: к эскизу концепта

В 1990 г. Майкл Фриш — американский историк, чувствительный к медиатизации исторического знания, — опубликовал сборник аналитических зарисовок: «Разделенный авторитет: эссе о ремесле и значении устной и публичной истории», с которого в устной истории началась дискуссия о сотрудничестве (см, например: [Thompson 2003; Leavy 2011]). Фриш поставил вопрос о связи авторитета, авторства и разделенного опыта участия исследователя и информанта в создании устной истории, которая создает

свои документы как эксплицированные диалоги о памяти [Frisch 1990: 83]: «Кто же, в самом деле, является автором устной истории? Следует ли при этом говорить об отдельном интервью или об увесистом томе исторических исследований? Всегда ли автором является исследователь, который задает вопросы и обрабатывает результаты? Или же субъектом является тот, чьи слова и свидетельства составляют душу публикуемых текстов? И если — что я намерен доказать — мы нуждаемся в понимании способов, посредством которых оформляется авторство, что все это значит для понимания того, как интервью может становиться источником для *Hi/story*? Каковы отношения между интервьюером и рассказчиком в производстве всех этих историй, рассказанных версий прошлого? Кто ответствен за эти истории, и где сосредоточен их интерпретативный авторитет? Как нам следует понимать интерпретации, которые, по сути, совместными усилиями производятся в ходе интервью в атмосфере кооперации или напряжения? Как это сотрудничество должно быть репрезентировано или, что происходит куда чаще, затемнено и мистифицировано? И что становится результатом такого сотрудничества?» [Ibid: xx].

Продолжая намеченную Фришем линию, мы намерены проблематизировать саму возможность использования концепта авторства¹⁰ в отношении исследовательских материалов, характеризующихся сложной композицией соучастия и множественными вкладами. Разработка «умной» — т. е. совмещающей функции хранения и анализа — структуры хранилища для сайта Обнинского проекта заставила нас с коллегами подойти к этому вопросу с технической, предельно инструментальной стороны.

Создавая структуру метаданных для сквозного описания основных эмпирических материалов и источников нашего исследования, мы столкнулись с серьезными ограничениями в применении концепта авторства к большей части материалов. В первую очередь затруднения коснулись транскриптов исследовательских интервью и побудили нас вопрошать в духе Фриша. Кто должен быть внесен в графу «автор», если речь идет о транскрипте? Транскрибер, десятки часов потративший на создание расшифровки, повторное прослушивание аудиозаписей, уточнение терминов и географических наименований, распутывание индивидуальной манеры речи? Интервьюер, который организовывал интервью, работал с транскрибером, выверял неточности и участвовал в беседе? Оператор авторизации, который в отсутствие интервьюера готовил материалы расшифровки для передачи информанту, сличая расшифровку с записью, удаляя фрагменты текста, опасные для авторизации, восстанавливая лакуны, помещая эти фрагменты в квадратные скобки? Или же сам информант, который вычиты-

---

¹⁰ Очень даже не исключено, что, вступая в отношения множественного участия, открывая тексты для дополнения, расширения, переписывания, мы выходим за историческую границу моделей авторства, сложившихся в европейской традиции и придающих ей форму (см.: [Аверинцев 1996]).

вает эту расшифровку и, соотнося ее с рассказанным опытом своей жизни, вносит дополнения и изменения, временами радикально урезая или переписывая текст? После некоторых раздумий графа, позволяющая учитывать персональные вклады в создание конкретного источника, была названа не «автор», но «участие». Концепт *участие* позволяет нам зафиксировать и принять во внимание более разнообразные — в том числе технические, фоновые, координационные — вклады в производство транскрипта и других цифровых источников.

М. Фриш, как уже было сказано, интересовался связкой между «авторством» и «авторитетом» в устной истории. Он указывал на стратегическую взаимосвязь между этими типами отношений. И полагал, что, изменяя — расширяя, разделяя между интервьюером и исследователем — отношения авторства, мы, тем самым, пересматриваем иерархию авторитета. Для Фриша было важно, чтобы гегемония академического авторитета была подвергнута критической ревизии. Но он и не думал отказываться от находок и инсайтов профессиональных исследователей [Frisch 1990: xxi].

Обеспечение видимого присутствия всех, кто работал над созданием источника, представляется для нас предприятием принципиальным еще и потому, что невидимость и забвение в той или иной степени угрожают любому, кто участвует в превращении аудиозаписи в опубликованный транскрипт. Передача транскрипта информанту, размораживание расшифровки для новых вкладов, которые информант может сделать в ходе знакомства с текстом, формирование новых представлений об экологии интервью и границах контроля — это идеологически и эпистемологически важные шаги на пути признания права информанта на текст и усиления его позиции в исследовании. Но, как справедливо отмечают исследователи [MacLean et al 2004; Tilley 2003; Easton et al. 2000], транскрибер тоже является активным участником работы по созданию транскрипта, а его ценности и ошибки самым существенным образом влияют на ход и смысл расшифровки. Неужели его имя не должно быть упомянуто, а вклад — отрефлексирован? Наконец, интервьюер-исследователь. С одной стороны, он то и дело норовит присвоить транскрипт и установить единоличный контроль над его окончательной формой. С другой — охотно редуцирует беседу, построенную на вкладах участников, к чистому и монолитному высказыванию информанта, почти всякий раз исключая из расшифровки свои реплики эмпатического слушания, а иногда — вопросы и комментарии. Дж. Шерих описывает это выдвигание информанта на первый план и сокрытие исследователя как одну из техник производства асимметрии в качественном интервью [Scheurich 1995: 247]. А Родс вспоминает о «литературных неграх», когда характеризует симулятивную деятельность исследователя/расшифровщика в отношении транскрипта. Человек, остающийся «за кадром», выдает созданный им текст (расшифровку) за продукт деятельности информанта [Rhodes 2000:

514]. Куда это годится? Возвращение видимости со-участия и его документация — это не только право, но и ответственность партнеров по подготовке интервью к публикации за текст и его смыслы.

В перспективе размещения интервью в открытом доступе вопросы разделенного права на интервью и ответственности за текст расшифровки выходят на первый план. Ведь именно задумываясь о широком круге читателей, исследователь раз за разом маниакально сличает расшифровку с текстом. А информант — беспокоится и вымарывает обидные для коллег оценки. Таким образом, даже источники с размытым, разделенным, смазанным, рассеянным авторством в перспективе публикации требуют подтверждения личной, но распределенной ответственности за актуальное состояние текста и действий, обеспечивающих его публичное бытование. Комплекс этих действий вместе с технологиями их репрезентации мы называем со-авторизацией.

PS: Цифровой протез со-авторизации

М. Фриш предлагал не только принимать во внимание факт сотрудничества исследователя и информанта в ходе создания интервью, но и задуматься о способах репрезентации этого сотрудничества [Frisch 1990; 2006]. В условиях интенсивного развития цифровых технологий создается все больше и больше инструментов для обеспечения работы соавторов над текстом. А в рамках Обнинского цифрового проекта программист Павел Колесников разрабатывает и адаптирует к размещению на сайте проекта программное обеспечение (Layer Maker, Layer Viewer), которое позволяет сделать вклады исследователя и информанта в подготовку транскрипта к открытой публикации — т. е. акты со-авторизации — видимыми.

Литература

- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Жижек 1999 — *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / Пер. В. Сафронова. М.: Худ. журнал, 1999.
- Касаткина 2015 — *Касаткина А. К.* Исследовательское интервью и открытый электронный архив: трансформация метода, новая технология представления, архив как место встречи // Векторы развития современной России. От формирования ценностей к избранию традиций. Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. 11–12 апреля 2014 года / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой. М.: Дело, 2015. С. 238–249.
- Atkinson, Silverman 1997 — *Atkinson P., Silverman D.* Kundera's immortality: The interview society and the invention of the self // *Qualitative Inquiry*. Vol. 3. 1997. P. 304–327.
- Bloor 1997 — *Bloor M.* Techniques of validation in qualitative research: A critical commentary / Context and method in qualitative research / Ed. by G. Miller, R. Dingwall. London: SAGE, 1997. P. 37–50.

- Bok 1983 — *Bok S.* The limits of confidentiality // *Hastings Center Report*. Vol. 13. No. 1. 1983. P. 24–31.
- Borgman 2007 — *Borgman Ch.* Scholarship in the digital age: Information, infrastructure and the Internet. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
- Boschma et al. 2003 — *Boschma G., Yonge O., Mychajlunow L.* Consent in oral history interviews: Unique challenges // *Qualitative Health Research*. Vol. 13. No. 1. 2003. P. 129–135.
- Bourdieu 1997 — *Bourdieu P.* Understanding // *Theory, Culture and Society*. Vol. 13. No. 2. 1997. P. 17–37.
- Briggs 2005 — *Briggs C. L.* Interviewing, power / knowledge and social inequality // *Inside interviewing: New lenses, new concerns* / Ed. by J. A. Holstein, J. F. Gubrium. London: SAGE, 2005. P. 495–506.
- Buchbinder 2011 — *Buchbinder E.* Beyond checking: Experiences of the validation interview // *Qualitative Social Work*. Vol. 10. No. 1. 2011. P. 106–122.
- Bucholtz 2000 — *Bucholtz M.* The politics of transcriptions // *Journal of Pragmatics*. Vol. 32. 2000. P. 1439–1465.
- Burman 1997 — *Burman E.* Minding the gap: Positivism, psychology, and the politics of qualitative methods // *Journal of Social Issues*. Vol. 53. No. 4. 1997. P. 785–801.
- Cain 1998 — *Cain P.* The limits of confidentiality // *Nursing Ethics*. Vol. 5. No. 2. 1998. P. 158–165.
- Carlson 2010 — *Carlson J.* Avoiding traps in member checking // *The Qualitative Report*. Vol. 15. No. 5. 2010. P. 1102–1113.
- Cho, Trent 2006 — *Cho J., Trent A.* Validity in qualitative research // *Qualitative Research*. Vol. 6. No. 3. 2006. P. 319–340.
- Clandinin, Connelly 2000 — *Clandinin D., Connelly F.* Narrative inquiry: Experience and story in qualitative research. San Francisco: Jossey-Bass. 2000.
- Corbin, Morse 2003 — *Corbin J., Morse J.* The unstructured interactive interview: Issues of reciprocity and risks when dealing with sensitive topics // *Qualitative Inquiry*. Vol. 9. No. 3. 2003. P. 335–354.
- Creswell, Miller 2000 — *Creswell J. W., Miller D. L.* Determining validity in qualitative inquiry // *Theory into Practice*. Vol. 39. No. 3. 2000. P. 124–130.
- Denzin 1995 — *Denzin N. K.* The experiential text and the limits of visual understanding // *Educational Theory*. Vol. 45. 1995. P. 7–18.
- Dicks et al. 2005 — *Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P.* Qualitative research and hypermedia: Ethnography for the digital age. London: SAGE, 2005.
- Dunaway 1984 — *Dunaway D.* Transcription: Shadow or reality? // *Oral History Review*. Vol. 12. 1984. P. 113–117.
- Easton et al. 2000 — *Easton K. L., McComish J. F., Greenberg R.* Avoiding common pitfalls in qualitative data collection and transcription // *Qualitative Health Research*. Vol. 10. 2000. P. 703–707.
- Edwards, Lampert 1993 — *Talking data: Transcription and coding in discourse research* / Ed. by J. A. Edwards, M. D. Lampert. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1993.
- Forbat, Henderson 2005 — *Forbat L., Henderson J.* Theoretical and practical reflections on sharing transcripts with participants // *Qualitative Health Research*. Vol. 15. 2005. P. 1114–1128.

- Frisch 1990 — *Frisch M.* A shared authority: Essays on the craft and meaning of oral and public history. Albany, NY: SUNY Press, 1990.
- Frisch 2006 — *Frisch M.* Oral history and the digital revolution // The oral history reader / Ed. by R. Perks, A. Thomson. London: Routledge, 2006. P. 102–114.
- Giordano et al. 2007 — *Giordano J., O'Reilly M., Taylor H., Dogra N.* Confidentiality and autonomy: The challenge(s) of offering research participants a choice of disclosing their identity // *Qualitative Health Research*. Vol. 17. No. 2. 2007. P. 264–275.
- Grundy et al. 2003 — *Grundy A., Pollon D., McGinn M.* The participant as transcriptionist: Methodological advantages of a collaborative and inclusive research practice // *International Journal of Qualitative Methods*, Vol. 2. No. 2. 2003. P. 1–19.
- Gubrium, Koro-Ljungberg 2005 — *Gubrium E., Koro-Ljungberg M.* Contending with border making in the social constructionist interview // *Qualitative Inquiry*. Vol. 11. No. 5. 2005. P. 689–715.
- Hagens et al. 2009 — *Hagens V., Dobrow M. J., Chafe R.* Interviewee transcript review: Assessing the impact on qualitative research // *BMC Medical Research Methodology*. Vol. 9. 2009. P. 47–56.
- Halcomb, Davidson 2006 — *Halcomb E., Davidson P.* Is verbatim transcription of interview data always necessary? // *Applied Nursing Research*. Vol. 19. 2006. P. 38–42.
- Karnieli-Miller et al. 2009 — *Karnieli-Miller O., Strier R., Pessach L.* Power relations in qualitative interview // *Qualitative Health Research*. Vol. 19. No. 2. 2009. P. 279–289.
- Koelsch 2013 — *Koelsch L.* Reconceptualizing the member-check interview // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 12. 2013. P. 168–179.
- Kvale 1996 — *Kvale S.* Interviews: An introduction to qualitative research interviewing. London: SAGE, 1996.
- Kvale 2006 — *Kvale S.* Dominance through interviews and dialogue // *Qualitative Inquiry*. Vol. 12. No. 3. 2006. P. 480–500.
- Lane 1996 — *Lane V.* Typists' influences on transcription: Aspects of feminist nursing epistemic rigour // *Nursing Inquiry*. Vol. 3. 1996. P. 159–166.
- Langeiller 2001 — *Langeiller K. M.* Personal narrative // *Encyclopedia of life writing: Autobiographical and biographical forms* / Ed. by M. Jolly. Vol. 2. London: Fitzroy Dearborn, 2001. P. 699–701.
- Lapadat 2000 — *Lapadat J.* Problematizing transcription: Purpose, paradigm and quality // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 3. No. 3. 2000. P. 203–219.
- Lapadat, Lindsay 1999 — *Lapadat J., Lindsay A.* Transcription in research and practice: From standardization of technique to interpretive positioning // *Qualitative Inquiry*. Vol. 5. 1999. P. 64–86.
- Leavy 2011 — *Leavy P.* Oral history: Understanding qualitative research. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Lincoln, Guba 1985 — *Lincoln Y., Guba E.* Naturalistic inquiry. Thousand Oaks: SAGE, 1985.
- MacLean et al. 2004 — *MacLean L., Meyer M., Estable A.* Improving accuracy of transcripts // *Qualitative Health Research*. Vol. 14. 2004. P. 113–123.
- MacWhinney, Snow 1991 — *MacWhinney B., Snow C.* The wheat and the chaff of four confusions regarding CHILDES // *Journal of Child Language*. Vol. 19. 1991. P. 435–458.
- Mauthner, Doucet 2008 — *Mauthner N. S., Doucet A.* Knowledge once divided can be hard to put together again // *Sociology*. Vol. 42. No. 5. 2008. P. 971–985.

- Mays, Pope 2000 — *Mays N., Pope G.* Qualitative research in health care. Assessing quality in qualitative research // *British Medical Journal*. Vol. 1. 2000. P. 114–116.
- McLellan et al. 2003 — *McLellan E., MacQueen K., Neidig J.* Beyond the qualitative interview: Data preparation and transcription // *Field Methods*. Vol. 15. No. 1. 2003. P. 63–84.
- Mero-Jaffe 2011 — *Mero-Jaffe I.* “Is that what I said?” Interview transcript approval by participants: An aspect of ethics in qualitative research // *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 10. No. 3. 2011. P. 231–247.
- Meyer, Schroeder 2015 — *Meyer E., Schroeder R.* Knowledge machines: Digital transformations of the sciences and humanities. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Mondada 2007 — *Mondada L.* Commentary: Transcript variation and the indexicality of transcribing practices // *Discourse Studies*. Vol. 9. No. 6. 2007. P. 809–821.
- Moore 2007 — *Moore N.* (Re)Using qualitative data? // *Sociological Research Online*. Vol. 12. No. 3. 2007. URL: <http://www.socresonline.org.uk/12/3/1.html>.
- Murray-Rust 2008 — *Murray-Rust P.* Open Data in science // *Serials Review*. Vol. 34. No. 1. 2008. P. 52–64.
- Norris 2002 — *Norris S.* The implication of visual research for discourse analysis: Transcription beyond language // *Visual Communication*. Vol. 1. No. 1. 2002. P. 97–121.
- Ochs 1979 — *Ochs E.* Transcription as theory // *Developmental pragmatics* / Ed. by E. Ochs, B. Schieffelin. New York: Academic Press, 1979. P. 43–71.
- Onwuegbuzie, Leech 2007 — *Onwuegbuzie A., Leech N.* Validity and qualitative research: An oxymoron? // *Quality and Quantity*. Vol. 41. No. 2. 2007. P. 233–249.
- Page et al. 2000 — *Page R., Samson Y., Crockett M.* Reporting ethnography to informants // *Acts of inquiry in qualitative research* / Ed. by B. Brizuela, J. Stewart, R. Carrillo, J. Berger. Cambridge, MA: Harvard Educational Review, 2000. P. 321–352.
- Perakyla 1997 — *Perakyla A.* Reliability and validity in research based on tapes and transcripts // *Qualitative Research: Theory, Method and Practice* / Ed. by D. Silverman. London: SAGE, 1997. P. 201–220.
- Poland 1995 — *Poland B.* Transcription quality as an aspect of rigor in qualitative research // *Qualitative Inquiry*. Vol. 1. No. 3. 1995. P. 290–310.
- Pomerantz, Fehr 1997 — *Pomerantz A., Fehr B.* Conversation analysis: An approach to the study of social action as sense making practices // *Discourse as social interaction* / Ed. by T. A. Van Dijk. London: SAGE, 1997. P. 65–91.
- Potter 1997 — *Potter J.* (1997). Discourse analysis as a way of analyzing naturally occurring talk // *Qualitative Research: Theory, Method and Practice*. 1997. P. 144–160.
- Progler 1991 — *Progler J.* Choices in editing oral history: The distillation of Dr. Hiller // *Oral History Review*. Vol. 19. No. 1–2. 1991. P. 1–16.
- Psathas G., Anderson 1990 — *Psathas G., Anderson T.* The “practices” of transcription in conversation analysis // *Semiotica*. Vol. 78. 1990. P. 75–99.
- Rhodes 2000 — *Rhodes C.* Ghostwriting research: Positioning researcher in the interview text // *Qualitative Inquiry*. Vol. 6. No. 4. 2000. P. 511–525.
- Rice-Lively 1994 — *Rice-Lively M.* Wired warp and woof: An ethnographic study of a networking class // *Internet Research*. Vol. 4. No. 4. 1994. P. 20–35.
- Riessman 1993 — *Riessman C.* Qualitative studies in social work research. Thousand Oaks, CA: SAGE, 1993.

- Ritchie 2015 — *Ritchie D.* Doing oral history. New York: Oxford Univ. Press, 2015.
- Ryen 2004 — *Ryen A.* Ethical issues // *Qualitative research practice* / Ed. by C. Seale, G. Gobo, J. F. Gubrium, D. Silverman.), London: SAGE, 2004. P. 230–247.
- Sandelowski 1994 — *Sandelowski M.* Focus on qualitative methods: Notes on transcription // *Research in Nursing and Health*. Vol. 17. No. 4. 1994. P. 311–314.
- Scheurich 1995 — *Scheurich J.* A postmodern critique of research interviewing // *Qualitative Studies in Education*. Vol. 8. 1995. P. 239–252.
- Schrum 1995 — *Schrum L.* Framing the debate: Ethical research in the information age // *Qualitative Inquiry*. Vol. 1. No. 3. 1995. P. 311–326.
- Schwandt 2007 — *Schwandt T.* The SAGE dictionary of qualitative inquiry. London: SAGE, 2007.
- Slavnic 2013 — *Slavnic Z.* Towards qualitative data preservation and re-use — Policy trends and academic controversies in UK and Sweden // *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 14. No. 2. 2013. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1872>.
- Taylor et al. 2007 — *Workflows for e-Science: Scientific workflows for grids* / Ed. by I. J. Taylor, E. Deelman, D. B. Gannon, M. Shields. London: Springer, 2007.
- ten Have 1990 — *ten Have P.* Methodological issues in conversation analysis // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. Vol. 27. No. 1. 1990. P. 23–51.
- Thompson 2000 — *Thompson P.* The voice of the past: Oral history. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Thomson 2003 — *Thomson A.* Introduction: Sharing authority: Oral history and the collaborative process // *The Oral History Review*. Vol. 30. No. 1. 2003. P. 23–26.
- Thomson 2007 — *Thomson A.* Four paradigm transformations in oral history // *The Oral History Review*. Vol. 34. No. 1. 2007. P. 49–70.
- Tilley 2003 — *Tilley S.* “Challenging” research practices: Turning a critical lens on the work of transcription // *Qualitative Inquiry*. Vol. 9. No. 5. 2003. P. 750–773.
- Turnbull 2000 — *Turnbull A.* Collaboration and censorship in the oral history interview // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 3. No. 1. 2000. P. 15–34.
- Vahasantanen, Saarinen 2013 — *Vahasantanen K., Saarinen J.* The power dance in the research interview: Manifesting power and powerlessness // *Qualitative Research*. Vol. 13. No. 5. 2003. P. 493–510.
- West 1996 — *West C.* Ethnography and orthography: A (modest) methodological proposal // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 25. No. 3. 1996. P. 327–352.
- Yow 2005 — *Yow V.* Recording oral history: A guide for the humanities and social sciences. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2005.
- Zeitlin 2012 — *Zeitlin D.* Anthropology in and of the archives. Possible futures and contingent pasts. Archives as anthropological surrogates // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 41. 2012. P. 461–480.

CO-AUTHORIZATION, NOT CO-AUTHORSHIP: THE ADVENTURES OF TRANSCRIPT IN THE DIGITAL AGE

Orlova, Galina A.

PhD (Candidate of Science in Psychology)

Associate Professor, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Russia, 344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya str., 103

Tel.: +7 (863) 230-32-47

Associate Professor, Department of Media and Communication, European Humanities University

Lithuania, LT-01114, Vilnius, Tauro str., 8.

Tel.: +370 5 274 0622

Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, pr-t Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: galina.orlova@ehu.lt

Abstract: The author puts to use the challenge of social knowledge`s digitalization in order to discover gaps and unreflected areas in qualitative research techniques and theories. The focus is on feedback of the interviewee to interview transcripts before this data is put into an open electronic archive. The article reconsiders the idea of an interview transcript as a stable text in the domain of the researcher`s unshared power. Techniques of transcript processing are problematized in relation to the era of digital collaboration. The concept of “co-authorization” is introduced to describe the rights and responsibilities regarding the text, which are shared and digitally distributed between researcher and informant during the preparation of an electronic publication. Co-authorization is considered as both an apparatus and an effect of digital transformation of research activity in social sciences.

Keywords: co-authorization, digital transformation of fieldwork, transcript, open access, member checking, Obninsk project

References

- Averintsev, S. (1996). *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the genesis of the European literary tradition]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (in Russian).
- Atkinson, P., Silverman, D. (1997). Kundera`s immortality: The interview society and the invention of the self. *Qualitative Inquiry*, 3, 304–327.
- Bloor, M. (1997). Techniques of validation in qualitative research: a critical commentary. In G. Miller, R. Dingwall (eds.). *Context and method in qualitative research*, 37–50. London: SAGE.

- Borgman Ch. (2007) *Scholarship in the digital age: Information, infrastructure and the Internet*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bok, S. (1983). The limits of confidentiality. *Hastings Center Report*, 13(1), 24–31.
- Boschma, G., Yonge, O., Mychajlunow, L. (2003). Consent in oral history interviews: Unique challenges. *Qualitative Health Research*, 13(1), 129–135.
- Bourdieu, P. (1997). Understanding. *Theory, Culture and Society*, 13(2), 17–37.
- Briggs, C. L. (2005). Interviewing, power / knowledge and social inequality. In J. A. Holstein, J. F. Gubrium (eds.). *Inside interviewing: New lenses, new concerns*, 495–506. London: SAGE.
- Buchbinder, E. (2011). Beyond checking: Experiences of the validation interview. *Qualitative Social Work*, 10(1), 106–122.
- Bucholtz, M. (2000). The politics of transcriptions. *Journal of Pragmatics*, 32, 1439–1465.
- Burman, E. (1997). Minding the gap: Positivism, psychology, and the politics of qualitative methods. *Journal of Social Issues*, 54, 785–801.
- Cain, P. (1998). The limits of confidentiality. *Nursing Ethics*, 5(2), 158–165.
- Carlson, J. (2010). Avoiding traps in member checking. *The Qualitative Report*, 15(5), 1102–1113.
- Cho, J., Trent, A. (2006). Validity in qualitative research. *Qualitative Research*, 6(3), 319–340.
- Clandinin, D., Connelly, F. (2000). *Narrative inquiry: Experience and story in qualitative research*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Corbin, J., Morse, J. (2003). The unstructured interactive interview: Issues of reciprocity and risks when dealing with sensitive topics. *Qualitative Inquiry*, 9(3), 335–354.
- Creswell, J. W., Miller, D. L. (2000). Determining validity in qualitative inquiry. *Theory into Practice*, 39(3), 124–130.
- Denzin, N. K. (1995). The experiential text and the limits of visual understanding. *Educational Theory*, 45, 7–18.
- Dicks, B., Mason, B., Coffey, A., Atkinson, P. (2005). *Qualitative research and hypermedia: Ethnography for the digital age*. London: SAGE.
- Dunaway, D. (1984). Transcription: Shadow or reality? *Oral History Review*, 12, 113–117.
- Easton, K. L., McComish, J. F., Greenberg, R. (2000). Avoiding common pitfalls in qualitative data collection and transcription. *Qualitative Health Research*, 10, 703–707.
- Edwards, J. A., Lampert, M. D. (eds.) (1993). *Talking data: Transcription and coding in discourse research*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum.
- Forbat, L., Henderson, J. (2005). Theoretical and practical reflections on sharing transcripts with participants. *Qualitative Health Research*, 15, 1114–1128.
- Frisch, M. (1990). *A shared authority: Essays on the craft and meaning of oral and public history*. Albany, NY: SUNY Press.
- Frisch, M. (2006) Oral history and the digital revolution. In R. Perks, A. Thomson (eds.). *The oral history reader*, 102–114. London: Routledge.
- Giordano, J., O'Reilly, M., Taylor, H., Dogra, N. (2007). Confidentiality and autonomy: The challenge(s) of offering research participants a choice of disclosing their identity. *Qualitative Health Research*, 17(2), 264–275.

- Grundy, A., Pollon, D., McGinn, M. (2003). The participant as transcriptionist: Methodological advantages of a collaborative and inclusive research practice. *International Journal of Qualitative Methods*, 2(2), 1–19.
- Gubrium, E., Koro-Ljungberg, M. (2005). Contending with border making in the social constructionist interview. *Qualitative Inquiry*, 11(5), 689–715.
- Halcomb, E., Davidson, P. (2006). Is verbatim transcription of interview data always necessary? *Applied Nursing Research*, 19, 38–42.
- Karnieli-Miller, O., Strier, R., Pessach, L. (2009). Power relations in qualitative interview. *Qualitative Health Research*, 19(2), 279–289.
- Kasatkina, A. K. (2015). Issledovatel'skoe interv'iu i otkryti elektronnyi arkhiv: transformatsiia metoda, novaia tekhnologiia predstavleniia, arkhiv kak mesto vstrechi [Research interview and open e-archive; the transformation of method, new representation technology and meeting place]. In M. G. Pugacheva (ed.). *Vektory razvitiia sovremennoi Rossii. Ot formirovaniia tsennosti k izobreteniiu traditsii. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh 11-12 apreliia 2014 goda* [The vectors of development of contemporary Russia. From formation of values to the invention of tradition], 238–249. Moscow: Delo. (In Russian).
- Koelsch, L. (2013). Reconceptualizing the member-check interview. *International Journal of Qualitative Methods*, 12, 168–179.
- Kvale, S. (1996) *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. London: SAGE.
- Kvale, S. (2006). Dominance through interviews and dialogue. *Qualitative Inquiry*, 12(3), 480–500.
- Lane, V. (1996). Typists' influences on transcription: Aspects of feminist nursing epistemic rigour. *Nursing Inquiry*, 3, 159–166.
- Langeiller, K. M. (2001). Personal narrative. In M. Jolly (ed.). *Encyclopedia of life writing: Autobiographical and biographical forms, Vol. 2*, 699–701, London: Fitzroy Dearborn.
- Lapadat, J. (2000). Problematizing transcription: Purpose, paradigm and quality. *International Journal of Social Research Methodology*, 3(3), 203–219.
- Lapadat, J., Lindsay, A. (1999). Transcription in research and practice: From standardization of technique to interpretive positionings. *Qualitative Inquiry*, 5, 64–86.
- Leavy, P. (2011). *Oral history: Understanding qualitative research*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Lincoln, Y., Guba, E. (1985). *Naturalistic inquiry*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Hagens, V., Dobrow, M. J., Chafe, R. (2009). Interviewee transcript review: Assessing the impact on qualitative research. *BMC Medical Research Methodology*, 9, 47–56.
- MacLean, L., Meyer, M., Estable, A. (2004). Improving accuracy of transcripts. *Qualitative Health Research*, 14, 113–123.
- MacWhinney, B., Snow, C. (1991). The wheat and the chaff of four confusions regarding CHILDES. *Journal of Child Language*, 19, 435–458.
- Mauthner, N. S., Doucet, A. (2008). Knowledge once divided can be hard to put together again. *Sociology*, 42(5), 971–985.
- Mays, N., Pope, G. (2000). Qualitative research in health care. Assessing quality in qualitative research. *British Medical Journal*, 1, 114–116.
- McLellan, E., MacQueen, K., Neidig, J. (2003). Beyond the qualitative interview: Data preparation and transcription. *Field Methods*, 15(1), 63–84.

- Mero-Jaffe, I. (2011). “Is that what I said?” Interview transcript approval by participants: An aspect of ethics in qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods*, 10(3), 231–247.
- Meyer, E., Schroeder, R. (2015). *Knowledge machines: Digital transformations of the sciences and humanities*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mondada, L. (2007). Commentary: Transcript variation and the indexicality of transcribing practices. *Discourse Studies*, 9(6), 809–821.
- Moore, N. (2007). (Re)Using qualitative data? *Sociological Research Online*, 12(3). Retrieved from <http://www.socresonline.org.uk/12/3/1.html>.
- Murray-Rust, P. (2008). Open Data in science. *Serials Review*, 34(1), 52–64.
- Norris, S. (2002). The implication of visual research for discourse analysis: Transcription beyond language. *Visual Communication*, 1(1), 97–121.
- Ochs, E. (1979). Transcription as theory. In E. Ochs, B. Schieffelin (eds.). *Developmental pragmatics*, 43–71. New York: Academic Press.
- Onwuegbuzie, A., Leech, N. (2007). Validity and qualitative research: An oxymoron? *Quality and Quantity*, 41(2), 233–249.
- Page, R., Samson, Y., Crockett, M. (2000). Reporting ethnography to informants. In B. Brizulef, J. Stewart, R. Carrillo, J. Berger (eds.). *Acts of inquiry in qualitative research*, 321–352. Cambridge, MA: Harvard Educational Review.
- Perakyla, A. (1997). Reliability and validity in research based on tapes and transcripts. In D. Silverman (ed.). *Qualitative Research: Theory, Method and Practice*, 201–220. London: SAGE.
- Poland, B. (1995). Transcription quality as an aspect of rigor in qualitative research. *Qualitative Inquiry*, 1(3), 290–310.
- Pomerantz, A., Fehr, B. (1997). Conversation analysis: An approach to the study of social action as sense making practices. In T. A. Van Dijk (ed.). *Discourse as social interaction*, 65–91. London: SAGE.
- Potter, J. (1997). Discourse analysis as a way of analyzing naturally occurring talk. *Qualitative research: Theory, Method and Practice*, 144–160. London: SAGE.
- Progler, J. (1991). Choices in editing oral history: The distillation of Dr. Hiller. *Oral History Review*, 19(1-2), 1–16.
- Psathas, G., Anderson, T. (1990). The “practices” of transcription in conversation analysis. *Semiotica*, 78(1/2), 75–99.
- Rhodes, C. (2000). Ghostwriting research: Positioning researcher in the interview text. *Qualitative Inquiry*, 6(4), 511–525.
- Rice-Lively, M. (1994). Wired warp and woof: An ethnographic study of a networking class. *Internet Research*, 4(4), 20–35.
- Riessman, C. (1993). *Qualitative studies in social work research*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Ritchie, D. (2015). *Doing oral history*. New York: Oxford Univ. Press.
- Ryen, A. (2004). Ethical issues. In C. Seale, G. Gobo, J. F. Gubrium, D. Silverman (eds.). *Qualitative research practice*, 230–247. London: SAGE.
- Sandelowski, M. (1994). Focus on qualitative methods: Notes on transcription. *Research in Nursing and Health*, 17(4), 311–314.

- Scheurich, J. (1995). A postmodern critique of research interviewing. *Qualitative Studies in Education*, 8(3), 239–252.
- Schrum, L. (1995). Framing the debate: Ethical research in the information age. *Qualitative Inquiry*, 1(3), 311–326.
- Schwandt, T. (2007). *The SAGE dictionary of qualitative inquiry*. London: SAGE.
- Slavnic, Z. (2013). Towards qualitative data preservation and re-use — Policy trends and academic controversies in UK and Sweden. *Forum: Qualitative Social Research*, 14(2). Retrieved from <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1872>.
- Taylor, I. J., Deelman, E., Gannon, D. B., Shields, M. (eds.). (2007). *Workflows for e-Science: Scientific workflows for grids*. London: Springer.
- ten Have, P. (1990). Methodological issues in conversation analysis. *Bulletin de Méthodologie Sociologique*, 27(1), 23–51.
- Thompson, P. (2000). *The voice of the past: Oral history*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Thomson, A. (2003). Introduction: Sharing authority: Oral history and the collaborative process. *The Oral History Review*, 30(1), 23–26.
- Thomson, A. (2007). Four paradigm transformations in oral history. *The Oral History Review*, 34(1), 49–70.
- Tilley, S. (2003). “Challenging” research practices: Turning a critical lens on the work of transcription. *Qualitative Inquiry*, 9(5), 750–773.
- Turnbull, A. (2000). Collaboration and censorship in the oral history interview. *International Journal of Social Research Methodology*, 3(1), 15–34.
- Vahasantanen, K., Saarinen, J. (2013). The power dance in the research interview: Manifesting power and powerlessness. *Qualitative Research*, 13(5), 493–510.
- West, C. (1996). Ethnography and orthography: A (modest) methodological proposal. *Journal of Contemporary Ethnography*, 25(3), 327–352.
- Yow, V. (2005). *Recording oral history: A guide for the humanities and social sciences*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press.
- Zeitlin, D. (2012) Anthropology in and of the archives. Possible futures and contingent pasts. Archives as anthropological surrogates. *Annual Review of Anthropology*, 41, 461–480.
- Zhizhek, S. (1999). *Vozvyshennyi ob’ekt ideologii* (Transl. from: Žižek, S. (1989). The sublime object of ideology. London: Vergo). Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal. (In Russian).
- ORLOVA, G. A. (2016). CO-AUTHORIZATION, NOT CO-AUTHORSHIP: THE ADVENTURES OF TRANSCRIPT IN THE DIGITAL AGE. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 200–223

Резвых Пётр Владиславович
кандидат философских наук
ведущий научный сотрудник,
Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики
Россия, 107031, Москва, ул. Петровка, 12, к. 302
Тел.: +7(495)772 95 90*2694
E-mail: rezvykh@rambler.ru

«ДЕНЬ ГОСПОДЕНЬ ГРЯДЕТ»: ХРИСТИАНСКАЯ УТОПИЯ ПАСТОРА ЗЕДЕРГОЛЬМА

Аннотация. В статье впервые публикуется в русском переводе и анализируется рукописный набросок пастора К. А. Зедегольма (1789–1867) к неопубликованной утопической повести «Церковь. Повесть из последней четверти двадцатого века», а также реконструируется связь этого замысла Зедегольма с его философско-религиозными идеями и с его притязаниями на специфическую роль посредника в процессе взаимодействия немецкой и русской культур.

Ключевые слова: Зедегольм, утопия, протестантизм, немецкий романтизм, русская культура

Фигура Карла Альбрехта Зедегольма (1789–1867), московского протестантского пастора шведского происхождения, предоставляет замечательный материал для демонстрации широких возможностей персонологического подхода в изучении процессов взаимодействия культур¹. Особая роль Зедегольма в истории русской культуры обусловлена прежде всего его двойной ролью популяризатора русской культуры в немецкоязычной среде и проводника новейших идей немецкой идеалистической и романтической философии в среде русской интеллигенции.

¹ Статья написана в рамках научного проекта №14-01-0030, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.

Среди немецких контактов Зедергольма — поэты и писатели Иоганн Вольфганг Гёте, Юстинус Кернер, Жан-Поль Рихтер и Николаус Ленау, философы Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг, Иоганн Эдуард Эрдманн, Артур Шопенгауэр и Куно Фишер, естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт, теолог Генрих Тирш, композитор Феликс Мендельсон. Среди представителей русской культуры, с которыми он активно общался, — В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, М. П. Погодин, Н. А. Полевой, А. С. Хомяков, Ф. А. Голубинский, А. И. Герцен и мн. др.

Реализуя свои творческие устремления одновременно в контексте двух разных культур (русской и немецкой), но не принадлежа целиком ни к одной из них, пастор Зедергольм сыграл важную роль как в формировании образа немецкой идеалистической философии в русской философской традиции (в частности, в глазах славянофилов, с которыми регулярно и тесно общался), так и в формировании образа русской культуры в немецком ученом сообществе. Этой двунаправленностью творческой и публицистической деятельности Зедергольма определяется и двойная актуальность изучения его наследия для историко-философской науки и, шире, для истории культуры. Анализ философско-богословского творчества Зедергольма, а также реконструкция истории его многочисленных и разнообразных личных контактов с видными представителями немецкой и русской философии и культуры, могут пролить новый свет как на эволюцию немецкой философско-богословской мысли послекантовского периода, так и на условия формирования важнейших феноменов отечественной философской традиции, в частности, на генезис славянофильской мысли.

Комплексное изучение немецкоязычного и русскоязычного философского, теологического и литературного наследия Зедергольма предполагает, наряду с анализом опубликованных сочинений, освоение весьма обширного массива архивного рукописного материала, включающего рукописи философского и литературного характера, переписку, личные дневники и официальные документы, касающиеся биографии мыслителя. Речь идет прежде всего о материалах из личного фонда К. А. Зедергольма (Ф. 107) в собрании Отдела рукописей РГБ, а также об эпистолярных и биографических документах из других архивных фондов — Государственного архива Российской Федерации, отдела рукописей Вюртембергской земельной библиотеки (Штутгарт, Германия), архива Берлин-Бранденбургской академии наук (Берлин, Германия), Немецкого литературного архива (Марбах, Германия) и др. В настоящей статье на основе обнаруженного в ходе изучения этих фондов уникального эпистолярного документа реконструирован один из наиболее характерных и показательных эпизодов культурно-посреднической деятельности Зедергольма.

Речь пойдет о так и не реализованном литературном проекте, работу над которым Зедергольм вел одновременно со своими первыми религиозно-философскими опытами. Хотя сохранившиеся свидетельства о нем весьма немногочисленны, они, как мы увидим, чрезвычайно ярко

характеризуют мировоззренческие предпосылки, которыми направлялась литературная и публицистическая деятельность пастора, а также коммуникативные проблемы, возникавшие в ходе ее осуществления. Поскольку для адекватного понимания смысла этого проекта необходимо обращать внимание не только на содержание, но и на коммуникативный контекст, в котором разворачивается его изложение, мы приведем сохранившиеся свидетельства целиком, в ряде пространных цитат, а затем уже обратимся к интерпретации отраженного в них замысла с учетом биографического и историко-культурного контекста.

* * *

Итак, 31 марта 1826 г. Зедергольм обратился с пространным письмом к знаменитому немецкому издателю барону Котте, в котором без лишних предисловий выдвинул деловое предложение. Пастор писал²:

Так как для сочинения, кое я намереваюсь опубликовать, было бы лестной рекомендацией, если бы оно появилось в знаменитом издательстве Вашего Высокоблагородия, и поскольку со слов моего досточтимого друга Нордхофа³ я знаю, что Вы, по крайней мере ранее, желали получить для Вашего издательства духовные продукты из России, то беру на себя смелость обратиться к Вам с вопросом, соблаговолите ли Вы принять от меня мою рукопись; в каковом случае я незамедлительно вышлю ее Вам, предоставляя всецело Вашему решению, удостоите ли Вы ее какого-либо, и какого именно, гонора или же нет. — Эта книга, по объему примерно такая же, как и лекции Шеллинга о методе академических занятий, будет называться *«Церковь. Повесть из последней четверти двадцатого века»*. Цель ее — изобразить в ряде сцен уже осуществленным высшее совершенство протестантской церкви и уже совершившимся все то, что должно произойти, дабы оное было достигнуто. Поэтому рассказ перенесен в будущее, а все в целом носит скорее поэтический характер. Сочинение выдержано в спокойном тоне, отвечающем достоинству предмета, и, будучи написано мною с искренней чистой любовью, найдет свою публику. — Содержание в целом таково: изображение заключенного благодаря растущему господству религиозности мирного договора между русским царем и греческим королем. Сюжет развивается следующим образом. Два молодых священнослужителя, потомки протестантского миссионера, 150 лет назад (ныне) пере-

² Все цитаты из писем К. А. Зедергольма приводятся в нашем русском переводе, сделанном с выполненных нами транскрипций рукописных оригиналов.

³ Имеется в виду немецкий врач Антон Фридрих Нордхоф (1778–1825), находившийся на службе в России с 1806 по 1819 г. и затем, после недолгого пребывания на родине, с 1822 по 1825 г. В автобиографическом эпизоде религиозно-философской поэмы Зедергольма «Спасение» Нордхоф упомянут в числе дорогих его сердцу покойников, на новую встречу с которыми в загробном мире уповает автор. Знакомство, по-видимому, состоялось незадолго до кончины Нордхофа: в поэме он назван в числе тех, кого автор «едва успел полюбить, чтобы тотчас же и оплакать» [Sederholm 1833: 173].

селившегося на один из мелких удаленных тихоокеанских островов, отправляются в странствие, чтобы увидеть, как обстоит дело с церковью христианской вообще и с протестантской в особенности. Они прибывают в Новую Голландию⁴. Все евреи из Европы переселены туда. Необходимость этой меры. Размежевание христианства с иудаизмом. Оттуда в Индию. Эта страна стала местопребыванием английского правительства. Новое направление европейской политики. Сцена в школе для аборигенов. Миссионерство. Европейские империи в Азии и Африке. Размежевание христианства с язычеством и исламом. Прибытие странников в Иерусалим. Папа римский, немец, перенес туда из Рима свою резиденцию. Возможности новой жизни католической церкви. Размежевание ее с протестантской церковью. Затем через Россию в Германию. Последняя — могущественная, счастливая держава. Великий король. В пути сцена домашнего благочестия. Они прибывают в Тевтбург, новую столицу империи. Описание осуществленного идеала протестантского богослужения. (Попытка сделать его более захватывающим без роскоши и искусственности.) Развитие понятия чисто христианской мессы. Объяснение того, как стала возможной эта новая церковная жизнь. Первый импульс дала вторая (желаемая) часть «Фауста» Гёте. Великий король отказался от *summus episcopatus*⁵ и объявил свободу церкви. Конституция и представительное устройство протест[антской] церкви. Постоянный собор союзных церквей. Церковное управление. Свобода прессы, средства оповещения, церковные сборы. Путешествие странников в северонемецкую гавань. По дороге — пребывание у одного сельского проповедника. Его положение. Душепопечение. Воспитание. Прибытие в семинарию для проповедников. Описание семинарии, какой она должна быть, чтобы сделать проповедников такими, какими им надлежит быть от Бога. Новые радостные перспективы для странников. Домашнее применение причастия. Возвращение.

Так как я осмелился вовлечь в сюжет моего рассказа Гёте, досточтимого князя поэтов Германии, и поскольку я знаю, в каких отношениях находится с ним Ваше Высокобл[агородие], то препровожу Вам, в качестве пробы целого, весь относящийся к нему отрывок, от всего сердца желая, чтобы он не вызвал Вашего неблаговоления и не покатился недостойным сего всеми чтимого мужа. — <...> Преданный слуга Вашего Высокоблагородия д-р Зедегольм.

Для пробы. Иоганн: Так назовите же мне того человека, от которого произошел эта обновленная жизнь в нашей церкви, дабы я благословил его в сердце своем. Проповедник: Вчера я не без умысла дал вам «Фауста» Гёте, которого вы, конечно же, прочтете. Так поверите ли вы мне, если я скажу, что создатель «Фауста» стал в руках Провидения орудием к тому, чтобы дать хотя бы первый импульс к этой новой жизни? Оттомар: Гёте! Нет, этого быть не может! Проповедник: Каким бы невероятным это ни казалось, все же это так. Этому

⁴ Новая Голландия — историческое наименование Австралии.

⁵ Установленный в немецких протестантских землях и сохранявшийся до 1918 г. статус светского правителя как верховного епископа земельной церкви.

великому человеку, более полвека бывшему гордостью своего народа и своей эпохи, этому в высшей степени одаренному человеку недоставало только одного — понимания (*Sinn für*) не столько религии, сколько христианства. Ведь если бы оно явилось его духу во всей своей славе, рассуждали многие, то он не мог бы не выразить того, что с божественной силой овладевает душой человека, одаренного этим счастьем. Жизнь поэта определяется одним горациевым *Poscimus*⁶. Так и в этом великом уме своего времени повторился тот печальный опыт, что как раз те, кому дарован высший певческий дар, обыкновенно — священнодействующего Клопштока я отсюда исключаю — ничего не делают для прославления религии и церкви, но именно эту наилучшую и самую завидную часть своего призвания предоставляют тем, в ком наилучшее — это их добрая воля. И все же в отношении Гёте в конце концов все заблуждались, ибо он, во всем шедший своим собственным путем и часто делавший совершенно противоположное тому, чего от него ждали, так же поступил и здесь, выступив на закате своей жизни со второй частью «Фауста». Как известно, до сих пор эта чудесная поэма оставалась фрагментом, и многие давно уже оставили надежду увидеть его завершение, как вдруг неожиданно вышла в свет эта вторая часть. Вы прочтете ее уже сегодня вечером, а пока удовольствуйтесь скудным пересказом, какой необходим нам для продолжения беседы. — В своего рода введении, представляющем собою, быть может, прекраснейшую поэму во всей немецкой литературе, престарелый поэт сетует на то, что свет христианства лишь теперь воссиял ему во всей своей славе. Затем он описывает бывшее ему видение, в котором ему явился дух бессмертного юноши (Новалиса) и повелел посвятить наивысшее наивысшему. Так явись предо мною, златая лира, восклицает он в дифирамбическом одушевлении, явись и прозвучи в последний раз для твоих современников. День Господень грядет, приветствуй, торжествуя, его славную зарю, мне же дай излить последний жар сердца в твоих звуках. — От <...> [Sederholm 1826a]⁷.

* * *

Прежде чем высказать ряд соображений относительно содержания повести, обратимся к скудным свидетельствам о ее дальнейшей судьбе.

Как мы узнаем из датированного 23 августа 1826 г. письма Зедергольма в редакцию выходившего в издательстве Котты «Утреннего листка для образованных сословий», пастор получил лично от барона Котты совет направить свои сочинения именно в это периодическое издание. Зеде-

⁶ Зедергольм имеет в виду начало 32 оды из первой книги од Горация: «*Poscimus. Si quid vacui sub umbra / lusimus tecum, quod et hunc in annum / vivat et pluris, age, dic Latinum, / barbite, carmen...*» (в русском переводе З. Морозкиной: «Лири! нас зовут. Коль в тени досуга / Мы могли напеть тот напев, который / Нас переживет — одари нас ныне / Песней латинской!») [Гораций 1970: 84]. Эту формулу Горация Зедергольм поместил в качестве эпиграфа на титульный лист своей религиозно-философской поэмы «Спасение» [Sederholm 1833: i].

⁷ К сожалению, на этом месте кончается лист и, соответственно, обрывается сохранившаяся часть письма.

гольм препроводил в редакцию сразу несколько рукописей. Всего в письме перечислялись восемь сочинений. Первым номером значилась повесть «Церковь». За нею следовали цикл философских афоризмов «Эмбрионы мыслей»⁸; перевод стихотворения шведского поэта Й.-Г. Келльгрена; два стихотворения на смерть императора Александра I; написанный по-французски очерк о Густаве III; фрагменты из путевых заметок шведского поэта П. У. Кернелла о его общении с Ф. В. Й. Шеллингом⁹; стихотворение на коронацию Николая I; немецкое поэтическое переложение молитвы «Отче наш» белым стихом.

Повесть «Церковь» Зедергольм прокомментировал следующим образом:

1. Отрывки из еще не опубликованного сочинения под названием «Церковь». Если — чего я, впрочем, не опасуюсь — редакция предпочтет воздержаться от принятия к публикации той части сочинения, которая касается Гёте, то я готов ее изъять, тем более что и все в целом представляет собою фрагмент [Sederholm 1826b].

Далее в письме пояснялось, что фрагменты повести пастор, наряду с другими авторскими сочинениями (в отличие от переводов), желал бы опубликовать под псевдонимом «- th —», и указывалось, по какому адресу в случае принятия рукописей к публикации можно направить гонорар, назначенный самим Коттой (20 талеров за лист крупным шрифтом и 24 талера за лист мелким шрифтом).

По прошествии семи с лишним месяцев, 10 апреля 1827 г. Зедергольм направил в редакцию «Утреннего листка» записку следующего содержания: «Редакцию “Утреннего листка” нижеайше прошу подателю сего выдать на руки сочинения, посланные мною в оную в августе прошлого года». Первым номером среди истребованных рукописей значился «Отрывок из повести “Церковь”». На записке рукой писателя Вильгельма Гауфа, с января по ноябрь 1827 г. занимавшего должность главного редактора «Утреннего листка», помечено: «Из перечисленных статей в моем репертуаре нет ни одной, так что прошу Вас справиться о них у г-на фон Котты» [Sederholm 1827].

К сожалению, не сохранилось никаких документов, позволяющих установить, последовал ли Зедергольм совету Гауфа и каков был результат. В любом случае здесь следы повести обрываются: опубликован текст не был, среди бумаг Зедергольма, сохранившихся в его архиве, не удалось найти ни эту рукопись, ни другие, перечисленные в письмах в редакцию «Утреннего листка». Остается только гадать, что с ними произошло.

---

⁸ Один из более поздних вариантов этого сочинения сохранился в архиве Зедергольма (ОР РГБ. Ф. 107. Карт. 2. Ед. хр. 19).

⁹ Как мы уже отмечали в другом месте [Резвых 2008], Зедергольм многократно пытался опубликовать эти заметки, сначала по-немецки, а затем, после того как Шеллинг прямо выразил пастору свое неодобрение этого намерения, в русском переводе, на который стремился обратить внимание своих немецких коллег, владеющих русским языком.

Трудно определенно судить и о том, в какой мере в рукописи, направленной в «Утренний листок», был реализован план повести, содержащийся в письме Котте. Поскольку сам Зедергольм в письме в редакцию подчеркивал фрагментарный характер сочинения, вполне вероятно, что из множества намеченных им сцен литературно разработаны были лишь немногие. Возможны две гипотезы: либо план в письме Котте был лишь заявкой на еще не написанное сочинение, для которого у Зедергольма, вопреки его собственным заверениям, имелись только наброски отдельных эпизодов, либо оно было готово целиком, но Котта от публикации столь объемного сочинения в виде книги отказался и перенаправил пастора в «Утренний листок», оставив решение о публикации фрагментов на усмотрение редакции журнала.

* * *

Теперь обратимся к самому содержанию задуманной Зедергольмом повести. В намеченных в ней линиях будущего политического развития Европы легко угадываются аллюзии на сравнительно недавние политические события. Предсказание о союзе русского царя и греческого короля явно намекает на события греческой войны за независимость: в то время, когда было написано первое письмо Котте, турецкие войска под командованием Ибрагим-паши весьма успешно вели наступление на греческие территории, а Россия, Великобритания и Франция предпринимали активные дипломатические усилия в поддержку Греции, приведшие в 1827 г. к избранию Иоанна Каподистрии правителем Эллады и к заключению Лондонской конвенции. Чаемое объединение Германии под властью «великого короля» представляет собой попытку предвосхитить развитие объединительных тенденций, все сильнее заявлявших о себе в немецких землях после создания Германского союза. Представление о формировании в далеком будущем колониальных империй Германии и других европейских держав отсылает к расширению английских и французских колониальных владений в первой четверти XIX в. Конечно, все эти политические прогнозы и очень абстрактны, и чрезвычайно наивны. Но они и не являются главным предметом интереса для автора повести, а лишь обрамляют центральный сюжет, занимающий его, — эволюцию христианской религии.

Как мы знаем из начавшейся примерно в это же время переписки Зедергольма с Шеллингом, основное содержание которой раскрыто нами в других статьях [Резвых 2008; Rezvykh 2015], сюжет повести обдумывался одновременно с формулированием им основных положений философии религии, которая должна была заложить философско-теологические основы для примирения христианской религии с разумом и способствовать новому расцвету протестантской церкви, т. е. объединению различных протестантских деноминаций в единую церковь евангельских христиан. Повесть «Церковь» призвана дополнить эту спекулятивную конструкцию историософскими и политическими следствиями.

Нетрудно заметить, что композиция ее выстроена таким образом, что перемещение путешественников в пространстве становится символическим изображением исторического пути христианской религии, проходящей одну за другой стадии постепенного очищения от чуждых ей элементов: сначала происходит размежевание христианства с иудаизмом, затем — с язычеством и исламом и, наконец, размежевание протестантизма с католицизмом. Протестантская церковь в ее высшем совершенстве предстает как результат этого очищения, как наиболее концентрированное выражение собственно христианского образа жизни и мысли. Явление христианского вероучения во всей его чистоте и во всем его величии, по мысли Зедергольма, повлечет за собою трансформацию всей европейской политики.

Связь этих двух процессов была впоследствии детально разработана Зедергольмом в пространной статье «Союз политики с философией религии. Письмо к одному современному дипломату», которой открывался сборник «Исследования в пустыне» [Sederholm 1835], выпущенный им в 1835 г. в Берлине в издательстве Георга Раймера (не менее престижном, чем издательский дом Котты)¹⁰. В свете идей, изложенных в этой статье, проясняется и значение многих пунктов, лишь тезисно намеченных в плане повести.

В статье 1835 г. Зедергольм указывает на две основные сферы продуктивного взаимодействия государства и церкви, благодаря которому станет возможным их одновременное преобразование и обновление: во-первых, наука и образование, во-вторых, колонизация.

С одной стороны, государство должно способствовать созданию условий для формирования такого единого понимания христианского учения, на основе которого могли бы объединиться как различные протестантские деноминации, так и различные территориально разобщенные земельные церкви. Для решения этой задачи Зедергольм предлагает создать при участии государства евангелическую академию, объединяющую лучшие философские и богословские умы христианской Европы (прежде всего немецких теологов). Усилиями членов академии будет разработано теоретическое обоснование для церковной реформы, основными компонентами которой должны стать эмансипация церкви от опеки со стороны государства, введение свободы прессы и внутренняя реорганизация церковного управления.

Естественным следствием этих нововведений будут, во-первых, упомянутое в наброске повести политическое объединение немецких земель на

---

¹⁰ В предисловии, датированном 1832 г. (очевидно, статьи к этому времени уже были написаны), книга преподносилась читателям как прямое продолжение сборника «Исследования. Ряд философских сочинений в отдельных выпусках. Выпуск первый», изданного в Москве двумя годами ранее [Sederholm 1830].

основе союза земельных церквей, а во-вторых, широкое распространение христианской нравственности, которое обеспечит прочную основу государственного порядка и приведет к экономическому процветанию Европы, прекращению войн и революций:

Мудрое и достойное сотрудничество нынешней дипломатии и накопленный в последние полвека опыт обеспечат Европе продолжительное мирное время. Долги будут выплачены, следы прежних страданий стерты, и образуется избыток политической силы и перенаселения, который мог бы вскоре дать повод к новому брожению [Sederholm 1835: 24].

С другой стороны, именно для того чтобы найти новое применение высвободившимся человеческим и политическим ресурсам, государство призвано способствовать миссионерским усилиям христианских общин как внутри Европы (через развитие системы всеобщего христианского образования), так и за ее пределами (через соединение хозяйственных и политических интересов европейских государств в колониях с религиозной задачей христианизации нехристианских народов).

В статье 1835 г. Зедергольм пишет:

Если служащее христианству путеводной звездой учение о том, что спасение человечества только во Христе, истинно, то задача политики заключается в том, чтобы приобретать все большее влияние на избавление нецивилизованных народов от состояния дикости и обосновывать все более широкое главенство (Suprematie) над ними. Эта задача превосходно согласовывалась бы с упомянутой выше задачей обеспечения оттока избыточной политической силы, и политика (как это повсюду и происходит) тем надежнее заботилась бы о своих собственных преимуществах, чем активнее способствовала бы осуществлению целей Провидения. Я уже не говорю о том, что открытие такого взаимовлияния в других частях света стало бы для уже стареющей Европы мощным средством объединения, да и о том, что это был бы единственный способ обезопасить себя от растущей мощи Северной Америки — а уж Южная Америка и Новая Голландия, конечно, присоединятся к ней, — и на столетия вперед, а возможно, и навеки создать ей противовес. Этот отток предстал бы, с одной стороны, как систематическая и расширяющаяся колонизация, а с другой, как стремление силой оружия сделать нехристианские государства зависимыми от христианской политики и ее целей. Польза и необходимость колонизации слишком очевидны, чтобы о них долго распространяться. Какой мощный толчок дала бы она уже мировой торговле, и какое прочное основание для избавления народов от дикости было бы ею заложено! [Sederholm 1835: 31–32].

Нетрудно распознать в этой картине то «новое направление европейской политики», о котором говорится в обзоре содержания повести из письма к Котте.

Не случайно и появление в наброске повести отдельного эпизода, посвященного школе для аборигенов. В «Союзе политики с философией религии» читаем:

Кажется, миссионерство стало бы поистине процветать лишь в том случае, если бы при всяком миссионерском поселении возникала сразу и небольшая колония, членов которой, разумеется, надлежало бы отбирать с особою тщательностью, и которая одновременно прививала бы нехристианам европейские нравы и давала пример и образец христианской жизни. Породнение молодого поколения этой колонии через заключение браков с семьями аборигенов внесло бы свой вклад в распространение и упрочение христианства. Особое же внимание миссионеров должно быть обращено на обучение юношества, и если миссионер насчитывает меньше новообращенных христиан в своей миссии, чем насчитывается учеников в его школе, то виноват в этом только он сам [Sederholm 1835: 34].

Мотивы повести, относящиеся к специальным вопросам внутрицерковной реформы, также находят себе однозначные параллели в статье 1835 г. Здесь весьма подробно описаны и механизмы выборного представительства в церковном управлении, и участие наделенного правом вето представителя государства в принятии внутрицерковных решений, и организация церковных финансов, и множество других деталей [Sederholm 1835: 21–22]. Эпизод посещения странниками семинарии для проповедников явно коррелирует с упомянутой выше идеей развития всеобщего христианского образования.

* * *

Труднее реконструировать содержание эпизодов, в которых должны были найти воплощение представления Зедергольма о реформе собственно богослужебной практики. Ни «понятие чисто христианской мессы», ни «домашнее применение причастия» не нашли отражения в текстах сборника 1835 г. Касательно позиции Зедергольма в литургических вопросах можно только отметить, что в помещенном в том же сборнике небольшом катехизическом очерке «Что думает об этом протестантская церковь, или Попытка изложить исповедание веры протестантской церкви сообразно ее нынешней точке зрения», приуроченном к юбилею Аугсбургского исповедания, он решительно отвергает распространенное в тогдашнем протестантском богословии представление о причастии как «памятном торжестве» (Erinnerungsfeier), где святые дары лишь «обозначают» (bedeuten) тело и кровь Христовы, и подчеркивает, что в момент принятия святых даров «Господь (...) теснейшим образом соединяется с верующим и посредством этого блаженного воссоединения дарует ему новые силы для новой святой жизни» [Sederholm 1835: 88].

Не помогают тексты «Исследований в пустыне» восстановить ни аргументацию Зедергольма в пользу переселения евреев в Австралию (в «Союзе политики с философией религии» в связи с миссионерскими задачами говорится лишь: «Даже для обращения иудеев можно было бы сделать многое, если бы политика удостоила сей предмет своего внимания и участия, в противном же случае оно будет невозможно» [Ibid.: 33]), ни его представление о «возможностях новой жизни католической церкви» (напротив, в той же статье пастор осторожно называет «слишком сангвиническим упованием» предположение, что вместе с объединением протестантских деноминаций «столь же активная религиозная жизнь начнется и в католическом христианском мире» [Ibid.: 24]). Однако не подлежит сомнению, что в целом теоретические выкладки сборника 1835 г. представляют собой прямое продолжение и развитие тех общих установок, которые были положены в основу повести «Церковь».

Впрочем, наиболее пикантным и рискованным эпизодом повести является, несомненно, тот, который был прислан Котте в качестве «пробы целого», — т. е. тот, где роль провозвестника грядущего золотого века протестантской церкви отводится Гёте. Разумеется, разрабатывая сюжет своей утопии, Зедергольм едва ли мог знать, что Гёте с 1824 г. действительно интенсивно работает над второй частью «Фауста», и уж, конечно, никак не предполагал, что очень скоро, уже в 1827 и 1828 гг., в печати появятся отрывки из нее, а в 1832 г., уже после смерти поэта, она будет обнародована целиком. Однако и безотносительно к этому любопытному совпадению намерение пастора изобразить Гёте, известного своим весьма сдержанным и осторожным отношением к христианскому вероучению, в роли раскаявшегося грешника, которому на склоне лет воссиял свет христианского благовестия, да еще вложить в его уста свой собственный вариант завершения «Фауста» (какой именно, нам, к сожалению, неизвестно, но из контекста сохранившегося отрывка совершенно ясно, что такой вариант у Зедергольма был), выглядит по меньшей мере двусмысленно.

Амбивалентная позиция Зедергольма по отношению к Гёте, сочетающая преувеличенный пиетет с претензией на то, чтобы указывать поэту его истинную миссию, чрезвычайно напоминает его аналогичное отношение к Шеллингу: называя философа «первосвященником человечества», пастор тоже явно проецировал на него свои религиозно-политические ожидания и наивно полагал, что будет им понят и поддержан. Однако если в случае с Шеллингом речь могла идти, хотя бы чисто гипотетически, о продуктивном сотрудничестве двух ученых на общем поприще философии религии, то своими фантазиями на тему ненаписанной второй части «Фауста» Зедергольм явно ставил себя по отношению к Гёте в заведомо проигрышное положение одновременно наставника и соперника.

Невыгодное впечатление, которое неизбежно должен был произвести этот эпизод повести не только на самого Гёте, но и на Котту, усугублялось еще и тем, что в роли божественного посланника, вдохновляющего Гёте на

создание нового шедевра, в нем фигурировал Новалис. Как известно, Гёте не только решительно дистанцировался от йенского кружка, но и с едкой иронией высказывался о своеобразном посмертном культе, сложившемся вокруг Новалиса. Например, еще в 1808 г. в записанной И. Д. Фальком беседе в салоне Иоганны Шопенгауэр, рассуждая о том, можно ли считать кого-либо из современных писателей литературным императором, он заметил:

Новалис им еще не был, но мог бы со временем стать. Жаль только, что он умер таким юным, тем более что он, сверх того, стал потакать своему времени и сделался католиком. А ведь девицы и студенты уже толпами совершали паломничества к его могиле и осыпали ее цветами. Это, я бы сказал, недурное начало, и отсюда уже можно было бы ожидать кое-какие следствия [Goethe 1889: 203].

Поэтому Зедергольм имел куда больше оснований опасаться неблаговоления в свой адрес, нежели он сам осознавал.

Конечно, нельзя утверждать с уверенностью, что именно это обстоятельство определило судьбу повести. Однако, учитывая дипломатичность Котты, которого с Гёте (как, впрочем, и с Шеллингом) связывали многолетние деловые отношения, трудно предположить, что он мог бы одобрить подобную публикацию. Первое письмо в редакцию «Утреннего листка», в котором Зедергольм заявляет о своей согласии пожертвовать при публикации фрагментов повести эпизодом со второй частью «Фауста», подталкивает к предположению, что Котта тактично намекнул ему на возможность и даже желательность такой купюры, однако наивный пастор, по-видимому, все же надеялся, что в редакции журнала могут принять иное решение. Так или иначе, ни повесть целиком, ни фрагменты ее так никогда и не были обнародованы.

Впрочем, нельзя не заметить, что такой исход дела оказался для Зедергольма в конечном счете благотворным: благодаря ему пастор избежал не только литературного скандала, угрожавшего его едва начавшейся литературной карьере в Германии, но и конфликта со своим российским начальством. Публикация религиозной утопии, в которой православие, в отличие от католицизма, в грядущем золотом веке вообще не отводилось никакого места, несмотря на то что важнейшей предпосылкой этого грядущего расцвета должен был стать политический союз между российским императором и греческим королем, в глазах российских чиновников едва ли свидетельствовала бы в пользу политической благонадежности ее автора.

Архивные источники

- Sederholm 1826a — *Sederholm K.* Brief an Cotta, 31. März 1826 (Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta Br.).
- Sederholm 1826b — *Sederholm K.* Brief an die Redaktion des Morgenblatts, 23. August 1826 (Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta Br.).
- Sederholm 1827 — *Sederholm K.* Brief an Cotta, 10. April 1827 (Deutsches Literaturarchiv Marbach, Cotta Br.).

Литература

- Гораций 1970 — *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Худ. лит., 1970.
- Резвых 2008 — *Резвых П. В.* Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. № 91. 2008. С. 141–195.
- Goethe 1889 — *Goethe J. W.* Gespräche / Hg. von W. von Biedermann. Bd. 2: 1805–1810. Leipzig: Biedermann, 1889.
- Rezvykh 2015 — *Rezvykh P. V.* The Moscow pastor Sederholm and the reception of the philosophy of the German Idealism in Russia / National Research University Higher School of Economics: Working papers of the Basic Research Program. Ser. “Humanities”. No. 91. 2015. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/03/26/1096182361/91HUM2015.pdf>.
- Sederholm 1830 — *Sederholm K.* Studien. Eine Reihe philosophischer Anhandlungen in zwanglosen Heften. Erstes Heft. Moskau: Gedruckt bei S. Seliwanowski, 1830.
- Sederholm 1833 — *Sederholm K.* Die Erlösung. Ein Gedicht in zwölf Gesichten. Berlin: Reimer, 1833.
- Sederholm 1835 — *Sederholm K.* Studien in der Wüste. Berlin: Reimer, 1835.

Сокращения

- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

“THE DAY OF THE LORD COMETH”: A CHRISTIAN UTOPIA BY PASTOR SEDERHOLM

Rezvykh, Petr V.

PhD (Candidate of Sciences in Philosophy)

Leading Research Fellow, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI), National Research University — Higher School of Economics

Russia, 107031, Moscow, Petrovka, 12

Tel.: +7(495)772-95-90*2694

E-mail: rezvykh@rambler.ru

Abstract. This paper presents a Russian translation and an interpretation of a manuscript by K. A. Sederholm, a Protestant pastor in Moscow, which contains the draft outline of his unpublished utopian novel “The Church. A story from the last quarter of the twentieth century” (“Die Kirche. Eine Erzählung aus dem letzten Viertel des zwanzigsten Jahrhunderts”), together with a reconstruction of the connection between Sederholm’s utopian vision, his religious and philosophical ideas and his claims to the distinctive role of a mediator between German and Russian cultures.

Keywords: Sederholm, utopia, Protestantism, German romanticism, Russian culture

References

- Goethe, J. W. (1889). *Gespräche, vol. 2: 1805–1810*. W. von Biedermann (Ed.). Leipzig: Biedermann. (In German).
- Kvint Goratsii Flakk (1970). *Ody. Epody. Satiry. Poslaniia* [Odes. Epodes. Satires. Epistles] (Transl. from Latin; Quintus Horatius Flaccus). M. L. Gasparov (Ed.). Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).
- Rezvykh, P. V. (2008). Shelling v dialoge s rossiiskimi intellektualami [Schelling in a dialogue with Russian intellectuals]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 91, 141–195. (In Russian).
- Rezvykh, P. V. (2015). *The Moscow pastor Sederholm and the reception of the philosophy of the German Idealism in Russia* (National Research University Higher School of Economics: Working papers of the Basic Research Program. Ser. “Humanities”, no. 91). Retrieved from <https://www.hse.ru/data/2015/03/26/1096182361/91HUM2015.pdf>.
- Sederholm, K. (1830). *Studien. Eine Reihe philosophischer Anhandlungen in zwanglosen Heften. Erstes Heft*. Moskau: Gedruckt bei S. Seliwanowsk. (In German).
- Sederholm, K. (1833). *Die Erlösung. Ein Gedicht in zwölf Gesichten*. Berlin: Reimer. (In German).
- Sederholm, K. (1835). *Studien in der Wüste*. Berlin: Reimer. (In German).
- REZVYKH, P. V. (2016). “THE DAY OF THE LORD COMETH”: A CHRISTIAN UTOPIA BY PASTOR SEDERHOLM. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 224–237

СЕРГЕЮ ЮРЬЕВИЧУ НЕКЛЮДОВУ — 75 ЛЕТ

31 марта 2016 г. исполняется 75 лет Сергею Юрьевичу Неклюдову — фольклористу, создателю Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, заведующему Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС, главному редактору журнала «Шаги / Steps».

Круг научных интересов юбиляра, ученого с мировым именем, необыкновенно широк: это русские былины и центральноазиатский эпос (а с недавних пор — еще и древнеегипетские тексты), волшебная сказка и городская песня XX века, нарративная структура фольклорного текста и сравнительная мифология, проблемы текстопорождения и культурной памяти... Около десяти монографий, сотни статей. А еще — многолетний редакторский труд, работа в издательствах «Искусство» и «Наука», членство в редколлегиях различных гуманитарных изданий, руководство журналом «Живая старина», а теперь — журналом «Шаги / Steps».

А еще — преподавательская деятельность — и отнюдь не формальное, живое участие в судьбе студентов, аспирантов, магистрантов, докторантов, подлинное наставничество. Сергея Юрьевича отличают необыкновенная отзывчивость, готовность всегда выслушать, помочь советом (и в науке, и в жизни).

Редакция и редколлегия журнала «Шаги / Steps» от всей души поздравляют Сергея Юрьевича, желают ему доброго здоровья, долголетия, творческих успехов и осуществления всех задуманных проектов.

THE 75TH ANNIVERSARY OF SERGEI YURIEVICH NEKLIUDOV (2016). *SHAGI / STEPS*, 2(1), 238

Глушаев Алексей Леонидович
кандидат исторических наук
доцент, кафедра культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры
Россия, 614000 Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18
Тел.: +7 (342) 212-65-52
E-mail: perst-ur@mail.ru

«ОНИ БОЛЕЕ, ЧЕМ МУЖЧИНЫ...»

Рецензия на книгу: Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг.: Исследование и источники. — М.: Индрик, 2015. — 512 с.; ил.

Появление работы по истории евангельских христиан Советского Союза, где в центре внимания поставлен *женский вопрос*, было ожидаемым событием. Действительно, проект «Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР» витал в воздухе, но материализовался благодаря усилиям двух исследовательниц из России и Великобритании — Надежды Алексеевны Беляковой и Мириам Добсон.

Автор рецензии не случайно обмолвился о женском вопросе в истории евангельских церквей, так как особая роль женщин на этапах распространения евангелического учения в России была давно подмечена сторонними наблюдателями. Так, в начале прошлого века православный миссионер из Пермской губернии, обличавший штундо-баптизм, записал в своих лекциях:

Мы в нашей епархии встречали таких сектанток, которые хотя и безграмотны и не умеют читать, тем не менее прекрасно знают те тексты, которые служат защитой сектантских положений. Они более чем мужчины горят желанием просвещать братьев светом Христова учения [Куляшев 1913: 11].

Как известно, в евангельских сообществах СССР женщины составляли большинство; в некоторых случаях общины были полностью женскими. Как замечают исследовательницы, в отсутствие мужчин женщины проповедовали и проводили собрания. Однако при первой же возможности женщины отходили на второй план, отдавая в руки мужчин руководство церковной жизнью. В этом видится специфика по-

слевоенного развития евангельских сообществ СССР, отличающая их от западных форм протестантизма XX в. Это был период, когда генерировалась собственная традиция, в которой закрепилось «четкое традиционалистское обоснование распределения мужских и женских ролей внутри церкви» (с. 31).

Авторы полагают, что в утверждении традиционалистского распределения гендерных ролей в отечественном евангельском протестантизме сыграли свою роль два ключевых фактора:

1. Эмансипация женщин, провозглашенная в 1920-е годы, была преимущественно политической кампанией, которая не затронула религиозное женское большинство; феминистское же движение 1970–1980-х годов было слабым и не имело влияния в церковной среде.

2. Славянский протестантизм имел свои корни и традиции.

Согласимся с первым тезисом, который справедливо подчеркивает условность воздействия прогрессистских идей большевизма на культурную жизнь общества, переживавшего в 1920–1930-е годы кризис привычных моделей и стилей поведения. Помимо этого заметим, что на консервативную форму распределения социальных ролей мужчин и женщин в евангельских сообществах могли влиять общеполитические факторы. Если речь идет о 1940-х годах, то необходимо вспомнить о «консервативном развороте» 1930-х годов, когда ужесточается законодательство о разводе, запрещаются аборт, а пропаганда трубит об «укреплении семейной жизни». Вертикаль тоталитарной власти своеобразно транслируется на социальную организацию семьи, на отношения мужчин и женщин, родителей и детей.

Второй тезис о «корнях и традициях славянского протестантизма» предлагаю обсудить подробнее. Приведенное в работе мнение К. Прохорова о влиянии политики изоляционизма во время «холодной войны», когда русский протестантизм в социальных вопросах сближается с православием (с. 31), выглядит убедительно и заставляет обратиться к социальной истории советского общества.

В социально-историческом плане генезис традиционалистской модели поведения мужчин и женщин в евангельских общинах связан, парадоксальным образом, с волной «религиозного пробуждения» 1940–1950-х годов. Следует заметить (и об этом говорят документы, приводимые в книге), что речь идет преимущественно о жизни городских общин, история которых в большинстве случаев начиналась с небольших молитвенных собраний военного и послевоенного времени. Это были молодые или существенно обновленные общины, включившие в свой состав значительную долю (часто свыше 50%) верующих с небольшим стажем либо перешедших из других конфессий, прежде всего из православия¹. Большую часть «новых» евангельских верующих составили

---

¹ Об этом писали и советские исследователи, см., например: [Лялина 1977: 14–16].

одновременно и «новые» горожане, выходцы из других регионов, из сельской местности². Культурные нормы и модели поведения «новых» горожан воспроизводили традиционный уклад, которому еще только предстояло преобразоваться в городской образ жизни. В этих условиях распределение гендерных ролей в общественной жизни евангельских христиан строилось по привычным лекалам патриархальной семьи, которые со временем закрепились в традиции и оказались востребованными в советской повседневности.

Однако (и здесь следует согласиться с авторами книги) в реальности сложилась вариативность сценариев жизни, «при которой замужество не являлось непременным атрибутом женщин» (с. 50). Этот особый характер социальных ролей, которые принимали женщины в евангельских общинах, и подтолкнул авторов к мысли о многообразии жизненного опыта и каналах самореализации, отличных от стратегий мужского поведения.

По своей форме книга «Женщины в евангельских общинах» является сборником документов, включающим архивные материалы, публикации самиздата, письменные свидетельства и интервью, взятые исследователями. К каждой из семи глав книги написаны небольшие вступительные статьи, а сами источники сгруппированы таким образом, что создается ощущение связанного текста, раскрывающего проблему.

Несомненно, авторы исследования провели удивительную работу, встречаясь с нашими современницами из евангельских церквей России, Украины и Германии. Во всех главах книги приведены фрагменты многочисленных интервью, среди которых хотелось бы выделить, например, интервью с О. А. Мурашкиной о духовных поисках женщин в евангелистской среде (с. 135–139), воспоминания Е. Дик о религиозных практиках советских немцев (с. 109–113), воспоминания детства, записанные лично В. Ю. Катко (Куксенко) — дочери служителя Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) — движения баптистов, возникшего в начале 1960-х годов (с. 246–254). Стоит заметить, что интерес к воспоминаниям евангельских верующих, чья социализация произошла в позднесоветскую эпоху (рубеж 1950–1960-х — 1980-е годы), в целом демонстрирует смещение фокуса исторических исследований религиозной жизни в СССР с периода 1920-х — начала 1950-х годов ближе к современности, и, по нашему мнению, эта тенденция будет только усиливаться.

Публикация корпуса документов из архива Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ), который не так часто привлекается светскими историками, обладает значительным эвристическим потенциалом для исследований. Переписка, существовавшая между

² Еще предстоит статистически оценить влияние «новых» горожан на состав евангельских общин послевоенного времени, но на Урале и в Сибири этот фактор был решающим, см.: [Горбатов 2008; Глушаев, Ключева 2014].

членами церкви Всесоюзного совета ЕХБ (ВС ЕХБ) в СССР, раскрывает грани жизни евангельских общин, которые не замечались внешними наблюдателями. Публикуемые письма женщин, направленные, в том числе, руководителям союза, наполнены личными переживаниями, деталями советской повседневной жизни, характеризующими социальную историю общества. Так, письмо Е. А. Воронаевой, супруги председателя Союза христиан евангельской веры И. Е. Воронаева, сгинувшего в лагерях ГУЛАГа, обращает внимание историка на сложный вопрос единства баптистов и пятидесятников в конце 1950-х годов (с. 139–141).

Многие письма к власти и заявления верующих женщин отражают драматические моменты в судьбах евангельских общин, особенно в ситуации реальной угрозы семейной целостности из-за ареста мужей — активных служителей СЦ ЕХБ, либо из-за решений органов социальной опеки, принятых под давлением политических доктринеров, о лишении верующих родительских прав. Знакомство с сюжетными линиями семейных историй, представленных, в частности, в пятой и шестой главах, неизбежно приводит к выводу, что естественной реакцией на государственное насилие в отношении многих семей евангельских верующих стал своеобразный «бабий бунт», в 1960-е годы получивший свой выход в создании Совета родственников узников ЕХБ.

Конечно же, механизмы взаимопомощи или написание петиций в защиту единоверцев в женской среде евангельских верующих ничем не напоминают крестьянские «бабьи бунты» начала 1930-х годов, прокатившиеся во время насильственной коллективизации в советской России (см.: [Виола 2010]). Однако отразившееся во многих документах негодование женщин на очевидную ангажированность ведения следственных дел, на несправедливость судебных решений в отношении их мужей, а также понимание ими опасности для сохранения семей позволяет проводить исторические параллели.

Деятельность Совета родственников узников ЕХБ, которой посвящена седьмая глава, авторы работы предлагают рассматривать как одну из форм женского служения, но не случайно оставляют этот вопрос открытым. Угрозы, с которыми столкнулись жены активистов Совета церкви ЕХБ, нарушили сложившуюся традицию распределения мужских и женских ролей в евангельских сообществах, поставив на грань выживания семьи верующих. В этих условиях «женское служение» приобретает черты вынужденного сопротивления и нарастающего конфликта с окружающим миром.

Вполне закономерно на страницах книги появляются документы, связанные с именем Лидии Михайловны Винс, до своего ареста в 1970 г. возглавлявшей Совет родственников узников ЕХБ. Будучи женой репрессированного в 1930-е годы баптистского служителя П. Я. Винса

(см.: [Винс 2003]), Л. М. Винс ясно представляла возможные последствия разрушения многолетних евангельских семей, что, несомненно, стало одним из мотивов участия женщины в рискованном движении за гражданские права советских верующих.

В целом издание архивных документов и фрагментов интервью, сгруппированных в сюжетные линии в рамках одной темы, показывает возможные этапы и технику исследования социальной истории евангельских церквей СССР периода позднего социализма.

В качестве замечания отметим одну досадную неточность в изложении фактов, касающихся семьи Винс. Авторы, вероятно, оговорились, когда написали, что Л.М. Винс приехала «за мужем из США в 1920-е гг. для проповеди в России» (с. 352). Однако по свидетельству Г. П. Винса, его мать родилась в 1907 г. в семье евангельских верующих в Благовещенске и жила там же до встречи с П. Я. Винсом, получившим богословское образование в Америке [Винс 2003: 33].

Кроме этого, странным выглядит отсутствие заключения в книге, особенно если учесть, что публикация заявлена как монография. Возможно, что суммирование итогов позволило бы прояснить ответы на поставленные в работе вопросы или наметить новые проблемы дальнейшего исследования.

Впрочем, замечания по тексту книги лишь подстегивают исследовательский азарт историка, знакомого с темой. Факт появления рецензируемой книги радует тем, что заявленное направление в исследовании истории евангельских церквей СССР в позднесоветский период финансируется новыми качественными источниками. Стоит пожелать авторам успешного продолжения работы над проектом и успехов в переводе уникальной документальной базы в тексты по истории религиозной жизни в России второй половины XX в.

Литература

- Винс 2003 — *Винс Г. П.* Тропую верности. СПб.: Русская миссия благовестия «Библия для всех», 2003.
- Виола 2010 — *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010.
- Глушаев, Ключева 2014 — *Глушаев А., Ключева В.* «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 295–313.
- Горбатов 2008 — *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е годы. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008.
- Куляшев 1913 — *Куляшев А.* Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так и мистического, читанные на миссионерских курсах в Пермской епархии в 1912 и 1913 годах. Пермь: Типо-Литогр. Губ. Правл., 1913.
- Лялина 1977 — *Лялина Г. С.* Баптизм: иллюзия и реальность. М.: Политиздат, 1977.

“THEY, MORE THAN THE MEN...”

Glushaev, Aleksei L.

PhD (Candidate of Science in History)

*Associate Professor, Cultural Studies Faculty, Perm State Institute of Culture
Russia, 614000, Perm, Gazety “Zvezda” str., 18*

Tel.: (342) 212-65-52

E-mail: perst-ur@mail.ru

A review of: Beliakova, N. A., Dobson, M. (2015). *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg.: Issledovanie i istochniki* [Women in evangelic communities in postwar USSR. 1940–1980. Research and sources]. Moscow: Indrik. 512 p.

The book under review represents a collection of archival records, personal histories and interviews unified by the theme “Women in evangelic communities in postwar USSR”. The author of the review thinks that there are storylines in the book that could be turned into separate research projects: searching for religion in late socialism; life in a family and church; gender aspects of evangelic believers’ human rights activities. Overall, the book presents unique materials on the history of evangelic churches in the USSR during the 1940s–1980s.

References

- Glushaev, A., Kliueva, V. (2014). “Novye” mennonity Urala i Sibiri: genezis i transformatsiia etnokonfessional’nykh soobshchestv v 1940 – 1960-e gg. [“The new” Mennonites of the Urals and Siberia: Ethno-confessional communities’ genesis and transformation in the 1940s-1960s]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide], 2014(4), 295–313. (In Russian).
- Gorbatov, A. V. (2008). *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e — 1960-e gody* [The state and religious organizations in Siberia in the 1940s–1960s]. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).
- Kuliashev, A. (2013). *Leksii po istorii i oblicheniiu sektantstva kak ratsionalisticheskogo, tak i misticheskogo, chitannye na missionerskikh kursakh v Permskoi eparkhii v 1912 i 1913 godakh* [Lectures on the history and refutation of rationalistic and mystical sectarianism, read during missionary courses in the Perm eparchy in 1912 and 1913]. Perm: Tipo-Litografiia Gubernskogo Pravleniia. (In Russian).
- Lialina, G. S. (1977). *Baptizm: illiuziia i real’nost’* [Baptism: Illusion and reality]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Vins, G. P. (2003). *Tropoiu vernosti* [By the path of fidelity]. St. Petersburg: Russkaia missiia blagovestiia “Bibliia dlia vsekh”. (In Russian).
- Viola, L. (2010). *Krest’ianskii bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiia i kul’tura krest’ianskogo soprotivleniia* (Transl. by A. V. Bardin from: Viola, L. (1996). *Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press). Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El’tsina. (In Russian).
- GLUSHAEV, A. L. (2016). “THEY, MORE THAN THE MEN...” *SHAGI / STEPS*, 2(1), 239–245

**З. С. ВАСИЛЬЕВА, А. Л. ЗОРИН,
А. К. КАСАТКИНА, Е. С. КОЧУХОВА,
Р. И. ХАНДОЖКО**

Васильева Зинаида Сергеевна

*докторант, Институт этнологии, Университет Невшателя (Швейцария)
St. Nicolas 4 Neuchatel 2000 Switzerland
E-mail: zvasilyeva@gmail.com*

Зорин Андрей Леонидович

*доктор филологических наук
профессор, University of Oxford, Faculty of Modern Languages
47 Wellington sq. Oxford OX1 2 JD, UK
Тел.: + 44 (0)1865-270484
профессор, Московская высшая школа социальных и экономических исследований
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
E-mail: andrei.zorin@mod-langs.ox.ac.uk.*

Касаткина Александра Константиновна

*младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
E-mail: alexkasatkina@gmail.com*

Кочухова Елена Сергеевна

*кандидат философских наук
доцент, Уральский государственный экономический университет,
Россия, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
Тел.: +7 (343) 221-27-11
E-mail: elenascause@yandex.ru*

Хандожко Роман Игоревич

*кандидат исторических наук
научный сотрудник, Лаборатория историко-культурных исследований,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ro.khan.man@gmail.com*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛОКАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ БОЛЬШОЙ НАУКИ: ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ В ПОЗДНЕМ СССР»

Москва, ЦГИ РАНХиГС, 4–6 июля 2013 г.

Конференция «Локальные политики большой науки», прошедшая в 2013 г., стала первым развернутым коллективным высказыванием о промежуточных результатах цикла исследований¹, реализуемых сначала Центром гуманитарных исследований, а затем Лабораторией историко-культурных исследований РАНХиГС (Москва) в наукограде Обнинске. Проблематика докладов дает представление о сюжетах, разрабатываемых междисциплинарной командой в ходе изучения историко-антропологического измерения большой советской науки и техники.

Конференция началась с панели «Управление наукой в СССР: масштабы и практики», в рамках которой обсуждались вопросы ведомственной и партийной политики в области науки и техники эпохи позднего социализма. В докладе **Галины Орловой** (ЦГИ РАНХиГС, Москва/Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «Наука в формате “Средмаш”: обнинский вариант» были обозначены последствия — эпистемологические и риторические — подчинения атомной науки Министерству среднего машиностроения. При этом министерство рассматривалось не столько как суперинституция в специфике ее функционирования, сколько как дискурсивная матрица («Средмаш»), ретроспективно и избирательно используемая историками, мемуаристами и информантами для указания на своеобразие научной жизни и работы советских ученых-атомщиков внутри ведомственных НИИ в 1950–1980-е годы (режимность, поисковый характер, научно-техническое напряжение, исключительный доступ к ресурсам, специфика мобилизации и т. д.). С опорой на полевой материал были проанализированы стратегии артикуляции и дезавуирования роли Средмаша в жизни обнинских институтов и их сотрудников. Комментируя доклад, *Алексей Ку-*

¹ Проекты под руководством А. Л. Зорина («Научно-техническая интеллигенция в историко-культурной перспективе: формирование среды, мировоззрения и трудовой этики», 2012 г., и «Идеология и практика технологического прорыва: люди и институции», 2013 г.) были выполнены в рамках научно-исследовательских работ РАНХиГС при поддержке Фонда Михаила Прохорова, администрации Калужской области и г. Обнинска.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполняемой на базе Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС по темам «Оцифрованная наука: создание гуманитариями открытых исследовательских баз данных» (2014) и «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (2015).

приянов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) поставил непростой вопрос о том, как писать неклассическую историю советской атомной науки, не имея позитивистской канвы.

Николай Митрохин (Центр по изучению Восточной Европы при Бременском университете, Германия) в докладе «Аппарат ЦК КПСС в 1960–1980-е гг. и вопросы управления производством знания» сосредоточился на Отделе науки ЦК — главной структуре партийного управления знанием, через которую советские интеллектуалы и интеллигенты рекрутировались во власть. В ходе анализа кадрового состава Отдела особое внимание было уделено образовательному цензу, научным карьерам сотрудников, их амплуа (идеологические жрецы, профессиональные ученые, администраторы) и специфическому типу профессионализма. Характеризуя постоянных партнеров аппаратчиков в научных учреждениях, докладчик не только остановился на способах их вовлечения в работы по заданиям ЦК, но и показал, каким образом связи с аппаратом становились для научно-технических работников социальным и политическим капиталом. *Александр Дмитриев* (НИУ ВШЭ, Москва) в ходе обсуждения не поддержал ревизионистский пафос доклада, уклонившись от критики мифа о серости аппаратчиков и поиска сходств в управлении советской и западной наукой.

В докладе **Романа Хандожко** (ЦГИ РАНХиГС, Москва) «Локальное научно-техническое сообщество как объект партийного контроля: случай Обнинска» встреча КПСС и большой науки рассматривалась уже на локальном уровне — разбиралось дискурсивно-практическое устройство партийного надзора за профессиональной и общественной деятельностью сотрудников обнинских НИИ. Партийная жизнь Обнинска была показана в динамике — от неформатного, диффузного и автономного существования парторганизации секретной лаборатории через «оттепельные» формы партийной самодеятельности к формализации и укреплению власти горкома в городе ученых. Было зафиксировано возрастание роли партийных структур и отдельных агентов в установлении межинститутских связей и координации институтской науки. Предметом специального анализа стали личные стратегии участия в партийной жизни, выявленные на основе биографических интервью: (бес)партийность как капитал, партийная жизнь как интегратор сообщества и т. д. Специфика изучения партийной жизни на основе устных источников и правомерность сведения многообразия форм партийного участия к контролю стали предметом для дискуссии.

В рамках секции «Политики пространства: научные города и инновационные кластеры» пространственное устройство научных центров обсуждалось в связи с программами развития науки и государственной политикой модернизации в целом. Открыл ее доклад **Петра Сафронова** (Институт философии РАН, Москва) «“Зеленый город”: обыденное восприятие Обнинска и архитектурная история СССР», в котором планировка Обнинска и городские практики научного сообщества рассматривались

сквозь призму истории советского градостроительства. Для докладчика, который увидел сходство атомных городов с градостроительными идеями конца 1920-х годов, Обнинск — это случай неудачного воплощения в жизнь утопии «города-сада», материализация разобщенности и демодернизации, конгломерат территорий и институтов, где создание посредством озеленения искусственного впечатления единого города обнаруживает стратегическое сходство с политикой искусственной концентрации институтов. Дискутант *Олег Лейбович* (Пермская государственная академия искусства и культуры) предложил свою интерпретацию роли озеленения в «оттепельном» городе и задал направления дискуссии, сосредоточившейся на генеалогии «зеленого города» в советском послевоенном градостроительстве и на специфике создания жилой среды советских промышленных городов, вторичной по отношению к градообразующим объектам.

Тема противоречий советской модернизации получила продолжение в докладе **Александры Касаткиной** (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) «Дачный участок как пространство свободного экспериментирования». Массовая раздача городскому населению садовых участков в послевоенном СССР, которая иногда трактуется как рурализация, в Обнинске с его концентрацией научно-технических работников имела свою специфику. Обеспечение продовольствием было лишь одной из функций садов, превратившихся в пространства личного творчества и субъективизации. *Елена Кочухова* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) поддержала стремление докладчицы выявить конфликты советского антропологического проекта в историях дачной жизни обнинцев и открыла дискуссию, в ходе которой обсуждались, во-первых, структура удовольствия дачника, сочетающая советскую риторику бескорыстного энтузиазма с ощущением личной автономии; во-вторых, осмысление дачных практик научно-техническими специалистами; в-третьих, устройство дачной повседневности и организация управления садовыми обществами.

Роман Абрамов (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Советская вычислительная техника и микроэлектроника: хроника взлета и упадка инновационной индустрии на примере “пензенского кластера”» представил три способа конструирования истории компьютерной индустрии в СССР: пензенский краеведческий нарратив, построенный на инвентаризации имен героев и названий разработок; регрессивный нарратив участников событий, вспоминающих о том, как творческий подъем 1950–1960-х годов сменяется рутинной, бюрократизацией и падением культуры труда и технологии в 1970–1980-е; метанарратив об «упущенном шансе», в котором упадок отрасли связывается с переходом к стратегии догоняющего развития в области компьютерной техники. Участники обсуждения, начатого *Алексеем Куприяновым*, указали на идеологические отличия советского компьютерного проекта от атомного, технологическая уникальность которого декларировалась несмотря на многочисленные заимствования.

Имоджен Уэйд (Университетский колледж, Лондон, Великобритания) в докладе «Наукограды и научные кластеры в России 2000-х: сравнительный институциональный анализ Обнинска, Академгородка и Сколково» продолжила критику искусственно изолированных анклавов как формы организации науки. При помощи теорий инновационной системы она сопоставила три случая изоляции науки в зонах особого благоприятствования. Самым изолированным оказалось Сколково, изначально ориентированное на связи с бизнесом и мировым сообществом. А наиболее встроенным в российские и международные связи — Обнинск, история которого началась с секретной лаборатории. Докладчица увидела отличие современного иннограда от советских научных центров, действовавших на основе госзаказа, в отсутствии потребителя инноваций. Дискутант *Юлия Лайус* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) предложила сосредоточиться на различиях между тремя рассмотренными в докладе случаями. А в ходе обсуждения подверглась критике сама возможность сравнения научных центров, столь различающихся форматом создания и функционирования анклавов.

Второй день конференции открыла социально-антропологическая секция «Сообщества инженеров и ученых». **Олег Лейбович** в докладе «Жизненные миры советских инженеров (Норильский вариант)», переосмысляя результаты социологического исследования 1970–1980-х годов, воссоздал структуру трудовых и жизненных ценностей инженерно-технических сотрудников Норильского горно-обогатительного комбината, занятых на конструкторской и исследовательской работе. В основе реконструкции лежит предположение о том, что эти рабочие места предназначались скорее для решения социальных задач — обеспечивали занятость жен работников комбината. Ядро их жизненного мира составляли ориентации на личную жизнь и материальную обеспеченность, удовлетворенность работой зависела от взаимоотношений в коллективе, а производственная сфера фактически была приватизирована. *Юлия Лайус* указала на перспективу осмысления материала доклада в терминах локального/космополитанного, проинтерпретировав ценности инженеров-исследователей Норильска как пример концентрированного выражения локальной идентичности.

Доклад **Гизелы Эрбслоэ** (независимый исследователь, Германия) «“Обнинские немцы”: опыт разных поколений и сообщество» был посвящен начальному этапу существования ядерного Объекта «В», созданного для размещения и работы немецких специалистов. На основании мемуаров, дневниковых записей и интервью были охарактеризованы источники напряженности в жизни немецкой общины: неопределенность положения и срока пребывания на территории СССР, необходимость преодолеть травмы войны для взаимодействия с советскими коллегами, нарастающие ограничения свободы переписки и передвижения, навязывание анонимности и изоляция. В сложившихся условиях, полагает Эрбслоэ, развитие трудовых отношений, умножение форм досуга и самообразования стали главными способами выживания со-

общества. *Ревекка Гаврилова* (Музей истории города Обнинска) поддержала тему ограничений, вводимых для советских и иностранных работников секретного Объекта «В».

Завершал секцию доклад **Елены Кочуховой** «Геофизическая служба РАН в Обнинске: конституирование истории», посвященный представлениям сотрудников одного из обнинских НИИ о прошлом и предназначении своей организации. Докладчица отметила, что обнинские геофизики систематически не проговаривают свою связь с атомным проектом, тогда как своевременное и точное информирование о сильных землетрясениях опознается ими в качестве главной миссии Службы на всех этапах ее существования. При этом мониторинг подземных взрывов и участие в международной системе контроля над ядерными испытаниями отходят на второй план. Открытость международным контактам подается как значимое отличие Геофизической службы от вечно закрытых ядерных НИИ Обнинска. Комментируя выступление, *Галина Орлова* поставила вопрос о соотношении видимого и невидимого в работе Службы и о дискурсивных механизмах создания образа открытой организации.

Секция «Модусы творческого труда: наука, техника и рыночные отношения» открылась докладом **Зинаиды Васильевой** (Европейский университет в Санкт Петербурге / РАНХиГС) «Мне хотелось что-то делать, а не открывать новые миры”: инженер в городе науки». В обнинском корпусе бесед с инженерами не много, но они вскрывают двоякое положение ИТР в «городе науки». Находясь в неопределенной зоне институтских иерархий, инженер оказывается статистом научной сцены, обслуживающим нужды Науки на уровне Техники, часто неудовлетворенным своим положением и профессионально травмированным. Однако ограниченность карьерного роста может оказаться залогом автономии: не претендуя на должности и звания, такой инженер-трикстер развивается по горизонтали, прорабатывая ходы, не предусмотренные системой. Таким трикстером является, например, особый тип инженера-изобретателя, ориентированного на реализацию личных проектов и производство себя в мире через материальные объекты. Дискутант *Юлия Лайус* поддержала дальнейшую проблематизацию спектра инженерных ролей внутри НИИ и исследование положения инженера-изобретателя, отчужденного в СССР от собственного изобретения и исключенного из сетей, обеспечивающих его продвижение.

В сообщении **Галины Орловой** «Бригадир как профессор: дискурсивный диспозитив коммунистического труда» на примере случая бригадира комплексной бригады одного из обнинских НИИ разбиралось освоение и присвоение идеальным советским рабочим официального дискурса о труде. Особое внимание было уделено тому, как информант характеризует место высококвалифицированного рабочего в передовой средмашевской науке и использует «язык плаката» для нейтрализации границы между умственным и физическим трудом. Помещая особенности речевых и социальных практик информанта в контекст дискуссии о советской субъективности,

Орлова подчеркнула, что анализируемый случай доказывает возможность освоения большого идеологического дискурса коммунистического труда в качестве интимного. В комментарии к докладу *Андрей Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания/РАНХиГС, Москва) отметил, что такое дискурсивное поведение нельзя считать признаком советской субъективности именно потому, что оно проявляется лишь в определенных ситуациях, сопоставимых с мистическим опытом освоения слова.

В докладе «Научная интеллигенция: от долга службы к оказанию услуг (на примере траекторий выпускников МФТИ)» **Ольга Ярцева** (независимый исследователь, Париж) рассказала о результатах исследования выпускников элитных технических вузов, которые в эпоху Перестройки предпочли науке бизнес и вошли в когорту первых российских предпринимателей. Ярцева подчеркнула значение культуры шестидесятничества для этого поколения: связанные с ней родовой пуповиной, НТРовцы 1980-х сознательно отвергли проект «оттепели». Такой выбор нередко означал конфликт поколений и отказ от ценностей советской научной элиты. Докладчица указала на колоссальный предпринимательский потенциал позднесоветского научно-технического сообщества, реализованный в 1990-е. В дискуссии *Наталья Никифорова* (Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики) интерпретировала отказ от идеологии «оттепели» из перспективы значимости универсализма и профессионализма для ученого-предпринимателя: ценность универсальной образованности была противопоставлена «занятию делом», эффективность которого измеряется прибылью. *Илья Кукулин* (НИУ ВШЭ, Москва) заметил, что общий стиль поведения и преподавания в Физтехе воспитывал в студентах выраженную достигательскую мотивацию, столь редкую для советского образования.

Секцию завершил доклад **Тимура Атнашева** (РАНХиГС, Москва) «Трудовая этика обнинских ученых и современный менеджмент творческого труда», в котором для осмысления советской атомной науки и техники использовались теории оптимальных институциональных сред, центрированные на вопросах стимулирования к интеллектуальному труду и эффективной постановке задач. Отмечая, что в обнинских интервью интерес и радость составляют ядро мотивации труда ученых, Атнашев указал на стратегическое сходство этих дискурсивных моделей с современным менеджментом мотивации в ведущих мировых корпорациях. По мнению докладчика, удовольствие от личной вовлеченности в большое дело плюс возможность учиться и наслаждаться мастерством в повседневном труде сформировали устойчивый паттерн, который продолжает действовать на субъективном уровне и в постсоветскую эпоху, когда сама институциональная среда продемонстрировала свою неэффективность. В комментарии к докладу *Роман Абрамов* (НИУ ВШЭ, Москва) обратил внимание на обширное наследие советской управленческой науки, нацеленной на преодоление отчуждения труда.

Третий, заключительный день конференции открылся секцией «Культурные коды “Большой науки”». В докладе «Наука как война. Риторическое клише и автоконцепция исследователя» **Андрей Зорин** проанализировал сравнение научного исследования с боевыми действиями, постоянно встречающееся как в кинематографе и художественной литературе тех лет, так и в воспоминаниях и интервью самих ученых. По мнению докладчика, это сравнение не было чисто риторическим или даже пропагандистским приемом, но представляло собой стержень идентичности ученого-ядерщика и было основано на уникальной констелляции четырех факторов: воспоминаний о войне, стратегической роли физиков-ядерщиков в противостоянии двух систем, радиационных рисков и представлений о научном прогрессе как передовой линии наступления на темную и опасную сферу непознанного. Параллель между передним краем науки и линией фронта не только повысила статус и самооценку исследователя, но и помогала заново пережить в специфических условиях советского закрытого города чувство смертельной свободы и ответственности. В комментариях к докладу *Илья Кукулин* отметил популярность военной метафоры в советском дискурсе тех лет в целом, а *Галина Орлова* уточнила воображаемую военную специальность обнинских физиков («разведчики»).

Виктория Донован (Сент-Эндрюсский университет, Шотландия) в докладе «Дискуссия о “физиках и лириках”: эволюция идеала научного достижения в советской культуре 1960-х годов» поместила известную дискуссию в контекст трансформации идеального образа ученого. Если ранее и идеологически, и институционально в центре советской науки находился прикладник, помогающий народному хозяйству, то в начале 1960-х героем дня становится фундаментальный ученый, романтически преданный самой идее научного поиска. Существовал в дискуссии и гендерный аспект: «лирика» воспринималась как своего рода женское начало, смягчающее сугубую маскулинность «физики». Вместе с тем сторонники дисциплинарной профессионализации также активно высказывались в ходе дискуссии — докладчица обратила внимание на фигуру инженера Полетаева, выступившего в защиту «физиков» против поддержавшего «лириков» И. Г. Эренбурга. В ходе обсуждения доклада *Ольга Ярцева* указала на международный контекст этих дискуссий, а *Илья Кукулин* представил биографические данные о загадочном инженере Полетаеве.

Тема гуманитарных интересов «физиков» была продолжена в докладе **Натальи Никифоровой** «Досуговые практики в профессиональной жизни научной интеллигенции Обнинска 1950х–1960х гг.: “субботние трёпы”, веселая наука и энциклопедизм», в котором обсуждались неформальные семинары и встречи обнинских исследователей. Особое место было уделено кружковому юмору, проявившемуся и в кухонных посиделках, и в полуинституционализированном неформальном общении, и в знаменитом КВН Обнинск — Дубна. По мнению докладчицы, эти данные иллюстрируют понимание свободного интеллектуального досуга ученых как новых

форм творческой самоорганизации интеллигенции, синтезирующих различные области знания. Творческий досуг ученых-физиков позволяет осмыслить научный юмор, смеховую культуру как неотъемлемую часть функционирования научного сообщества, своего рода фирменный знак. Традиции ученого веселья, сложившиеся в 1930-е годы, в 1950–1960-е получили новый импульс в условиях коллективного интеллектуального труда.

Завершила конференцию секция «Воображаемые миры научной интеллигенции: фантастика, утопия, философия», посвященная альтернативным формам интеллектуальной самореализации научно-технических работников. **Илья Кукулин** в докладе «Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и программирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции» рассказал о влиянии журналов «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Техника — молодежи» и др. на жизненные миры ученых и инженеров послесталинского СССР. Особое внимание было уделено фантастическим произведениям, которые в период «оттепели» появились на страницах научно-популярных журналов, а в 1970-е были вытеснены оттуда статьями о русской истории. Советская научная фантастика формировала образ будущего устройства человека и общества, где главной действующей силой является наука, а главным действующим лицом — ученый. Произведения этого развлекательного жанра претендовали на постановку центральных для своего времени интеллектуальных и политических задач, тем самым нарушая иерархию жанров. *Александр Дмитриев* предложил социологическую линию развития темы — обращение к циклу производства научно-популярных журналов и редакционных политик, к анализу аудитории и к реакции советских медиа на информационную революцию.

В докладе **Бориса Степанова** (НИУ ВШЭ, Москва) «Наука и технология в дискурсе регионального интеллектуального сообщества» речь шла о горьковском/нижегородском философском клубе «Универсум», с 1980-х годов действующем в качестве регионального центра самостоятельной мысли, где представители естественных и точных наук оттачивают свое понимание философских и гуманитарных проблем. Используя материалы ежегодных конференций клуба за 1986–2001 гг., докладчик реконструировал основные элементы мировоззренческой концепции этого интеллектуального сообщества: перспектива целостного знания; оптимистический взгляд на управляемую эволюцию; элементы марксистской и националистической традиций. В своем отзыве на доклад *Аркадий Липкин* (МФТИ, Москва) отметил особую роль клубов научно-технической интеллигенции в производстве гуманитарной культуры в послевоенном СССР. В ходе дискуссии обсуждался вопрос о переходах между «нормальной» гуманитарной наукой и ее экзотическими перерождениями.

В докладе **Романа Хандожко** «Инженер и ученый в поисках новых тотальностей: религиозно-философский синтез в контексте позднесоветского сциентизма» также рассматривались практики интеллектуального и духовного творчества в среде советской научно-технической интеллигенции.

Докладчика интересовало, каким образом в условиях Обнинска формировалось мировоззрение ученых и создавались устойчивые группы по передаче «альтернативного» знания (круг последователей В. Ф. Турчина, методологическое движение Г. П. Щедровицкого, группы йоги и нетрадиционной медицины). Расцвет неофициальной философии в среде научно-технической интеллигенции, по мнению докладчика, был связан с кризисом доверия к государственной идеологии и ограничениями религиозной жизни в позднесоветском обществе. В своем комментарии *Петр Сафронов* отметил, что в рамках этих практик была предпринята попытка создания альтернативного проекта субъекта, принципиальной чертой которого было переживание любого рационального или аффективного акта как коллективного действия.

На круглом столе, которым завершилась конференция, обсуждались вопросы эмпирического изучения большой советской науки в условиях ограниченного доступа к архивам, а также перспективы использования обнинского материала для понимания своеобразия и способов оптимизации российской научной политики.

INTERNATIONAL CONFERENCE “THE LOCAL POLITICS OF BIG SCIENCE: THE HUMAN BEING AND SOCIAL ORDERS OF KNOWLEDGE PRODUCTION IN THE LATE USSR”

Kasatkina, Aleksandra K.

*Junior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya emb., 3
Tel.: +7 (812) 328-14-12
E-mail: alexkasatkina@gmail.com*

Khandozhko, Roman I.

*PhD (Candidate of Science in History)
Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Vernadskiy av., 82.
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ro.khan.man@gmail.com*

Kochukhova, Elena S.

*PhD (Candidate of Science in Philosophy)
Associate Professor, Ural State University of Economics
Russia, 620144, Ekaterinburg, March 8 str., 62
Tel.: +7 (343) 221-27-11
E-mail: elenascause@yandex.ru*

Vasilyeva, Zinaida S.

*PhD Candidate, Institute of Ethnology, University of Neuchatel
St. Nicolas 4 Neuchatel 2000 Switzerland
E-mail: zvasilyeva@gmail.com*

Zorin, Andrei L.

Doctor of Philology

Professor, University of Oxford, Faculty of Modern Languages

47 Wellington sq. Oxford OX1 2JD, UK

Tel.: +44 (0)1865 270484

Professor, Moscow School of Social and Economic Sciences

Russia, 119571, Moscow, pr-t Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: andrei.zorin@mod-langs.ox.ac.uk

Abstract: This is a review of the conference “The local politics of big science: The human being and social orders of knowledge production in the late USSR” that was held at the School of Advanced Studies in the Humanities, RANEPА, on July 4–6, 2013. Issues regarding the political, social, cultural and intellectual functioning of Soviet versions of Big Science were discussed.

VASILYEVA, Z. S., ZORIN, A. L., KASATKINA, A. K., KOCHUKHOVA, E. S., KHANDOZHKO, R. I. (2016). INTERNATIONAL CONFERENCE “THE LOCAL POLITICS OF BIG SCIENCE: THE HUMAN BEING AND SOCIAL ORDERS OF KNOWLEDGE PRODUCTION IN THE LATE USSR”. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 246–256

Ю. В. ЕПАНОВА

Епанова Юлия Валентиновна
*кандидат культурологии
старший преподаватель,
кафедра теории и истории культуры,
Самарский государственный аэрокосмический
университет им. академика С. П. Королева
(Национальный исследовательский университет)
Россия, 443086, Самара, Московское шоссе, 34
Тел.: +7 (846) 335-18-26
приглашенный исследователь
(Карамзинский стипендиат — 2015),
Лаборатории историко-культурных
исследований, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: epanova77@gmail.com*

ГОРОДСКИЕ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЯ, МОБИЛЬНОСТЬ И «СЕТЕВОЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ»

**ECREA Media & the City 2015 Conference «URBAN MEDIA
STUDIES: CONCERNS, INTERSECTIONS AND CHALLENGES»
University of Zagreb, Faculty of Political Science,
24–25 September 2015**

Город является технологизированным феноменом. Он в первую очередь воспринимает технические новинки (транспортные, коммуникативные, производственные и т. п.), встраивая их в городское пространство и повседневные практики горожан. Распространение цифровых медиа перевело связь города и технологий на новый этап, сделав ее неразделимой. Управление городской инфраструктурой осуществляется с помощью компьютерных систем, деятельность городских органов власти и их взаимодействие с населением опосредуется интернет-платформами, горожанин сросся с мобильными гаджетами, которые влияют на его повседневные передвижения и информирование. Кроме того, город получает медийное измерение, выраженное в городских форумах, онлайн-панорамах, его образ создается и тиражируется в социальных сетях и на других интернет-площадках.

Именно рассмотрению этой связи и была посвящена конференция «Городские медиаисследования: проблемы, пересечения и вызовы», которая прошла 24–25 сентября 2015 г. в Загребе. Она была организована Европейской ассоциацией коммуникативных исследований и образования (European Communication Research and Education Association, ECREA), объединяющей отдельных ученых и научные организации, которые специализируются на изучении различных аспектов коммуникации. При этом тематические направления, разрабатываемые в рамках деятельности Ассоциации, весьма разнообразны. Это вопросы истории и философии коммуникации, исследования аудитории, кино-, теле- и радиоисследования. Большое внимание уделяется роли медиа в различных социальных процессах, таких как миграция, гендерные отношения, политическая коммуникация и т. п. Наконец, особый блок составляют исследования цифровой культуры, компьютерных игр и медиатизации современного мира.

Площадкой проведения конференции стал факультет политических наук Загребского университета (Хорватия). В ней приняли участие более пятидесяти исследователей из Бельгии, Бразилии, Великобритании, Германии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Польши, России, США, Финляндии, Хорватии, Японии.

В обращении к участникам конференции оргкомитет подчеркнул, что задача данной научной встречи видится в своеобразном возрождении междисциплинарности, которая изначально была присуща медиаисследованиям. Для решения этой задачи конференция была призвана стать площадкой диалога исследователей из разных дисциплинарных отраслей и теоретических перспектив, интересующихся медиаурбанизмом.

В преамбуле к программе конференции подчеркивалось:

Несмотря на то что в современном мире медиа и город тесно, хотя и неравномерно, переплетены, как в маленьких городах, так и в мегаполисах, в научном анализе они часто остаются разделенными. Создается впечатление, что для медиаисследователей город остается terra incognita. Однако в 2010-е годы ни одно из сложившихся направлений медиаисследований, будь то изучение демократии и политического участия, производства и технологии, репрезентации и использования либо принадлежности и идентичности, не может претендовать на исчерпывающее понимание их проблематики без учета городского контекста. В то же время ни один из современных городских процессов не может быть плодотворно описан без учета участия в нем средств массовой информации и медиа-опосредованных практик.

В соответствии с заявленной целью конференции ее участники представляли различные теоретические перспективы и дисциплинарные поля; среди них были социологи, архитекторы, антропологи, политологи, историки, специалисты в области гендерных исследований, культурологи и т. д.

Работа конференции началась с приветственного слова организаторов. С обращением к участникам выступили заместитель декана факультета политических наук по вопросам науки и международных отношений (Загребский университет, Хорватия) **Игорь Канижай** (Igor Kanižaj), вице-президент ECREA **Илия Томанич-Тривунджа** (Ilija Tomanić-Trivundža; Университет Любляны, Словения), председатель рабочей группы ECREA «Медиа и город» **Сейя Риделл** (Seija Ridell; Университет Тампере, Финляндия), а также заместитель председателя рабочей группы «Медиа и город» **Симоне Тозони** (Simone Tosoni; Католический университет Милана, Италия) и **Златан Крайна** (Zlatan Krajina; Университет Загреб, Хорватия). Выступающие еще раз подчеркнули необходимость международного и междисциплинарного сотрудничества в современной науке, особенно если это касается таких комплексных и многогранных феноменов, как город и технологии, которые в противном случае невозможно рассматривать во всей полноте их феноменологических воплощений.

Конференцию продолжил пленарный доклад профессора департамента архитектуры, дизайна и медиатехнологий Университета Ольберга (Дания) **Оле Йенсена** (Ole B. Jensen) на тему «Поддерживайте сети... оставайтесь в контакте! Навстречу ситуативному пониманию современных медиаопосредованных практик мобильности». Докладчик подчеркнул, что в наши дни мобильность горожан все больше определяется и формируется под влиянием цифровых сетевых технологий. При этом последние оказывают большое влияние на ситуативную динамику передвижений по городу, давая возможность оперативного реагирования на изменения транспортной, погодной и других ситуаций. По мнению докладчика, это новое свойство городской мобильности требует разработки новых терминов, адекватных существующим реалиям. В качестве таких понятий он предложил *mobilities divides*, *mobility code* и *proximity-connectivity nexus*, позволяющие переопределить повседневную городскую мобильность, которая все больше становится вопросом постоянного поддержания контакта с социальными агентами и цифровыми устройствами.

Дальнейшая работа конференции развернулась в рамках тематических секций. Первая из них, «Города как медиа», была посвящена теоретическим вопросам взаимодействия/проникновения/сосуществования указанных в названии феноменов. **Карри Чендлер** (Curry Chandler; Университет Питтсбурга, США) выступил с докладом «Города как медиа: информация, инфраструктура и интерфейсы», в котором обратился к анализу теоретической традиции рассмотрения города как медиума. Он выделил три подхода к данной проблематике, каждый из которых делает упор на одном из аспектов медиализации города: информации, инфраструктуре или интерфейсах. Соответственно, формируются и три разных концептуализации города: город как медиа; город как феномен, опосредованный медиа; и город как процесс медиатизации. Тема была продолжена в докладе «Цифровой маньеризм в пространстве аэропорта» **Марека Войгашека** (Marek Wojtaszek; факультет

международных и политических исследований университета города Лодзь, Польша). Автор сфокусировался на философских вопросах эстетического потенциала аэропорта в эру «техно-интимности». Секция завершилась докладом «Производство сообществ в медиатизированном городе», представившим результаты коллективной работы исследователей из Университета города Бремен (Германия) **Андреаса Хеппа** (Andreas Hepp), **Себастьяна Кубичко** (Sebastian Kubitschko), **Пита Саймона** (Piet Simon) и **Моники Совинской** (Monika Sowinska). Они подчеркнули, что коммуникация в пространстве города все больше насыщается различными медиа. Особенно это касается молодежи, чья жизнь практически немыслима без мобильных телефонов и постоянного доступа в Интернет. Поэтому при рассмотрении городской коммуникации мы должны учитывать два аспекта: с одной стороны, город служит медиатизированным контекстом взаимодействия важных для молодых людей социальных групп (друзья, спортивные клубы, сверстники и т. п.), а с другой — сам выступает важным «воображаемым сообществом».

Секция «Городская медиатизация, материальность и история» вобрала в себя очень разные по направленности и теоретической перспективе доклады. Выступление **Чезаре Силлы** (Cesare Silla; Католический университет, Милан, Италия) «Медиатизация городской повседневности и генеалогия медийного города» было выстроено в традициях исторической социологии и посвящено распространению в конце XIX в. рекламных плакатов и магазинных витрин как новых сцен социальной жизни, формирующих новые потребительские практики. Именно они, по мнению докладчика, стали первыми шагами к формированию медийного города. В докладе представитель Загребского университета (Хорватия) **Иваны Поднар** (Ivana Podnar), **Феди Вукича** (Fedja Vukić) и **Анки Мишетич** (Anka Mišetić) «Современные городские структуры: типология и значения» внимание было уделено классификации различных городских структур, которые могут быть рассмотрены в качестве каналов коммуникации, на примере Загреба. **Кэтрин Трэвис** (Kathryn Travis; Йоркский университет, Торонто, Канада) выступила с докладом «Осмысливая город через граффити», где подчеркнула понимание граффити как особого вида практики, глубоко укорененной в городском пространстве. Граффити рассматривались ею как особая форма со-бытия (в терминах М. Хайдеггера), имеющая пространственное и временное измерения, по которым можно проследить передвижения в городе и семиотическую трансформацию городского ландшафта. Для реализации этой задачи Кэтрин Трэвис в ходе своего эмпирического исследования парижских граффити использовала комплексную методологию, совмещающую такие инструменты, как фотография, видео- и аудиозапись, письмо и художественные практики. Завершилась секция выступлением **Зорана Курелича** (Zoran Kurelić; Загребский университет, Хорватия) на тему «К вопросу об идее субверсивного парфюма», в котором на примере изменения семантики нескольких марок духов было продемонстрировано, насколько исторически подвижно понимание привлекательности, гендера и сексуальности в городском контексте.

Выступления на секции «Маркетинг воображаемых городов» были объединены общими темами: с одной стороны, имиджем города как важным фактором туристической и экономической привлекательности, а с другой — ролью СМИ (особенно цифровых) в формировании этого имиджа и образа города. Были представлены следующие доклады: «Медиаизируя Гальштат» (**Сьюзен Ингрэм** — Susan Ingram; Йоркский университет, Торонто, Канада), «Книга заявок Матеры, туризм 3.0 и история» (**Эммануэле Курти** — Emmanuele Curti; Университет Басиликата, Италия; **Фрэнк Гоу** — Frank M. Go; Роттердамский университет Эразма, Нидерланды) и «Видеоблоги в модном районе: изобретая заново городскую моду Лос-Анджелеса в цифровом медиаландшафте» (**Маркус Райзенлайтнер** — Markus Reisenleitner; Йоркский университет, Торонто, Канада).

Вторая половина дня была продолжена работой трех секций: «Умные города: дискурсы и технологии», «Чувственные методы в городе» и «Медиаизация городских мегасобытий».

Первая секция была посвящена рассмотрению теоретического концепта «умный город» и возможностей/ограничений его применения для описания различных городских контекстов. На ней выступили **Марко Сантанджело** (Marco Santangelo; Туринский политехнический университет, Италия), **Джордан Фрит** (Jordan Frith; Университет Северного Техаса, США) и **Давид Лампуньяни** (Davide Lampugnani; Католический университет Святого сердца, Милан, Италия). Все они подчеркивали, что разнообразие городских практик и быстрая смена технологий ставит задачу пересмотра и корректировки основных идей, составляющих концепцию «умного города». Только в этом случае последняя может быть эвристическим инструментом, адекватным современным реалиям.

Вторая секция имела методический и методологический уклон и была посвящена возможностям использования аудиометодов для анализа городской повседневности. Докладчики отметили, что город является мультисенситивным пространством, однако его академические исследования характеризуются своеобразным «визуалоцентризмом», фокусируясь на зрительном восприятии города. Доклады данной секции были призваны составить альтернативу такому одностороннему прочтению городской повседневности, для чего их авторы сосредоточили внимание на звуковом ландшафте различных городских пространств. **Жаклин Уолдок** (Jacqueline Waldock; Манчестерский университет, Великобритания) рассказала об опыте изучения звуковой окружающей среды в рабочих кварталах Ливерпуля; **Джон Канненберг** (John Kannenberg; Лондонский университет искусств, Великобритания) — о своей работе по звуковому картированию британских музеев, а **Мери Кютто** (Meri Kytö) из Университета Тампере (Финляндия) остановилась на теоретических вопросах, каким образом использование звукозаписывающих методик в исследованиях меняет восприятие городского пространства и каким образом данные подобных исследований могут быть применены в практике городского планирования и управления.

Доклады третьей секции, как следует из ее названия, были объединены тематикой мегасобытий как факторов развития города и роли СМИ в процессах медийного производства этих событий и имиджа городов, их принимающих. **Сами Коламо** (Sami Kolamo) из Университета Тампере (Финляндия) в своем выступлении рассмотрела футбольные мегасобытия (Чемпионат мира по футболу) как культурно-идеологические феномены, которые организуются преимущественно для телевидения, журналистов и туристов. Это глобальный проект «осознанной перформативности на камеру», который достаточно жестко контролируется ФИФА. Однако даже в таких условиях жители города, принимающего мероприятие, могут проявлять сопротивление, формируя альтернативный медиаобраз события, таким образом осуществляя «драматургический перелом» единого дискурса. Именно тактики гражданского медийного сопротивления в рамках данных событий интересуют исследователя. Профессор Университета Квебека в Монреале (Канада) **Анна-Мария Брудо** (Anne-Marie Broudehoux) также рассуждала о спортивных мегасобытиях в терминах «спектакля». Однако фокусом ее интереса стало влияние освещения этих событий в медиа на конструирование, распространение и продвижение имиджа города-хозяйина события. Докладчица показала, что конструирование этих имиджей несет в себе определенную угрозу: городское пространство начинает демонстрироваться как непополитизированное и непроблематичное, при этом проблемы неравенства, бедности и т. п. вытесняются из публичного дискурса. **Елена Трубина** (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия) рассмотрела взаимодействие СМИ с политическими процессами в условиях организации мегасобытий. Эта проблематика, по мнению докладчицы, становится особо актуальной в последнее время, когда подобные мероприятия все чаще проводятся в странах с развивающейся экономикой и нестабильной политической ситуацией. Особым фокусом внимания стала роль СМИ и формируемого ими имиджа региона в легитимации власти и повышении международного статуса стран-хозяев этих событий. Завершилась секция докладом **Беатрис Гарсии** (Beatriz Garcia; Ливерпульский университет, Великобритания), который был посвящен рассмотрению не спортивных, а культурных событий, в частности проекта «Культурная столица Европы», организуемого Евросоюзом начиная с 1986 г. На примере двух кейсов — Глазго (культурная столица 1990 г.) и Ливерпуля (культурная столица 2008 г.) докладчица продемонстрировала роль медийного освещения этих событий в трансформации имиджа города.

Второй день конференции открылся пленарным докладом профессора Ирландского национального университета в Мейноте **Роба Китчина** (Rob Kitchin), одного из ведущих теоретиков современных городских и медиаисследований [Kitchin 2014; Kitchin, Dodge 2011]. Докладчик подчеркнул, что для функционирования современных городов важнейшее значение приобретает программное обеспечение: оно глубоко и повсеместно внедрено в физическую инфраструктуру города, в практики городского управ-

ления и самоуправления. В результате в большом числе повседневных задач (работа по дому, шопинг, путешествия, общение и т. п.) программное обеспечение влияет на специфические формы, в которых они протекают. На примере Дублина было показано, как город «переводится» на язык программирования, и как последнее трансформирует городскую повседневность и физическое пространство.

Секция «Медиатизация городских трансформаций» вобрала в себя доклады, крайне разнообразные по тематике, но объединенные общим исследовательским вопросом: как распространяющиеся медиа отражают/производят изменения городских практик. **Джеймс Хэй** (James Hay; Иллинойский университет в Урбане-Шампейне, США) рассмотрел влияние различных медиа в становлении теории и практики нелиберального города. **Эрик Гарретт** (Erik Garrett; Университет Дюкейна, Питсбург, США) остановился на процессах и проблемах формирования городской коммуникации между разными социальными группами в процессе решения городских проблем (в частности, проблемы модернизации индустриального наследия). В следующем докладе были изложены основные выводы группового исследования представителей Федерального университета Минас-Жирайса (Бразилия) — **Рафаэля Аларкона Медины** (Rafael Alarcón Medina), **Элис Вернер** (Alice Werner) и **Йары Пеццуги** (Iara Pezzuti). Они рассмотрели, как «цифровой разрыв» между развитыми и развивающимися странами производит новые формы неравенства и воспроизводит классовый порядок. Наконец, в последнем докладе секции, сделанном **Робертом Имре** (Robert Imre; Университет Тампере, Финляндия), был дан ответ на вопрос, как распространение цифровых медиа и социальных сетей трансформирует практику терроризма.

Секция «Политические действия, медиа и городское пространство» объединила доклады, анализирующие роль и место различных СМИ в политическом активизме. **Агата Юнику** (Agata Juniku; Загребский университет, Хорватия) рассмотрела данные вопросы в аспекте использования радио в практиках политического перформанса (на примере деятельности немецкой художественной группы «Ligna»). **Татьяна Локоть** (Tetyana Lokot; Мэрилендский университет в Колледж-Парке, США) выступила с докладом о возможностях использования информационно-коммуникационных технологий для координации и мобилизации волонтерского движения в ситуации политического протеста. Секцию завершило выступление **Пяйви Раннила** (Päivi Rannila; Университет Турку, Финляндия), в котором подчеркивалось, что глобальное распространение цифровых технологий автоматически не приводит к их использованию в обсуждении политических вопросов. Обратившись к примеру Свободного города Христиании¹ в Копенгагене, он показал, что возможен сознательный отказ от использова-

---

¹ Самоуправляемая территория в районе Копенгагена Кристиансхаун, образованная в 1971 г. путем захвата пустующих зданий группами хиппи. С тех пор представляет собой фактически «государство внутри государства».

ния медиапосредников для выработки решений в пользу непосредственного взаимодействия участников дискуссии «лицом к лицу».

Отдельное внимание было уделено вопросам репрезентации города в различных медиа — в кинематографе, в произведениях изобразительного искусства, а также в печатных СМИ. С докладами на эту тему выступили **Улла Ярви** (Ulla Järvi; Финская ассоциация научных редакторов и журналистов), **Сильва Калчич** (Silva Kalčić; Загребский университет, Хорватия), **Эмма Дьюстер** (Emma Duester; Лондонский университет, Великобритания) и **Алан Сальвадо** (Alan Salvado; Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания). Кроме этого, в рамках отдельных панелей обсуждались вопросы городского планирования и участия граждан в разработке проектов по развитию города посредством СМИ (секция «Городское планирование и медиатизированное участие»), а также проблематика пространственного измерения взаимодействия СМИ и города, воплощающегося в неравномерности распределения цифровых технологий, что порождает медийно-насыщенные и медийно-пустые городские локусы (секция «Городские медийные практики и пространства»).

В рамках второго дня работы конференции сотрудники Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС организовали секцию «Цифровые ландшафты постсоциалистических городов», в которой были представлены результаты двух направлений лаборатории — «Медиа и технологии в современном городе» (руководители темы — кандидат культурологии, заместитель заведующего Лабораторией историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС, доцент Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент НИУ ВШЭ **Е. Г. Лапина-Кратасюк** и кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ, РАНХиГС, ведущий научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Полетаева, доцент НИУ ВШЭ О. Н. Запорожец) и «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (руководители темы — доктор филологических наук, профессор Оксфордского университета (Великобритания) и академический директор программы Института общественных наук РАНХиГС А. Л. Зорин и кандидат психологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия) и Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва) Г. А. Орлова).

Выступления участников панели были объединены темой взаимодействия цифровых медиа и жизни нестоличных городов. Выбор такого ракурса был призван составить определенную альтернативу распространенной тенденции описания медиатехнологий на примере крупных мегаполисов. **Екатерина Лапина-Кратасюк** (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, МВШСЭН, Москва, Россия) в своем вступительном слове подчеркнула необходимость смещения акцента городских медиаисследований с крупных городов и гло-

бальных обобщений к более чуткому анализу разнообразных медийных и урбанистических контекстов. Она остановилась на основных принципах разрабатываемого в рамках проекта «Медиа и технологии в современном городе» теоретического подхода, обозначенного авторами как «цифровая антропология» [Horst, Miller 2013; Запорожец, Лапина-Кратасюк 2015]. К этим принципам относятся признание фрагментарного характера дигитализации; акцент на активности человека как создателя и модификатора технологий; необходимость контекстуализации объектов анализа; внимание к возникающим ансамблям, образуемым социальными и медийными агентами; изучение новой материальности цифрового города.

Применение данного подхода было продемонстрировано в докладах участников панели. **Екатерина Лапина-Кратасюк** сделала выступление на тему «Электронное соседство в подмосковных районах: от местных сообществ к новым публичным аренам?», в котором сфокусировалась на роли электронных СМИ в формировании локальных сообществ и в поддержании их коммуникации. Она обратила особое внимание на то, что в современном обществе электронное соседство зачастую предшествует реальному и сохраняет большую активность, даже когда последнее уже возникло. Такие случаи складываются в ситуации строящихся новых районов, когда именно форумы и другие электронные площадки становятся не только пространством знакомства будущих соседей, но и зоной формирования и сплочения сообщества жильцов, способного к выработке и координации совместных действий. Доклад **Оксаны Запорожец** (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, Москва, Россия) «Вторгаясь в городское подземелье» был посвящен процессам медиатизации метро. На примере метрополитена трех российских городов — Москвы, Казани и Санкт-Петербурга — докладчица рассмотрела политику и практику их «вайфаизации» и влияние данного процесса на смыслы и практики пользования метро. Она особо подчеркнула, что формирующаяся доступность Интернета далеко не всегда воспринимается пассажирами положительно, так как метро перестает выполнять функцию «цифрового убежища» — зоны, позволяющей современному горожанину выпасть из плотного, насыщенного коммуникативного цифрового пространства. В докладе «Городская навигация в цифровую эпоху» **Юлия Епанова** (Самарский государственный аэрокосмический университет; РАНХиГС, Москва) продолжила тему связи городской мобильности и новых цифровых технологий, но в другом аспекте. Она представила результаты изучения практик использования мобильных приложений в процессах городской навигации пассажиров (на примере Самары). Основной исследовательский интерес был сосредоточен на том, насколько применение подобных приложений изменяет логику и опыт передвижения по городу, а также субъективное восприятие городского пространства. Работу секции завершил доклад **Александры Касаткиной** (Музей антропологии и этнологии РАН, Санкт-Петербург; РАНХиГС, Москва, Россия) «Производство знания — производство сообщества: городская социальность в краеведческих социальных

медиа». Докладчица обратилась к производству городской памяти и роли цифровых площадок в этом процессе. На основе исследования, проведенного в Обнинске, она пришла к выводу, что именно эти площадки обеспечивают межпоколенческий и межинституциональный диалог, разрушая монополию старших поколений и официальных структур на производство городской истории и вывода в публичное пространство новых субъектов памяти.

На завершающем конференции круглом столе были подведены основные итоги двухдневной работы и намечены перспективы дальнейшего сотрудничества.

Литература

- Запорожец, Лапина-Кратасюк 2015 — *Запорожец О. Н., Лапина-Кратасюк Е. Г.* Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 4. С. 41–54.
- Horst, Miller 2013 — *Digital anthropology* / Ed. by H. A. Horst, D. Miller. London: Bloomsbury, 2013
- Kitchin 2014 — *Kitchin R.* The data revolution: Big data, open data, data infrastructures and their consequences. London: SAGE, 2014.
- Kitchin, Dodge 2011 — *Kitchin R., Dodge M.* Code / space: Software and everyday life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

URBAN MEDIA STUDIES, MOBILITY AND «NETWORKED INDIVIDUALISM»

ECREA Media & the City 2015 Conference «URBAN MEDIA STUDIES: CONCERNS, INTERSECTIONS AND CHALLENGES»
University of Zagreb, Faculty of Political Science, 24–25 September 2015

Epanova, Yulia V.

PhD (Candidate of Science in Culture Studies)

Senior Lecturer, Department of Sociology, Samara State Aerospace University

Russia, 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34

Tel.: +7 (846) 335-18-26.

Research Fellow, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Academy and Public Administration

Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (499) 956-96-47

E-mail: epanova77@gmail.com

Abstract. This is an overview of the conference «Urban media studies: concerns, intersections and challenges», held at the Faculty of Political Science, University of Zagreb (Croatia) on 24–25 September 2015. The review includes a description of the basic theoretical, methodological and empirical studies presented within the framework of the thematic sessions and plenary presentations.

Keywords: city, media, digital media, urban studies, media studies

References

- Horst, H. A., Miller, D. (eds.) (2013). *Digital anthropology*. London: Bloomsbury.
- Kitchin, R. (2014). *The data revolution: Big data, open data, data infrastructures and their consequences*. London: SAGE.
- Kitchin, R., Dodge, M. (2011). *Code / space: Software and everyday life*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Zaporozhets, O. N., Lapina-Kratasiuk, E. G. (2015). Antropologija tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda [The anthropology of Digital City: in search of methodology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2015(4), 41–54. (In Russian).
- EPANOVA, IU. V. (2006). URBAN MEDIA STUDIES, MOBILITY AND “NETWORKED INDIVIDUALISM”. *SHAGI / STEPS*, 2(1), 257–267

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

2016, 2 (1)

Основан в мае 2015 г.
Established in May, 2015

Научный редактор

М. В. Ахметова

Редактор английского текста

Х. Баран

Корректурa

Е. П. Шумилова

Верстка, дизайн

В. Ф. Лурье

Academic Editor

M. V. Akhmetova

English Language Editor

H. Baran

Copy Editor

E. P. Shumilova

Layout Editor, Designer

V. F. Lurie

ISSN 2412-9410

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: Russia, 119606, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, corpus 9

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

The journal is published by The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

© Авторы

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors